

**Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики**

**Австро-Венгрия:
интеграционные процессы
и национальная специфика**

**Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики**

**Австро-Венгрия:
интеграционные процессы
и национальная специфика**

Посвящается 1000-летию Австрии и 1100-летию Венгрии

Москва, 1997

Сборник подготовлен при поддержке программы «Высшее образование» Института «Открытое общество»

Редколлегия:

Т. М. Исламов, Е. Н. Масленникова, И. В. Попова, О. В. Хаванова
(ответственный редактор)

Рецензенты:

доктор филологических наук Л.А. Софронова
кандидат исторических наук Е.В. Котова

**Австро-Венгрия: интеграционные процессы и
национальная специфика. М.: ИСБ РАН, 1997. 318 с.**

В сборнике представлены статьи отечественных и зарубежных историков, культурологов, литературоведов и историков искусства по проблемам социально-политического и культурного развития Австро-Венгерской монархии. Преодолевая односторонний взгляд на государство Габсбургов как «тюрьму народов», авторы показывают, как в результате многовекового совместного проживания в едином полиэтническом государстве народы Дунайской монархии не только приобретали горький опыт межнациональной розни, но и вырабатывали механизмы мирного сосуществования различных этносов, обогащали свою национальную культуру лучшими достижениями культур других народов.

ISBN 5-7576-0059-4

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997

© Коллектив авторов, 1997

ОТ РЕДАКТОРОВ

В ноябре 1996 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН прошла международная научная конференция *«Историко-культурная ситуация в Средней Европе: интеграционные процессы и национальная специфика, 1867-1918»*, организованная Центром по изучению истории Австрии и Венгрии ИСБ РАН при участии Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ и финансовой поддержке Института «Открытое общество».

Представители ведущих исследовательских и учебных центров собрались, чтобы обсудить проблему перехода от изучения и преподавания истории Средней (Центральной) Европы как совокупности национальных культур, что нередко ведет к националистическим искажениям и питает разрушительную идею национальной исключительности, к рассмотрению истории региона как единого целого, во всем многообразии происходивших в нем историко-культурных процессов.

В отечественной исторической науке многие годы господствовала концепция, согласно которой крупнейшее государственно-политическое образование Центральной Европы, империя Габсбургов (с 1867 г. Австро-Венгерская монархия), называлась «тюрьмой народов». Преимущественное внимание уделялось изучению национально-освободительных движений, углублению социальных и межнациональных противоречий, выявлению национальной специфики историко-культурных процессов в регионе. Между тем, многовековое сосуществование даже очень разных народов в рамках полиэтнического государственного образования, каким была Габсбургская монархия, не могло пройти для них бесследно. Задача науки — раскрыть и всесторонне изучить это явление, не идеализируя и не ступая краски.

Безусловно, Австро-Венгрия не была «идеальным общежитием», политическая система монархии была далека от совершенства, имело место социальное и национальное неравенство, но в ней господствовал либеральный режим, и до «тюрьмы» ей было далеко. В рамках Австро-Венгрии произошло становление большинства современных центральноевропейских, в том числе славянских наций, стал возможным расцвет их культур, что вряд ли мыслимо при «тюремном режиме». Вот почему важен реалистический подход к изучению этих явлений в конкретно-исторических обстоятельствах и в сравнительно-исто-

рической перспективе, нужен непредвзятый анализ в строгом соответствии с исторической действительностью.

Мы исходили из того, что пришло время заменить упрощенный, черно-белый образ Австро-Венгерской монархии как «тюрьмы народов» на многомерное цветное изображение, в котором такие несомненно имевшие место явления, как экономическая эксплуатация, национальное угнетение или социальное неравенство уравнивались бы объективно-историческими процессами консолидации на основе бурного экономического развития, укрепления социальных связей, урбанизации и культурной интеграции, несомненно ускорившихся на рубеже XIX – XX вв.

Сборник включает в себя переработанные тексты выступлений участников конференции, а также статьи тех ученых, которые не смогли принять в ней участия. Статьи в большинстве своем охватывают хронологически целостный период в истории Центральной Европы, эпоху австро-венгерского дуализма (1867 – 1918). Это, как показали три дня работы конференции, позволяет объединить усилия специалистов по разным странам и представителей различных дисциплин — историков, этнографов, культурологов, литературоведов, историков искусства — для наиболее полного раскрытия процессов интеграции и национального самовыражения в регионе.

В первом разделе — ««Дружная семья» или «тюрьма народов»?..» — представлены статьи по проблемам социально-политического и этнонационального развития народов региона. Авторам была предоставлена полная свобода в оценках политической системы австро-венгерского дуализма со всеми ее преимуществами и недостатками. В результате, в сборнике соседствуют статьи, в которых акцентируются как положительные, так и отрицательные стороны вхождения центральноевропейских народов в Габсбургскую монархию, что, по всей вероятности, отражает неравнозначность последствий национальной политики австрийских властей по отношению к отдельным народам.

Второй и третий разделы — «Культурный ландшафт Австро-Венгрии» и «Der Zeit ihre Kunst...» — посвящены проблемам культурных взаимодействий поверх этнических, конфессиональных, административных и государственных границ. Авторы исследуют проблемы зарождения национальных мифов и их соотносительности с политическими и культурными доминантами общественного сознания, дихотомию притяжений и отталкиваний господствующей (австро-немецкой и/или венгерской) культуры с культурами неполноправных на-

родов монархии. В результате из отдельных, порой узкоспециальных исследований складывается целостная картина культурного диалога деятелей культуры и искусства Центральной Европы.

Четвертый раздел — «Австро-Венгрия и Россия» — посвящен политическим и культурным аспектам взаимодействия Австро-Венгрии и населявших ее народов с Россией. Международные отношения, интерес, проявлявшийся общественностью обеих империй друг к другу, литературные, музыкальные, художественные контакты Австро-Венгрии и России — все это свидетельства веками складывавшихся связей, являвшихся немаловажным фактором развития центрально-европейского региона.

Сборник является продолжением серии публикаций Центра по изучению истории Австрии и Венгрии — «Австро-Венгрия: опыт многонационального государства» (1995) и «Центральная Европа как исторический регион» (1996). Надеемся, что опыт будет продолжен и историческая наука обогатится новыми исследованиями, приближающими нас к пониманию сложности и многоплановости историко-культурного развития Центральной Европы в Новое время.

Благодарим сотрудников программы «Высшее образование» Института «Открытое общество» за поддержку проекта.

Организация и проведение представительной международной конференции, как правило, требует объединения усилий многих людей. Наша особая благодарность участникам конференции и соавторам этого сборника Н. М. Мироновой, С. А. Романенко, А. С. Стыкалину, Т. И. Чепелевской, помогавшим оргкомитету как на подготовительном этапе, так и в ходе работы конференции. Мы также признательны за помощь в проведении конференции сотрудникам ИСБ РАН А. В. Будимир, Е. В. Дубровиной, Г. И. Еремеевой, Ч. Б. Желицки, Н. П. Ивановой, В. И. Кругловой, Н. С. Стукаловой, Н. М. Филатовой.

Благодарим ведущего редактора ИСБ РАН Н. Б. Стахееву за компьютерный набор и директора множительного центра факультета иностранных языков МГУ И. В. Павловского за изготовление оригинал-макета и тиража книги.

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Благодарю Вас за приглашение и возможность выступить на открытии этой международной конференции. Я тем более рад этому, что тема, которую Вы будете обсуждать, относится к эпохе, наложившей большой отпечаток на Австрию и определившей национальное самосознание австрийцев. В этой связи позволю себе высказать некоторые соображения не как эксперт, а как дипломат, который должен излагать историю своей страны в исторической перспективе.

Когда мои соотечественники оглядываются на конец XIX — начало XX вв., они ощущают эту эпоху как время безопасности. Известный австрийский писатель Стефан Цвейг в предисловии к своей книге «Вчерашний мир» выразил это в особо характерной манере:

«Когда я пытаюсь найти надлежащее определение для той эпохи, что предшествовала первой мировой войне и в которую я вырос, мне кажется, что точнее всего было бы сказать так: это был золотой век надежности. Все в нашей почти тысячелетней Австрийской монархии, казалось, рассчитано на вечность, и государство — высший гарант этого постоянства. Права, которые оно обеспечивало своим гражданам, были закреплены парламентом, этим свободно избранным представителем народа, а каждая обязанность строго регламентирована. Наша валюта, австрийская крона, имела хождение в чистом золоте, что гарантировало ее устойчивость. Каждый знал, сколько он имеет и сколько ему полагается, что разрешено, а что запрещено. Все имело свою норму, свой определенный размер и вес.

Все в этой обширной империи прочно и незыблемо стояло на своих местах, а надо всем — старый кайзер; и все знали (или надеялись): если ему суждено умереть, то придет другой, и ничего не изменится в благоустроенном порядке. Никто не верил в войны, в революции и перевороты. Все радикальное, все насильственное казалось уже невозможным в эру благоразумия».

Возникает вопрос, почувствовали ли также славяне и представители других национальностей это время как время надежности или у них остались совсем другие воспоминания?

Что касается гибели Австро-Венгерской монархии, С. Цвейг, кажется, склонен к следующему объяснению. Я резюмирую его мысли. Люди в Австрии — в первую очередь, конечно, высшие слои общест-

ва — были проникнуты слепой, даже высокомерной верой в стабильность этой безопасности и верой в непогрешимую силу, которой обладает терпимость и желание идти друг другу навстречу. Они думали, что границы между нациями и вероисповеданиями постепенно сотрутся, и даже проблема проблем — нищета народных масс — не казалась им непреодолимой.

Сегодня, глядя назад, нам совершенно ясно, что наши соотечественники недооценили динамику развития общества, будь то «разрушительные движущие силы ада», под впечатлением которых находился З. Фрейд, или позитивные силы, стремящиеся вперед, которые хотели бы преобразовать государство в сторону большей демократии, автономии и гражданского общества. К таковым позитивным силам можно было бы отнести и разумный национализм.

То, что на рубеже XIX – XX вв. в создание Австрии не удалось включить позитивные силы национализма, то есть патриотизм, явилось, несомненно, одной из причин распада монархии. Баланс между разными национальностями не был найден. В Австрии руководство не поняло путь национализма. Мне вспоминаются слова К. Меттерниха: «Мой письменный стол — моя мобильная родина».

Как мы знаем, С. Цвейг ушел из жизни разочарованным человеком, человеком без родины, человеком, который в Англии, в первой стране своей эмиграции, как ни странно, считался «немцем», то есть «*enemy alien*». Таким образом, он был вынужден принадлежать к народу, к которому, по собственному выражению писателя, «австриец никогда и не принадлежал». Следовали потрясения второй мировой войны, и немыслимый возврат человечества в давно забытое варварство с его осознанно программными догмами антигуманности, и разгар гитлеровского тоталитаризма. Крах этого режима привел к процессу очищения в Европе, создавшему новую ситуацию. Впервые в истории возникла реальная надежда возможного мирного объединения Европы. Трудности и противоречия, которые привели к разрушению старой Австрии, не забыты.

Западноевропейские страны, создавшие интеграционное пространство под названием «Европейский Союз», положили этому начало. И все народы, которые хотят присоединиться к ЕС, имеют доверие к этому проекту. В их числе и государства, на которые распалась Австро-Венгерская монархия. Австрийская республика — единственное из этих государств, которое уже является членом Европейского Союза. В соответствии с логикой истории и географии Австрия принадлежит к числу тех стран, которые наиболее твердо выступают за вступ-

за. В соответствии с логикой истории и географии Австрия принадлежит к числу тех стран, которые наиболее твердо выступают за вступление в ЕС государств, с которыми она в прошлом жила под одной государственной крышей.

Наша общая история поможет, как мы надеемся, строить эту новую Европу. Надеемся, что память о неудачах предохранит нас от этих же ошибок. Чувство общности, которое, естественно, не всегда можно выразить статистически, способствует тому, что мы часто занимаем сходные позиции.

Будем надеяться, что в конечном счете Стефан Цвейг со своей разочарованностью был неправ, когда сказал: «Главная задача, над которой я работал в течении сорока лет со всей силой своего убеждения — мирное объединение Европы — так и не была решена». Начало уже положено. Вчерашний мир погиб, но потомки будут вспоминать его и смогут построить новое на основе нашей общей истории. И в Центральной Европе мы начинаем работу над общим домом Европы не с нуля. Я убежден в том, что Австро-Венгерская монархия — при всех ее недостатках — явилась этапом на пути к этой Европе. ление в ЕС государств, с которыми она в прошлом жила под одной государственной крышей.

Наша общая история поможет, как мы надеемся, строить эту новую Европу. Надеемся, что память о неудачах предохранит нас от этих же ошибок. Чувство общности, которое, естественно, не всегда можно выразить статистически, способствует тому, что мы часто занимаем сходные позиции.

Будем надеяться, что в конечном счете Стефан Цвейг со своей разочарованностью был неправ, когда сказал: «Главная задача, над которой я работал в течении сорока лет со всей силой своего убеждения — мирное объединение Европы — так и не была решена». Начало уже положено. Вчерашний мир погиб, но потомки будут вспоминать его и смогут построить новое на основе нашей общей истории. И в Центральной Европе мы начинаем работу над общим домом Европы не с нуля. Я убежден в том, что Австро-Венгерская монархия — при всех ее недостатках — явилась этапом на пути к этой Европе.

27 ноября 1996.

«ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ» ИЛИ «ТЮРЬМА НАРОДОВ»?..

В. И. Фрейдзон

НЕ УВЛЕКАТЬСЯ КРАЙНОСТЯМИ

Историку, поставившему перед собой задачу всесторонней оценки места Австро-Венгрии в истории дюжины населявших ее народов, прежде всего желательно пройти курс умственной эквилибристики или «навигацкой школы». Это необходимо чтобы, не теряя способности к логическому мышлению, не поддаваясь искушению ностальгии, поискам ни рая, или золотого века, ни ада («тюрьма народов»), попытаться провести свой корабль между подводными скалами...

Действительно, Австро-Венгрия, наследник «старой» Австрийской империи, способствовала разностороннему сближению населявших ее народов — экономическому и культурному¹. Более того, в отличие от периода до 1848 г., Цислейтания шаг за шагом развивалась в сторону либерального государства, что было условием успешного формирования населявших ее наций. Венгерское королевство в этом отношении отставало, но и здесь в политическом строе имелись значительные очаги либерализма.

Что в экономическом отношении объединяло народы полиэтнического государства? Его Величество Общий Рынок. Именно на рынке поляк или австрийский немец, мадьяр или чех выступали как формально равноправные товаровладельцы. Перефразируя известную еще со средних веков немецкую поговорку, можно утверждать: воздух рынка делает свободным.

Если сравнить Австро-Венгрию с соседней Российской империей, то западные территории последней (Польша, Прибалтика) по социально-экономическому уровню относились или приближались к типу средневропейских стран, там имелась соответствующая социальная структура, а в Польше и Литве — и богатая традиция. Это способствовало развитию национального самосознания; на остальной необъ-

ятной территории империи имелись лишь отдельные изолированные очаги такого рода (Татария, Грузия), огромное же большинство народов еще не поднялось до развитого национального самосознания. Следствием данного обстоятельства (плюс режима самодержавия) было то, что в империи решающее (скажем: роковое) значение имели не национальные проблемы, а чудовищное пренебрежение со стороны правящих кругов интересами десятков миллионов русских и украинских крестьян — кормильцев и защитников отечества.

Иная историческая социально-культурная обстановка сложилась в монархии Габсбургов в последней трети XIX — начале XX в. Здесь все народы, хотя и в разной степени, находились на стадии развитой этничности, все уже обладали сформировавшейся национальной идеологией. К указанному периоду относится завершение в основном процесса складывания наций в Средней Европе. Время Л. Кошута и Ф. Деака, Л. Штура и Ф. Палацкого, С. Милетича, А. Старчевича и др. было позади. Национальная идеология, «пропущенная» сквозь тот или иной социальный интерес (крупных, средних или мелких помещиков, аграрной, банковской, торговой и промышленной буржуазии, мелкой буржуазии и рабочих), определяла формулирование национальных программ. Эти программы разных народов серьезно отличались друг от друга, нередко вступали в противоречие между собой.

Люди, формально свободные на рынке капитала и труда, естественно стремились быть и политически свободными. Причем не только лично, а вместе со всей своей нацией, гарантом их свободы в сфере политики, экономики и культуры, защитником их интересов. И вот тут-то они наталкивались, как оказалось, на непреодолимые и не преодоленные до 1918 г. препятствия.

Мешало само дуалистическое устройство Австро-Венгрии. Реформировать его можно было только путем установления диктаторского режима. Чехи, словенцы, словаки, украинцы, хорваты, сербы, румыны, а случалось, даже венгры и поляки, ощущали свое неравноправие. Это не значит, что они издавна в своей массе стремились к созданию независимых государств, хотя у народов, оказавшихся в особо неблагоприятных экономических обстоятельствах, такие идеи распространялись особенно со времени провала австрофедералистских надежд в 1848 – 1849 годах. (Другой случай — сильное воздействие живой традиции недавно существовавшей национальной государственности у поляков).

Далматинские хорваты десятки лет добивались прокладки железнодорожного пути в Хорватию и Словению, т. е. обеспечения своим

портам доступа к европейским рынкам, или пути в Боснию, т. е. связи с балканским тылом, способным оживить захиревшие гавани в Дубровнике, Сплите, Задаре и др. Но власти не хотели упрочения связей между южнославянскими землями, и дорога от Сплита до Загреба была открыта только в 1925 г., т. е. в Югославии. Практически такая же ситуация имела место на боснийском направлении, жизненно важном для Далмации. В Хорватии изданы два тома объемом свыше 1100 страниц, в которых собраны тексты проектов железных дорог, в частности для связи востока страны с Приморьем. Эти проекты писались и представлялись властям с 1825 по 1863 г.² Но дороги строились в интересах господствовавших наций — из Вены и Будапешта к окраинам державы, а позднее — и в Боснию. Когда в 80-х годах XIX в. путем прокладки нескольких соединительных веток Славония наконец получила связь с Риекой, венгерское министерство установило тариф, согласно которому возить грузы в Риеку из Хорватии-Славонии было дешевле через Будапешт, хотя это было в два-три раза дальше. Следовательно, реального равноправия наций не было и «на рынке». Но рынок побуждал к борьбе за равноправие.

Стоит ли удивляться тому, что маленькая (полумиллионная по населению) Далмация в 1914 – 1918 годах дала главных среди хорватов противников сохранения государства Габсбургов (Ф. Супило, А. Трумбича и др.)?

А как сказались на настроениях чехов крах «языковых распоряжений» К. Бадени (1897)? На настроениях малого словенского народа — кровопролитие, вызванное попыткой словенцев созвать сессию своего культурно-просветительного общества (всего только!) в Штирии (1908)? На настроениях словаков, желавших иметь в своем селе священника-словака и за это обстрелянных жандармами? Можно вспомнить закрытие словацких гимназий или режим К. Кузна-Хедервари в Хорватии, суд над трансильванскими лидерами в Будапеште (1894) и т. д.

«Тюрьмы» не было, но и от благодати было далеко. Не надо увлекаться крайностями.

К активной антигабсбургской позиции славянские народы, даже экономически процветающие чехи, пришли постепенно. Целый ряд обстоятельств побуждал их и после 1848 г. к выдвижению австрофедералистских, триалистских или автономистских программ (до 1860 г. этой линии придерживались даже наиболее далекие от имперских интересов сербы, главные центры которых находились вне империи). Центробежным тенденциям противостояли центростремительные.

Подробно на этих обстоятельствах мы здесь не можем останавливаться, но среди них были как экономические, так и международно-политические, и, наконец, даже религиозные. Лишь неоднократные разочарования постепенно убеждали национальных лидеров в том, что решить национальный вопрос в составе империи не удастся...

Объективно главной причиной возникшего тупика являлась этно-социальная структура Австро-Венгрии. Так, в Венгерском королевстве (кроме части Хорватии) высшим классом оставалась мадьярская земельная аристократия, все прочнее связывавшаяся с банковским и промышленным капиталом. Имения мадьярских помещиков были расположены на всей территории королевства, в частности, в национальных областях. При этом в деревне сохранялись значительные остатки старых отношений — кабала, отработки, натуральная аренда и т. п. Ни о какой федерализации королевства по национальному принципу в этих условиях нечего было и думать. Разве была возможна равноправная федерация словацкого бедняка с венгерским магнатом?

Поэтому, когда говорят о том, что лишь полная демократизация политического строя могла способствовать решению национальных проблем, нельзя забывать, что для этой демократизации были необходимы коренные социальные изменения. Габсбургам ли было их осуществить? Но имела место и еще одна проблема, осложнявшая положение. Это обширные территории со смешанным населением. Даже при сближении этносоциальных структур эта проблема не могла быть решена просто. И все же, на протяжении десятилетий народы Средней Европы по своей структуре неизбежно бы выравнивались (мы имеем в виду полную структуру гражданского общества) и — помечтаем — возможно, в конце концов смогли бы договориться.

Тенденция к сближению между народами Европы, диктуемая прежде всего, но не только, их экономическими потребностями, хотя и медленно, но прочно осуществляется только между народами свободными, по их свободно выраженной воле (что не означает обязательного, повсеместного создания независимых государств).

Тот процесс, который мы наблюдаем сейчас на Западе, — результат многих десятилетий развития высоких технологий, средств связи, интеллектуализации труда, невиданного подъема его производительности. Тем не менее процесс идет с трудом, при бесчисленных переговорах, — но только так и может быть, когда *согласуются* интересы свободных народов. Монархия Габсбургов в этом отношении принадлежала совсем к другой эпохе, иной цивилизации, поэтому реальную Австро-Венгрию нельзя рассматривать как предшественника Евро-

пейского Сообщества.

Тем не менее, это государство могло сохраниться, сберечь и развить то немалое положительное, что было достигнуто. Прежде всего нужно было одно — обеспечение мира. Ирония истории проявилась и здесь. Обязательно ли было 28 июля 1914 г. нападать на Белград?

¹ Об этом см.: *Исламов Т. М., Фрейдзон В. И.* Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // *Европейский альманах*. М., 1992.

² *Prijedlozi i prjekti željezničkih pruga u Hrvatskoj*. I – II. Zagreb, 1975.

ОТ ГОСУДАРСТВА-РЕГИОНА К РЕГИОНУ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ. АВСТРО- ВЕНГРИЯ И СРЕДНЯЯ ЕВРОПА

В настоящее время особый научный интерес, за которым стоят реальности этнополитического развития Европы — распад многонациональных государств и усиление конфликтности межэтнических отношений, рост активности национальных и сепаратистских движений — вызывает проблема историко-географических регионов. Модель регионального объединения нескольких государств и многих этносов рассматривается как альтернатива существовавшему до сих пор национально-государственному устройству, основанному на исключительных правах одного государствообразующего этноса в рамках «своего» государства по отношению к другим этносам, являющимся национальными меньшинствами. Модель регионального объединения рассматривается как сочетание этнического и территориального деления на принципах и в форме федерации в рамках более обширного полиэтнического и полигосударственного объединения этносов и государств, имеющих общую историю, традиции культуры, в том числе и политической, сложившиеся экономические интересы. В ряде случаев речь идет о воссоздании такого региона, каковым является Средняя Европа, разрушенная в результате второй мировой войны. Ялта и Потсдам означали именно разрушение региона, этнические и государственные противоречия в котором не в последнюю очередь привели к двум мировым войнам.

Европейский регионализм представляет из себя, помимо прочего, реакцию на рост этнического национализма и сепаратизма, попытку построения мирного, бесконфликтного сообщества народов — полиэтнического, поликонфессионального, полигосударственного. Региональная общность ныне часто рассматривается как альтернатива моноэтническому и полиэтническому государству, как попытка избежать этнических чисток и национального угнетения, найти демократический вариант решения межэтнических проблем и обеспечить стабильность границ и межгосударственных отношений, возможность урегулирования этнотерриториальных претензий европейских государств друг к другу. При этом федеративная форма государственного устройства отождествляется с демократией.

С другой стороны, остается открытым вопрос: не влечет ли за собой регионализация утрату этнической и национальной идентичности? Ведь политика, направленная на политико-юридическое оформление такого рода общности, может повлечь рост этнического национализма и привести к результату, обратному желаемому. Например, опрос, проведенный в феврале 1997 г. журналом «Europe», показал, что молодое поколение вовсе не стремится к утрате национальной идентичности и ликвидации государственных границ, как представлялось ранее. Если последующие исследования подтвердят этот вывод, то под вопросом окажется и представление о некоем поступательном прогрессивном развитии сознания. Социальный прогресс, уровень жизни и общность политических интересов не снимают проблем, связанных с развитием европейских этносов и их самосознания. Не является ли это очередным вариантом создания «новой исторической общности»? Последствия таких попыток на основе тоталитарной системы в СССР и СФРЮ хорошо известны.

Региональное сознание в различные исторические периоды и в разных исторических условиях может играть как объединяющую роль в государстве, совпадать по направленности с внутриэтнической интеграцией, так и способствовать распаду многонациональных и полиэтнических государств, в особенности находящихся на границе двух или нескольких историко-географических регионов, противоречить процессу внутриэтнической интеграции.

Историческим результатом проходивших в конце XIX — начале XX вв. процессов национального самоопределения и формирования историко-географического региона стало превращение большей части Средней (Центральной) Европы из полиэтнического, многонационального государства-региона в регион национальных, независимых, но образовавшихся на полиэтнической территории государств, что и было зафиксировано в Версальской системе.

С этой точки зрения основная проблема обозначенного периода для данного региона, наряду с проблемой взаимоотношений между этносами, социумом и государством, заключалась в соотношении и отношении этнической общности и трех типов более крупных интегрирующих общностей, в состав которых неизбежно входил каждый данный этнос: многонационального государства, историко-географического региона и полиэтнической общности. Особенность развития Центральной Европы как региона состояла в том, что большая часть его территории и населявших ее народов находилась в течение нескольких веков в составе одного государства — Австрийской импе-

рии, а затем Австро-Венгерской монархии. Но это обстоятельство не делало процессы внутригосударственной и региональной самоидентификации этносов в процессе их самоопределения абсолютно схожими. Эти два процесса развивались одновременно, то односторонне, то параллельно, то сталкиваясь между собой.

Идея политического самоопределения в сознании каждой этнической общности возникает на этапе, совпадающем исторически с переходом от средневековья к Новому времени. В этот момент этническая общность становится субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права. Национальное самоопределение (политический лозунг, правовой принцип, стадия в этнополитическом развитии) является отражением в идеологии и психологии синтеза этнического и политического сознания.

Если под понятием «самоопределение» понимать только политико-правовой акт создания национального независимого государства, то сотрется грань между самоопределением и сепаратизмом. Поэтому национальное самоопределение необходимо рассматривать не только как единовременный политико-правовой акт, но и как имеющий длительную историческую протяженность этнополитический и психологический процесс, находящий свое выражение в политических лозунгах, правовом принципе и психологической самоидентификации и имеющий у разных народов Европы хронологические, национальные и региональные отличия.

Но самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и созданию национального государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения, как было принято считать с конца XIX в. Понятие политического самоопределения объемнее государственного самоопределения. Оно включает в себя не только создание исполнительных органов государственной власти, представительных учреждений и суда, но и политических партий, национальных движений, электората, формирование политического самосознания.

Требование политического самоопределения отдельной этнической общности далеко не всегда выступает в многонациональном государстве в роли дезинтегрирующего фактора. Часто полагают, исходя из ленинского понимания национального вопроса, обусловленного лишь целью революционного разрушения существовавших государств, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциями и даже со-

ставляют их основу; а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центростремительные тенденции. При этом отождествляются экономическая интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, децентрализация, самоуправление и автономия — с другой.

Но исторический парадокс состоит в том, что на определенном этапе или в определенных исторических ситуациях в развитии многонационального государства централистская политика вкупе с социальным консерватизмом начинала противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтнических отношениях, вела не к сохранению единства государства, а к его развалу; а этнообразующие, разрушительные на первый взгляд тенденции, опираясь на последовательный демократизм, наоборот, объективно могли создать основу для сохранения единого многонационального государства при преобразовании его политической системы и национально-государственного устройства.

Сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не тождественна ни требованию выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии свидетельствуют о поддержке сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ. В 1900 – 1910-х годах существовало несколько возможных вариантов исторического развития полиэтнического и многонационального государства Габсбургов — в области социальной, политической, национально-государственной и национально-территориальной.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Как сто лет назад власть имущие не принимали проекты федерации, так и в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. коммунистические правители шарахались от слова «конфедерация», не сумев понять, что именно осуществление этих проектов в конкретных исторических условиях позволило бы народам добровольно, мирно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве в переходный период определения своей дальнейшей судьбы, для мирного самоопределения. Каждый народ

искал свои пути обретения самоопределения и его формы. Это длительный процесс, не заверченный и сегодня, а не только политический лозунг или правовой принцип. Его невозможно достичь в результате единовременного политико-революционного акта.

С середины XIX в. в Средней и Восточной Европе идет активный процесс самоопределения народов, принадлежавших к разным крупным полиэтническим общностям — славянской, германской, угро-финской. Каждый из принадлежавших к ним народов неизбежно рассматривал себя как неотъемлемую часть более крупного сообщества, исторически раздробленного государственными границами. Осознание этой принадлежности было — хотя и с различной степенью интенсивности и в разных формах — неотъемлемой частью национального самосознания каждого народа, служило психологическим и идеологическим обоснованием легитимности требования национального самоопределения (в разных формах). В этом состояло одно из существенных отличий процесса национального самоопределения в Средней и Восточной Европе от Западной Европы, не говоря уже о том, что он начался гораздо позже и в иной исторической обстановке. Жившие часто на одной территории разные средне- и восточноевропейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом XIX в. «одна территория — одна нация — одно государство». Таким образом, второй отличительной чертой развития Средней Европы как региона с запаздывающим развитием процесса модернизации, с одной стороны, и с долговременным проживанием на одной территории разных этносов и отсутствием четких (в том числе и политических) границ этнических территорий, с другой, было иное содержание этого принципа. Здесь он воспринимался как «одна национальность — одна территория — одна нация — одна конфессия — одно государство». При этом зачастую отождествлялось понятие «нация» и «национальность» («этнос»).

Трактовка известного принципа «одна нация — одна территория — одно государство» деятелями национальных движений в Средней и Восточной Европе отличалась тем, что под «нацией» (т. е. гражданской политической полиэтнической общностью) понималась «национальность» (моноэтническая социально не структурированная и незрелая в гражданском смысле общность).

Возникает вопрос: может ли полиэтническая общность в принципе или хотя бы некоторые ее разновидности быть субъектом государственного права? Естественно, что таковым может быть и является по

определению само государство. С другой стороны, исторический опыт показывает, что полиэтничная общность, основанная на родстве культуры и происхождений таковым субъектом быть не может. Что же касается полиэтничной общности в форме региона, то вопрос остается открытым.

Региональная идея и региональное сознание в разные исторические периоды служили основой разных тенденций и различных форм национального самоопределения. Они могут стать основой и для предотвращения межэтнических и межгосударственных конфликтов, и для их возникновения. Они могут быть использованы как для сохранения многонационального государства (если опираются на процесс межэтнической интеграции), так и для его разрушения (если опираются на процесс внутриэтнической консолидации), для распада многонациональных и полиэтничных государств.

Существует три вида общностей, в рамках которых проходит процесс национального самоопределения каждой этнической общности: полиэтничная общность, основанная на этнокультурном родстве, историко-географический регион и многонациональное и полиэтничное государство. Каждой такой полиэтничной общности присущи свои характерные черты и свои механизмы самоопределения в ней этноса. Нельзя не отметить и еще один вид полиэтничной общности — конфессиональную, но ее взаимоотношения с остальными типами и ее роль составляют предмет отдельного исследования.

Характерными чертами, определяющими региональную общность, являются общность судьбы и территории, независимо от этнического происхождения, населения данной территории, общность экономического уклада, общность сознания, общность культуры, в том числе и политической. В результате возникает представление об общности территории, но не как собственности данной общности, поскольку границы этнической территории и территории государства далеко не всегда совпадают с границами региона. Можно говорить и об определенной экономической общности, выражающейся в связи производства и торговли.

До 1918 г. соотношение внутриэтнической и региональной интеграции определялось значительным совпадением последней с государственной в рамках Австро-Венгрии. Но региональная общность не предполагает насильственной ассимиляции. Регион в отличие от государства всегда полиэтничен; его границы не совпадают с территорией расселения полиэтничной славянской, угро-финской или германской общностей.

Механизм самоопределения этноса в регионе предполагает осознание населением разной этнической и государственной принадлежности общности своей исторической судьбы, общности мировосприятия и психологии, формирование особых традиций межэтнических отношений, осознание принадлежности к одним ценностям, формам политической жизни, экономической общности как взаимосвязи.

В период новой истории регион Средней Европы во многом совпал с многонациональным и полиэтническим государством Габсбургов. Для многонационального государства как разновидности полиэтнической общности характерны общность подданства, гражданства (в этом отношении оно совпадает с нацией), общего правового пространства, экономики, исторической судьбы, общности территории, государственных институтов, законов и правового сознания, политических институтов и политического сознания, осознание государства как экономического целого, хотя его части могут быть недостаточно связаны одна с другой в результате незавершенности процесса модернизации. В случае Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии государственное сознание покрывало региональное в значительной степени, и собственно региональное сознание наиболее ярко выразилось уже после ее распада, после создания независимых государств и на иной стадии развития этносов и социумов. До распада Австро-Венгрии, поскольку формирование регионального сознания шло на базе государственного, интеграционные процессы в регионе скорее совпадали с процессами межэтнической интеграции и государственной централизации.

Этим двум общностям — региональной и государственной — противостояли полиэтнические общности, основанные на этнокультурном родстве — славянская, угро-финская и германская; принадлежащие к ним народы были разделены и государственными и региональными границами, проживали в разных государствах и разных регионах — Восточной, Средней и Юго-Восточной Европе.

Для славянской полиэтнической общности было характерно тесное переплетение с собственно этническим самосознанием каждого славянского народа. Но в конце XIX — начале XX вв. она состояла не только из отдельных этносов, но и формировавшихся наций, стремившихся к обретению политического суверенитета и самоопределению. Ее сознание опиралось на общность происхождения, родство языков, некоторых элементов культуры (особенно близко региональное славянство). Общность судьбы присутствовала далеко не всегда, отсутствовало сознание общности территории как общей собствен-

ности, не было и государственной общности, экономической и профессиональной.

В сознании этой общности существовали два варианта, тесно связанные с региональным и этническим сознанием, австрославистский (на первый план выходила принадлежность к Средней Европе и монархии Габсбургов) и югославистский (первичной была принадлежность к Юго-Восточной Европе — Балканам). Первый вариант признавал возможность сохранения Австро-Венгрии при реформах, второй был ориентирован на ее развал и создание новой государственности на границе регионов, на основе этнической близости. Государственно-региональная близость заменялась этно-регионально-государственной. Это означало изменение региональной идентичности словенцев и хорватов, опущавших свою принадлежность к западным славянам и Центральной Европе, также вело к изменению границ региона, что и произошло после окончания первой мировой войны и распада Австро-Венгрии.

Могут ли этнокультурные компоненты стать основой для политико-правового оформления границы, ее сохранения и закрепления или создания новых границ? Как быть в случае долговременного проживания населения, если каждый народ считает данную территорию своей родиной и имеет на нее, как минимум, «естественное право»? Ведь голосованием «на большинство» такие вопросы решить невозможно. Попытки превращения Австро-Венгрии в «славянское государство» (славянские народы составляли большинство населения Австро-Венгрии), попытки сделать региональную часть полиэтнической общности субъектом государственного права успехом не увенчались.

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ

(ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ СТРАН СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ) ¹

Вновь появляющийся интерес к таким историческим образованиям, каким была, например, империя Габсбургов, существовавшая в 1867 – 1918 годах в своей заключительной дуалистической форме, кажется вполне закономерным. Дело в том, что система «государств-наследников» Австро-Венгрии распалась всего несколько лет назад. Этот распад произошел на фоне одновременного распада Советского Союза, который с 1918 г. вплоть до недавнего «краха» весьма интенсивно влиял на европейскую и мировую действительность, налагая свою печать на все события. Мы не будем анализировать очевидную взаимосвязь этих двух распадов. Мы хотим лишь подчеркнуть, что картина «краха» подводит итог исторической эпохе, логически возвращая нас к статусу *quo ante quem* и побуждая к размышлению о состоянии, которое предшествовало только что рухнувшему миропорядку.

Нынешняя политическая карта Средней и Восточной Европы, разумеется, иная, нежели в начале XX в., хотя и здесь опутимы некоторые отголоски прошлого, например в стремлении к обновлению тесных связей между средневропейскими странами, история которых якобы имеет много общего. В подобном контексте стремление примкнуть к Центральной Европе влечет за собой, помимо всего прочего, и проблему переоценки наследия Австро-Венгрии, хотя это не означает, что новые самостоятельные государства данного региона стремятся к реставрации государственного образования, в котором их народы (все же!) находились в подчиненном положении. Другими словами, утверждать, что в Австро-Венгрии не все было столь мрачным, как это следует из историографии «государств-наследников», не значит отрицать действительное неравенство, которое имело место как в австро-венгерский период, так и в более ранние периоды истории империи.

С другой стороны, интерес к этой старой империи не ограничивается только областями, некогда входившими в ее состав. В Западной Европе, стремительно движущейся в духе решений Маастрихта от

экономической к политической интеграции, картина или, точнее говоря, символика Австро-Венгрии в определенной степени окрашивается в привлекательные тона. «Габсбургский космополитизм» приобретает положительный оттенок в противопоставлении так называемому «миру наций»². Звучит парадоксально, но в этой картине недостает основы — самой монархии, то есть правящей династии, гарантировавшей единство государства на весь период существования феодальной системы. Ведь на основании этой системы монархия развивалась, а последующее движение в направлении модернизации включало в себя абсолютистские и неоабсолютистские методы наряду с интенсивными попытками германизации, к которым в период дуализма присоединилась и мадьяризация.

Несмотря на это, представляется существенным, что идея наднациональности возникла в одном из регионов современной Европы как раз в тот момент, когда в другой части континента она потерпела крушение. Говоря об отношении некоторых западноевропейских кругов к драматическому концу бывшей Югославии (которую точно так же идеализировали), А. Финкелькраут писал: «Упрек состоит в том, что они перестали быть габсбургианцами в тот момент, когда весь мир, как они полагают, становится ими; проводятся границы, в то время как возникает необходимость их устранить; каждый хочет быть словенцем, хорватом или македонцем, в то время как все мы „черно-бело-коричневые“. Словом, народы упрекаются в том, что поддались „вирусу фрагментации“»³.

Термин «вирус фрагментации» А. Финкелькраут, по своему собственному заявлению, позаимствовал у французского политолога и конституционного теоретика М. Дюверже⁴. Общая мысль о губительном распространении разделенности присутствует во многих новейших анализах этнических и/или национальных тем. Зачастую тематика сводится к чистому трибализму, как в «Справочнике европейских народов» (Times) (1994) с красноречивым подзаголовком: «Необходимое пособие о племенах Европы». Европейские народы показаны в нем весьма раздробленно⁵. Кстати, выражение «племя» употреблялось и в политическом словаре Австро-Венгрии, что до некоторой степени объяснялось неразвитостью терминологии того времени, хотя это тоже нуждается в изучении⁶. Мы сталкиваемся по меньшей мере с удивлением и/или недоумением некоторых современных авторов по поводу так называемого «этнического взрыва». При этом особое внимание уделяется «этническим конфликтам». Этничность с этой точки зрения означает по сути разделение, причем это разделение, как пра-

вило, имеет негативную коннотацию.

Этничность, однако, гораздо более сложное явление. Точка зрения, согласно которой она порождает разделения, приводящие к столкновениям, требует серьезных оговорок, по крайней мере в методологическом подходе. Действительно, этничность, непременно *подразумевает* существование различий. Однако остается спорным, насколько это является ее основным значением или смыслом и тем более насколько эти различия существенно связаны со столкновениями или соперничеством. Впрочем, даже знаменитая этническая теория, выдвинутая норвежским исследователем Ф. Бартом, согласно которой этничность определяется как процесс субъективного разграничения между группой «мы» и группой «они», зиждется на основной посылке о *единстве* или образовании единства⁷. Правда, главный вклад Барта в теорию этничности состоит не столько в разработке понятия единства, сколько в релятивизации идеи самостоятельного генезиса этнических групп, а также в релятивизации неперенной связи этничности с культурной действительностью, понимаемой в широком смысле, от материальной культуры до языка и духовных проявлений культуры. Согласно Барту, этносы возникают не изолированно (самостоятельно), а в соприкосновении и взаимодействии двух и более общностей людей, причем при произвольном выборе материала из инвентаря культуры, который впоследствии служит для установления этнических «границ».

Нельзя отрицать, что эта довольно популярная схема содержит рациональное зерно и может служить ценным руководством при изучении некоторых этнических ситуаций. Но, к сожалению, подобная схема столь же легко может привести к редукционизму, если совокупное явление сводится лишь к простому соперничеству групп «мы» и «они». В конце концов это ведет к представлению о взаимно враждующих «племенах», ибо одни, подобно воюющим лилипутам Дж. Свифта, решают разбивать яйцо с тупого конца, а другие — с острого⁸. Мы полагаем, что эта пародия хорошо иллюстрирует тот факт, что речь идет действительно о старом понимании данной проблемы европейской общественной мыслью.

Британский социолог Э. Смит подчеркивал: «Мы не можем рассматривать различные культурные символы и ценности, столь ясно очерчивающие общности, в качестве простых „механизмов разграничения“ или же „культурных маркеров“, отделяющих „нас“ от „них“. Мы даже не можем основывать наше понятие об этницизме на широко понимаемом ощущении „чуждого“ и „непонятого“. Тот факт, что

люди „извне“ являются для нас „иностранцами“, что мы не можем понимать друг друга и „их обычаи“ кажутся нам „непонятными“, приобретает смысл и значение только при наличии уже существующего чувства общего опыта и ценностей, чувства общности, „нас“ и групповой принадлежности, вытекающей из отражения семейного наследия в более общей и сложной традиции и образе жизни, оформляющих и ограничивающих это семейное наследие и самопонимание»⁹.

Толкование Э. Смита близко нашему собственному, хотя и в нем можно найти изъяны. Получается, что основной составляющей этничности является понятие общности, а разграничения происходят позднее. Однако прежде чем развить эту идею дальше, обратимся к еще одной разработке, опирающейся главным образом на положения Ф. Барта.

Сходная с точки зрения культурной антропологии мысль была высказана хорватской исследовательницей О. Супек на VIII Симпозиуме хорватских и словенских этнологов (1989). Во вступлении автор декларирует свою приверженность идеям Ф. Барта в вопросах, во-первых, субъективного определения этнических границ в сфере «экономического, административного, политического и идеологического взаимодействия», и во-вторых, «по преимуществу произвольного» выбора частей из «культурного наследия» с целью «узаконивания позиции такой группы в рамках более широкого общественного контекста»¹⁰. Затем автор критикует «более раннюю этнологическую и культурно-антропологическую традицию», которая якобы включала этничность в ряд естественных явлений, проистекающих из общих и своеобразных традиций при условии «почти мистической связи между представителями народов и территории, на которой они проживают», т.е. согласно теории «духа и крови» с отражением в народном творчестве¹¹. Далее она обрисовывает теорию Ф. Барта¹², дополняя ее ссылками на новейшие работы, которые включают в эту схему глобальное соотношение сил и мировые экономические системы, а также определенный диахронический (исторический — Э. Х.) уровень. О. Супек отвергает «импликации почти рыночной свободы в выборе этнического своеобразия» и ставит во главу угла иерархические отношения политической и экономической силы, глобальное развитие и неравенство, а также деятельность «элиты» в выборе, продвижении и создании национальных символов происхождения и своеобразия (этнических символов — Э. Х.)¹³.

Во второй части работы автор пытается провести более четкое различие между культурой и этничностью, комментируя историчность

этничности («историчность этноса»). Культуру, в широком культурно-антропологическом смысле, она рассматривает как совокупный образ жизни какой-либо группы людей, что является объективным уровнем, который представители культурных групп не обязательно сознательно распознают. Этничность же остается декларированным чувством принадлежности к группе. Этничность (этнос) снова остается «субъективным разграничением», связанным с какими-либо культурными особенностями, в том числе и с языком, лишь благодаря произвольному выбору ¹⁴. После утверждения, что этнос (этничность) является «антропологической характеристикой любой формы объединения, от простейшей „орды“ [sic] до нации» (с чем можно полностью согласиться после уточнения терминологии), автор высказывает мысль, что в обществе, организованном на принципах иерархии, этнические отношения в значительной степени создаются в направлении «сверху вниз» ¹⁵. В заключении автор утверждает, что «этническое деление в современном мире становится все ... менее этническим и все более классовым» ¹⁶. Это, однако, противоречит сказанному выше об этничности как общей антропологической категории ¹⁷.

В контексте средневропейской тематики возникает логичный вопрос: можно ли, опираясь на эти идеи, наметить какие-либо направления исследования имевших место в прошлом этнических и/или национальных процессов в Центральной Европе? На этот вопрос, на первый взгляд, можно дать положительный ответ. Для средневропейского региона, особенно в период империи Габсбургов, было характерно интенсивное экономическое, политическое и культурное взаимодействие. Дальнейшее усиление этих взаимодействий на протяжении XIX в. выглядит достаточно убедительным объяснением различных «национальных возрождений», развивавшихся в то время почти у всех народов империи. Более того, стремление к этнонациональным разграничениям, которое условно можно связать с «национальными возрождениями», привело к реальным политико-государственным разграничениям. В 1867 г. было установлено государственное разделение Австрии и Венгрии, в 1868 г. заключено хорватско-венгерское соглашение, в 1918 г., после распада монархии, обрели самостоятельность «государства-наследники». *Mutatis mutandis*, сходное явление можно было наблюдать в истории двух «государств-наследников», оставшихся этнически многонациональными — Чехословакии и Югославии (здесь необходимо абстрагироваться от проблемы этнических меньшинств в Австрии, Венгрии и тем более Румынии, поскольку последняя входит в группу «государств-наследников» лишь частично).

На этих примерах, правда в ином темпе и с иным значением, мы также наблюдаем отклонения от централизма (что в контексте империи Габсбургов соответствует периоду абсолютизма), затем попытки установления федерации и конфедерации (что теоретически сравнимо с австро-венгерским дуализмом), и, наконец, образование самостоятельных национальных государств. Даже недоумение некоторых критиков по поводу «вируса фрагментации» в современной Западной Европе можно истолковать (злобно-иронически!) как проблему непонимания закономерностей этнического развития, ибо явный взлет экономических, политических и общественных взаимодействий на западе Европы должен был по сути укрепить этнонациональные разграничения, а не привести к появлению единого общеевропейского самосознания.

Возникает вопрос о соотношении сил в рамках этого взаимодействия, то есть вопрос о роли элиты. Однако уже здесь мы усматриваем трудности в предлагаемой модели. В империи Габсбургов, в ее «государствах-наследниках», как и в современной Западной Европе существовали (а в последнем случае все еще существуют) весьма могущественные политические и общественные элиты. Они стремятся оказывать влияние или перекраивать «сверху» различные этнические, национальные или наднациональные идентичности «своих народов». Но некоторые идентичности *просто не могли меняться*, независимо от количества силы, которой располагали подобные элиты. Правда, можно возразить, что количество силы, измеряемое капиталом или степенью контроля над бюрократическим аппаратом, не всегда означает способность использовать эту силу.

На примере империи Габсбургов можно показать, что венский центр, обладавший наибольшей властью в распоряжении ресурсами, некоторое время сам не мог решить, в каком направлении идти: по пути к дальнейшей интеграции с германским миром или же к распространению «австрийства», которое затем следовало ясно разграничить с тем, что является немецким. Выбрав второй путь, Вена могла бы рассчитывать на поддержку правящих кругов ненемецких народов, хотя проблема заключалась в том, что эта поддержка оказывалась главным образом династии и базировалась на феодальных устоях, которые венский центр намеревался сломать¹⁸. Роковой шаг к германизации, бюрократически навязанной «сверху», в конце концов привел к отчуждению самых широких народных слоев за пределами немецкоговорящих стран. Другое возможное направление исследования — показать на примере «государств-наследников», как попытки элит соз-

дать некое единство, при непонимании ими этнонациональных перспектив, в конце концов приводили к принуждению и усилению отпора этому принуждению.

Кажется, что все попытки оказываются безуспешными, если элита стремится навязать какую-либо этнонациональную перспективу, коренным образом расходящуюся с конкретной, уже существующей этнической ситуацией, сформировавшейся в процессе исторического развития. А историческое развитие, необходимое для формирования этноса, судя по всему является весьма длительным процессом. Интересно, что современные попытки насаждения наднационального европейского сознания имеют наибольшие шансы на успех именно в странах и/или исторических регионах, которые когда-то входили в империю Каролингов! Итак, город Маастрихт, один из центров Карла Великого, имеет более чем символическое значение в создании новой Европы.

То, что влияние элиты на этническое развитие в большой степени зависит от существующей исторической обстановки, которая может этому воспрепятствовать, не означает, что наиболее могущественные социальные слои не в состоянии повлиять на этническое развитие. Они могут это сделать, о чем свидетельствует труд деятелей «национального возрождения» XIX в. Однако эта деятельность может повлиять лишь на направление движения, но не формировать чувство принадлежности, не существовавшее ранее. Воздействие элиты может дать даже название, предложить новый этноним для этнической общности, что весьма важно для этнического сознания. Однако это не означает, что данный этноним будет принят, если он лишен глубоких исторических корней.

Так, попытка деятелей «иллирийского возрождения» распространить иллирийское название на всех южных славян не увенчалась бы успехом даже в том случае, если бы оно не было запрещено имперскими властями в 1843 г. «Иллирийское» было сведено к своему реальному ядру, хорватскому, не сумев распространиться далее границ Триединого королевства и некоторых частей Боснии и Герцеговины (разумеется, мы оставляем в стороне вопрос о более широкой хорватской диаспоре в Подунавье и других регионах). А поскольку уже существовал этноним хорватов, причем с тысячелетней исторической традицией, то иллирийское название теряло смысл. Другие южные славяне тоже отказались от него. Точно так же впоследствии потерпел крах объединительные попытки замены всех этнонимов славянского юга общим югославским обозначением¹⁹.

Полезным предостережением от возможности влияния «сверху» на этническое развитие служит пример боснийско-герцеговинских мусульман. Хотя речь идет об этносе, который все еще находится в процессе становления, причем в чрезвычайно тяжелых условиях, очевидно, что хорватский, сербский и югославский варианты не принесли желаемых плодов. Эта этническая общность реально существовала без точного и постоянного этнонима! В настоящее время мы являемся свидетелями повторного введения названия «босняк», отстаиваемого в свое время австро-венгерской администрацией. Разумеется, теперь речь идет о редуцированном боснийстве, так как австро-венгерское название должно было включать не только мусульманское население Боснии и Герцеговины, но и католиков и православных (хорватов и сербов), что диктовалось политическими интересами монархии²⁰.

Идея о том, что этничность и этнические процессы возникают в ходе длительных исторических процессов, на которые можно оказывать влияние только в том случае, если имеются соответствующие предпосылки в исторической перспективе, кажется нам чрезвычайно важной. Что касается определения Ф. Барта, согласно которому этничность представляет собой процесс субъективного разграничения между группами «мы» и «они», то, по нашему мнению, субъективный уровень в большой степени подчинен тому, что объективно создано историей. Хотя мы не можем отрицать, что межэтнические взаимодействия играют существенную роль в «этнореволюции», идея об общности, присутствующая и у Барта, означает, что приоритет все же остается за отношениями между отдельными людьми и группами внутри самого этноса.

Мы согласны с Э. Смитом, что вначале должна существовать группа «мы». Другой вопрос, затрагивающий философский аспект, насколько отношения с какой-либо группой «они» необходимы, чтобы общность могла распознать саму себя и сформировать свое (этническое) самосознание. В конце концов, ярко выраженное самосознание общности не является необходимым условием ее существования! Это объясняет проблемы, возникающие тогда, когда попытки этнической инженерии в политических целях вдруг встречают сопротивление со стороны этнических и субэтнических групп. Сопротивление, которого никто не ожидал. Что касается произвольности выбора символов для создания этнического сознания, то мы также должны сказать, что как тезис она может быть принята лишь условно. Этническое единство в самом деле может строиться на основе различного содержания

культурного инвентаря, в силу чего и казаться «произвольным». Однако со временем история выявляет, какое содержание оказывается достаточно прочным и надежным для создания этноса.

Кроме того, различное содержание оказывает влияние на развитие *различных типов этничности*. Какой-либо этнос, сформировавшийся преимущественно на основе религиозных факторов, будет наверняка иметь иное развитие, чем этнос, выросший в первую очередь в территориально-политических рамках²¹. Аналогией может служить язык, являющийся сам по себе важнейшим содержанием этнического развития. Язык можно рассматривать в качестве общей системы коммуникации, но некоторые языки отличаются не только словами, точнее говоря связями, образуемыми соединениями звуков и понятий, но и грамматическими системами, относящимися к различным общим типам. Таким образом, типология этничности была бы сходна с типологией классификации грамматических систем.

В заключение следует подчеркнуть, что многие вопросы, касающиеся анализа этнических явлений и, образно говоря, «грамматики этничности», остаются открытыми. Тем не менее мы уже можем представить это явление как *форму интеграции* человеческих обществ в процессе исторического развития. Исторический опыт Средней Европы предлагает богатый материал для проверки этой мысли и для изучения того, каким образом этнонациональная интеграция в конечном счете привела к созданию в этом регионе государственных образований, уходящих корнями в раннее средневековье. Феномен этничности можно рассматривать и как фактор общественной интеграции (интеграции общественных групп), действующий на протяжении многих поколений. Речь здесь идет скорее об определенной форме *центра тяжести в процессе* интеграции, нежели о каком-либо процессе, хотя очевидно, что и этот центр тяжести должен оформиться в рамках какого-либо процесса, чтобы затем — в границах исторических возможностей! — развиваться, видоизменяться, а иногда и распадаться. Необходимо учитывать различные культурно- или социально-антропологические особенности, воздействующие на становление этнических общностей.

Этничность, таким образом, была бы и объективной категорией, и субъективной, поскольку она является общественной и как таковая зависит от человеческой деятельности. Впрочем, всегда существует определенная большая или меньшая свобода выражения в способе восприятия или невосприятия конкретными индивидами своей этничности. Определенные ограничения свободы всегда существуют где-

то, по крайней мере для некоторых отдельно взятых людей. Однако здесь, в этническом контексте, появляется посредующая роль образования и социализации, а в связи с этим и другие косвенные влияния, а также структуры власти и господствующие типы мировоззрения общественных групп.

Рабочее определение этнического развития, предложенное группой исследователей Института по изучению миграционных и национальных процессов (Загреб), отталкивается главным образом от подобного интегративного видения этничности. Пользуясь возможностью, процитируем его положения: «Развитие этноса можно рассматривать в качестве итога взаимодействия объективных и субъективных факторов, основывающихся на исторической непрерывности и специфических конфигурациях социально-антропологических особенностей общности, а также свободного выбора, исторического сознания при посредстве образования и ранней социализации каждого отдельно взятого человека. В качестве посредников в таких взаимодействиях выступают силовые структуры общества, а также мировоззрения конкретных общностей, в которых ежедневно вращается каждый отдельный человек»²².

¹ Heršak E. O etnosu u prošlosti i sadašnjosti // *Migracijske teme*. 1989. №. 2 – 3. P. 27 – 62; *Idem*. Različiti sociohistorijski tipovi etničnosti // *Migracijske teme*. 1991. № 3 – 4. P. 335 – 362.

² Finkelkraut A. Comment peut-on être croate? Paris, 1992. P. 78.

³ *Ibid.* P. 78 – 79.

⁴ *Ibid.* P. 79.

⁵ Интересен комментарий редактора в предисловии: «Когда страны ЕЭС взяли на себя в Маастрихте в январе 1992 г. обязательство стремиться к единству, мир полагал, что Восточная и Западная Европа двинулись в противоположных направлениях: дробление на востоке, слияние на западе. В действительности, деволуционный вирус заразил повсюду на континенте все значительные политические образования». См.: *Fernandez-Armesto F. The Times guide to the peoples of Europe. The essential handbook to Europe's tribes*. London, 1994. P. 7.

⁶ Этот вопрос является предметом отдельного исследования, хотя известно, что термин «племя», перекочевав в политический словарь первых югославистов, имел явно унитаристский смысл: сербы, хорваты и словенцы были сведены к «племенам» в едином «югославянском народе».

⁷ Barth F. *Ethnic groups and boundaries: the social organisation of culture difference*. Boston, 1969.

⁸ Пародия Свифта, по видимости, достигла вершины в следующем предложении: «It has been computed, that eleven thousand persons have, at several times, suffered death, rather than to submit to break their eggs at the smaller end».

⁹ Smith A. The ethnic origins of nations. Oxford, 1988. P. 49.

¹⁰ Supek O. Etnos i kultura // Migracijske teme. 1989 P. 56- №. 2 – 3. P. 145.

¹¹ Ibid. P. 145 – 146.

¹² Ibid. P. 146 – 147.

¹³ Ibid. P. 147 – 148.

¹⁴ Ibid. P. 149 – 150.

¹⁵ Ibid. P. 151.

¹⁶ Ibid. P. 152.

¹⁷ Просим прощения у автора, если мы неправильно истолковали ее статью или придали слишком большой вес идеям, изложенным в тексте, который был опубликован несколько лет тому назад.

¹⁸ В качестве символа на перепутьи этих движений выделяется образ хорватского бана Й. Елачича. Он являлся одновременно и австрийцем, и хорватом, считаясь даже поборником «славянства». Он был и воином-феодалом (поскольку принадлежал к старой хорватской «политической нации»), ведущим от имени императора хорватскую армию на подавление венгерской революции 1848 г., и наместником (баном), отменившим в Хорватии крепостное право и оказывавшим по мере возможности противодействие германизации. (О позиции Елачича в период неабсолютизма см.: Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1986).

¹⁹ Югославизм, развиваясь в XIX в. в хорватских землях империи Габсбургов, имел мало шансов на успех у словенцев и еще меньше у болгар. Очень скоро он ограничился рамками хорватов и сербов. Интересно, что вначале сербы оказывали югославянскому этнониму значительно большее противодействие, чем хорваты, но после образования первого общего государства южных славян (за исключением болгар), югославизм постепенно приобрел главным образом сербские этнические черты. Современная СР Югославия демонстрирует конечный результат этого процесса: остаток Югославии образует главным образом Сербия вместе с Черногорией, в которой также существовала длительная традиция сербского этнического сознания. См также: Šidak, J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskoga naroda 1860 – 1914. Zagreb, 1968.

²⁰ Власти в Триедином королевстве выступали против стремления хорватов включить в королевство Боснию и Герцеговину и тормозили политико-административную интеграцию самого Триединого королевства, хотя и не отказывались от этой идеи в силу законных исторических прав. С другой стороны, австро-венгерские босняки служили барьером против распространения сербства и политического утверждения югославизма. В современном, суженном значении, как обозначение этноса, говорящего на югославянском языке и исповедующего ислам, босняки имеют иную интеграционную функцию. Однако существуют значительные противоречия в попытках нынешней «боснийской» элиты дать историческое обоснование боснийства. Так, одна из исламских этнических групп должна искать истоки своего своеобразия в доисламистской Боснии, т. е. в периоде «язычества». Миф о «богомильском» происхождении боснийских и герцеговинских мусульман служит здесь наилучшим средством манипулирования. Исторический анализ показывает всю несостоятельность мифа. Однако важно то, что миф продолжает сохранять-

ся, причем не благодаря усилиям элиты, успешно его навязавшей, а в силу готовности этнической группы его воспринять.

²¹ *Heršak E. Različiti sociohistorijski tipovi etničnosti // Migracijske teme. 1991. № 3 – 4. Р. 335 – 362; Хершак Э., Кумпес Й. Два типа этничности (хорватский и сербский примеры) // Этнографическое обозрение. № 4. С. 29 – 40.*

²² Определение послужит исходным пунктом для проекта, в рамках которого проводилось бы исследование хорватского этнического развития. Исследование могло бы состоять из трех частей: 1) выявление основных исторических этапов в развитии хорватского этноса и рассмотрение двух особых форм посредничества в передаче этнического сознания (пример образования и религии), 2) на основании собранных данных определение, к какому общему типу принадлежит хорватский этнос и каким образом этот тип соотносится с другими возможными типами; 3) установление общего направления дальнейшего развития хорватского этноса в рамках европейских процессов.

Перевод на русский язык автора, под редакцией С.А. Романенко

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Изучение проблем культуры в конце XIX — начале XX вв. до сих пор сохраняет свою научную актуальность, хотя бы потому, что огромный пласт разнообразных источников пока не введен в научный оборот в отечественной историографии. Кроме того, исследование чешской общественной мысли показало, что глубокое изучение этой проблематики невозможно без включения аспектов культуры, учитывая тесную взаимосвязь чешской политической модернизации, политической мысли и системы культуры.

Длительный опыт общественно-политической деятельности чешской политической и интеллектуальной элит доказывал исключительную необходимость и целесообразность политического реформизма. Чешские политические партии, не выдвигая требования федерализации Австро-Венгрии, отстаивали идею национального самоопределения, что подразумевало новую формулу государственности в форме договорно-конституционных отношений. Конечной целью национальной политики этого многонационального государства должно было стать обеспечение равных возможностей для всестороннего развития проживающих в нем наций и народностей, налаживание партнерских двусторонних связей между центром и национальными автономиями. Все чешские партии искали легитимный путь осуществления права на национальное самоопределение, пытались как можно более всесторонне и доказательно обосновать реформистский способ преобразований в сторону федерализма, приемлемый для высших государственных сфер, обеспечивающий мир с немцами в чешских землях и удовлетворяющий ожидания собственного народа. Политический реформизм был ориентирован на все сферы общественной жизни, подразумевал политическое объединение чешских этнических территорий, свободное развитие национальной экономики, демократическое устройство общества ¹. Неизменной составной частью его как целостной идеологической системы была и нацеленность на ускоренное и всестороннее развитие языка и культуры.

Сразу же следует заметить, что все черты, свойственные чешской политической идеологии этого периода, в частности реализм построе-

ний, стремление максимально соответствовать политической действительности, учитывать конкретно-историческую ситуацию, распространялись и на культурный реформизм. В условиях стремительного роста национального самосознания, политизации всех сфер общественной жизни складывается новое понимание роли культуры как инструмента влияния на качественные изменения характера национального движения, на политическую культуру масс. Оно приобретает настолько широкие масштабы, что политика в области культуры выделяется в самостоятельные разделы и главы политических программ всех чешских политических партий, получает в них развернутую проработку ².

Следует сразу же подчеркнуть, что в последние десятилетия XIX в. набирала силу обусловленность развития культуры политическими целями чешского национального движения, но ограниченный объем статьи не позволяет воссоздать полную картину. Однако даже сопоставление позиций двух, по сложившемуся мнению полярных, группировок, таких как Чешская народная партия, реалисты, и Чешская аграрная партия, аграрии, на наш взгляд, дает возможность представить общее направление развития культуры, показать влияние политической модернизации на систему культуры.

Становление общественно-политической концепции реализма шло от обсуждения научных проблем к анализу социально-экономического и политического развития общества ³. Точкой отсчета стал научный спор о признании фальшивыми широко известных Краледворской и Зеленогорской рукописей, считавшихся до того национальными святынями в арсенале чешской прогрессивной культуры. В итоге он приобрел открыто политический характер ⁴.

В конце 80-х годов, в момент, когда реалисты пришли к убеждению о необходимости выработки программы, способной вывести чешский социум из кризиса, в ее основу был положен реализм как аналитический метод отображения реальности и политической практики. Не случайно в публицистике, особенно венской, его называли «национальный нигилизм». Именно критический анализ действительности и предопределял курс на реформы в сфере культуры, наряду с реформами в области политики и экономики.

Известные представители чешской прогрессивно настроенной интеллигенции, объединившиеся вокруг журнала «Час», уже в первом его номере в передовой статье «Наши два вопроса» (автором был публицист Шауэр) указали на слабость национальных сил для создания высокой по мировым меркам культуры ⁵. Углубление культурного раз-

вития изначально увязывалось реалистами с экономическим подъемом, с процессом общественного обновления. Причем причиной отставания чешской культуры, впрочем также как и промышленности, науки от мирового уровня было, по мнению реалистов, не столько враждебное отношение центрального правительства, сколько застойные явления в жизни чешского общества. Как раз в это время был провозглашен лозунг преодолеть провинциализм в науке, обновить чешскую общественную мысль, вырастить новую политическую элиту. Все это могло обеспечить реализацию главной задачи — воспитать новую политическую культуру народа. К этому же должна была привести и всесторонняя критика существующей действительности, способствующая пробуждению здоровых сил общества и направлению их энергии на интенсивное развитие чешской нации. Требование перемен становится лейтмотивом многих выступлений и модной темой для публикаций прессы.

Политическая жизнь в чешских землях в последние годы XIX в. проходила в условиях напряженной борьбы, все более открытого противостояния чехов и немцев. Учитывая специфику ситуации, особенности положения чехов, реалисты разрабатывают Проект народной программы (1890) ⁶, авторами которого были набиравшие силу политики Т. Г. Масарик, Й. Кайзл, К. Крамарж, в этот момент еще представлявшие течение реалистов.

В соответствии с новыми политическими и культурными стремлениями чешского общества в Проекте рассматривается широкий спектр проблем, в том числе культурных. Базовым для рассмотрения этой части программы стали языковой вопрос и школьное дело, образование в целом. Введение бесплатного обучения на всех ступенях, открытие женских гимназий, углубление знаний чешского студенчества, развитие сети библиотек, создание условий для функционирования национальной журналистики, для получения высшего образования женщинами — вот неполный перечень основных положений раздела. В нем речь шла о развитии всех типов национальных учебных заведений, научных и творческих организаций. Все это, в свою очередь, должно было не только обеспечить каждому чеху возможность обучения на родном языке, но и создать необходимую базу для воспитания и подготовки национальных кадров, повысить нравственный и интеллектуальный уровень чехов. В Проекте указывалось на необходимость изучения иностранных языков, особенно славянских. Весьма радикально решался вопрос о государственном языке, каковым был немецкий. При этом в отношении немецкого языка точка зрения реа-

листов была весьма последовательна. Изучение немецкого было обязательным.

Таким образом, задачей национального образования стало обеспечение условий для всестороннего развития и полной реализации чехов на своем родном языке. В образовании же реалисты видели гарантию успехов чешского народа на международной арене.

Немаловажное значение придавалось и полному самоуправлению всей системы образования, вопросам финансирования, подбору кадров, созданию учебников на чешском языке ⁷.

В последние годы XIX в. реалистами начал открыто обсуждаться вопрос об освобождении школ из-под влияния церкви. Признавая огромную роль в учебном процессе нравственного воспитания, Масарик в то же время выступал против чисто конфессиональных школ, указывая на распространившееся в обществе равнодушие к религии ⁸.

Итак, на протяжении всего последнего десятилетия XIX в. реалисты ориентируются на модернизацию системы образования путем ее структурной перестройки, максимально широкое распространение чешского языка, что обеспечивало устойчивую национализацию культурной, общественной, политической и экономической жизни чешского общества. Принцип равноправия всех наций империи наиболее актуальным оказался для сферы образования, развития национальных языков. В таких условиях в 1892 г. Масарик делает вывод, что позиция партии особенно неопределенна в культурном и социальных вопросах. Между тем, по общему признанию исследователей, его влияние распространялось на широкий круг изданий, ориентированных на молодое поколение чешской интеллигенции ⁹.

Почти 15-летний период развития чешского реализма завершился в 1900 г. конституированием выросшей на его основе Чешской народной партии. Ее образование свидетельствовало, что первоначально научно-критическое течение, у истоков которого стояла университетская интеллигенция, получило широкое распространение в чешском обществе. С этого времени признанным единоличным лидером реалистов стал Т. Г. Масарик, предложивший свою концепцию национального развития чешского народа как малой нации. Хотя Чешская народная партия не стала массовой, философско-политическая концепция Масарика оказала глубокое воздействие на политическое мышление многих деятелей Австро-Венгрии, на формирование идейно-политических установок других партий.

Обращает на себя внимание общая часть Программы, в которой говорится, что по мнению реалистов, главная проблема политики бли-

жайшего будущего состояла в том, чтобы с помощью «культурной и национальной самостоятельности обеспечить политическую самостоятельность»¹⁰.

Исходя из признания необходимости сохранения единой могущественной Австро-Венгрии, реалисты выдвинули требование «оживить необходимую централизацию как можно большей автономией исторических и естественных территорий». Причем под автономией они подразумевали в первую очередь расширение самостоятельности в области экономики, культуры и школьного дела. Детализируя это положение, они признавали полное культурное и политическое равноправие мужчин и женщин, хотя в существующих условиях непосредственное участие женщин в политике, по их мнению, было совсем не обязательным.

Укрепление позиций чешской нации связывалось с развитием языка, самобытного типа культуры в целом. При этом языковой вопрос являлся «экономическим, социальным и культурным»¹¹.

Острейшая ситуация, сложившаяся после принятия ставших знаменитыми указов премьера К. Бадени о равноправии чешского и немецкого языков в судебных и административных органах чешских земель, обусловила выделение языкового вопроса в специальный раздел программы реалистов¹². Но, конечно, не это главное. Как уже указывалось, реалисты исходили из принципа равноправности всех народов, населяющих монархию Габсбургов. В языковой области это означало, по их мнению, равноправие языков, и, что более существенно, должно было быстро реализовываться в практической сфере. Согласно Программе, равноправие граждан обеспечивалось путем разделения по национальному принципу органов общественного управления, особенно его низших звеньев. Последнее давало возможность использовать родной язык при урегулировании дел прежде всего в органах власти на местах. Такой подход предопределял появление двуязычных, а в Силезии трехязычных учреждений при одноязычности служащих. Столь же тщательно проработаны детали в решении языкового вопроса в смешанных округах и даже для мигрирующего населения¹³.

Подобный подход не был случайным. На далеко идущие последствия его введения указал Масарик. В своем выступлении при обсуждении Программы на учредительном съезде партии он подчеркнул, что принцип одноязычия служащих на практике привел бы к превращению чешского в государственный язык.

Широко известны такие требования реалистов, как введение

«школьной повинности» с обязательным посещением начальной школы для детей от 6 до 14 лет, бесплатного образования в школе всех ступеней, улучшение условий обучения,¹⁴ правовых гарантий обеспечения независимости учительства, их обязательной академической подготовки,¹⁵ развитие женского среднего гуманитарного образования,¹⁶ реформы профессионального обучения.

Особое место было уделено реорганизации высшей школы. В частности, Программа предусматривала разделение философского факультета на две части (гуманитарную и естественную), появление экономических и политических циклов на юридическом факультете, укрепление материальной базы Пражского университета¹⁷. Неизменным лозунгом реалистов являлось открытие второго чешского университета в Моравии. Детально разрабатываются проблемы студенчества, журналистики, чтобы последняя не просто отражала чешскую общественную жизнь, а активно ее «облагораживала».

Культурный вопрос всегда рассматривался реалистами через гуманистический идеал. Конкретным же его проявлением в системе взглядов Масарика является признание права каждого индивидуума на самоусовершенствование (в работе «Гуманистические идеалы») и признание права каждого народа на национальное развитие и процветание («Проблема малой нации», 1905). В разделе, написанном для обобщающего труда «Чешская политика» (1906), Масарик прямо говорит о признании верховенства прав человека над силой государства, когда государство трактуется как «организатор культуры»¹⁸.

Как известно, столь же длительным был генезис и Чешской аграрной партии. Процесс поляризации интересов промышленной и сельской буржуазии начался в 80-е годы и достиг крайней степени к концу XIX в. В 1899 г., несмотря на сопротивление младочехов, институировалась самостоятельная партия аграриев. Она, в отличие от других политических группировок, имела четкую организационную структуру. Общепризнано, что чешские аграрии, стремившиеся распространить свое воздействие на все слои чешской деревни, стали в начале XX в. одной из влиятельных сил в чешских землях.

Партия поставила своей целью защиту политических и экономических интересов сельского сословия¹⁹. Последние, по мнению аграриев, полностью совпадали с общенациональными. Партия сознательно отказалась от использования радикальных и революционных методов борьбы за политические цели. Она полагалась на «здоровый врожденный консерватизм крестьянства»²⁰. Одновременно аграрии выступали против экономического либерализма, за контроль и огра-

ничение свободной конкуренции.

В их Программе 1903 г. отдан приоритет среднему слою землевладельцев. Аграрии неизменно призывали все сельское население «сообща работать над оздоровлением отношений в деревне» ²¹. Они были последовательными сторонниками реформ, целью которых было создание общества с относительно равномерно распределенной собственностью. В Программе партии говорилось о ее приверженности идеалам справедливости и гуманизма.

В ней также прямо указывалось на безусловную взаимосвязь экономического, социального и культурного развития. Овладение культурным наследием собственного богатого исторического прошлого, воспитание в духе патриотизма могли привести к улучшению социальных отношений, способствовали преодолению пороков личности и всего общества. В специальном разделе, предшествующем собственно аграрной программе и посвященном изложению весьма развернутых взглядов на вопросы культуры, они выступают «против любых препятствий и за предоставление полной свободы в духовном развитии, в проведении научных исследований, в художественном творчестве, выражении взглядов устно и письменно» ²². Однако расцвет науки, литературы и искусства поддерживался аграриями лишь в том случае, если он нес людям истину, добро и красоту. Так же как и у реалистов в этом документе центральное место отводилось вопросу образования.

Основой основ была школа. Аграрии видели ее свободной, независимой от бюрократии, служащей лишь «святой своей миссии», устремленной на всестороннее воспитание нравственных и интеллектуальных качеств подрастающего поколения, дающей не только знания, но и необходимую «сумму жизненной мудрости», которые «в трудной борьбе за свое существование» делают человека способным выполнить его человеческие и общественные обязанности ²³.

Несмотря на очевидный морализаторский тон, в анализируемом разделе была предложена обширная культурная программа. Помимо школы, неподверженной никаким влияниям, в ней говорится о необходимости подготовки высокообразованного свободного учителя, о создании особенно на селе детских садов, восьмилетней школы, пропагандирующей интерес к общественной жизни, прежде всего к земледелию, а также к чешской истории и чешским реалиям.

В Программе специально говорится о средней школе, высших учебных заведениях, нацеленных на изучение естественных и общественных наук, на знание современных, особенно славянских, языков. Аг-

рарии прямо заявили, что они приложат все силы и способности к созданию необходимого количества высших учебных заведений, доступных для чехов и других славянских народов ²⁴.

Весьма детально в ней разработаны вопросы об открытии общественных народных читален, о расширении поставок качественных и полезных населению дешевых книг, о создании учебных школьных хозяйств, организации системы питомников и специальных центров и др.

Судя по содержанию документа, для аграриев были важны поддержка старых добрых обычаев, чистый язык, устоявшихся сельских традиций и т. п., и одновременно пропаганда исторических и социальных знаний, привлечение на село для преподавания на специально организованных курсах наиболее образованных сограждан и преподавателей всех уровней, включая высшие учебные заведения ²⁵.

Вместе с тем самым тщательным образом отнеслись они к вопросам о профессиональном образовании и воспитании, на которых держится «агрокультурный прогресс», о специальных крестьянских школах с обучением в зимнее время. Детализирован весь цикл, открывающий широкие возможности для крестьянских детей, от народной школы до университета.

Предложенная программа была также ориентирована на развитие сельскохозяйственной науки (в программу было включено требование об открытии академии экономического профиля), что, по мнению ее авторов, неминуемо должно было привести к росту и модернизации производства и тем самым ослаблению последствий аграрного кризиса ²⁶. Вместе с тем, естественным результатом принятия подобных мер стало бы освобождение чешской науки от влияния немцев ²⁷. Подробнейшим образом аграрии рассматривают и такие аспекты, как обучение деревенских девушек с целью подготовки «хорошей жены, примерной хозяйки, равноправной собеседницы и подруги для мужей», хранительницы семейного счастья. В этой связи аграрии выдвигают лозунг «Сельские девочки — в чешские экономические школы» ²⁸.

В последнем разделе речь идет о специальной литературе и партийных органах печати, в том числе популярных профессиональных изданиях, имеющих хорошую теоретическую базу.

Таким образом, выполнение обширной культурной программы должно было привести к повышению образовательного уровня сельского населения и в конечном итоге к подъему сельского хозяйства. Очевидно и стремление посредством предложенных мер углубить со-

словное самосознание крестьянства, показать его особое место в сложившейся социальной структуре общества. Последнее, бесспорно, углубляло дифференциацию, противостояние города и деревни, затрудняло консолидацию общественных сил. В то же время, как и официальные документы других политических партий, программа аграриев имела прогрессивный для своего времени характер и отвечала одной из задач, стоявших перед чешским народом, — подготовить национальные кадры, соответствующие европейским требованиям.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что программы большинства чешских политических партий в области культуры по своему содержанию представляют не просто постановку проблемы, но включают конкретные планы реорганизации всей системы культуры, прежде всего образования. Особое внимание уделяется ее низшему звену. В повышении образовательного уровня народа, нравственном его воспитании чешская политическая и интеллектуальная элита усматривала весьма важные гарантии роста национального самосознания чехов, основу их национального самоутверждения и, соответственно, дальнейшего укрепления положения чешского социума в Цислейтании и всей Австро-Венгрии.

¹ *Ненашева З.С.* Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX — начале XX вв. М., 1994. С.113 – 124, 147 – 148.

² См., напр.: Program pokrokového studentstva slovanského z Rakouska-Uheska. Praha 1897; Program a úkoly strany radikálně pokrokové. Praha 1897; Program a organizační statut české strany pokrokové. Praha, b.r.(1900); Program české lidové strany. Praha. 1900; Program české strany národně sociální, upravený a doplněný na pražském sjezdě strany dne 28 září 1902; Program české strany agrární. Praha, 1903; Program a organisace Národní strany svobodomyslné (k valnému sjezdu v Praze 2. a 3. Brézna). 1907.

³ *Opat J.* Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882 – 1893. Praha 1990. S. 51 – 128.

⁴ Его открыли статьи профессоров Гебауэра и Масарика в февральском номере журнала Атенэум. См. *Athenaeum*. III. 1886. S. 160 – 161; *Opat J.* Op.cit. S. 140 – 162.

⁵ ČAS. 20.XII. 1886.

⁶ ČAS 1.XI. 1890.

⁷ Ibid

⁸ ČAS 5.III. 1888.

⁹ Кроме журналов «Час», «Наше доба» влияние реалистов распространялось и на такие издания, как «Розпльдь», «Литерарни листь», «Модерни ре-

вью», «Жива», «Радикални листы», «Чески страж». В этот же круг входила и «Ческа модерна».

¹⁰ Program české lidové strany. Praha, 1900. S. 2 – 4.

¹¹ ČAS. 16.V. 1900; 20.V. 1900.

¹² Program české lidové strany. Program jazykový. S. 19 – 28.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. S. 42 – 44.

¹⁵ ČAS. 6.IX. 1901

¹⁶ Program české lidové strany. S. 54 – 55.

¹⁷ Ibid. S. 55; ČAS. 4.IV. 1901.

¹⁸ Masaryk T.G. Politika vědou a uměním // Česká politika.I.. Praha, 1906. S. 15.

¹⁹ Матвеев Г.Ф. Формирование идеологии чешских аграриев в конце XIX в. — 1914 г. // Вестник МГУ, Серия 8. История. 1989. № 5; Горенкова Е. Ю. К вопросу о становлении чешского аграризма // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 165 – 171.

²⁰ Program české strany agrární. Praha, 1903. S. 24 – 25.

²¹ Ibid. S. 35 – 38.

²² Ibid. S. 38.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. S. 39.

²⁵ Ibid. S. 41.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 42.

²⁸ Ibid. S. 44 – 45.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА АВСТРИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ. ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX В.

Занимаясь современными проблемами культуры Чехии, сталкиваясь с четко выраженной и вполне определенной ностальгией по временам Австро-Венгрии. Она ясно прослеживается и у некоторых чешских деятелей культуры, и, особенно, в Моравии и Силезии, где часто сетуют на центристскую политику Праги в сфере культуры. Председатель зарегистрированного в 1992 г. Моравского национального конгресса Л. Э. Гавлик, высказался по поводу ассигнований от чешского Министерства культуры на деятельность конгресса, что Прага делает все возможное, чтобы в зародыше подавить любую инициативу, носящую мало-мальски антицентристский характер (ассигнования вполне справедливо были названы им «милостыней»). Видимо, это не означает, что раньше подобных чувств и размышлений не было, не было скорее возможности их проявлять и высказывать.

О тех же чувствах и эмоциональном настрое представителей народов, некогда населявших империю Габсбургов, часто говорят и австрийские историки. В большом, богато иллюстрированном альбоме «Австрия. Прошлое и настоящее» с подробными статьями профессоров Венского университета говорится о том, что сейчас народы, населявшие Австро-Венгрию, куда больше ощущают и ценят свои общие черты, чем то, что их разъединяет¹. В историческом очерке в этой книге, безусловно, популярной, но сделанной в то же время на вполне серьезном уровне, есть ссылка на слова Уинстона Черчилля о том, что Австрийская империя веками позволяла входившим в ее состав народам жить общей жизнью, дававшей преимущества в сфере экономики и безопасности². Ни один из этих народов не имел впоследствии достаточных сил для противостояния Германии или России. Завоевание независимости не принесло ни одному из этих народов благополучия, считал Черчилль. После второго освобождения — уже от гитлеровской Германии, они вновь попали в зависимость от Советского Союза. Происхождение ностальгии по Австро-Венгрии и отсюда тоже. Те связи, что делали венгров, чехов, словаков, немцев, хорватов, сербов и многих других австрийцами, по мнению авторов упомянутой книги, постепенно вновь укрепляются. А эти связи никуда и не

исчезали — они в культурах народов, в их истории, языках, родственных связях. От себя могу добавить лишь то, что эти связующие нити и в художественных закономерностях и контактах во всех видах искусства — от театра, литературы, изобразительного искусства до музыки.

И в то же время существуют совершенно противоположные взгляды на общность народов Австро-Венгрии как на конгломерат национальностей, в чьих чисто национальных интересах было до поры сохранять империю в противовес основным опасностям, на Западе — Германии и на Востоке — России³. Каждый народ боролся за свои права против всех остальных, а правительство в свою очередь следовало принципу графа Е. Таафе — «держат все народы в состоянии мягкого недовольства».

Так есть ли о чем ностальгировать сейчас? Я имею в виду прежде всего сферу культуры, культурной политики. Не сотворится ли новый, хотя уже и не такой новый, исчисляемый не одним десятилетием культурологический миф об империи Франца Иосифа?

Культурная политика австрийских властей в Чешских землях в последнюю треть XIX в., как и на протяжении предшествовавших веков, была прежде всего политикой в области национального языка. Безусловно, ситуация с чешским языком была к концу столетия совсем иной, чем в конце XVIII в. Впрочем, как и в целом ситуация с национальной чешской культурой. Борьба за чешский язык, несколько затихшая после 1848 г., разгорелась вновь, особенно в 70-е годы XIX в. Успехи национальной культуры в Чешских землях были бесспорны к концу столетия. Демонстрацией ее силы были закладка и открытие Национального театра, празднование юбилея Ф. Палацкого в 1868 г., 50-й годовщины Национального музея в том же году, чествование памяти Яна Гуса (июль 1868 г.). У чехов были свои национально-культурные организации, библиотеки, национальная школа, вплоть до высшей школы — Пражского университета (в 1882 г. выделилась чешская часть университета) и Высшей технической школы (1869). Национальная школа выпускала каждый год молодых людей с чешским образованием, со знанием литературного чешского языка и широкой подготовкой во многих областях политики, науки, культуры. Прага, ранее практически немецкий город, стала городом чешским и по составу населения, и по облику, по характеру общественной жизни и культурных процессов. Да и в целом в Центральной и Южной Чехии редко можно было услышать не чешскую речь, вывески, названия железнодорожных станций — все это было на чешском языке⁴.

Очевидно, элементом национальной политики следует считать и то, что членами «палаты господ» — верхней палаты австрийского рейхсрата, которых назначал лично император, в 1867 г. стали от Чешских земель Ф. Палацкий и А. Дворжак, что не могло не быть признанием их заслуг перед обществом и культурой и в Чехии, и в целом в империи ⁵.

И в то же время нельзя забывать о том, результатом чего были эти достижения. Они давались чехам в борьбе, в постоянной направленной на отстаивание своих национально-культурных прав работе представителей политических и общественно-культурных кругов. Нельзя забывать о том, что в то же время закрывались чешские журналы, конфисковывались отдельные номера, за права чешского языка приходилось вести настоящую, планомерную борьбу ⁶. Достижения в борьбе за равноправие чешского языка с немецким к концу XIX в. были велики, но чего стоила хотя бы «чехарда» с «языковыми распоряжениями» 1897 г. правительства графа К. Бадени!

Последняя треть XIX в. была временем постоянных усилий чешского общества по закреплению успехов в сфере национальной культуры и национального языка. Процесс этот был противоречивым, шел он прерывисто, не гладко.

По переписи 1900 г., в ходе которой принадлежность к какой-либо нации определялась по языку общения опрашиваемых, чешский язык был признан разговорной речью у 23,2 % населения Цислейтании (польское население — 16,5 %, русины — 13,2 %, словенцы — 4,6 %, сербы и хорваты — 2,7 %, итальянцы — 2,8 %, румыны — 0,9 %) ⁷. В 70 – 80-е годы прошлого века доля чешской национальности составляла собственно в Чехии чуть более 62,5 %, в Моравии — 70-71 %, в Силезии — 22-23 % ⁸. Немцы же составляли в Чешских землях 14 % населения в 1880 г. и 10 % — в 1900 г. Немецкое население жило замкнутой на своем сообществе жизнью, «странной в общественно-культурном отношении жизнью», по определению одного из исследователей ⁹. Большое количество чехов мигрировало также и в Вену, о которой в шутку тогда говорилось как о самом большом чешском городе. По переписи 1910 г. в Австро-Венгрии немецкая часть составляла 23,9 % населения, венгры — 19,8 %, чехи и словаки — 16,7 %, сербы и хорваты — 11,2 %, поляки — 10 % и т. д. ¹⁰

В Чешских землях в последней трети прошлого века сложился вполне крепкий слой чешской мелкой и средней буржуазии, в том числе и чиновничьей, что уже компенсировало потерянное дворянство и еще не сформировавшуюся крупную буржуазию. Видимо, этими социаль-

ными сдвигами и было вызвано оживление борьбы за права национального языка, затихшей было после 1848 г. и вновь активизировавшейся в 70-е годы XIX в. О наличии своей системы национального образования у чехов уже говорилось. Сформировалась и система национальной чешской культуры, включавшая крупные общенациональные институты, такие как Национальный музей или Национальный театр, и целую сеть менее масштабных национально-культурных центров, равномерно распределенных по территории Чешских земель. Роль этих центров — читален, библиотек, любительских театров и т. п. — в создании национально-культурной атмосферы трудно переоценить. Сочетание развитых профессиональных искусства и литературы с плотной сетью национально-культурных институтов и национального образования создавало благоприятные условия не только для сохранения, но и для прогресса национального чешского языка и культуры. Это препятствовало и ассимиляции чешского населения, напротив, позиции чехов крепили. Безусловно, подобные явления не были результатом целенаправленной культурной политики австрийских властей, но бесспорно и то, что эти достижения стали возможными в определенных национально-политических условиях Австро-Венгерской монархии.

Статья 19 Конституции 1867 г., провозглашавшей многие буржуазно-демократические нормы в области политических прав и свобод, делала это и в сфере регулирования национальных отношений¹¹. Провозглашались равноправие всех народностей государства, право на охрану и развитие языков, равноправность всех наречий в государстве, школе, управлении и общественной жизни (с одной поправкой — это касалось лишь тех земель, где проживали представители нескольких народностей, то есть эти положения все же не распространялись на всю страну). Однако, потребовались еще годы, чтобы воплотить эти положения в политические и общественно-культурные реалии.

Естественно, культурная политика прямо зависела и находилась в русле общего политического курса Австрии в отношении Чешских земель. Попытка в 1871 г. укрепить чешские государственно-политические позиции вылилась в подписание после долгого лавирования главой кабинета К. Гогенвартом и лидером Национальной партии Ф. Л. Ригером, а также одним из лидеров дворян-автономистов графом Г. Клам-Мартиницем соглашения «Фундаментальные статьи». Расширение компетенции земских сеймов, созыв общего для Чешских земель сейма, вхождение в правительство государственного министра по делам чешской короны, в целом «триализация» (то есть

перестройка австрийской части монархии на федералистских началах), безусловно, отразилась бы и на сфере общественно-культурной. Но «Фундаментальные статьи» встретили чрезвычайно сильную оппозицию и внутри монархии со стороны правящих кругов Венгерского королевства, австро-немецких централистов, крупных польских помещиков в Галиции, высшей бюрократии и двора в самой Вене, и со стороны ближайшего германского соседа. Франц Иосиф, склонявшийся было к компромиссу, в конечном итоге отказался утвердить «Фундаментальные статьи». Это было болезненно воспринято чешскими политическими и общественными деятелями и послужило решающим фактором в расколе Национальной партии на «старочехов» и «младочехов».

На съезде в Праге в 1874 г. было объявлено о разрыве со старочехами и создании Национальной партии свободомыслящих. Принятая на съезде программа младочехов содержала ряд политических, социально-экономических и, что важно в данном случае, культурных требований, в частности улучшение народного образования¹². Никаких реальных ответов на эти требования, в том числе национально-культурные, младочехи не получили.

В феврале 1879 г., вскоре после отставки правительства А. Ауэрсберга, к власти пришел кабинет графа Е. Таафе. Это правительство оказалось наиболее долговечным за всю историю Австро-Венгрии, оно просуществовало до октября 1893 г. (с августа 1879 г.). Многие шаги, которые можно отнести и к интересующей нас теме культурной политики Австрии в Чешских землях, произошли именно в это время. Пожалуй, характеристику самого Таафе как политика можно применить в определенной степени и ко всей культурной политике в Чешских землях. Будучи консерватором, Таафе сочетал стремление к компромиссам и терпимости с постоянным политическим балансированием. «Таафе не подавлял никого и ничто, за исключением рабочего движения. Он давал процессам свободно развиваться, балансируя и укрепляя баланс, когда равновесие нарушалось»¹³.

Чешские требования, касавшиеся языкового равноправия в администрации, учреждениях, судах, в Пражском университете, средних школах и профессиональных училищах, об их равномерном распределении у чехов и немцев, были представлены как 4 Меморандума императору от 17 ноября 1879 г.¹⁴ После предварительной подготовки в министерствах внутренних дел и юстиции были изданы для Моравии 28 апреля, для Чехии 13 мая 1880 г. (для Силезии — с рядом оговорок в 1882 г.)¹⁵ распоряжения о языках. Распоряжение преду-

смаatrивало употребление в органах управления, суде и прокуратуре наряду с немецким также национальных («земских») языков. Уступкой политической была и новая избирательная реформа 1882 г., по которой в чешском сейме большинство мест досталось представителям чешской буржуазии. Языковые распоряжения 1880 г. действовали практически до 1918 г. и провозглашали официальное равенство языков. Однако в действительности немецкий язык оставался официальным государственным языком. Объявленное равноправие чешского и немецкого языков в государственных учреждениях и суде выражалось в том, что исходящий от них тот или иной документ должен был готовиться на том же языке, что и поступившая в эти учреждения бумага ¹⁶. И все же в условиях, когда чешско-немецкий языковой вопрос обострился на рубеже 80-х годов., подобное распоряжение являлось значительным вкладом во внедрение чешского языка в систему государственного управления. Наряду с укреплением национальной школы и быстрым ростом чешского чиновничества, это создавало необходимую базу национальной государственности.

В то же время нельзя недооценивать и обострение чешско-немецких противоречий в 80-е – 90-е годы XIX в. Националистические настроения ширились и подчас выливались в открытое противостояние и даже насилие. Проблема национализма в Австро-Венгрии вызывает горячие споры у современных историков. Австрийские историки, ностальгируя по прошлому монархии, упрекают зарубежных коллег в излишней заостренности их внимания на национальных проблемах в ущерб социальным и экономическим вопросам на последних этапах истории монархии ¹⁷. Безусловно, существовало множество примеров дружеских отношений между представителями разных национальностей. Но правда и то, что стремление неоабсолютизма деполитизировать национальные чувства не увенчалось успехом ¹⁸. Националистические настроения росли и использовались политиками. А среди национальных проблем наиболее острой была чешская.

С приходом П. Гауча на пост министра культуры и образования в результате его Ордонансов 1887 г. о немецких школах в Цислейтании, носивших определенно пронемецкий характер, произошло сужение сферы чешского национального образования ¹⁹.

Таафе продолжал в целом линию политического и национального компромисса. В январе 1890 г. он созвал в Вене совещание представителей немецких и чешских буржуазных политиков, закончившееся соглашением сторон и принятием так называемых «пунктаций» ²⁰. Соглашение предусматривало разделение земель Чешской короны на

чешские и немецкие округа на основе преобладания в них чешского или немецкого населения. Это было уступкой со стороны чешских политиков (прежде всего «старочехов» во главе с Ф. Л. Ригером) по сравнению с распоряжением 1880 г., в котором языковое равноправие чехов и немцев не обуславливалось территориальными рамками. В земских органах, в школьном, земледельческом советах, в промышленной и торговой палатах, в суде создавались чешская и немецкая секции. Пунктации отменяли принцип обязательного знания чиновниками чешского языка в немецких округах, но оставляли в силе обязательность немецкого языка для чиновников-чехов в чешских округах. При этом некоторые исконно чешские земли объявлялись немецкими округами ²¹.

Лидеры немецких либералов с воодушевлением восприняли январские соглашения, в то же время у чешской общественности пунктации вызвали волну возмущения. Последовали демонстрации, протесты, петиции в сейм. Чешский сейм отказался утвердить пунктации, правительство же Таафе приняло решение о реализации их административным путем. Борьба за реформу избирательного права и протесты против пунктаций привели в конечном итоге правительство Таафе к отставке, что ознаменовало начало политического кризиса в Цислейтании, частой смене кабинетов, «метаниям» и противоречивости в их политике. И одним из узлов противоречий оставались австрийско-чешские отношения.

Пришедший к власти граф К. Бадени, идя на компромисс с чехами, издал в 1897 г. «языковые распоряжения», по которым в судебных и административных органах Чешских земель закреплялось равенство чешского языка с немецким. Лица обеих национальностей имели право обращаться на родном языке в инстанции, а в перспективе к 1901 г. для чиновников должно было стать обязательным знание как немецкого, так и чешского языка ²². Судьба «языковых распоряжений» Бадени была драматичной и отразила всю остроту чешско-немецких отношений и тщетность попыток лавирования австрийского правительства в последнее десятилетие XIX в. Уступки чешским требованиям встречали отпор немецкой части населения, попытки успокоить австро-немецкое население вызывали протесты чехов. Это было время митингов, бойкотов, противостояния. Сменивший К. Бадени на посту главы кабинета П. Гауч отменил в 1898 г. распоряжения своего предшественника, но в своих новых «языковых распоряжениях» попытался найти компромисс, разделив Чешские земли не на две, а на три области — чешскую, немецкую и смешанную, где административным

языком должен был стать язык большинства населения. Попытка компромисса не устроила ни чешское, ни немецкое население. Кабинет Ф. Тун-Гогенштейна продолжал линию компромисса в области языковой политики, что вызывало противостояние со стороны немецких партий. Восстановление «языковых распоряжений» К. Бадени в 1899 г. правительством М. Клари-Альдрингена также не способно было нормализовать национально-политические отношения. Любой шаг правительства вызывал возмущение той или иной стороны. Наступавший XX век унаследовал всю сложность этих отношений.

Культурная политика австрийских властей в Чешских землях не была, безусловно, политикой подавления национальной культуры. Как и в «большой политике», в этой сфере было много компромиссов, лавирования со стороны австрийского правительства, во многом это была политика вынужденных или сознательных и целенаправленных уступок. И в то же время нельзя не учитывать всю совокупность событий, всю полноту и противоречивость явлений культурной жизни этого периода в Чешских землях. Реалии того времени говорят о сложности и неоднозначности политики в сфере культуры. Причины современной ностальгии чешских деятелей культуры по Австро-Венгерской монархии я бы искала скорее в неудовлетворенности нынешней ситуацией, нежели в реальностях прошлого. Для людей конца XX в. отношения в Австро-Венгрии в последней трети прошлого столетия подчас кажутся куда более стабильными и привлекательными, чем современные реалии. За политическими баталиями хочется увидеть реальную жизнь народов, населявших империю, позволявшую им достигать прогресса в различных сферах, и не в последнюю очередь немалых успехов в культуре. Поставленные вопросы требуют, безусловно, дальнейшего исследования.

¹ Austria. Past and Present. Wien, 1987. P. 543.

² Ibid. P. 550.

³ Murad A. Franz Joseph I of Austria and his Empire. N. Y., 1968. P. 185.

⁴ Macartney C. A. The Hapsburg Empire. 1790 – 1918. London, 1971. P. 643.

⁵ Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 359.

⁶ Там же. С. 361.

⁷ Ненашева З. С. Общественно-политическая мысль в чешских землях. М., 1994. С. 12.

⁸ Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 222.

-
- ⁹ Macartney C. A. Op. cit. P. 644.
- ¹⁰ Austria. Past and Present. P. 543.
- ¹¹ Ненашева З. С. Указ. соч. С. 22 – 23.
- ¹² Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 231.
- ¹³ Macartney C. A. Op. cit. P. 615.
- ¹⁴ Ненашева З. С. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁵ Краткая история Чехословакии... С. 233.
- ¹⁶ Ненашева З. С. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁷ Macartney C. A. Op. cit. P. 638.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ненашева З. С. Указ. соч. С. 40, 41.
- ²⁰ Полтавский М. А. История Австрии. Ч. 2. М., 1992. С. 119.
- ²¹ Там же.
- ²² Краткая история Чехословакии... С. 237.

КОНЦЕПЦИЯ «НРАВСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ» В ЧЕШСКОМ ДВИЖЕНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

«Нравственность в настоящее время в значительной степени означает нравственность политическую. Не надо делать различие между политикой и нравственностью»...¹ Многие здравомыслящие люди возразят: политика — сфера жестких решений, где вопросы этики и нравственности совмещаются в чисто внешнее проявление «политической корректности». Тем не менее это высказывание принадлежит человеку, обладавшему ярко выраженным прагматизмом, первому президенту Чехословацкой Республики Томашу Масарику. В период первой Республики было популярно издавать сборники его высказываний на различные темы. Они были доступны широкой читательской аудитории, а по форме изложения и тону напоминали пастырские проповеди. В 1925 г. подобный сборник высказываний о нравственности был опубликован в Праге. В нем Т. Масарик обращал особое внимание на политическую нравственность, которая должна не только прививаться политикам или интеллектуальной элите, но и являться отражением политической культуры всего общества, показателем его морального состояния².

Естественно, как и любая идеологическая конструкция, понятие «нравственная политика» весьма условно и трактовка его может напрямую определяться политической конъюнктурой. Но изучение этого явления в контексте становления чешской национальной идеологии и политической культуры представляет, на мой взгляд, несомненный интерес, особенно, если попытаться соотнести это понятие с проблемой конфликтности. Центральная Европа — регион этнической мозаичности и, как следствие, отличается повышенной конфликтностью. Исторический опыт населяющих ее «малых народов» — это прежде всего опыт выживания в условиях, когда конфликтные ситуации приводили не только к локальным, но и к общеевропейским катастрофам, когда попытки самоутверждения таили угрозу ответного насилия со стороны более сильных соседей, когда обретение исторической индивидуальности наталкивалось на политическое соперничество с такими же развивающимися обществами внутри Австрийской империи.

Поскольку конфликты нередко сопряжены с насилием, правомерен вопрос: насколько реальна политика, направляющая поток кри-

зисных ситуаций в мирное русло? Общеизвестно, угроза миру и возможность насилия возникают тогда, когда стороны убеждены, что только насильственный путь приведет к справедливому разрешению конфликта. И даже угроза еще большего ответного насилия зачастую не останавливает кровопролития. Почему так происходило и происходит? Сказывается ли предрасположенность к насилию в данном культурно-историческом пространстве? Какова роль политики в поощрении или, наоборот, подавлении этой предрасположенности? Ответы всегда будут неоднозначны. Они требуют совместных усилий специалистов в различных областях исторического анализа, социальной психологии, этнологии, антропологии.

Немецкий востоковед Т. Шеффлер отметил одну важную тенденцию: шкала рефлексии данного общества на кризисную ситуацию во многом определяется историческими условиями его развития³. «Быть особенным», «мы не должны погибнуть» — кредо этничности. И наличие в общественном сознании определенных механизмов, с помощью которых данный коллектив преодолевает кризисную ситуацию, определяется как совокупностью поведенческих реакций (зачастую действующих на рефлекторном уровне, например заданное стремление к спасению потомства), так и осознанных, усвоенных обществом идеологических установок. Помимо экономических и геополитических факторов здесь действуют также характер героизации исторического прошлого, ценность жизни, представление о том, что есть «смерть за Родину», особенность автостереотипных установок, характерных для данного общества, уровень развития генофонда. Изучение всей совокупности внутренних и внешних предпосылок позволило бы отчасти прогнозировать степень предрасположенности общества к насильственному разрешению конфликта.

Понятие «модель выживания», которым можно, на мой взгляд, обозначить суть этой проблемы, является рабочей гипотезой. Здесь, естественно, присутствуют спорные моменты. В общих чертах, «модель выживания» — это совокупность установок, которыми руководствуется общество в критические периоды своей истории, чтобы защитить свой генофонд, этнокультурную целостность, сохранить способность к саморазвитию, достижению более высокого качества жизни.

Рефлексии «малых народов» Центральной Европы на критические периоды различны, как неодинаковы сами кризисные ситуации, будь то внутренние социально-экономические, конфессиональные, этнические конфликты, или о неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, или наложение внутреннего и внешнего кризисов. Однако,

несмотря на эти различия, можно поставить вопрос о существовании определенных закономерностей в действиях харизматических лидеров и вверивших им свою свободу социальных групп, что особенно ярко проявляется в «минуты роковые».

Специфическую польскую «национальную революционность», равно как и венгерскую идею национальной борьбы (типологически им близка также сербская идея национальной государственности) сближает высокая степень внутренней динамики, предрасположенность к силовому решению конфликта, чрезвычайная героизация национальной идеи, выражавшаяся в кредо — «Твой долг умереть за Родину». И самое главное — готовность к национальной мобилизации перед угрозой насилия. Венгерские события 1956 г. имеют внутреннюю связь с революцией 1848 – 1849 годов (недаром они начинались с возложения цветов к памятнику Й. Бему). Польское сорокалетнее сопротивление советскому режиму уходит корнями в восстания двух предшествовавших столетий. Сербская история также создавалась с оружием в руках, и мотивы героического эпоса на острове Корфу созвучны как сербским восстаниям начала XIX в., так и современному югославскому кризису.

Совершенно иначе выглядит чешская «модель выживания». В новой и новейшей истории Чехии поражает внутренняя взаимосвязанность, цельность политической традиции, над которой, похоже, не властны ни политические страсти, ни внешнее силовое давление. В прошлом столетии основная линия чешской политики выражалась в «пассивной оппозиции», кабинетной борьбе за триализм, и даже таборское движение 1868 г. не вышло за рамки петиционной кампании. Когда в 1915 г. находившийся в эмиграции Т. Масарик открыто выступил с призывом «Прочь из Австрии!», то, по его собственному признанию в письме Э. Бенешу, многие в Праге сочли это проявлением неприличного радикализма⁴. В кровавом XX в. в чешской истории доминируют сюжеты о бескровной революции 1918 г., бескровном перевороте 1948 г., бархатной революции 1989 г., мирном разводе со Словакией... Пражская весна 1968 г. также не привела к гражданской войне, а вылилась в пассивное сопротивление общества с фальшивым внешним лозунгом «С Советским Союзом на вечные времена»...

Череда этих событий позволяет предположить, что в общественном сознании существуют особые механизмы, регулирующие и сдерживающие эмоциональные взрывы в кризисных ситуациях. В этом проявляется последовательность и предсказуемость чешской политики.

Стержнем чешской национальной идеологии являлась идея «нравственной политики», которая последовательно развивалась, выстраивалась в чешскую систему национальных политических ценностей в трудах ведущих деятелей XIX – XX вв.: от К. Гавличка-Боровского к Ф. Палацкому, от Т. Масарика к В. Гавлу. Естественно, время вносило свои коррективы, изменились акценты, но суть ее остается неизменной... Попробуем выделить основные идеологические доминанты концепции «нравственной политики» и поставить сопредельный вопрос: почему она сложилась именно в чешском движении?

В публицистическом наследии К. Гавличка-Боровского эта тема занимает особое место ⁵. Именно Гавличек, которого по праву считают основателем чешской патриотической журналистики, впервые попробовал соединить национальную идею с политикой, а политику с нравственностью. В его статьях второй половины 40-х годов XIX в. основным понятием для определения национальных идей являлось «humanita», слово, заимствованное из тогдашней немецкой публицистики. В конце 40-х годов пангерманское движение охватило не только разрозненные немецкие земли, но и владения Габсбургов. Под лозунгом за объединенную немецкую Австрию по всей стране создавались многочисленные общества, издавались журналы, вдохновлявшие своих читателей известными строками:

«Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt!»

Наиболее часто употреблялся тезис о великой роли германского культуртрегерства, поднявшего славянские народы Центральной Европы до цивилизационного уровня. В пангерманской публицистике весьма активно использовалось тогда понятие «humanität» для того, чтобы подчеркнуть, «что этот Дух человечности был рожден в немецком народе» ⁶. К. Гавличек, убежденный противник пангерманизма, нашел понятию «humanität» чешский аналог — «lidiskost» (дословно — человечность). Он придал этому слову новое значение, связав его водно с чешской национальной идеей.

В августе 1848 г., когда империя Габсбургов переживала тяжелейший революционный кризис, Гавличек сформулировал кредо чешской политики: «Нам нужна справедливость в национальном смысле и умеренность (спокойствие) — в политическом» ⁷. Политическое спокойствие, когда Прага была уже обстреляна пушками А. Виндширца, а австрофильский, верноподданный по своему характеру Славянский съезд был разогнан, когда венгерская революционная армия воевала

за национальную свободу, а в самой австрийской столице едва удавалось сдерживать кровопролитие. Эти два принципа — справедливость в национальном вопросе и политическая толерантность — стали основой идеи нравственной политики. За два года, с 1848 по 1850 г., Гавличек создал довольно четкую систему принципов национально-го движения.

Первый принцип — «политическая свобода без национальной не имеет смысла»⁸. «Справедливость», равно как и «нравственность» в политическом смысле являлись для Гавличка отражением демократического порядка, а демократия рассматривалась не только как строй с равными социальными гарантиями и суверенитетом личности, но прежде всего как порядок, при котором все национальности уравнины в правах. Идея борьбы за «национальную справедливость» занимала приоритетное положение, поэтому Гавличек выступал за то, чтобы патриотический лагерь не разделялся по политическому признаку — на либералов, консерваторов, радикалов или демократов. Гораздо важнее быть истинным патриотом своего народа, т. е. бороться против абсолютизма, аристократизма и бюрократизма⁹.

Второй принцип — «свобода без образования народа невозможно»¹⁰. Разрушение абсолютистских основ государства, достижение демократического устройства возможны, в понимании Гавличка, только ненасильственным путем. Он был убежден, что народ должен быть внутренне подготовлен к новой демократической форме государства. Никаким насильственным, революционным путем достичь этого невозможно. Свобода должна вызревать из внутренней силы народа — «и такой плодотворной почвой для свободы являются образованность, благородство и мужественность граждан»¹¹.

Большое внимание он уделял проблеме родного языка, и «если у какого-либо народа господствует чужой язык в учреждениях, школах, в жизни — там нет настоящей свободы, нет демократии»¹². Гавличек неоднократно призывал патриотов идти «просвещать прекрасные луга нашей Родины», чтобы «взошли сладкие плоды свободы»¹³. С образовательной задачей Гавличек связал понимание того, что представляет собой «демократическое общество», которое должно предоставить необразованному человеку возможность обучаться, получать образование, прежде всего на родном языке. Таким образом, отказ от радикальных форм национальной борьбы должен был сочетаться с активной национально-образовательной деятельностью. Став высоко образованным народом, «мы, народ чешский, народ славянский, сможем оказывать огромное влияние на развитие всей срединной и

восточной Европы... Только так чехи снова смогут снискать славу, даже еще большую силу и славу, чем в давние времена Карла и Отакара»¹⁴.

Третье: справедливого решения национального вопроса и демократического общественного устройства «малые народы» смогут достичь только оставаясь в границах Габсбургской монархии¹⁵. На первый взгляд парадоксальное утверждение для человека, призывавшего бороться с консерватизмом и аристократизмом. Тем не менее, именно Гавличек, несмотря на гонения со стороны австрийского правительства, оставался убежденным австрофилом. Во время революционных потрясений 1848 – 1849 годов традиционное австрофильство трансформировалось в программу австрославизма, которую провозгласил Славянский съезд в Праге¹⁶. Это был своего рода «третий путь», к которому призывали идеологи славянских движений, уверенные в том, что нашли достойную альтернативу как пангерманизму, так и мадярскому сепаратизму.

Австрославизм¹⁷ (с 60-х годов XIX в. — австрофедерализм) являлся, с одной стороны, программой федерализации имперских земель, в которой прослеживается стремление чехов стать ведущей политической силой обновленной Австрии, а с другой — концепцией центральноевропейской безопасности, построенной на принципе равновесия сил в регионе. Предполагалось, что реорганизованная Габсбургская империя могла бы стать крепостью, сдерживающей натиск экспансионистских соседних держав — России и Германии. Действительно, союз австрийских славян с Габсбургами, за который так ратовал демократ Гавличек, мотивировался не столько романтической приверженностью трону или трогательным сознанием общей исторической судьбы, сколько трезвыми прагматичными расчетами.

Гавличек откровенно доказывал, что чехам будет не по карману самим содержать армию, чтобы защищать государственную независимость. Да и революция обойдется народу слишком дорого. Поэтому его газета «Народни новины» обрушивалась с критикой на радикалов (или, как он писал, «подстрекателей»), пытавшихся подтолкнуть народ к силовым действиям¹⁸. Не вооруженное сопротивление власти, а примирение, компромисс с ней. В этом смысле австрославизм можно рассматривать как важную составную часть складывавшейся чешской модели выживания. Жертвуя идеей государственного суверенитета, Гавличек отстаивал суверенитет национальный, ограниченный федералистскими установками. Более безопасный и более дешевый.

Являлось ли это проявлением политической инфантильности? И да, и нет. В своем фундаментальном исследовании «Чехи в Габсбургской монархии» чешский историк Й. Коржалка убедительно показал, что консолидация национальных обществ происходила не вопреки, а благодаря австрийской государственной структуре¹⁹. Конечно, «полицейское государство», сложившееся в период правления императоров Франца I и Фердинанда, своей системой полицейского сыска, регламентацией штрафов, цензурных ограничений сдерживало динамику нациообразовательных процессов. Но даже в этот период сохранялась традиция земских представительских органов, открывались матицы — очаги национально-просветительских идей, существовала кафедра чешского языка и литературы в Пражском университете. Габсбургская монархия уже самим фактом своего существования обеспечивала нарождавшимся нациям благоприятные условия, давала им гарантию внешнеполитической безопасности. Отсюда столь глубокое чувство сопричастности своего народа с Габсбургской монархией.

В идеологических построениях, характерных для национальных движений народов Австрийской империи, проявлялся внутренний разлад между комплексом собственной малочисленности и стремлением ощущать себя значительными, полноправными наряду с другими европейскими народами. Славянские идеологи периодически увлекались панславистскими иллюзиями, австро-немецкие либералы верили в осуществимость «великого Германского пути», поляки — в мессианское значение трагической судьбы польского народа и его будущее объединение. Пожалуй, только венгры вынуждены были примиряться с собственной самодостаточностью. Важно, что параллельно с этими макронационалистическими построениями развивалась идея «австрийской родины», имевшая различные формы выражения — централистскую, дуалистическую, федералистскую. Своеобразный эрзац национальной государственности, сочетавший в себе стремление быть защищенными (как в военной, так и в финансово-экономической областях) и одновременно развиваться как самостоятельное национальное общество.

Наконец, необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, отчасти объясняющее причины возникновения концепции нравственной политики. Что собой представляло чешское общество середины XIX в.? К. Гавличек писал в это время о едином «чешско-моравско-силезском» народе, иногда прибавляя еще и словаков, но писал, как правило, в условном наклонении. Эти будущие «чехославяне» (тоже его терминология) «могли бы стать единым сильным народом»²⁰. Ле-

том 1848 г., обращаясь к своим читателям, он с горечью признавал, что его «Народни Новины», издававшиеся на чешском языке, имеют только 1050 подписчиков, в то время как немецкие издания более 6000. Чехи более других славян «растратили свой особый характер и национальность, а деревенские паны Францы с гордостью заявляют, что по-чешски даже читать не умеют»²¹.

Действительно, в середине XIX в. в чешских землях еще существовала особая билингвистическая «богемская общность», сложившаяся в результате трехсотлетнего пребывания Чешского королевства в составе Габсбургской империи. Понятие «богемизм», введенное Б. Больцано, отражало специфику земского патриотизма — «ни чех, ни немец, а только богемец» — кредо, сформированное графом И. М. фон Туном, представителем одного из наиболее известных аристократических родов²². В среде аристократии, чиновничества, интеллигенции пользовалась тогда популярностью идея, что «Богемия должна принадлежать богемцам»²³. Примечательный факт: первая попытка отделить чешское население от немецкого была предпринята пражским городским советом лишь в 1869 г.²⁴

Сравнительно немногочисленной группе интеллигентов, осознавших свои этноисторические истоки, предстояло сделать жизненный выбор: открыто признавая себя чехом, каждый из них рисковал стать не только объектом насмешек в немецко-богемской среде, но и серьезно затормозить собственную карьеру²⁵. Статистические данные, приведенные в фундаментальном исследовании М. Гроха, показывают, что чешские патриоты, получавшие образование, как правило, на кафедре чешского языка и литературы Пражского университета, по своему социальному происхождению были интеллигентами в первом поколении. Их родители — в основном мелкие городские собственники или фермеры. Выходцы из образованных семей (адвокатов, учителей, старших чиновников) составляли всего лишь 2 %²⁶. Это обстоятельство помогает понять причины определенной неуверенности в собственных силах, корни ощущения малочисленности своего народа, характерные для чешских интеллигентов того времени. Но с другой стороны, именно в этой среде было широко распространено сознание неповторимой ценности каждого «истинного чеха». Возможно, в этом кроются социально-психологические истоки «нравственной политики», стремление избежать любой ценой кровопролития, ответного насилия, сохранить свой «золотой фонд патриотов».

Чешское движение — мещанское по своему характеру — не имело аристократического блеска, присущего венгерской или польской оп-

позиции. Но во время конституционных экспериментов 60-х годов оно сумело выработать осознанный образ «единства чешского народа» и выступать (по крайней мере в представительских органах) с согласованной политической программой. Основная идея чешского австро-федерализма заключалась в том, что «свободная Чехия невозможна без мощной и сильной Австрии и наоборот»²⁷. Ф. Палацкий, ведущий политический деятель, «историограф чешского народа», углубил идеи К. Гавличка, сформулировав концепцию австрофедерализма²⁸. В данной связи для нас важно, как на этапе, когда чешское движение приобрело уже массовый характер, действовали принципы «нравственной политики».

На протяжении 60-х – 70-х годов чешские политики неоднократно уходили в пассивную оппозицию, демонстративно отказываясь заседать в представительских органах. Подобная форма протеста должна была заставить правительство и венский двор прислушаться к требованиям федералистского лагеря. Выступления чешских лидеров на парламентских заседаниях, довольно резкие по форме, были обращены против непримиримых врагов — немецких централистов и венгерских сторонников дуализма, но никогда — против Габсбургского дома. Лояльность и легальность — два основополагающих принципа, о которых писал еще Гавличек, продолжали свято соблюдаться.

Особенно ярко эти качества чешского движения проявились во время молниеносной австро-прусской войны 1866 г., когда судьба империи вновь повисла на волоске. Венгерская партия Ф. Деака поставила Вене ультиматум и победила. Австро-венгерский компромисс 1867 г. означал крах федералистской программы и тактики политической борьбы, разработанной старочешским триумvirатом — Ф. Палацким, Ф. Браунером и Ф. Ригером. С этого, рокового для чешского движения, года рухнула идея единства политических сил, разочаровавшиеся младочешские политики попытались выработать более радикальные формы оппозиции и даже собственную политическую программу под названием «славянская политика». Но демонстративное русофильство (в пике старочешскому австрофильству) и игра в «малый панславизм» (солидарность австрийских славян) оказались малоэффективными средствами воздействия на венский кабинет²⁹.

Тактика пассивной оппозиции не смогла привести федералистов к победе. На первый взгляд, принципы «нравственной политики» не оправдали себя... Но потерпев поражение в высокой политике, чешские патриоты с успехом осуществили национальную консолидацию. В патриотической публицистике 60 – 70-х годов. сложилось автостереотип-

ное представление — «мы, чехи, самые образованные среди славян»³⁰. Большое распространение получила тактика «малых дел», суть которой: быть патриотом — значит учиться, заниматься самообразованием, увеличивать свое материальное благополучие. За этот сравнительно небольшой отрезок времени в чешских городах были созданы физкультурные, хоровые, читательские, экономические товарищества (кооперативы). Всех их сближала культурно-просветительская ориентация и общее правило — члены общества должны были разговаривать друг с другом по-чешски. В 1867 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях» с нескрываемым одобрением описывались культурные достижения чешского общества³¹. Действительно, чешское движение представляло собой яркий пример того, как патриотически настроенная интеллигенция смогла воспитать общество, привить ему определенные качества и ориентиры, составлявшие «нравственную политику».

Наиболее полное выражение идея «нравственной политики» получила в трудах Т. Масарика, который придавал особое значение разработке проблем «демократической этики». В своей широко известной работе «Социальный вопрос» (1898) он подчеркивал важность объединения политической практики с этическими принципами: «Демократизм — это не только политическая структура, но также и нравственная, прежде всего нравственная ... Эта этика имеет свой ясный и определенный социальный и политический идеал». С одной стороны, это — «работа, трудолюбие, энергия, настоящая работа, которая противостоит всем несметным врагам, маленьким, суетным, ежедневным, всем микробам зла и нищеты физической и нравственной», это и «любовь, которая вообще не допускает насилия». С другой стороны, под понятием «демократическая этика» понимается и соблюдение нравственных принципов в политике³².

В свое время К. Гавличек, перефразируя известную библейскую заповедь, сформулировал идею, которую Т. Масарик поставил во главу угла чешской идеологии — «не делай другим того, что не желал бы себе»³³. Таким образом, понимание «нравственности» приобретало новый оттенок — от сугубо индивидуального качества («возлюби ближнего как самого себя») к идее гармоничного всеобщего компромисса. В этом — основной гуманистический пафос чешской идеологии. И ее утопичность. Но утопичность сознательная, имеющая компенсаторную функцию. Еще в 1898 г. Т. Масарик отчетливо определял смысл национальной идеи: «Палацкий нам показал, что наша чешская идея действительно является мировой идеей, наиболее важным

жизненным вопросом, определяющим отношение человека к человеку, народа к народу *sub specie aeternitatis* — в смысле вечности»³⁴.

Главным принципом «нравственной политики», на который делали акцент и Гавличек, и Палацкий, и Масарик, является отрицание насилия как метода решения конфликтных вопросов. Причем под «насилием» понимается весьма широкий спектр политических действий: от революции до национальной самозащиты, отстаивание интересов своего народа вооруженным путем. Т. Масарик категорически против «насилия» — «грубого политического материализма», который губит в человеке все нравственные основы, и прежде всего свободу духа³⁵. Если К. Гавличек аргументировал отрицание насилия чисто прагматическими соображениями («малому народу» может угрожать опасность ответного насилия), то у Масарика мотивация уже другая, в духе либерально-этических тенденций начала века — нравственность человечества торжествует над «материей» и кровью³⁶. Итак, идея «ненасилия в политике, в экономике, в семье и духовной работе» стала определяющей в трудах Т. Масарика на рубеже веков. Его оценки чешской истории можно охарактеризовать одним словом — самооборона. Так, даже гуситское движение в этой интерпретации предстает как «борьба за высшую нравственность». Табориты вели только оборонительные войны, а чешская реформация в целом была нравственной борьбой за достижение «социальной и политической справедливости»³⁷.

Будучи убежденным сторонником прогрессистской идеологии, Масарик отрицал необходимость революции. С позиции нравственной политики физическое уничтожение противников недопустимо. Он признавал лишь одну форму революции, «реформационную». «Революция должна быть духовно подготовлена, и только обдуманная и проводящаяся по плану революция может иметь успех»³⁸. И в этом положении Масарик снова отталкивается от идей своих духовных предшественников, настаивая на практической реализации теории малых дел. «Ежедневная работа — она и есть истинной практичной, конкретной и жизненной — все эти великие героические дела обычно осуществляются лишь в фантазиях и *in abstracto*. Труд также преодолевает революционизм»³⁹. Наиболее важной частью этой программы он считал разработку целостной системы массового образования на национальной основе. Благополучие и образованность — это альфа и омега в его понимании общества «политической и социальной справедливости».

Наконец, третьим принципом нравственной политики являлась идея

национального равноправия. Выступая в 1916 г. в Лондонском университете с лекцией «Проблема малых народов в европейском кризисе», Масарик еще раз подтвердил свое убеждение, что «сила народа — в его духовном нравственном развитии, и только нравственная сила поможет малым народам самосохраниться и выработать принципы разрешения национальных противоречий»⁴⁰.

Итак, выделим структурные звенья концепции «нравственной политики»: социальная гармония национального сообщества; отрицание насильственных вооруженных методов разрешения конфликтов; компромисс с Веной (идея федерализации); широкое образование всех социальных слоев. На первый взгляд, в этом подходе есть ряд общих черт с философской доктриной «непротивления злу насилием». Но это поверхностное сходство. Масарик в 1889 г. встречался с Л. Н. Толстым, но не сочувствовал самой идее непротивления. Он не отрицал милитаризм как таковой, считая его необходимым злом, частью современной экономической системы⁴¹.

Столь последовательное отрицание революции и акцентирование гуманистической сущности чешской идеологии имело, на мой взгляд, социальную мотивацию. Следствием успешно осуществленной индустриализации чешских земель было формирование довольно широких капиталистических слоев, выросших из мелкобуржуазной предпринимательской среды города и деревни. Местным (национальным) финансовым и промышленным структурам было что терять в случае радикальных потрясений. Реалистское движение, духовным лидером и организатором которого выступал Т. Масарик, в своих программных требованиях было ориентировано на последовательное внутреннее реформирование общества и сглаживание неизбежных социальных конфронтаций.

Компонентами программы демократизации, предложенной реалистами, были такие важные требования как социальная и политическая модернизация деревни, рабочее законодательство, антиклерикализм, борьба за расширение избирательного права, сотрудничество с центристским направлением социал-демократии. Развитие «нравственной политики» призвано было отразить новую систему ценностей, формировавшуюся в обществе.

На всех этапах консолидации нации существует потребность в выработке общего образа, доступного пониманию всех социальных групп, презентующего данную национальную общность в общении с «внешним миром», наконец, значительно повышающего шкалу собственной самооценки. Гуманность, о которой начал писать К. Гав-

личек, приобрела в трудах Т. Масарика характер парадигмы исторического развития чехов. Вполне понятен и объясним пафос его речи о чешском гуманизме: «Это то, что должно войти в европейской духовное наследие», то, что «чехи дали Европе», это — «идеал социальной и национальной справедливости»⁴².

Не стоит обольщаться относительно реального воплощения идей нравственной политики. Т. Масарик вел жесткую борьбу за признание новой чешской государственности. Идея австрийской федерализации, которую он поддерживал до первой мировой войны, трансформировалась в его выступлениях 1914 – 1915 годов в призыв о «демократической реконструкции Европы» и создание чехословацкого государства⁴³. Чешский корпус легионеров был для него разменной картой в переговорах с правительствами Франции и Великобритании. О высоких идеалах нравственной политики тогда не могло быть и речи⁴⁴. Но это уже тема другого исследования.

В данной статье была предпринята попытка выделить основной компонент чешской национальной идеологии. Концепция «нравственной политики» — явление типологическое, такого же порядка как, к примеру, польский мессианиззм или сербская идея панбалканизма. Своего рода национальная метафора, компенсирующая для чехов сознание своей малочисленности. Основной мотив этничности — самосохраниться и ощутить себя значительными — выражен здесь в идее компромисса как средства мирного решения конфликта, как уступки под угрозой ответного насилия, как метода сохранения общественного благосостояния и, главное, жизни своих соотечественников. Размышления же о «моральных» последствиях такой политики компромисса, думаю, выходят за рамки научного анализа.

¹ *Masaryk T. G. Idealy humanitní. (1901). // Mrávní názory. Praha, 1925. R. II. Sv. 1. Vyd. 2. S. 92.*

² *Ibid. S. 27 – 33.*

³ *Sheffler T. Ethnizität und Gewalt in Vorderen und Mittleren Orient // Ethnizität und Gewalt / Hrsg. von T. Sheffler. Hamburg, 1991. S. 9 – 10.*

⁴ *Weg von Österreich! Das Weltkriegsexil von Masaryk und Beneš im Spiegel ihrer Briefe und Aufzeichnungen aus den Jahren 1914 bis 1918 / Hrsg. von F. Hadler. Berlin, 1995. S. 7.*

⁵ О К. Гавличке см.: *Bělič K. Slovanstvo a Karel Havlíček Borovský. Praha, 1947; Chalupný E. Havlíček. Obraz psychologický a sociologický. Praha, 1908; Tům K. Karel Havlíček Borovský. Kutna-Hora, 1883 – 1885; Masaryk T. G. Karel Havlíček. Snahy a tužby polityckého probuzení. Praha, 1896.*

⁶ Эти идеи были отражены в передовой статье первого номера пангерманского журнала «Schwarz-Roth-Gold» под редакцией И. Рамка, А. Шопора и др. (11.VII. 1848).

⁷ Havlíček K. Článek, o kterém bych si přál, aby jej každý přečetl a rozvážil // Národní Noviny (далее: NN). 30.VIII. 1848. S. 468.

⁸ Havlíček K. Slovo v čas nepoctivosti našich nepřítelů, němců i maďarů // NN. 29.IX. 1848. S. 571.

⁹ Havlíček K. Článek, o kterém bych si přál... S. 468; *Idem*. Výklad hesla Národních Novin // NN. 6.VII. 1848. S. 275.

¹⁰ Havlíček K. O směru Národních Novin // NN. 23.IX. 1848. S. 551.

¹¹ Havlíček K. Rok 1849. // NN. 2.I. 1848. S. 1.

¹² Havlíček K. Slovo v čas nepoctivosti... S. 571.

¹³ Havlíček K. Rok 1849... S. 1.

¹⁴ Havlíček K. O směru Národních Novin... S. 552.

¹⁵ *Ibid*.

¹⁶ Об австрофильской традиции в чешском обществе см.: *Kořalka J.* Češi v Habsburské říši a v Evropě. 1815 – 1914. Praha, 1996. S. 19 – 29.

¹⁷ Об австрославизме см.: *Kořalka J.* Op. cit. S. 197 – 221; *Šesták M.* Der tschechische Austroslavismus bis zum österreichisch-ungarischen Ausgleich in der tschechischen Historiographie // Der Austroslavismus / Hrg. von A. Moritsch. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 24 – 36; *Urban O.* Der tschechische Austroslavismus nach dem österreichisch-ungarischen Ausgleich // *Ibid*. S. 36 – 44.

¹⁸ Havlíček K. Článek, o kterém bych si přál... S. 467 – 468.

¹⁹ *Kořalka J.* Op. cit. S. 63 – 67.

²⁰ Havlíček K. Výklad hesla Národních Novin // NN. 5.VII. 1848. № 68. S. 269 – 270.

²¹ Havlíček K. Slovo redaktora ke čtenářství // NN. 30.V. 1848. № 46. S. 180.

²² *Thun J. M. Graf von.* Der Slavismus in Böhmen. Prag, 1845. S. 17.

²³ *Kořalka J., Crampton R. J.* Die Tschechen // Die Habsburgermonarchie. 1848 – 1918. Wien, 1980. B. III. S. 489 – 492.

²⁴ Statistika královského hlavního města Prahy. Praha, 1871. S. 124.

²⁵ *Gottsmann A.* «Stockböhmen» oder «Russenknechte»? Das Bild der Tschechen in der deutschsprachigen Presse Österreichische Osthefte. Wien, 1922. Jhg. 34. H. 2. S. 284 – 293.

²⁶ *Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe. Cambr., 1991. P. 48.

²⁷ Цит. по: *Tobolka Z.* V. František Palacký jako politik a historik. Praha, 1898. S. 30.

²⁸ Наиболее полный, на наш взгляд, анализ национальных, государственно-правовых и социально-экономических аспектов австрофедерализма см.: *Kořalka J.* Češi v Habsburské říši... S. 16 – 124.

²⁹ *Vojtěch T. Mladočeši a boj o politickou moc v Čechách. Praha, 1980. S. 14 – 40.*

³⁰ *Лебедева (Павленко) О. В. Чешское русофильство в период установления австро-венгерского дуализма // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 125 – 155.*

³¹ *Санкт-Петербургские Ведомости. 11.V. 1867. № 128.*

³² *Masaryk T. G. Otázka socialní. Praha, 1898. S. 581.*

³³ *Masaryk T. G. Karel Havlíček. Praha, 1896. S. 236.*

³⁴ *Masaryk T. G. Palackého idea národa českého // Naše doba. Praha, 1898. S. 780.*

³⁵ *Masaryk T. G. Naše nynější krise. Praha, 1895. S. 69 – 70.*

³⁶ *Ibid. S. 76; Idem. Vrah Carnotův a anarchismus // Naše doba. Praha, 1898. S. 821.*

³⁷ *Masaryk T. G. Mistr Jan Hus a česká reformace. Vyd III. Praha, 1919. S. 16 – 18; Idem. V boj // O náboženství. Praha, 1904. S. 24.*

³⁸ *Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Praha, 1921. Vyd II. S. 669.*

³⁹ *Masaryk T. G. Otázka socialní. Praha, 1898. S. 647.*

⁴⁰ *Masaryk T. G. Mravní názory. Praha, 1925. R. II. Sv. 1. Vyd II. S. 73.*

⁴¹ *Masaryk T. G. Hlídky «Naší doby». Praha, 1898. S. 473; Idem. Projevy a řeči. Praha, 1919. Vyd II. S. 30 – 31.*

⁴² *Masaryk T. G. Jan Hus. Praha, 1903. Vyd III. S. 70 – 71. Те же идеи см.: Idem. Hus českému studentstvu. Praha, 1899. S. 9 – 10.*

⁴³ *Pichlík K. Zahranicní odboj bez legend. Prag, 1968. S. 52 – 68; Masaryk T. G. Nová Evropa. Praha, 1920. S. 191 – 194.*

⁴⁴ *Эта политика отражена в переписке Т. Г. Масарика и Бенеша 1914 – 1918 гг. См.: Weg von Österreich!... S. 280 – 553.*

ВНЕШНИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГАЛИЦИЙСКИХ РУСИНОВ

В своем романе «Марш Радецкого» Йозеф Рот описывает, как молодой поручик фон Тротта накануне мировой войны, отправляясь служить в восточную Галицию, воспринимал эту поездку как путешествие на край земли. Это было справедливое ощущение по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это было место по австрийским меркам вполне захолустное, что тем более верно применительно к XIX в. Во-вторых, здесь действительно кончался рах Habsburgiana, и за его границей виднелись флажки на пиках царских казаков.

Оба эти обстоятельства — сравнительная отсталость и, с другой стороны, стратегическая значимость провинции — сыграли важную роль в процессе формирования национальной идентичности восточно-славянского населения Галиции, называвшего себя русинами, а в австрийской статистике фигурировавшего как Ruthenen (Russinen) oder Klein-Russen. Отсталость и прерыв исторической традиции государственности предопределили сравнительное (по отношению к другим народам Цислейтании) запаздывание процесса формирования национальной идентичности русинов и сохранение вплоть до первой мировой войны альтернативности этого процесса.

Количество сформулированных вариантов идентичности у галицийских русин было таково, что Дж.-П. Химка сравнил этот процесс с полетами Икара во всех возможных направлениях¹. В действительности, мыслимых, теоретически возможных вариантов было пять, и все они по крайней мере были декларированы.

Два из них не получили серьезного политического оформления. Один из этих вариантов можно охарактеризовать как наиболее экзотический — это особая восточно-славянская идентичность населения бывшей Речи Посполитой, некоторые следы которой до сих пор можно встретить в Белостоцком или Люблинском воеводстве Польши. Второй вариант — наиболее распространенный в сознании обыкновенного русинского крестьянина — узко-локальной русинско-галицийской идентичности.

Стратегическая важность провинции привлекала к борьбе за «сердца и умы» галицийских русин очень широкий спектр внешних по от-

ношению к этой этнической группе политических сил с весьма разнообразными и противоречивыми интересами. Во многом с этим было связано то обстоятельство, что политическое воплощение получили три оставшихся варианта, которые можно обозначить как польский, общерусский и украинский. *Все они возникали и развивались под воздействием внешних факторов.*

Полонофильская ориентация доминировала в практике до 1848 г., когда почти безотказно действовала формула, согласно которой русин, получивший образование, становился поляком. «Всякий образованный человек, независимо от вероисповедания, считал себя поляком», — свидетельствовал польский мемуарист Ю. Добошиньский².

Еще в 60-е годы эту формулу отстаивали многие поляки в галицийском сейме. Были и полонизированные русины, как бы живое воплощение этой формулы, такие как М. Зыбликевич, которые обращались в сейме к братьям-русинам с призывами следовать естественному прежде ходу вещей.

Однако для 60-х годов эта концепция была уже однозначно проигранной. Формула «мы не поляки — поляки не мы» уже утвердилась к этому времени как неотъемлемый негативный элемент русинской идентичности. Было много факторов, способствовавших этому, — прежде всего социальный (постоянно остававшийся на повестке дня галицийской жизни конфликт польского землевладельца и русинского крестьянина), а также конфессиональный, поскольку грекокатолицизм большую часть XIX в. видел именно римско-католическую церковь как главную систему негативного соотнесения. Важную роль играли и культурные различия, которые уже в первой половине XIX в. осмысливались через призму романтического национализма, который русинские «будители» заимствовали у чехов, словаков, немцев и самих поляков.

Однако очень важную роль в крахе полонофильской ориентации сыграли Вена и Петербург, которые, каждый из собственных соображений, целенаправленно работали на подрыв этой концепции. Решающая роль принадлежала здесь Вене, сознательно поддерживавшей этническую рознь, которая служила эффективным инструментом контроля за поляками как во время их повстанческих усилий (галицийская резня 1846 и 1848 г.), так и во время их сотрудничества с династией после краха восстания 1863 – 1864 годов и введения системы дуализма в 1867 г. Не раз на повестке дня возникала идея раздела провинции на западную и восточную части, что несло в себе угрозу доминирующему положению крупных польских землевладельцев в вос-

точной Галиции с ее по преимуществу русинским населением.

Россия же после польского восстания 1863 г. поддерживала и финансово, и через свою агентуру любые местные антипольские инициативы и эмоции³. Но уже в 1849 г. побочным эффектом марша бесконечных русских полков через Галицию на подавление венгерского восстания стало формирование у галицийских русинов ощущения, что на востоке есть некая гигантская родственная сила, что также не могло не сказаться на отношении к польским ассимиляторским усилиям.

Две оставшиеся ориентации в выборе идентичности — общерусская (именовавшаяся как русофильство или москвофильство) и украинская (называемая «народовской», что удачно отражало и народническую социальную ориентацию ее сторонников) — соперничали с переменным успехом вплоть до первой мировой войны. Обе были импортированы из России еще в 30-е — начале 40-х годов в ходе поездок в Галицию П. Кулиша и М. Погодина. Эти ориентации, также как и польская, прямо влияли не только на политическую, но и на конфессиональную (интерпретация греко-католицизма), лингвистическую (споры об образцах для формирования литературного языка) и общекультурную (выбор исторической границы и т. д.) составляющие процесса формирования идентичности галицийских русинов. Ход и исход борьбы между этими тенденциями может быть понят только при учете внешних по отношению к собственно русинам факторов.

Россия, безусловно, оказывала разнообразную поддержку прорусской ориентации среди галицийских русинов, в том числе и финансовую, как на правительственном, так и на неофициальном уровне. Однако можно утверждать, что этим действиям не хватало скоординированности, интенсивности и целеустремленности. Их основной мотивацией, как, впрочем, и всей политики России в «украинском вопросе» по крайней мере до 70-х годов XIX в., было противостояние «польской интриге». Но даже и в 1875 г., в записке учрежденной по распоряжению Александра II специальной «Комиссии по украинофильской пропаганде в южных губерниях России» необходимость субсидии для русофильской газеты «Слово» аргументировалась тем, что «украинофильский орган в Галиции, газета „Правда“, враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии поляков». До этого времени «Слово» субсидировалось только Славянским благотворительным обществом⁴.

В целом же финансовая поддержка пророссийских сил была достаточно скупой. Важно также, что «кадровый обмен» между Галицией и Российской империей был явно в пользу украинофилов. Пророс-

сийски ориентированные деятели очень часто переезжали в Россию (примером может служить Я. Головацкий), в то время как из России в Галицию перебирались украинские активисты. Достаточно упомянуть поляков-украинофилов после восстания 1863 г., М. Грушевского, будущего идеолога интегрального украинского национализма Д. Донцова.

В борьбе же с промосковской ориентацией единым фронтом выступили поляки и Вена. В 1860-е годы произошла быстрая переориентация наиболее гибкой и стратегически мыслящей части польских политиков, которые понимали анахроничность традиционной установки на решение русинской проблемы путем полонизации. Их позиция в вопросе русинской идентичности может быть выражена формулой «если не поляки, то во всяком случае не русские». В особой украинской идентичности польские политики в Галиции увидели возможность обрести, а до некоторой степени и создать, нового союзника в борьбе с Россией за освобождение Польши, ведь развал империи польская политическая мысль не без основания считала необходимым условием успеха этой борьбы.

Еще в начале 1860-х в подобном духе размышлял Адам Сапега ⁵, а с середины 60-х тезис о польско-украинском союзе становится неотъемлемым элементом программы западно-галицийских консерваторов — «станьчиков». Один из их лидеров Ст. Тарновский писал: «Нам нужно следить, чтобы русины не склонялись в сторону москалей, а напротив, чтобы стоя на собственных основаниях, вместе с нами боролись против царизма и ереси (имелось в виду православие — А. М.)...» ⁶

Уже тогда с русинской стороны звучали голоса, свидетельствовавшие о готовности украинофилов к подобному союзу. В 1861 г. неизвестный русинский автор призывал поляков «малорусинское движение искренне и всем сердцем поддерживать, дабы... не допустить слияния малорусинов с великоруссами в одно гигантское, 50 000 000 насчитывающее целое, которое величиной своей не только над поляками, но и над всем славянством будет иметь неопровержимое превосходство» ⁷. Взаимное сближение украинофилов и части польских политиков привело в 1869 г. к выработке специальной декларации о примирении между галицийскими поляками и русинами, которая была внесена на рассмотрение галицийского сейма ⁸.

Впрочем, если мы обратимся к более раннему времени, то корни идеи польско-украинского союза против России обнаруживаются в идеологии «Великой эмиграции» межповстанческого периода, осо-

бенно у таких авторов, как Ф. Духинский и М. Чайковский⁹.

Замечу, что польское влияние на процессы формирования галицийских русинов не ограничивалось прямой поддержкой одной из возможных ориентаций и противодействием другой. Поляки были главным оппонентом и, одновременно, образцом для подражания в идеологических дискуссиях и организационных усилиях для политически активных русинов. Это обстоятельство, наряду с более либеральным режимом в империи Габсбургов по сравнению с империей Романовых, объясняет, почему во второй половине века Галиция играла роль украинского Пьемонта.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на развитие процессов нациообразования у галицийских русинов, была, конечно, политика Вены. Дж.-П. Химка вообще считает это влияние решающим по сравнению со всеми другими факторами¹⁰. По мере обострения отношений с Россией и распространения панславистской пропаганды среди славян Габсбургской монархии борьба с москвофильством в Галиции становится одним из приоритетов Вены.

При необходимости австрийские власти нисколько не стеснялись в средствах. Примером может послужить история обращения к австрийскому правительству в 1882 г. униатских прихожан деревни Гнилички по инициативе одного из лидеров русофилов униатского священника Ивана Наумовича с петицией о разрешении на переход в православие. Ответные меры включали отставку галицкого митрополита, отлучение Наумовича, переделку приходских и епископальных границ, реорганизацию униатских монастырей под контролем иезуитов, публичный судебный процесс против лидеров русофильства по обвинению в государственной измене и преследования русофильской прессы¹¹.

С этого момента активное участие в борьбе с русофильством принимает третий союзник — Папский престол, для которого православный уклон представлялся более опасным, чем народническая, часто индифферентная к религии, ориентация украинофилов.

Именно репрессии 1882 г. положили конец периоду преобладания русофилов в политической жизни галицийских русинов. Это, однако, не следует понимать в том смысле, что народовцы без вмешательства Вены были заведомо обречены на поражение. Они заметно превосходили русофилов в работе по созданию низовых организационных структур и могли со временем рассчитывать на широкий отклик благодаря своей несравненно более радикально социальной программе.

Замечу, наконец, что начало активной антирусофильской кампании

совпадает с заключением тайного австро-германского союза, положившего начало формированию новой системы коалиций европейских держав, противостоявших друг другу в первой мировой войне. В ходе этой войны и Россия, и Австрия осуществляли в переходившей из рук в руки Галиции открытый террор, депортации и интернирование сторонников соответственно украинофильской и русофильской ориентации¹². Так что последнее военное впечатление героя Йозефа Рота перед гибелью — заподозренный в сотрудничестве с русскими и повешенный на кладбищенских воротах униатский священник — символичен и вполне реалистичен.

В современной историографии уже утвердился взгляд, согласно которому соперничество держав накануне и во время первой мировой войны оказало мощное воздействие на нациообразующие процессы в Центральной и Восточной Европе. Галицийский пример показывает, что это утверждение справедливо и для гораздо более раннего периода. Этот внешний фактор, складывавшийся из часто разнонаправленных воздействий множества крупных актеров — в данном случае империй Романовых и Габсбургов, Папского престола, а также поляков, сохранявших память о своем державном прошлом — мощно воздействовал на все стороны нациообразующего процесса в среде галицийских русинов — политическую, конфессиональную, языковую, образовательную.

¹ *Himka J.-P.* The construction of Galician Rus': Icarian flights in almost all directions. Доклад на III конгрессе Международной Ассоциации украинистов в Харькове, август 1996 г.

² *Pamiętniki urzędników galicyjskich.* Kraków, 1978. S. 26.

³ См.: *Miller A.* Panika Galicyjska 1772–1773 // *Przegląd Historyczny.* 1988. № 1; *Himka J.-P.* Hope in the tsar: displaced naive monarchism among the Ukrainian peasants of the Habsburg Empire // *Russian History.* 1980. Vol. 7. Pt. 1–2.

⁴ *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. Киев, 1930. Репринт в *Harvard Series in Ukrainian Studies.* 1970. Vol. 14. P. 65, 382.

⁵ См. *Середа О.* Место России в политических концепциях галицийских украинцев в 60-е годы XIX в. // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997.

⁶ *Tarnowski S.* O sesji sejmowej z roku 1865–1866 // *Przegląd Polski.* 1866. Z. 1. S. 146–147.

⁷ Слово. 1861. Ч. 17. 22 березня. Цит. по: *Середа О.* Указ. Соч. С. 90.

⁸ Подробно см.: *Miller A.* Galicia after the Ausgleich. Polish-Ruthenian conflict and the attempts of reconciliation // *CEU History Department Yearbook.* Budapest, 1994.

⁹ О Ф. Духиньском, М. Чайковском, Ст. Терлецком и в целом о роли польских украинофилов в формировании украинской идентичности см.: *Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994. С. 221–277.*

¹⁰ *Himka J.-P. The construction of Galician Rus'...*

¹¹ См.: *Himka J.-P. Op. cit.*

¹² Об австрийской политике военного времени см.: Военные преступления Габсбургской Монархии. Trumbull, Conn., 1964, включающее перепечатку Талергофского альманаха (Львів, 1924 – 1932), имевшего подзаголовок «Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914 – 1917 годов.»

«БУКОВИНИЗМ» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В АВСТРО-ВЕНГРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Мемуарная литература о Буковине начала XX в. богата упоминаниями о некоем особом местном самосознании, о неповторимой атмосфере многонациональной и многоконфессиональной общности, которая была чуть ли не главной отличительной чертой этой коронной земли Австро-Венгрии. В воспоминаниях представителей разных народов подчеркивается, что в то время край избежал жестоких национальных и политических распрей, а на вопрос «Кто ты?» житель края отвечал «буковинец»¹. Именно буковинец, а не еврей, украинец, румын, поляк, австро-немец. Уже после первой мировой войны это особое местное самосознание, эти специфические региональные общественные отношения получили название «буковинизм».

Феномен «буковинизма» в последние десятилетия стал предметом пристального внимания ученых разных стран. Этим занимаются историки Украины, которые группируются вокруг Центра буковиноведения при Черновицком университете, румынские историки из Центра исследования Буковины филиала Румынской Академии наук в городе Радовцы (Южная Буковина), ученые Института Буковины в Аугсбурге (Германия), Института Восточной и Юго-Восточной Европы в Вене. Имеются также научные общества по исследованию истории Буковины в США, Израиле, Австралии. В Польше ежегодными стали «Буковинские фестивали» в городе Ястрове, в рамках которых также проводятся международные конференции, издаются научные сборники. В частности: «Буковина. Общность культур и языков», «Буковина. Блеск и тени Европы в миниатюре»². Австрийским Институтом Восточной и Юго-Восточной Европы издан сборник «Буковина. История и современность»³. Значительная часть этих сборников посвящена исследованию различных сторон общественно-политической и духовно-культурной жизни Буковины в конце XIX — начале XX вв.

Отдельные проблемы «буковинизма» стали предметом обсуждения на международных научных конференциях. В частности, черновицкий Центр буковиноведения совместно с аугсбургским Институтом Буковины в 1993 г. провел конференцию «Эволюция сознания на Бу-

ковине: исторические, политические, общественные и культурные процессы». В следующем году состоялся симпозиум «Буковина в период 1775 – 1918 годов», который проводился Центром буковиноведения (Черновцы) и львовским филиалом Института Восточной и Юго-Восточной Европы. Институт Буковины в Аугсбурге провел годичное собрание Южнонемецкой исторической комиссии «Буковина как европейский культурный ландшафт». В 1995 г. отмечалось 120-летие Черновицкого университета, что послужило поводом для проведения крупной международной конференции с участием историков Австрии, Германии, Канады, Польши, Румынии, США, Украины⁴. В мае 1996 г. состоялась научная конференция в Радовцах (Румыния), также посвященная отдельным вопросам истории Буковины австрийского периода.

Наиболее активно феномен «буковинизма» исследуют современные историки Э. Турчинский, Э. Бек, Р. Вагнер, О. Котциян (Германия), Г. Штурц, И. Славински (Австрия), М. Якобеску, С. Пурич (Румыния), К. Фелешко, Э. Берджицкий (Польша), А. Масан, В. Ботушанский, А. Добржанский (Украина) и др. В частности, книга Э. Турчинского «История Буковины в новое время» почти полностью посвящена проблемам межнационального общения, взаимовлияния различных культур на Буковине в австрийский период⁵.

Вместе с тем исследуемая проблема не избежала определенной мифологизации и конъюнктуризации. В последние десятилетия во многих публицистических работах стало модным представлять Буковину конца XIX — начала XX вв. каким-то идеальным сообществом, своеобразной Европой в миниатюре, где все национальные проблемы были разрешены с небывалой легкостью. Эта тенденция особенно усилилась в связи с процессами создания единой Европы. Известный польский ученый К. Фелешко, уроженец Буковины, работающий сейчас в Институте славистики Мюнхенского университета, в этой связи писал, имея в виду некоторые выступления на названных выше конференциях: «Часть встреч проходила под лозунгом проведения действительных или желаемых параллелей между Буковиной и Европой. Этот притягательный тезис имеет свою, уже более чем сорокалетнюю историю, главным образом в немецкой публицистике. Речь идет, конечно, о параллелях не с какой-нибудь Европой, но с Европой объединенной, интегрированной. Именно актуальность этой европейской идеи и ее ничем неослабленная привлекательность вызвали определенную моду на Буковину как первичный образец — повторяем: действительный или желаемый первичный образец многонационального организ-

ма, который работает без значительных сбоев»⁶. Таким образом, «буковинизм» как особое региональное самосознание населения небольшой коронной земли Австро-Венгрии начала XX столетия в современных условиях приобретает актуальность. Проблема привлекает внимание как профессиональных историков, так и политиков, журналистов, социологов. На повестке дня стоит задача всестороннего изучения «буковинизма» научными методами, выяснения действительно ценного опыта, который имел место в прошлом, осмысления его в контексте общей истории Средней Европы.

Не претендуя на полное и исчерпывающее исследование весьма емкой и сложной проблемы, хотелось бы остановиться на нескольких наиболее ярких и характерных аспектах «буковинизма» как регионального самосознания, а также некоторых причинах формирования подобного явления.

Общественные условия на Буковине в конце XIX — начале XX вв. имели некоторые особенности. Герцогство было наиболее отдаленной на восток коронной землей Австро-Венгрии. В социально-экономическом плане Буковина отставала от высокоразвитых центральных земель империи. Некоторые проявления индустриализации наблюдаются здесь только с конца XIX в. Буковина по праву считалась одним из самых многонациональных регионов в империи Габсбургов. В 1910 г. здесь проживало 305102 (38,38 %) украинцев, 274254 (34,38 %) румын, 102140 (12,83 %) евреев, 66851 (8,4 %) немцев, 36219 (4,56 %) поляков⁷. Кроме того, на Буковине насчитывалось свыше 3 тысяч русских старообрядцев-липован, несколько тысяч венгров, чехов, словаков, турок. Но самая главная особенность состояла в том, что ни одна нация не занимала на Буковине доминирующего положения. И экономические, и политические позиции отдельных народов уравнивались различной их численностью, степенью влияния на отдельные отрасли экономики, неодинаковыми возможностями участия в управлении краевыми и уездными учреждениями. Поляки составляли сравнительно немногочисленную группу населения, но среди крупных землевладельцев они имели значительный вес, что давало им возможность иметь постоянных представителей в местных органах власти. Немцы преобладали в краевой бюрократии и среди людей т. н. свободных профессий. Но их влияние в политических органах власти уравнивалось буковинским сеймом и другими органами местного самоуправления, в которых огромное влияние имели румыны. Последние опирались на широкие слои крестьянства, имели также influentialную прослойку крупных землевладельцев. Украинцы были

наиболее многочисленным народом на Буковине, но долгое время их представительство в местных органах власти было незначительным. Тем не менее украинское национальное движение было наиболее динамичным и к началу XX в. превратилось в значительную политическую силу. Евреи были заняты преимущественно в промышленности и торговле. Их экономическое влияние быстро возрастало, но во многих случаях они не могли существенно влиять на ход политических событий, т. к. в общественной жизни даже в конце XIX в. следовали в фарватере требований австро-немцев.

Наличие по крайней мере пяти сильных национальных групп, которые в свою очередь имели по несколько политических течений, обуславливало дробление общественных сил на сравнительно небольшие группировки, которые соперничали между собой. На Буковине не было такого открытого и непримиримого противостояния, как в Галиции, где украинцы и поляки не хотели идти на уступки друг другу и не могли достичь взаимопонимания, а австро-немцы не были в состоянии существенно повлиять на это противостояние. Решение политических и национально-культурных вопросов на Буковине было возможным только путем создания межнациональных коалиций, совместных действий нескольких политических групп, поиска компромиссных решений. Таким образом, игнорирование требований отдельных народов было весьма затруднительно в тех условиях. Как следствие, в конце XIX — начале XX вв. происходят важные изменения, направленные на удовлетворение национальных потребностей местных этносов. Это создало своеобразную многонационально-культурную ситуацию на Буковине, которая способствовала формированию такого явления, как «буковинизм».

Одной из характерных черт «буковинизма» следует считать полиэтническое сознание. Для буковинской интеллигенции, горожан, во многих случаях и крестьян характерным было владение несколькими языками. Более того, для чиновников государственных учреждений обязательным было знание как минимум двух краевых языков. Напомним, что краевыми языками считались немецкий, украинский и румынский. Весьма распространенным стало употребление нескольких языков в быту. Повседневное пребывание людей в многонациональной среде способствовало выработке определенных устойчивых норм межнационального общения. Характерными чертами этих отношений были толерантность, взаимопонимание, тесное переплетение разноликих местных традиций, культур.

Формированию цивилизованных форм межэтнических отношений

способствовало наличие пускай ограниченных, но все же довольно весомых демократических свобод. Жители края имели возможность легально заниматься политической и культурно-просветительской деятельностью, направленной на защиту национальных интересов. Неповторимая атмосфера многонационального высокоцивилизованого общества особенно ярко проявлялась в деятельности многочисленных национальных и интернациональных обществ. Их количество быстро росло. Если в 1895 г. официально было зарегистрировано 164 общества, среди них 65 благотворительных, 36 художественных, научных, литературных, 11 студенческих, 15 конфессиональных, 19 профессиональных, 6 спортивных, 7 политических, то в 1901 г. уже действовало 821 общество, в том числе 38 просветительских, 161 экономическое, 33 профессиональных, 23 противопожарных, 16 певческих, 37 благотворительных, 18 учительских, 8 музыкальных, 13 политических, 21 спортивное, 18 научных и т. д.⁸ Распространенным явлением стало проведение совместных вечеров, различных культурных и общественных мероприятий несколькими обществами, созданными представителями разных народов. Своей деятельностью многие объединения давали возможность непосредственно общаться людям разных национальностей. Хотя были конечно же общества, например политические, студенческие, которые соперничали между собой. Среди наиболее популярных культурно-просветительских обществ этого периода можно назвать украинское «Руська Бесіда», румынское «Общество румынской культуры и литературы на Буковине», еврейское «Земпфара», немецкое «Общество христианских немцев на Буковине», польское «Огниско».

Большую роль в развитии межнациональных связей на Буковине играли интернациональные общества, которые часто возникали на основе схожих социальных или культурных интересов представителей разных народов. Одним из таких объединений был «Краевой школьный союз», который возник в 1904 г. В нем объединились учителя украинской, румынской, еврейской, немецкой, польской и других национальностей. Они развернули активную общественно-культурную деятельность, направленную на улучшение обучения в национальных школах. Этому способствовало быстрое увеличение количества школ и работающих в них учителей. Если в 1850 г. было всего 32 школы, то в 1913 г. — 532 школы, в которых работало свыше 2100 учителей. Было открыто 216 украинских, 179 румынских, 82 немецких, 12 польских, 5 венгерских школ. Кроме того, существовало еще 37 смешанных школ (украинско-румынских, украинско-немецких и т. д.)⁹. В начале

XX в. учителя стали весомой политической силой. Они добились значительного увеличения заработной платы, их организации способствовали демократизации межнациональных и политических отношений. Во многих случаях учительские общества противостояли узконациональным партиям, призывали разрешать существующие национальные проблемы с демократических позиций.

Уже отмечалось, что для общественной жизни Буковины начала XX в. был характерен поиск политических компромиссов, стремление провести реформы с учетом разных слоев населения и разных народов. Наиболее ярким примером такого компромиссного решения стало т. н. «буковинское согласие», то есть реформирование избирательного закона для буковинского сейма путем создания национальных избирательных курий. Дискуссии вокруг принятия этого закона продолжались с 1904 по 1909 г. Иногда они становились весьма жаркими, но несмотря на все противоречия, удалось достичь взаимоприемлемого решения. Интересно, что в процессе борьбы вокруг реформ несколько раз возникали довольно необычные межнациональные объединения. Одним из таких был «Свободолюбивый союз», который возник в 1903 г. В нем объединились украинские, немецкие, еврейские депутаты, а также демократические румыны, сторонники А. Ончула. На первое место объединение поставило борьбу за социально-экономические реформы. В национально-культурных вопросах каждая национальная группа «Свободолюбивого союза» сохраняла свободу действий. Объединение просуществовало до 1905 г. и активно боролось против политики крупных землевладельцев, направленной на консервирование общественных отношений, сохранение устаревших, средневековых норм.

Согласно реформе 1910 г., украинцы, румыны, австро-немцы, поляки, получили право избирать депутатов в национальных куриях, которые в свою очередь были частью социальных курий. Представительство в социальных куриях отдельных народов определялось статистическими сведениями о количестве населения каждой конкретной нации в соответствующей социальной группе. В частности, были выделены курии крупных землевладельцев, горожан, торгово-промышленной палаты, сельских общин и т. д.¹⁰ В первоначальном проекте предлагалось создать отдельную национальную курию для евреев, но венские власти отклонили это предложение буковинцев, мотивируя это тем, что евреи разговаривают на немецком языке и поэтому не могут считаться отдельной нацией. Таким образом, первичный вариант, разработанный буковинскими депутатами, оказался более про-

грессивным, чем предложения центральных министерств.

Местные буковинские политики лучше понимали, что евреи должны иметь права отдельной нации. Хотя во время голосования в буковинском сейме еврейские и некоторые немецкие депутаты голосовали против, проект был принят, и это стало уникальным явлением в Австро-Венгерской монархии. Выборы 1911 г. в буковинский сейм и австрийский парламент проводились в соответствии с новым законом и доказали его жизнеспособность. Претворение в жизнь этого компромиссного соглашения способствовало определенной стабилизации общественной жизни на Буковине. Именно благодаря «буковинскому согласию» 1910 г. край избежал в предвоенный период крупных столкновений на этнической почве, а национальные движения получили возможность успешно развиваться, не нанося ущерба друг другу.

Еще один фактор, по мнению некоторых историков, играл стабилизирующую роль на Буковине — довольно сильный местный патриотизм. Начало формированию этой идеологии положили события 1848 г., когда буковинцы вели активную борьбу за отделение от Галиции. Императору была направлена краевая петиция, подписанная представителями разных слоев населения. Подобная же борьба велась и в 1860 г., когда было опубликовано обращение «Освободительный призыв Буковины». Его подписали 250 представителей всех слоев населения, наций и конфессий¹¹. В этом призыве также было сформулировано требование отделить Буковину от Галиции, что и было сделано окончательно в 1861 г. В герцогстве Буковина местный патриотизм выражался в первую очередь в отстаивании буковинских приоритетов в венском парламенте, стремлении обеспечить для края оптимальные условия развития. Выдвигались также требования расширения прав местных политических партий в решении буковинских проблем. Эту позицию отстаивала т. н. партия автономистов. Ей противостояли централисты. Результатом этой борьбы стало значительное усиление влияния буковинского сейма и ослабление позиций краевых президентов как представителей центральных органов власти.

Постепенно сознание региональной обособленности утвердилось столь сильно, что в конце XIX в. в отдельных украинских, польских, австро-немецких газетах появляются утверждения о существовании какого-то особого многоязычного буковинского народа. Об этом же пишет Э. Турчинский, утверждая: «В течение одного столетия сформировалось чувство принадлежности к общности, которое проявлялось в региональной гордости и местном патриотизме»¹². Именно этот

патриотизм, напевне, мали в виду мемуаристи, приводя уже упоминачуся фразу «Я, буковинец!». Конечно, утверждение о буковинском народе не выдерживает критики, но то, что регионализм на Буковине был довольно сильным и противостоял национальным движениям, ослабляя их — несомненный факт. И в этом смысле можно говорить о положительном значении этого явления.

Таким образом, в начале XX в. буковинцам действительно было присуще некое особое межнациональное духовное единство. Конечно же, названными выше чертами местное самосознание не исчерпывалось. Одновременно действовали и другие тенденции, которые проявлялись в первую очередь в формировании и развитии национальных движений, углублении национального самосознания. Но эти во многом диаметрально противоположные тенденции гармонично существовали на Буковине и не превратились в очаг межнациональной розни и конфликтов.

«Буковинизм» как разновидность регионального самосознания в Австро-Венгрии начала XX в. действительно был своеобразным явлением, которое обуславливалось местными, сугубо буковинскими обстоятельствами. Он мог существовать только в условиях определенной, довольно стабильной общественно-политической системы, и малейшее нарушение равновесия моментально привело к исчезновению этого явления. Так и произошло с началом первой мировой войны. Позже, уже в межвоенный период, в немецкоязычных изданиях делались попытки реанимировать «буковинизм» как традиционную местную идеологию. Но в условиях королевской Румынии сделать это было уже невозможно.

¹ Попович О. Відродження Буковини. Львів, 1933; *Galini T. З моїх спогадів // Буковинський журнал*. 1994. № 1 – 2; *Drozdowski G. Damals in Czernowitz und rundum. Erinnerungen eines Altösterreichers*. Klagenfurt, 1984.

² Bukowina. Wspolnota kultur i jezykow. Warszawa, 1992; Bukowina: Blaski i cienie «Europy w miniaturze». Warszawa, 1995.

³ Die Bukowina: Vergangenheit und Gegenwart. Wien, 1995.

⁴ Матеріали Третьої міжнародної історико-краєзнавчої наукової конференції, присвяченої 120-річчю заснування Чернівецького університету. Чернівці, 1995.

⁵ Turczynski E. Geschichte der Bukowina in der Neuzeit. Wisbaden, 1993.

⁶ Фелешко К. Буковина — мініатюрна Європа // Матеріали Третьої Міжнародної історико-краєзнавчої наукової конференції, присвяченої 120-річчю заснування Чернівецького університету. Чернівці, 1995. С. 179 – 180.

⁷ Mitteilungen des statistischen Landesamtes des Herzogtums Bukowina. Czernowitz, 1913.

⁸ Буковина. №. 59. 29.III. 1896.; Буковина. №. 135. 25.XI. 1903.

⁹ Буковинський православний календар на рік 1913. Чернівці, 1912.

¹⁰ Landtagswahlordnung // Landesgesetzblatt für Herzogtum Bukowina. 1910. № 27.

¹¹ Emanzipationsruf der Bukowina. Wien, 1861.

¹² Turczynski E. Op. cit. S. 168.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛОВЕНЦЕВ В РАМКАХ ГАБСБУРГ- СКОЙ ИМПЕРИИ

В семье славянских народов словенцы обладают некоторыми особенностями исторического развития, которые впоследствии определили их национальный характер. Далее я попытаюсь показать, в чем заключались особенности словенского национального вопроса в Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии.

Словенцы дальше других славянских народов продвинулись на юго-запад, первоначально расселившись в альпийских долинах, вплоть до верховий рек Драва и Мура на юге и до Дуная на севере. Интересно, что западная граница словенства, и славянства в целом, по реке Надиже (ит. Натизоне), осталась неизменной со времен расселения словенцев в VI в. На этих просторах в конце I тыс. сложилось большое государство Карантания (Хорунтания), центром которого была территория современной Каринтии (Австрия) и часть современной Словении.

Во время христианизации, проводившейся миссионерами из Баварии, правящая верхушка словенцев была практически истреблена. С тех пор словенцы оставались в основном крестьянским народом, без своего господствующего класса.

Первую книгу, как и письменность вообще, в 1550 г. словенцам принес протестантизм, а главный представитель словенской Реформации Примож Трубар печатал словенские книги, находясь в изгнании в Вюртемберге (Германия).

Мощным импульсом к развитию словенской литературы стала наполеоновская оккупация (1806 – 1813), когда столица Крайны — Любляна — была превращена и в столицу Иллирийских провинций.

В революцию 1848 г., которая получила образное название «весна народов», историческая судьба словенцев складывалась непросто. Во-первых, первоначальная территория поселения словенцев в течение предшествующих веков вследствие активно проводившейся политики германизации уменьшилась примерно на одну треть.

Во-вторых, словенцы проживали в семи административно-политических частях Габсбургской империи. *Крайна* (Краньска) со столицей в городе Любляна была центральной словенской землей и един-

ственной, в которой словенцы составляли подавляющее этническое большинство.

Южная часть *Штирии* (Штарейска) была населена словенцами, города Марибор (Марбург), Целе (Цилли), но в рамках большой Штирии преобладало немецкое население.

Каринтия (Корошка) во второй половине XIX в. сохранила словенское население только в своей южной части, а центр земли Клагенфурт (Целовец) был преимущественно в руках немецкоговорящего большинства.

Приморский край (Приморска) с центром в городе Триест (Трст) делился на три части: Триест, Гориция (Горица) и Истрия (Истра). Триест не только подвергался германизации, но и испытывал сильное давление итальянской ирреденты.

Прекомурье (Прекмурье) входило в состав Венгрии, поэтому в эпоху дуализма местные словенцы оказались практически отрезаны от остальной нации. В этой области словенское национальное сознание было наименее развитым.

Революция 1848 г. сплотила всех словенцев на основе общей программы «Объединенная Словения». Это было требование к Вене реорганизовать империю так, чтобы все словенцы могли объединиться в одной административной единице под скипетром Габсбургов.

После заключения Соглашения 1867 г. между Веной и Пештом о дуализации империи словенцы, как и большая часть славян Австрийской империи, остались разочарованными, и как следствие в их среде усилились панславистские или регионально-славянские течения.

Поскольку надежд на реализацию программы «Объединенная Словения» в рамках монархии Габсбургов оставалось все меньше, взгляды словенской интеллигенции все чаще обращались к южным славянам, хорватам и сербам, проживавшим в Австро-Венгрии, а также в королевстве Сербия.

Наряду с югославизмом, среди словенцев были очень популярны и идеи панславизма. От России, как от самой могучей славянской державы, ожидали поддержки национальных движений всех славян. Однако реальность показала, что католическая часть славянского мира не входила в сферу особых интересов России. Панславизм у словенцев не получил практического политического воплощения, а оставался мечтой узкого круга интеллигенции.

С объединением Италии для словенцев все большую опасность начал представлять ирредентизм, то есть «освобождение» исторических земель итальянцев.

На рубеже XIX – XX вв. югославянская идея стала преобладающей в политической жизни прогрессивной части словенских политиков, хотя часть социал-демократов разделяла австромарксистские идеи культурно-национальной автономии для славян. Верхние слои новой словенской элиты также искали решения национального вопроса в рамках монархии.

Поскольку словенцы не имели ни своего дворянства, ни крупной буржуазии, то носителями национального самосознания являлись преимущественно представители гуманитарной интеллигенции (учителя, адвокаты, чиновники) и, по давней традиции, католическое духовенство. Словенцы сохраняли свое национальное самосознание в основном за счет языка, литературы, фольклора, то есть культуры в самом широком смысле слова.

Австрийские власти делали многое для того, чтобы воспрепятствовать развитию словенской экономики. Крупные предприятия строились преимущественно с привлечением австро-немецкого капитала.

Для понимания роли словенских земель в рамках Австро-Венгрии надо учитывать и то, что примерно половина ключевой железнодорожной магистрали монархии, так называемой Южной железной дороги Вена–Триест, проходила через территорию, где проживали словенцы, а следовательно потенциальные «сепаратисты». В этом коренится одна из причин систематического подавления Веней всех форм национального движения словенцев.

Поскольку в начале XX в. у словенцев не осталось иллюзий относительно решения словенского национального вопроса в рамках монархии, Австро-Венгрия для словенцев, утверждает словенская историография, стала полностью соответствовать определению «тюрьма народов».

У словенцев — в отличие от хорватов и сербов в рамках Габсбургской монархии — практически не было сторонников идеи о триединой югославянской нации («три племени одного народа»). Наоборот, выдающийся словенский писатель Иван Цанкар и другие представители словенской интеллигенции обращали внимание на то, что по менталитету словенцы ближе к австрийцам (тирольцам), нежели к сербам.

Вообще, словенский язык настолько отличается от сербохорватского, что никто из словенских мыслителей не подпадал под власть идеи о едином югославянском языке. Напротив, раскол между Франце Прешерном и Станко Вразом в 30-е годы XIX в. по вопросу об иллиризме, то есть идее о едином языке словенцев и хорватов, символизирует

эту линию разделения. После этого уже никто не смог отождествить словенский язык с хорватским и сербским.

Словенцы политически объединились с хорватами и сербами для того, чтобы противостоять все более сильному давлению со стороны немецкого и итальянского экспансионизма, а не ради объединения с хорватами и сербами в одну нацию.

После распада Австро-Венгерской монархии в ноябре 1918 г. образовалось Королевство сербов, хорватов и словенцев со столицей в Загребе. Но когда Италия вторглась в словенские земли, переговоры с Белградом о демократическом, федеративном государстве потеряли всякий смысл, и правительство Триединого королевства пошло на объединение с Сербией.

Кто выиграл от объединения в югославское государство? Можно с полным правом сказать, что из трех народов, сербов, хорватов и словенцев, последних постигло наибольшее разочарование, поскольку новое югославское государство не хотело (не смогло?) отстаивать их жизненные интересы и оставило третью часть этнической территории словенцев вне границ нового государства, в Италии и Австрии.

И все-таки в новом югославском государстве словенцы, впервые в истории, получили возможность словенизации образования и делопроизводства. Словенский язык получил статус языка науки, техники, политики, становясь, таким образом, полноценным языком современной жизни: за исключением военной сферы, словенский язык обслуживал все сферы жизни общества и государства.

Перевод на русский язык автора, под редакцией О. В. Хавановой.

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕРБОВ ВОЕВОДИНЫ В АВСТРО-ВЕНГРИИ ПОСЛЕ 1867 Г.

Роль Воеводины в истории сербского народа чрезвычайно велика. Так называемые «австрийские сербы» в XVIII в. — первой половине XIX в. были культурной элитой всего сербского народа, способствовали выработке и реализации программы выхода сербских территорий из состава Османской империи. Фактически, для развития процесса становления и национального самосознания сербы Воеводины в политическом и культурном смысле сыграли ту роль, которую для других национально-освободительных движений XIX в. играла политическая эмиграция (Польша, Болгария, Италия и т. д.).

Воеводина — определенный феномен в исторических реалиях XIX в. Воеводиной православное сербское население называло часть южных комитатов Венгрии — Бачку и Банат, часть подчинявшейся Вене Военной границы, а также область Срем, которая являлась составной частью исторической административной единицы — Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация. Самоназвание Воеводина (по имени главы сербского населения — воеводы) подчеркивало основную задачу сербов Австрийской империи в период национальной консолидации — политическую автономию и свободное избрание органов местного самоуправления.

Сербы Воеводины переселились в Австрийскую империю в основном с территорий Центральной Сербии, Косово и Метохии (входящих с XV в. в состав Турецкой империи) в конце XVII — начале XVIII вв. Их отношения с Веней были урегулированы рядом государственных актов, начиная с манифеста императора Леопольда I от 1690 г. о православных переселенцах. Имперские акты 1691 и 1695 годов закрепили за сербскими церковными иерархами ряд очень существенных привилегий: избрание митрополита, право владения феодальными поместьями, право открывать церковные школы с преподаванием в них на родном языке¹. С этого времени резиденция сербского митрополита — город Сремские Карловцы — становится духовным, культурным, интеллектуальным центром для всех православных сербов, как «австрийских», так и «турецких» на последующие полтора столетия. Город же Нови-Сад — центр Воеводины — стано-

вится колыбелью сербской национальной торговой буржуазии, интеллигенции, меценатства. Здесь было основано и первое научное учреждение у сербов — Матица Сербская ².

Декларация 1779 г. гарантировала сербам Воеводины церковно-школьную автономию. Для решения всех проблем, связанных с этой формой автономии, регулярно собирались национально-церковные саборы. Вместе с тем, задача получения политической автономии постоянно присутствовала в требованиях сербов Воеводины императору. В связи с политикой мадьяризации, проводимой в землях короны Святого Стефана в 20 – 30 годы XIX в. венгерскими буржуазными кругами в рамках консолидации «*patrio Hungarica*», сербские политические деятели Воеводины обратились к императору с петициями протеста. Кульминации политическая активность сербов Воеводины в деле сопротивления мадьяризации достигла в период революции 1848 – 1849 годов. Майская скупщина 1848 г. приняла решение о создании политической единицы Сербская Воеводина в рамках Австрийской империи ³. Особо следует отметить, что сербские патриоты в этот период связывали свою историческую судьбу с решением проблемы хорватской автономии. Они заявляли о своем политическом союзе с Триединым королевством. Это был период совместных сербо-хорватских акций против политики мадьяризации. Хорватские и воеводинские лидеры национальных движений поддерживали, как известно, центральную власть и выступили на стороне Вены в деле подавления революции. В качестве благодарности 18 ноября 1849 г. императорским указом была создана провинция Сербская Воеводина и Темешский Банат. Но требования сербов были удовлетворены лишь частично. Хотя Воеводина по этому указу уже не подчинялась Пешту, но великий воевода — глава Воеводины — не избирался народом, его функции взял на себя сам император, объявив себя воеводой. Провинция Воеводина просуществовала недолго и была ликвидирована 27 декабря 1860 г. в результате австро-венгерских соглашений. Бачка и Банат вернулись под юрисдикцию Пешта, а Срем отошел в состав Хорватии и Славонии, и таким образом подчинялся как венгерскому центру, так и хорватскому сабору. Начиная с этого момента и вплоть до 1916 г. воеводинские политики разрабатывали и пытались реализовать программы сербской политической автономии. Причем сопротивление реализации этих программ оказывалось как имперским центром, так и венгерскими властями, а со второй половины 60-х годов XIX в. и некоторыми хорватскими политическими деятелями.

Основные требования по воссозданию Воеводины, сводящиеся к

16 пунктам, были выработаны сербскими политическими деятелями во время работы Благоевещенского сабора в апреле 1861 г. Сабор требовал создания новой административной единицы — сербской Воеводины, включающей Срем, Нижнюю Бачку, Банат и Военную Границу. Эта автономия представляла бы интересы миллиона сербов, проживающих в Австрийской империи, в том числе сербов Хорватии и Далмации, которые выбирали бы воеводу вместе с жителями Воеводины. Известный современный исследователь Милорад Экмечич называл Благоевещенский сабор «лебединой песней воеводинских сербов в деле легального достижения своей автономии»⁴. Вопрос этот дважды рассматривался Венским правительством, но был отклонен в связи с активизацией внешней политики Сербского княжества и угрозой распространения его влияния на южнославянские народы Австрийской империи. Эти опасения были не беспочвенны. Воеводинские патриоты, которых возглавлял Светозар Милетич, именно в решении Восточного вопроса видели и решение судьбы сербов Габсбургской империи.

Для реализации возможного сотрудничества «австрийских» и «турецких» сербов в деле воссоздания крупного независимого сербского государства в начале 60-х годов XIX в. в Нови-Саде была создана либеральная политическая организация — Объединенная сербская молодежь («Омладина»), куда входили не только сербы Воеводины, но и политические деятели либерально-демократического направления из Сербского княжества: Светозар Маркович, Владимир Йованович и другие. Именно с этого времени начинается открытое противостояние воеводинских патриотов и венгерского управления. Одновременно начинается и процесс политического расслоения в среде воеводинских общественных деятелей. Здесь, также как и в других национальных регионах империи, кристаллизуются либеральное и консервативное направления, зарождается и радикальное движение. Показывая истоки этого процесса в империи в целом, Милорад Экмечич, на наш взгляд, верно отмечает связь Октябрьского диплома (1860) и Февральского патента (1861) с изменением характера политической борьбы в национальных движениях. Он пишет: «Конституционные реформы 1861 г. в одно и то же время и освободили и поработили интеллигенцию малых народов. Освободили, дав ей возможность открыто выступать с трибуны своего краевого парламента, а поработили, заставив постоянно защищать локальные автономии, которые были определены и закреплены системой традиций куда более твердых, чем конституционные привилегии»⁵. Таким образом, сербская интел-

лигенция, защищая свои национальные права, сталкивается на политической арене не только с Веной, но и с национальной интеллигенцией Венгрии и Хорватии.

60-е годы XIX в. — время начала проявления хорвато-сербского политического соперничества на территории Австрийской империи. Сербский вопрос выносится на заседания хорватского сабора, а в политические программы хорватских партий включается и вопрос о православном сербском населении на территории Триединого Королевства. Эта проблема становится еще более острой в связи с решениями о демилитаризации и реорганизации Военной Границы. Хорватская исследовательница М. Гросс, перу которой принадлежат фундаментальные труды по истории хорватской политической и общественной жизни XIX в., доказывает, что венгерское правительство со своей стороны старалось вбить клин между сербскими и хорватскими политическими деятелями, считая очень опасной для своих интересов возможность сербо-хорватского политического сотрудничества на основе хорватской государственно-правовой и сербской народно-церковной автономии ⁶.

Экономическое значение южных областей Венгрии, где компактно проживали большие группы сербского населения, было весьма велико. В сельском хозяйстве крупное землевладение способствовало с одной стороны развитию капиталистических форм хозяйствования, с другой — обезземеливанию крестьян, усилившегося в связи с массовой колонизацией этой территории. К 1910 г. Процент православных сербов составил — 38,6 %, венгров же было — 31,7 %, немцев — 22,7 %, румын — 6 %. Таким образом, сербы не составляли большинства населения Воеводины. Но для понимания процесса культурной политики Будапешта следует сравнить число начальных школ на этой территории: венгерских — 560, сербских — 157, немецких — 120, румынских — 41 ⁷.

Вместе с тем, следует отметить, что сербы не были политически абсолютно бесправны. Сербские представители заседали в венгерском Государственном собрании и хорватском саборе, входили в другие органы власти. Сам Светозар Милетич, дважды отбывавший тюремное заключение за антиправительственную деятельность, вместе с тем несколько раз был членом венгерского Государственного собрания и два раза назначался градоначальником Нови-Сада.

Венгерское правительство признавало сербов самостоятельной этнической общностью, но в политическом смысле они считались частью «политической венгерской нации». Юридически и законодатель-

но это положение было отражено в законе о языке и народностях, принятом в 1868 г.

1867 год и создание федеративного Австро-Венгерского государства явился ключевым в обострении проблемы: центр и регионы. В сущности, перед венгерским правительством после достижения равноправия с Веной встала та же проблема, которую оно в свое время поставило перед императором — централизм или федерализм. Ситуация также осложнялась взрывоопасной обстановкой в турецкой части Балкан. Учитывая ошибки Вены, венгерское правительство сразу же принимает решительные меры по пресечению возможного сепаратизма. В 1868 г. было заключено хорвато-венгерское соглашение («Нагодба»), которое в масштабах короны Святого Стефана было аналогично австро-венгерскому соглашению 1867 г.⁸ «Нагодба» во многом способствовала размежеванию сербов и хорватов на политической арене Венгерского королевства, поскольку большая часть политических требований хорватов решалась хорвато-венгерским соглашением. И, хотя сербский вопрос в самом Триедином королевстве частично решался (в частности, в 1887 г. сербы в Хорватии и Славонии получили церковную автономию и право употребления кириллицы в служебной и официальной переписке), все же нерешенность проблем воеводинских сербов вызывала острую критику ими югославизма и обвинения в сторону хорватов. Конфликтная ситуация между сербами и хорватами чувствуется при анализе политических программ сербских и хорватских национальных партий. Сербо-хорватские противоречия обостряются в связи с демилитаризацией Военной Границы в 1871 г. и окончательным присоединением к Хорватии территорий Военной Границы в 1881 г. В связи с этим процент сербов в Триедином королевстве Хорватия, Славония и Далмация увеличился с 7 до 26,3 %⁹.

Положение сербов Воеводины и Триединого королевства было различным. Мадыризация практически не касалась сербов Славонии, Далмации, Военной границы. В то время как на собственно воеводинских землях широко вводились преобразования в духе принятого в 1878 г. закона об обязательном изучении венгерского языка в школах, существенно дополненного и расширенного указами 1893 и 1907 годов.

Мадыризация края послужила стимулом для создания политических партий на территории Воеводины по национальному признаку¹⁰. На сравнительно небольшом пространстве южных комитатов Венгрии к концу века действовали несколько сербских, венгерских, сло-

вацких, немецких, румынских политических партий, главными задачами которых было достижение той или иной формы административной, культурной или церковной автономии. Воеводина таким образом становится после 1867 г. постоянным фактором нестабильности Венгерского королевства.

Российский исследователь Т. М. Исламов считает, что для большинства населявших монархию народов и, «прежде всего, венгров, чехов, словаков, поляков, словенцев» сохранение Австро-Венгрии было вопросом жизни и смерти, вопросом национального существования¹¹. Сепаратистские тенденции отчетливо прослеживаются, по мнению Т. М. Исламова, «лишь в национально-освободительном движении югославян Австрии и Венгрии, в особенности сербов»¹². Ученый утверждает при этом, что итальянский ирредентизм по масштабам и возможным последствиям не представлял такой угрозы самому существованию монархии, какую представлял югославянский сепаратизм.

Подобные тенденции просматриваются в программе первой сербской политической партии на территории Воеводины, возглавляемой Светозаром Милетичем — Сербской народной свободной партии, или коротко — либералов. Их программа была принята в 1869 г. в Бечкереке¹³. Бечкерекская программа главным своим лозунгом выдвинула борьбу с дуализмом в империи, когда немцы и венгры господствуют над малыми народами. Наряду с общелиберальными требованиями: муниципальной автономии, свободы собраний и организаций, были выдвинуты и национальные требования: признание сербского языка во всех областях общественной жизни — от занятий в университетах до армии, в тех частях, где сербы составляют большинство. Эта программа была составлена в духе идеи Великой Сербии, разрабатывающейся в это время в Сербском княжестве. Конец 60-х — начало 70-х годов XIX в. был периодом несомненного лидерства Сербского княжества в национально-освободительных стремлениях народов Балканского полуострова, поэтому вполне понятно, что отклик нашло это и в программе партии С. Милетича. Одновременно появляется на воеводинской политической арене и организация бывшего генерала Джордже Стратимировича, цель которой — сотрудничество с Венским двором и венгерским правительством. Таким образом, можно говорить и об альтернативном направлении в воеводинском политическом движении, противостоявшем сепаратизму — партия Д. Стратимировича предполагала интеграцию Воеводины в государственную и правовую систему Венгерского королевства.

Кризис Бечкерекской программы обозначился после завершения Восточного кризиса 1875 – 1878 годов, когда стало ясно, что сербский вопрос не только не решился в ходе военных операций на Балканах, но и еще более усложнился в связи с оккупацией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Проблема статуса этой новой территории, аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г., становится еще одним поводом для разногласий между сербскими и хорватскими политическими лидерами. Присоединение Боснии и Герцеговины вместе с тем существенно увеличило процент православного населения в Габсбургской империи.

При этом следует отметить, что в политическом смысле сербы Австро-Венгрии не были интегрированы. На территории империи было столько же сербских политических партий и организаций, сколько было областей, в которых проживали сербы (Босния и Герцеговина, Далмация, Славония, Военная граница, Воеводина). Причем внутри самих политических партий сербов начинается расслоение. Так, в 1884 г. происходит раскол партии Милетича на умеренных либералов и радикалов. Радикальная партия сербов Воеводины под руководством Яши Томича¹⁴ в своих программных требованиях выступала против дуализма, за автономию, причем не только сербов, но всех славянских народов, за введение национального языка в делопроизводство, за использование национальных символов, за церковную автономию, а во внешнеполитическом плане призывала к сопротивлению возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Эта партия стала главной и ведущей политической партией Воеводины. Идеология партии до некоторой степени близка идеологии других национальных партий империи, на первое место в своих программах ставящих вопрос о национальном равноправии. Характерной чертой является избирательное отношение партии Я. Томича к сотрудничеству с другими народами Венгерского королевства. В отношениях с хорватами лидеры партии перешли от научной полемики о происхождении сербов и хорватов, характерной для 60-х — 70-х годов, к открытым столкновениям. Правда, попытка научного обоснования сербо-хорватского антагонизма содержалась все же в брошюре Я. Томича «Как нас зовут», апологии великосербской государственной концепции.

Радикалы вместе с Самостоятельной партией сербов Славонии вели борьбу за объединение угнетенных народов Венгрии. Им удалось в 1895 г. в Будапеште провести съезд румын, словаков и сербов, на котором была принята программа борьбы этих народов за свои национальные права. Венгерское правительство со своей стороны пре-

красно понимало ту лидирующую дезинтегрирующую роль, которую играло сербское национальное движение. Последним усилием центра удержать в подчинении регион было решение Венгерского правительства о ликвидации в 1912 г. сербской церковно-школьной автономии. Таким образом, рядом последовательных актов с 1860 по 1912 г. была ликвидирована любая форма автономии Воеводины. Географически и политически термин Воеводина получил реальные границы лишь после 1918 г.

Итак, сербское политическое движение в XIX в. пришло в противоречие и открытое противостояние с венгерской консолидирующей идеей, концепцией единой политической нации. Сербская политическая оппозиция способствовала расшатыванию государственно-политической системы как венгерской интеграции, так и австро-венгерского федерализма в целом. Территория Воеводины была одним из самых сложных для управления регионов. Это объяснялось и историей этого пограничного края, и его большим экономическим потенциалом, и стратегическим значением для центра.

Национальный вопрос был здесь и вопросом социальным, так как большинство крупных землевладельцев Воеводины были венгерские помещики (2 % венгров владели 32 % земли). Дворянство и особенно аристократия преимущественно состояли также из венгров, чиновники на 80 % были венграми. Национальный вопрос остро сопряжен был на этой территории и с конфессиональным. Большая часть венгерского населения — католики, частично кальвинисты, остальная часть: православные — сербы и румыны; греко-католики — русины; протестанты — немцы. В самой православной церкви также не было единства. В 1864 г. была создана независимая румынская митрополия в Банате, что означало выход румынского православного населения Воеводины из-под юрисдикции Сербской патриархии.

Политика мадьяризации, проводимая Будапештом с целью централизации венгерских коронных земель, коснулась не только сербов, но и немцев, что послужило причиной массовой эмиграции немцев в конце XIX в.

Предоставив решение воеводинских проблем Венгрии, австрийский центр таким образом получил нового врага централизма — теперь уже в форме воеводинского сопротивления дуализму. Нерешенность целого ряда национальных и территориальных вопросов в ходе выработки австро-венгерского Соглашения 1867 г. способствовала поэтому в дальнейшем и дезинтеграционным процессам в империи в целом. Эти нерешенные проблемы в качестве австрийского наследства

существовали затем и в Королевской Югославии, и в СФРЮ.

¹ В отечественной историографии проблемам Воеводины XIX в. практически не уделялось специального внимания. К числу наиболее полных работ, характеризующих основные проблемы воеводинской истории, можно отнести обобщающие труды Института славяноведения и балканистики. См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986; Освободительные движения народов Австрийской империи. Т. 1-2, М., 1980 — 1981.

² О вкладе Воеводины в сербскую культуру см.: *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII в. М., 1994.

³ Подробнее см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Т. 1. М., 1980. С. 432 — 433.

⁴ *Екмечић М.* Стварањ Југославије. 1290 — 1918. Београд, 1989. Књ. 2. С. 211 — 213.

⁵ Там же. С. 207.

⁶ *Gross M., Szabo A.* Prema hrvatskom građanskom društvu. Zagreb, 1992. S. 497.

⁷ Подробнее об экономическом положении Воеводины см. в работе известного воеводинского ученого, автора многих трудов по истории политической жизни Воеводины второй половины XIX в. Лазара Ракича — *Ракић Ј.* Радикална странка у Војводини (до почетка XX века) — *Istraživanja III.* Novi-Sad, 1974. С. 151 — 179.

⁸ *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба 1868. Београд, 1969. Это одна из первых монографий сербского ученого, активно разрабатывающего тему сербо-хорватских отношений в Австро-Венгрии.

⁹ Проблема расселения сербов на территории Военной границы заслуживает специального исследования еще и потому, что объясняет предысторию сербо-хорватских противоречий и в XIX, и в XX в. на этой территории.

¹⁰ Политическим партиям различных национальностей Воеводины посвящена монография А. Лебла — *Lebl A.* Građanske partije u Vojvodini. 1887 — 1918. Novi-Sad, 1979.

¹¹ *Исламов Т. М.* Конец средневропейской империи // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 43.

¹² Там же.

¹³ Програми и статуту српских политичких странака од 1918 године. Београд, 1991. С. 29 — 38.

¹⁴ Истории этой партии посвящены три монографии Ј. Ракича. См.: Радикална странка у Војводини (до почетка XX века) // *Istraživanja* — III — IV. Novi-Sad, 1974; 1975. Он же. Радикална странка у Војводини 1902 — 1919. Нови-Сад, 1983. Он же. Јаша Томић (1856 — 1922). Нови-Сад, 1986.

Культурный ландшафт Австро-Венгрии

П. Ханак

ПОЧЕМУ FIN DE SIÈCLE? СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ НА РУБЕЖЕ XIX- XX ВВ.

Изменения в значении понятия

Говоря о «конце века» или о «fin de siècle», мы всегда имеем в виду конец именно XIX в. На пороге конец XX в., но его завершающий период, похоже, не станет особым, великим периодом в истории культуры. Почему же конец XIX в. удостоился этого статуса не только в памяти потомков, которые склонны ко всякого рода классификациям, но и в сознании современников? Они знали или по крайней мере чувствовали, что живут не просто в близящийся к концу отрезок времени, но и в определенный исторический период. В 1884 г. в Париже состоялась премьера пьесы «Конец века», в которой недуг молодого поколения был назван «fin de siècle»¹. В том же году вышел в свет роман популярного писателя Ш. Гюисманса «Наоборот», классический пример отношения к жизни в духе «конца века». Были основаны два журнала, «Le Décadent» и «La Décadence», проповедовавшие настроения «конца века»². От существительного вскоре произвели прилагательное, и «fin de siècle» стало означать скуку, нонсенс, проституцию, молодежь, иными словами, дух времени.

Изначально под прилагательным «fin de siècle» понимали показную лень, расслабленность и неврастению, коренящиеся по преимуществу в неврозе³. Эксцентричность, дендизм, рафинированные удовольствия, употребление стимулянтов и наркотиков, склонность к греху и извращению были способом отвлечься или позабыть о смертной скуке. Добропорядочным обывателям виделось в этом нравственное зло и переходящий все границы гедонизм. В двух своих составляющих это на самом деле переходило привычные рамки буржуазного и ханжески маскируемого гедонизма. Во-первых, поклонение искусст-

ву и культ красоты, *эстетизация смерти*; во-вторых, нескрываемое презрение к условностям и эпатирование буржуазии. Жадный до удовольствий и поклоняющийся красоте дендизм выражал образ жизни и понимание жизни, поэтому его значение из определения времени превратилось в определение условия.

Со временем особая позиция молодых писателей и художников стала восприниматься как разрыв, их самоизоляция как уход, а их капризная оппозиционность как программа. Они почувствовали, что их предки оставили им только красивую мебель и утонченные нервы вместо гордости, всепоглощающей любви и сжигающей жажды жизни эпохи ренессанса и барокко или великих страстей эпохи романтизма. Для них, для поколения «рожденного слишком поздно», осталась только «холодная жизнь, пустая, бесцветная реальность, надломленное смирение». У них не осталось ничего кроме «сентиментальных воспоминаний, дефицита воли и жуткого чувства саморазрушения»⁴. Можно сказать, что вся художественная литература *fin de siècle* повествует о декадентствующем поколении, которое жаждало эстетически прекрасной жизни вместо унылой реальности, но находило ее лишь в игре воображения.

Литературные герои «конца века», как и сотни их читателей, искали правду и оправдание. Но они полагали, что могут обрести их не во внешнем мире, а в своем собственном закрытом внутреннем мире. Рано или поздно к ним приходило понимание, что их страсти порочны, неестественны и идут вразрез с развитием человечества. В то же время они видели, что абсолютизация эстетического в искусстве, и особенно в искусстве жизни, вызывает внутренние конфликты, ведущие к упадку и разрушению. Именно здесь берет начало типичный мотив *fin de siècle* — близость смерти.

Общим для декадентов «конца века» было отношение к смерти как к выходу, решению. Одни, подобно персонажам из «Портрета Дориана Грея» О. Уальда, считали смерть концом всего, чем-то вроде страшного суда. Они ждали, что конец века принесет конец света, и, возможно, даже желали этого. Другие наделяли смерть человеческими чертами, видели в ней друга или имманентность жизни. В Центральной Европе новое восприятие смерти нашло выражение прежде всего в творчестве членов кружка «Молодая Вена». Смерть стала движущим мотивом в большинстве драм А. Шницлера, главным героем и даже этическим принципом в драматургии и лирике Г. фон Гофманншталя⁵. В поэзии Р. М. Рильке смерть уже не только часть жизни и ее главная цель, но и источник божественной милости⁶.

Иными словами, смерть это лишь одна точка в вечном цикле, она *одно- временно начало и конец*. Сецессия, берущая начало на Западе и достигшая наиболее полного выражения в Центральной Европе, означала не только конец искусства, но и его обновление.

Крах либерального мирового порядка

Само по себе изменение художественного вкуса не создает и не объясняет повсеместную смену культурного периода. Итак, понятие «fin de siècle» из существительного стало прилагательным, вместо времени начало определять условие, а из условия превратилось в программу потеряннго поколения. Каким же образом fin de siècle превратился в мировоззрение, отношение к жизни, даже моду большей части среднего и правящего класса?

Отвечая на этот вопрос, мы не можем абстрагироваться от социальной среды, в которой выросли сыновья великих мужей, отцов-основателей, и от тех структурных изменений и конфликтов в либеральной социально-экономической системе, которые не только поставили под вопрос стабильность системы, но и поколебали ее устои. Утеря веры в идею свободы, углубляющийся кризис всей либерально-капиталистической системы были вызваны не только и не столько критическими нападками со стороны ее старых врагов — апологетов плебейского равенства и их социалистических последователей или воскресшего консерватизма тех, кто не вписался в общественную систему, — но сбоями в работе рыночного механизма, противоречиями, вытекающими из развития идеи свободы. Со временем свободная конкуренция со всей своей силой ударила по среднему классу. Она обострила внутренние конфликты, проложила дорогу растущим антилиберальным силам массовой демократии. С другой стороны, ограничение свободы повысило роль государства и монополистических группировок.

Не менее значимым было и то, что ограниченная свобода капиталистического либерализма и ханжеская буржуазная мораль оказалась неприемлемы для нового поколения fin de siècle. Кризис системы проявился не только в антисоциальной политике и отмирании ее системы ценностей, но затронул семью и личность. Тревожными признаками стали ослабление уз буржуазной семьи и кризис «свободного я»⁷.

Бунты

Буржуазная семья была порождением века промышленной революции и урбанизации. После разделения рабочего места и жилища последнее становится подлинным домом, а домашнее хозяйство ста-

новится семьей, роли в которой четко распределены. Главой семьи был несомненно мужчина: добытчик, заботливый муж и отец. Женщине новая структура семьи предлагала безопасную жизнь, похожую на тюремное заключение: почетную, но уединенную, полную чувств, но монотонную⁸. Однако вскоре среди женщин зародился и начал распространяться бунт. Его основополагающую форму можно назвать «ибсеновской». И не только потому что Нора из «Кукольного дома» многие годы оставалась предметом споров и примером для подражания, но и потому что все творчество Г. Ибсена повествует о трагедии загубленных жизней, упущенных возможностей и подавленных желаний.

Проще, но политизированнее был бунт феминисток. На рубеже веков молодых женщин охватила жажда образования и потребность, переросшая в настойчивое требование, вырваться из круга домашних дел. Обыденнее, практичнее и потому эффективнее оказалось движение за реформу женской одежды⁹. Его успех коренился в том, что женские движения, мода и медицина объединились против кринолина, турнюра и тесной, жаркой, тяжелой одежды, прикрывавшей фигуру женщины от шеи до пят. В 90-е годы XIX в. разразилась настоящая антикорсетная кампания, увенчавшаяся полным успехом через тридцать лет тихой войны¹⁰. Тем временем женскую одежду стали изготавливать из более легких материалов, юбки и рукава укоротились, крой платья стал свободнее¹¹.

Эти перемены были тесно связаны с современным культом тела и гигиеной. Друзья солнца, воздуха и воды добились того, что всего за четверть века водные процедуры, солнечные ванны, спорт на открытом воздухе стали неотъемлемой частью образа жизни. Реформа одежды и культура тела не только совпадали по времени, но и действовали заодно в деле освобождения тайной и запретной сексуальности, снятия с нее религиозного проклятия греха.

К женщинам вскоре присоединились дети, которые также не желали терпеть семейный гнет и буржуазное ханжество. Самые образованные, самые утонченные представители второго и третьего поколения крупной буржуазии бежали из семьи и от уготованной им деловой карьеры. Сторонники входившего в моду психоанализа усмотрели в этом яркое проявление эдипова комплекса. И в чем-то они были правы, поскольку эдипов комплекс, пусть и не под таким научным названием, был известен по крайней мере со времен Ноя. Однако если раньше молодые люди, не желавшие заниматься «бизнесом», повзрослев, брались за ум, усаживались в директорские кресла, заклю-

чали выгодные браки, обеспечивали преемственность буржуазной семьи и буржуазной морали, то теперь эдипова ненависть прямо-таки сжигала их. Почему этот комплекс также оказался атрибутом *fin de siècle*?¹²

Причину следует искать не в психологии, а в общественных отношениях. Новое поколение *haute bourgeoisie* получило в большинстве своем университетское, как правило, гуманитарное образование. Правдоискательский бунт интеллигенции конца века соединился в них с бременем принадлежности к правящему классу. Они пытались разрешить конфликт путем отказа от своего социального статуса или с помощью щедрого меценатства. Подозрительно часто со своей социальной средой рвали дети из недавно влившихся в ряды крупной буржуазии еврейских семей: К. Краус, Л. Витгенштейн и А. Шницлер (все трое члены кружка «Молодая Вена»), а также С. Цвейг (австриец), Ф. Кафка (Прага), Д. Лукач (Будапешт). И все-таки бунт не был чисто еврейским явлением. В одном ряду с ними стоят выдающиеся представители христианской *haute bourgeoisie* Г. и Т. Манн, Ф. А. Крупп, А. Тиссен¹³.

Меняющаяся картина мира

Как ни парадоксально, главную роль в изменении картины мира сыграли не литература и искусство, а наука, в первую очередь физика и психология. Поразительные открытия второй половины XIX в. поставили выдающихся физиков перед неразрешимыми вопросами в области электромагнетизма и термодинамики, которые не поддавались объяснению с точки зрения ньютоновских законов классической физики. Д. К. Максвелл, Г. Р. Герц, В. А. Михельсон и Х. А. Лоринц подошли вплотную к тому, что впервые детально изложил Э. Мах — к пересмотру концепции абсолютного времени и пространства. Наконец, как известно, А. Эйнштейн математически доказал, что время и пространство сосуществуют в жесткой системе взаимозависимости¹⁴. Если мы вспомним об открытии радиоактивности, электронов и квантовой теории, то получится, что на рубеже веков в физике произошли изменения, сравнимые по значимости с тем переворотом, который в свое время произвела ньютоновская физика, хотя влияние этих изменений на судьбы человечества было несравнимо больше. Несомненно, что новая картина мира повлияла на релятивистский скептицизм «конца века», с другой же стороны, творческие искания в духе *fin de siècle* могли побудить А. Эйнштейна критически пересмотреть теоретические основы аксиоматических вопросов физики¹⁵.

Если коренные изменения в физике связаны с объяснением природы электромагнетизма, то в психологии — с объяснением природы мистической болезни эпохи, истерии. Ж. М. Шарко в Париже уже начал использовать гипноз для лечения душевных заболеваний¹⁶. На рубеже веков в Вене З. Фрейд и его последователи разработали теорию сознательных и подсознательных психических процессов. Описанная Фрейдом структура личности и законы, по которым работает здоровая и больная нервная система, заложили основы новой психологической картины человека.

Физика и философия слишком далеки друг от друга. Но по иронии судьбы в конце века появился блестящий физик, серьезно занимавшийся философией и психологией. Эрнст Мах в своей работе «Анализ ощущений»¹⁷ описал объект и воспринимающий его субъект («Его») как комплекс ощущений. Он не был ни идеалистом, ни материалистом и отводил главную роль принципиальной координации между объектами и ощущениями, миром и воспринимающим его субъектом. Маховский релятивизм и «импрессионистическая» теория познания оказали огромное воздействие на европейское искусство конца века, прежде всего на австрийских и чешских писателей¹⁸.

Сецессия

Конфронтация и разрыв реформаторского духа конца века и традиционного вкуса, воплощенного в историзме и натурализме, были неизбежны. Процесс начался в Англии, во второй половине XIX в. с появлением прерафаэлитов. Затем последовал «уход» берлинских и мюнхенских художников в 1892 г. и венских художников в 1897 г. В архитектуре бунт был поднят против «стилевой архитектуры», возрождавшей эпохи далекого прошлого, в живописи он был направлен против старомодного академизма и модного импрессионизма, в литературе — против натурализма. Сецессия соединила красивое с полезным, эстетическое с реальным, ассоциируя последнее с фантазией. «Мы не признаем разницу между «высоким искусством» и «массовым искусством», между искусством для богатых и искусством для бедных. Искусство — это общее достояние, необходимое проявление жизни интеллигентных людей», — говорилось в первом манифесте венского «Сецессиона»¹⁹.

Однако помимо выразительного жеста разрыва и общей программы реформ существовали немалые различия между отдельными регионами, странами и видами искусств. Если архитектура вскоре превратилась в модную архитектуру с простыми, геометрическими фор-

мами, гладкими, лишенными украшений фасадами и светлыми, чистыми помещениями, то живопись дошла до фазы разрушающих форм «измов» авангарда.

Сецессионистская архитектура соединила ранее презиравшее ремесло, архитектурную инженерию, использующую преимущества новых материалов — железа, бетона и стекла, и возможность осуществления решений, о которых прежде не приходилось и мечтать²⁰. В то же время сецессионистская архитектура заимствовала у художников-бунтарей броские стилистические формы: иррегулярное заполнение пространства геометрическими узорами, причудливыми линиями и цветочными орнаментами. Архитекторы конца века поклонялись новой святой троице: *единству материала, структуры и формы*²¹.

Сецессионистская архитектура с поразительной быстротой пустила корни в Австро-Венгерской монархии, причем отнюдь не как экзотический раритет. Главной причиной этого успеха была сама эпоха, конец века, когда из рядов творческой интеллигенции вышел не один талантливый реформатор-бунтарь. Наиболее значительным венским архитектором был О. Вагнер. К его школе принадлежали Й. Гофман, Й. М. Ольбрих, пражанин Я. Котера, венгр Э. Лехнер. Вагнер хотел преодолеть историзм не путем возврата к идеализированному уюту средневековых городов-коммун, а путем инновационного приспособления к быстро развивающейся технической цивилизации. «Любая архитектурная форма произошла из структуры», и если структура меняется, приспособляясь к свойствам новых материалов, то из этого вытекает «потребность в новых средствах выражения, а со временем и в новом стиле». В Вене О. Вагнер экспериментировал с узором из выющихся растений, золотым и геометрическим орнаментом и наконец нашел гармонию функциональной пользы внутреннего пространства и эстетической формы, гармонию архитектурных элементов и объектов повседневного пользования, например дверных ручек, печей и окон²².

В Вагнере и его сторонниках горело желание создать новый, единый стиль и всеобъемлющее произведение искусства (*Gesamtkunstwerk*). Он сотрудничал не только с живописцами и скульпторами, но и с художниками-декораторами, ювелирами, дизайнерами по мебели, стеклу и ткани из творческого объединения «*Wiener Werkstätte*»²³. Казалось бы, мебель, вазы, ковры, ювелирные изделия и предметы повседневного пользования доступны лишь богатым, но сецессионистская архитектура и культура дома смогла создать единый стиль: красивый, удобный, шикарный и доступный. Се-

годня мы можем спросить: стал ли современный офис, магазин или дом, заключенный в железобетон и покрытый стеклом, красивее и практичнее?

Секрет успеха сецессии в Центральной Европе в том, что она не была связана законами истории и была открыта местным и национальным веяниям. Венгерские, польские, русские архитекторы ждали его не одно десятилетие. «До сих пор не было венгерского языка формы, но он появится», — заявил основатель венгерской сецессии Э. Лехнер²⁴. Беспорочный стиль, который стремится в конце концов обрести форму и который не кичливый чужак, а гостеприимный друг народному искусству! Стоит посмотреть на крышу будапештского «Пошта-Банка», где орнамент принимает форму бычьих голов, кудрявых гребней или тюльпанов из народных вышивок, или на элегантный дизайн Института геологии, его орнамент, его причудливые окна в форме домиков, и перед нами предстанет оригинальная и художественная вариация зародившегося в Вене стиля²⁵. Некоторые архитекторы превзошли Лехнера в поклонении народному искусству: они попытались перенести структурные элементы трансильванских крестьянских домов в города рубежа веков. В некоторых случаях, таким архитекторам, как К. Кош, Э. Тороцкаи Виганд, Д. Дёрди и Д. Зрумецки в виллах и коттеджах художников, церквях, школах и будапештском Зоопарке это удалось весьма успешно, но в целом художественный крестьянский дом не вынес увеличения в размерах и дисгармонии городского ландшафта.

В венгерской сецессии восхищает то, что она не ограничилась столицей, а в течение десятилетия распространилась по стране от Марамароша (совр. Марамуреш, Румыния) до Сегеда и Марошвавархей (совр. Тыргу-Муреш, Румыния). Орнаментированный дворец Г. Маркуша, ратуша в Кечкемете Э. Лехнера и Партоша, дворец культуры в Марошвавархее М. Комора и Д. Якаба, их ратуша и синагога в Сабадке, реформатская церковь в Коложваре (совр. Клуж, Румыния) К. Коша — все эти творения говорят о том, что некогда в дунайском бассейне господствовала сецессия — стиль, в котором созданы оригинальные и высокие региональные вариации с фольклорными мотивами. Как и венские мастера, молодые архитекторы школы Лехнера достигли упрощенности сецессионистской сверхразработанности, достигая гармонии функции и формы, и прерывистого, стилизованного орнамента, который одновременно формировал внешний облик фасада.

В то время как в конце века архитекторы перестали быть придвор-

ными, приняв роль проектировщиков городов и общественных деятелей, художники оставили двор, салон и город, ища спасение в одиночестве, живя в деревне или на далеких, как Таити, островах. Сецессия в живописи начинается с прерафаэлитов (Д. Г. Россетти, Э. Бёрн-Джонс) и символистов (Г. Моро). Но *art nouveau* не был чем-то абсолютно новым: его последователи испытывали влияние эстетизма, мистики, эротики и смерти, а также связанной с ними символики и характерного декора.

На одном из полотен основателя венского «Сецессиона» Г. Климта нагая правда (*nuda veritas*) изображена в виде прекрасной женщины. В полотнах Климта, и особенно его графических работах, присутствует неприкрытая эротика, зачастую граничащая с порнографией. Но у Климта эротика является не конечной целью, а философией или точнее выразительницей глубокого пессимизма. У А. Шопенгауэра, который был близок Климту по духу, художник почерпнул идею безнадёжного цикла человеческой жизни, вечного цикла творения и упадка, рождения и смерти, которым правят Эрос и Танатос²⁶. Против этого только любовь предлагает кратковременное исцеление. В этой перспективе чисто эстетическая функция Эроса и присутствие Смерти, наряду с ее двусмысленной эротичностью, наличествует и в «Юдифи–Саломее», и в особенности во фресках «Философия», «Медицина», «Юриспруденция», заказанных, (но так никогда и не одобренных) Венским университетом²⁷.

Другой мотив в творчестве Климта — это смешение сновидений, фантазий и реальности, образующих композицию, элементы которой нельзя вычленишь по цвету и контуру. Большинство работ Климта, в том числе и пейзажи, двухмерны, в них не хватает пространственной глубины, что подчеркивается избытком декоративных элементов. Подобно иконописцу, художник хотел выразить символическую связь философского подхода и живописной композиции. Краткий расцвет венского «Сецессиона» длился всего одно десятилетие и выродился в декоративное искусство и живопись более жесткого и мрачного молодого поколения, проложившего дорогу к авангарду. Э. Шиле, О. Кокошка и их единомышленники уничтожили культ красоты, а на месте целительной красоты изобразили неприглядность вопиющей реальности, жестокость эротизма смерти и искаженные страдания души.

Fin de siècle и сецессия в Будапеште приняли несколько идеосинкразическое течение. В Венгрии в период интеллектуального раскрепощения конца XIX в. царил анекдотический дворянский литературный вкус, историческая живопись, прославляющая историческое про-

шное, и песни, имитирующие национальный эпос. В этой культурной среде появление в 1890 г. нового городского журнала «A Hét» стало почти что прорывом сецессии. Большинство авторов были выходцами из среднего класса или ассоциировали себя с ним. Они порвали с прошлым и видели темную сторону городской жизни, ее нищету, хотя они ничего не знали о декадансе, одиночестве, любви и смерти, за исключением того, что прочли у Я. Араня и Г. Ибсена или, в большинстве своем, у Э. Золя и Г. Мопассана²⁸.

Сецессия берет начало в 1896 г., когда художник Ш. Холлоши и его ученики, открыто порвав с академизмом, удалились в Надьбанью. Членов группы в Надьбанье, а затем и групп в Сольноке и Гёдёллэ, особенно привлекали пленэр, изучение света, импрессионистические эксперименты, красоты сельской местности и чувство принадлежности к товариществу художников, а не искусственное затворничество и метафизическое одиночество. Пионерами венгерской сецессии были Я. Васари, Й. Риппль-Ронаи, И. Чока, но используемые ими орнаментальные мотивы служили скорее стилистическим дополнением, а не элементами содержания.

Запоздалый *fin de siècle* пришел в Венгрию в середине первого десятилетия XX в., но начался с вулканической силой. Если можно связать революционное обновление с именами и группами, я связал бы поворот в венгерском искусстве с Э. Ади и журналом «Nyugat», Д. Круди, Л. Гулачи и Б. Бартоком. Ади не только сам причислял себя к этому лагерю, говоря, что «моя собственная сецессия — это борьба прогресса против условностей»,²⁹ но и принадлежал к нему в силу звучащей в его стихах ненасытной тоски по расстояниям, Парижу, необузданной и священной любви, эйфории, Богу и смерти. Круди в венгерской культуре была отведена роль Синдбада, который в тоске по морю «бороздит стоячие воды прошлого»,³⁰ волшебного мира снов, который был реален, как мир кабачков в Обуде. В этом мире настоящее не только становится горько-сладким приключением, но и будущим, вместе с прекрасными, но неисполнимыми надеждами, утопиями и спасением³¹. От них неотделим Барток, поскольку создал «Замок Синей Бороды» и «Волшебный мандарин», стал почетным членом кружка обновителей. Но несколько слов следует сказать и о Гулачи, возможно, самым полнокровным представителем венгерской сецессии³².

Выходец из обедневшей мелкодворянской семьи, Гулачи унаследовал от своих предков мечты, долги и проблемы с душевным здоровьем. Жил он не в замке, а в крохотной квартирке. Ему не было нужды бежать от общества, поскольку он был прирожденным изго-

ем. Родись Гулачи на полвека раньше, он мог бы стать венгерским Данте Габриеле Россетти. Но он родился в 1882 г., в год, когда Россетти умер. Всю свою жизнь Гулачи мечтал об Италии, дантовой Флоренции, оттенкам кватроченто, меланхолической любви, девственному экстазу, увядающим розам и увядающим женщинам. Его восхитительный пастельный сумрак, мрачные фигуры, воображаемые пейзажи и сады были творениями мага и клоуна. Сам он вел себя как денди, эксцентрик и клоун, жил бездумно и умер в больнице для лунатиков.

Венгерский *fin de siècle* и сецессия имели два существенных отличия от европейских вообще и от венских в особенности. В Венгрии интеллигенция одной ногой все еще стояла в феодальном прошлом, и хотя связывала свои помыслы и надежды с буржуазной трансформацией общества, слабо в это верила. Она не отворачивалась от общества в отчаянии, но и не проклинала его.

Конец века и интеллигенция

Мы столкнулись с поразительным явлением: из явного расслабления, из невроза, одним словом, из декадентства рождалась живая культура, которая определила характер целого столетия. Более того, декадентское отношение к жизни сосуществовало в тесном симбиозе с безоглядной, жадной страстью к жизни. Какая же социальная группа изобрела и распространила «конец века» и настроение «конца света»?

Ответ с очевидностью следует из самой статьи: это творческая интеллигенция. В Германии и Австрии она сформировалась из представителей *Bildungsbürgertum*, тех его членов, кто оказался деклассирован с точки зрения престижа и социального положения. В начале XIX в. костяк этой группы составляла свободная интеллигенция с университетским образованием,³³ которая играла ведущую роль в национальном объединении, модернизации общества и процессе буржуазной трансформации в Австрийской империи и Австро-Венгерской монархии.

Однако процесс быстрой модернизации привел к фундаментальным структурным изменениям. Сформировалась современная управленческая бюрократия, которая получила доступ к власти, появилось поколение технических специалистов, способных компетентно управлять экономикой. Наряду с этим буржуазная интеллигенция пришла в упадок и была вынуждена сдать ведущие позиции даже в сфере культуры. Если ее члены оставались лояльными подданными, они еще могли частично сохранить социальный статус и доходы. Но если они не

могли отождествить себя с процветавшим в Австрии германским национализмом или антисемитизмом, разрывавшим либерализм в клочья, они уходили в тень и маргинализировались.

А что же случилось в Венгрии? После того как два основных столпа, комитаты и землевладельческое сословие, «согнулись и просели», большая часть комитатских чиновников и интеллигенции поступили на государственную службу и интегрировались в этакую национальную бюрократию. Другие выбрали профессии адвокатов и инженеров и обрели свое место, согласно новому статусу, в среднем классе. Самые талантливые стали писателями, журналистами, учителями, художниками, актерами и музыкантами и в этом качестве смешались с буржуазной интеллигенцией. Если у них хватало мужества быть независимыми от крупного землевладения, большого капитала, правительственной партии образца 1867 г. и национальной оппозиции образца 1848 г., если они сочувствовали радикалам и даже социалистам, или, к собственному ужасу, не отождествляли себя ни с чем, они неизбежно оказывались в изоляции и маргинализировались.

Справедливости ради надо отметить, что венгерская интеллигенция рубежа веков выжила даже будучи маргинализированной, она не отказалась от духа мастерской даже в канун первой мировой войны и оставалась, в отличие от собратьев в Вене, активно вовлеченной в политику. Эти неутомимые головы снова хотели связать общественный подъем с национальным возрождением. С такой активной жизненной позицией венгерская интеллигенция вступила в XX в., тайные опасности которого ей вскоре предстояло познать.

Мы стоим на пороге конца века, конца другого века. Но нет и в помине нового или обновленного настроения *fin de siècle*, ожиданий чего-то нового, ни в жизнерадостном, ни в декадентском варианте. В заключении позвольте задать вопрос, звучащий отголоском заголовка статьи: так почему же сегодня нет «*fin de siècle*»?

¹ *Schalk F.* *Fin de siècle // Fin de Siècle. Zu Literatur und Kunst der Jahrhundertwende / Hrsg. von R. Bauer et al.* Frankfurt a. M., 1977. S. 3 – 4.

² *Seigel J.* *Bohemian Paris 1830 – 1930.* N. Y., 1986. P. 256.

³ *Rusch W.* *Fin de siècle als Ende und Neubeginn // Fin de Siècle. Zu Literatur...* S. 31.

⁴ *Hofmannsthal H. von.* *Gesammelte Werke. Prosa. I.* Frankfurt a. M., 1950. S. 170 – 171.

⁵ *Broch H.* *Hofmannsthal und seine Zeit.* Frankfurt a. M., 1900. S. 113 – 114; *Schorske C.E.* *Fin-de-siècle Vienna. Politics and culture.* N. Y., 1980. P. 11 – 22.

⁶ *Rilke R. M.* Das Stunden-Buch. Leipzig, 1905. P. 94.

⁷ *Schorske C. E.* Op. cit. P. 7 – 10, 208 – 209, 222 – 224.

⁸ *Calder J.* The Victorian home. London (далее: Lond.), 1977.

⁹ *Stamm B.* Auf dem Weg zum Reformkleid // Kunst und Alltag um 1900 / Ed. by E. Siepmann. Berlin, 1978. S. 152; *Hamilton W.* The aesthetic movement in England. Lond., 1882.

¹⁰ *Krabbe W. E.* Gesellschaftsveränderung durch Lebensform. Göttingen, 1974. S. 108 – 111; *Thanhoffer L.* Anatómia és divat. Budapest (далее: Бр.), 1901.

¹¹ Die Frau im Korsett. Wiener Frauenalltag zwischen Klischee und Wirklichkeit 1848 – 1920. Wien, 1984.

¹² *Schorske C. E.* Generational Tension and Cultural Change: Reflections on the Case of Vienna // Daedalus. 1978. Fall. P. 116 – 117; *McGrath W. J.* Dionysian Art and Popular Politics in Austria. New Haven; Lond., 1974. P. 238 – 251.

¹³ *Hellige H. D.* Generationskonflikt, Selbsthass und die Entstehung antikapitalistischer Positionen in Judentum // Geschichte und Gesellschaft. 1979. Vol. 5. S. 484 – 511.

¹⁴ *Cē.: Swenson L. S. (Jr.).* Genesis of relativity. Houston, 1979; *Feuer L. S.* Einstein and the generation of science. New Brunswick; Lond., 1982.

¹⁵ *Nersessian N. J.* Why wasn't Lorentz Einstein? // Centaurus. 1986. Vol. 29.

¹⁶ *Jones E.* The life and work of Sigmund Freud. N.Y., 1961; *Gay P.* A life for our time. N. Y.; Lond., 1988; *Sulloway F. J.* Freud, biologist of mind. Beyond the psychoanalytic legend. N. Y., 1983; *Robert M.* From Oedipus to Moses. Freud's Jewish identity. Garden City, N. Y., 1976.

¹⁷ *Blackmore J. T.* Ernst Mach, his life, work, and influence. Berkley; Los Angeles, Lond., 1972.

¹⁸ *Hanák P.* Ernst Mach und die Position des Phänomenalismus in der Wissenschaftsgeschichte // Europa um 1900: Texte eines Kolloquiums / Hrsg. von F. Klein, K. Ottmar von Aretin. Berlin, 1989. S. 278 – 281.

¹⁹ Цит. по: *Szeceesszió / Szerk. L. Pók.* Бр., 172., 365. old.

²⁰ *Pevsner N.* Az európai építészet története. Бр., 1972. 399. old.; *Joedicke J.* Modern építésztörténet. Бр., 1961 17 – 23. old.

²¹ *Wagner O.* Moderne Architectur. Wien, 1989. S. 68 – 73. Интерпретацию К. Шорске см.: *Schorske C. E.* Fin-de-siècle Vienna... P. 73 – 86.

²² Новое сравнительное исследование творчества О. Вагнера, написанное венгерским ученым см.: *Moravánsky Á.* Építészet az Osztrák-Magyar Monarchiában. Бр., 1988. 67 – 68. old.

²³ *Kallir J.* Viennese design and the «Wiener Werkstätte». N. Y., 1986. P. 22 – 48.

²⁴ Статья Лехнера была опубликована в журнале «Művész» (1906).

²⁵ *Bakonyi T, Kubinszky M.* Lechner Ödön. Budapest, 1981 // Magyar művészet, 1890 – 1919 / Szerk. L. Németh. Бр., 1981, Köt. 1. 324 – 337. old.

²⁶ *Bisanz-Prakken M.* Programmatik und subjective Aussage im Werk von Gustav Klimt // *Traum und Wirklichkeit* / Hrsg. von Waissenburger. Wien, 1981. S. 110 – 120.

²⁷ Из обширной литературы о Г. Климте см.: *Schorske C. E.* Op.cit. P. 108 – 173; *Hofmann W.* Gustav Klimt. Greenwich, Conn., 1971; *Ibid.* Gustav Klimt und die Wiener Jahrhundertwende. Salzburg, 1970; *Nebahay C. M.* Gustav Klimt. Sein Leben nach zeitgenössischen Berichten und Quellen. München, 1976; *Vergo P.* Art in Vienna. Lond., 1975; *Sármány-Parsons I.* Gustav Klimt. Naefels, 1987.

²⁸ *Hanák P.* Der Garden und die Werkstätte. Ein kulturgeschichtlicher Vergleich Wien und Budapest um 1900. Wien; Köln; Weimar, 1992. S. 134.

²⁹ Цит. по: *Hanák P.* Der Garden und die Werkstätte. S. 134.

³⁰ *Szép E.* Szindbadról // *Krúdy világa* / Szerk. Á. Tóbiás. Bp., 1964. 127. old.

³¹ *Ady E.* Krúdy Gyula könyve // *Krúdy világa...* Bp., 1964. 138 old.

³² *Gulácsy L.* A virágünnepe vége / Szerk. J. Szabadi. Bp., 1989; О Л. Гулачи см.: *Szabadi J.* Gulácsy. Bp., 1969; *Szif B.* Gulácsy Lajos. Bp., 1979.

³³ *Das wilhelminische Bildungsbürgertum. Zur Sozialgeschichte seiner Ideen* / Hrsg. von K. Vondung. Göttingen, 1976. S. 20 – 26.

Перевела с английского О. В. Хаванова

ФЕНОМЕН АВСТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ: «ЭФФЕКТ ОТРАЖЕННОГО СВЕТА»

Согласно модным сегодня представлениям, XIX век заканчивается 1913 годом. Это отчасти верно в отношении стабильности политических режимов в Европе. Если же говорить о духовной жизни, рубежным годом мог бы считаться 1909 г. — год выхода русских «Вех». С завидным бесстрашием и тревогой за судьбы страны кучка интеллектуалов всматривалась в Русскую революцию. Однако призыв веховцев так и не был услышан русским обществом. Даже Лев Толстой отринул предостережения «Вех». По сути дела, это был первый шаг к собиранию интеллектуальных сил Европы против грядущего восстания масс.

Первая мировая война стала водоразделом между творящей духовностью Личности и бездушной властью толпы. К тому же это было время, когда короны, как образно заметил Ф. Энгельс о результатах будущей войны, десятками валялись на европейских мостовых. «Мы теряем почву под ногами, — писал Э. Трёльч, — и вокруг нас носятся в вихре самые различные возможности становления, конечно, в первую очередь там, где мировая война привела к тотальному преобразованию, в Германии и в России»¹. Он не упомянул Австро-Венгрию.

Перед исследователями долгое время предстал, как заметила однажды Барбара Елавич, «затуманенный образ» монархии². Предчувствие беды как бы носилось в воздухе. Ф. Кафка в дневниках (за два месяца до войны) предсказал трагическую судьбу Империи. Начало войны... Императорская армия поспешно отступает. Пессимизм писатель выразил устами некоего советника Брудера: «Что, битва проиграна?» — «Совершенно верно. В этом не может быть сомнения. Мы должны искупить всякие старые грехи... Мы стоим перед окончательной развязкой»³.

Сбылось предвидение Н. Макиавелли о том, что проверка жизнеспособности того или иного государства происходит весьма неожиданно и «тем опасней, что бывает всего однажды». В случае с Австрией (впрочем не только с ней) оно оправдалось с завидной точностью. Парадокс однако в том, что с гибелью монархии информационно-культурное поле старой империи как бы продолжало жить собственной жизнью, влияя на литературу, искусство, науку не только в регионе, но и в культурном ареале Западного мира.

Со сверхчувственной интеллектуальной нюансировкой время заката империи отражено в незавершенном романе Роберта Музиля «Человек без свойств». Он, как никто другой, выразил всю уникальность многоцветного мира угасающей Какании. «Кто, в самом деле, отважился бы воссоздать в романе саму Австрию?» — вопрошал писатель Элиас Канетти. «Кто мог бы сказать о себе, что знает эту империю через себя самого, а не просто через населяющие ее народы! Он сам, как никто другой, был этой закатившейся Австрией, ... и это сознание давало ему в каком-то смысле право на особую чувствительность, чего явно никто не понимал» ⁴.

Музилу удалось, как представляется, точно передать странное чувство австро-венгерской государственности. Состояло оно, по его мнению, вовсе не из австрийской и венгерской частей, которые, как следовало бы думать, дополняли друг друга, а из целого и части, а именно из чувства *венгерской и австро-венгерской государственности*, и это второе процветало в Австрии, отчего чувство австрийской государственности по сути не имело отечества. И здесь Музиль выводит гениальную формулу Австро-Венгрии: (австриец + венгр) – венгр ⁵. Разумеется, без права открыть скобки. Эту особенность Австрии подметил австрийский ученый Г. Штурц ⁶. И еще одна мысль Музиля, имеющая отношение к нашему разговору и вложенная в уста Диотимы: «*Истинная Австрия — это весь мир*» (курсив мой — В. Ф.) ⁷.

В межвоенный период «культурные блики» Австрии, если можно так сказать, ее духовные модусы светящимися точками появлялись в разных странах. Из украинских творцов таким был основатель новаторского театра «Березиль» Лесь Курбас. Судьба его, как и большинства творческих людей в Советском Союзе в 30-е годы, сложилась трагично. Формирует Курбаса как художника предвоенная Вена, где он учится в университете в 1907 – 1908 годах. Не случайно в анкете 1925 г. на вопрос: «Где готовился к профессии?» — он ответил: «В Вене, драматическая школа» ⁸. Другой пример — уроженец города Заболотова, что на Западной Украине, известный европейский писатель и эссеист Манус Шпербер, живший во Франции. Он был одним из авторов нашумевшего разоблачительного памфлета «К анализу тираний» (1938), где раскрывалась зловещая природа диктаторских режимов как на Востоке, так и на Западе.

Вообще-то, говоря о роли Габсбургской монархии, заметим, что с ее распадом была нарушена гарантируемая империей стабильность. В последние годы ее существования «австро-венгерская идея» при-

звана была объединить поданных короны, подтверждая особую «миссию и жизненную цель» монархии в отношении более слабых наций⁹. В течение всего последующего периода Восточная Европа становится подвижной геополитической зоной, что трагически сказалось на судьбах народов региона.

Старушка Австрия, которая, по выражению Р. Музиля, «управлялась клерикально, но жила в свободомыслии», смогла породить фее-рию талантов. Австро-Венгрия распалась, но осталась ее «культурная тень», калейдоскопично и почти неуловимо для наблюдателя рассыпавшаяся по свету. Австрийская культура, подобно *Летучему голландцу* исчезает в одном месте, чтобы неожиданно проявиться в другом:

«О странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть — везде!
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...»
(Шарль Бодлер. «Плаванье»)

В чем секрет культурного магнетизма Австрии? А не являлись ли предвоенные годы своеобразным австрийским *Серебряным веком*? Пожалуй, сравнение Габсбургской монархии с Советским Союзом в сборнике «Национализм и империя»¹⁰ можно было бы продолжить материалами о параллелях духовной жизни Австро-Венгрии и России кануна мировой войны. В австрийской культуре все происходило так же ярко, так же беспечно и великолепно, как в сказке. Не сказка ли творчество, скажем, Густава Климта, его гениальный «Поцелуй»?

Межвоенный период и вторая мировая война были годами трагических испытаний для всей европейской культуры. Бердяев не случайно назвал наше время «новым средневековьем» (1924). «И весь смысл нашей эпохи, *столь несчастной для внешней жизни отдельных людей* (курсив мой — В. Ф.), — писал философ, — в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни»¹¹. «В новое средневековье, — читаем в другом месте, — войдет опыт свободы, пережитый в новой истории и большая утонченность души». Несчастье внешней жизни, сплетаясь с утонченностью души, причудливо проявлялось в представителях австрийской культуры и науки.

Особое место в философии занял Людвиг Витгенштейн — этот маг языковых игр. Его заключительная фраза в «Логико-философском

трактате): «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» могла бы стать своеобразным ограничительным паролем для философского и политического «муравейника» нашего века, столь шумно молчавшего. Один из исследователей жизни Витгенштейна (вопреки устоявшемуся мнению, что тот представлял английскую культуру) считал: каждое десятилетие в жизни философа «было австрийским», за исключением тех девяти лет, во время второй мировой войны, когда под давлением он пребывал в Британии¹².

К австрийской научной школе может быть причислен Фридрих фон Хайек, чьи труды стали классикой мировой науки. Его «Дорога под ярмо» («Road to Serfdom») — более известная у нас как «Дорога к рабству» сделала его знаменитым. Она пишется в тяжелые годы — с 1940 по 1943 г. Исследование Хайека предвосхитило по сути оруэлловский «1984», появившийся четыре года спустя. Либерализм его, будучи «классическим», «европейским», рожден во многом благодаря вольной атмосфере интеллектуальной Вены. Й. Шумпетер весьма точно выразил своеобразие стиля ученого в «Дороге к рабству»: «Это мужественная книга; ее отличительной особенностью от начала до конца остается искренность, презирующая камуфляж и обиняки»¹³. Мысль Хайека, как «брита Оккама», удаляет мнимые величины из теоретических построений оппонентов, избегая ненужного пафоса и пароксизмов гнева.

И, наконец, сам Йозеф Алоиз Шумпетер (1883 – 1950) — ученый, который стремился под влиянием К. Маркса (но в противовес марксистам) создать конкурирующую теорию экономического развития, центром которой явилось бы технологическое развитие. Личность его привлекла меня еще и потому, что начинал он свою деятельность ученого в Черновцах, где с 1909 по 1911 г. был профессором политической экономии (с 1911 г. преподавал в университете Граца). Кстати сказать, Шумпетер вместе с Хайеком, Л. фон Мизесом и О. Бауэром занимался в Вене в семинаре у Е. фон Бем-Баверка. Всю свою жизнь Хайек, Шумпетер выступали против «ненаучной и вненаучной мистики самых различных оттенков, окружающей идею развития»¹⁴.

Обращаясь время от времени к этим мыслителям, завидуешь тому бесстрашию мысли, с которым они выступали против фантомов, которыми изобиловала интеллектуальная жизнь нашего века. Это было бесстрашие, спокойное, с открытым взглядом, способное все вынести, о котором Ф. Кафка сказал, что оно больше, чем мужество. И еще одна особенность — в тигле австрийской культуры, впрочем, как в немецкой и русской уживались интеллектуализм чистой науки и

мистика души.

Чувственно тонкий мир поэта Пауля Целана, подобно кафкианскому, насыщен загадочной магией восточноевропейского еврейства. Убежден: хотя Целан родился после распада монархии, он, как и Музиль, нес ее хрупкий культурный мир в себе. «Серебристость» австрийского Серебряного века продолжилась в его творчестве. Поэта по праву можно считать одним из последних его представителей, как, скажем, в России считают Арсения Тарковского. Пронзительный трагизм натуры Пауля соединился с *изящным* умением жить. Незаживающие душевные раны (близкие Пауля погибли в нацистском лагере) роковым образом повлияли на его уход из жизни. Он до конца испил чашу «черного молока рассвета».

Целанова «Фуга смерти» («Todesfuge») — лучшее, что написано о Человеческой трагедии войны. *«Чорне молоко світання ми п'ємо його вечорами ми п'ємо його вдень і зрання ми п'ємо його уночі ми п'ємо і п'ємо ми копаєм могилу в повітрі там лежати нетісно...»*¹⁵. Григорий Померанц заметил как-то, что «вся человеческая культура — только конденсация ритмов, разлитых в природе»¹⁶. Природные ритмы тысячью жилок бьются в поэзии Целана и Тарковского. Тарковский: «В последний раз глотнув из *выгнутого блюда листа ворсистого хрустальный мозг воды*». П. Целан: «зелетенське, зелене мовчання, келих листка на ньому повисла думка про щось рослинне» (в обоих случаях курсив мой — В. Ф.).

И все же стремление к свету, к солнцу — лейтмотив поэзии Целана. Многие считают Пауля принцем новоевропейской поэзии. Он с нежностью называл человеческую душу «тычинкою небесной пустыни». Поэт был одним из тех, кто, вспыхнув тысячегранным кристаллом, пропустил сквозь себя свет австрийской культуры, вернув его людям. Курбас говорил, что истинного художника влечет, подобно смерти, «возможность интуитивной разгадки бытия». Слова эти отнесимы и к Целану.

И еще одно. Целан был свидетелем последнего всплеска марксизма. С «восточным» Марксом он столкнулся в далекие 40-е годы в Черновцах. В майские дни 1968 г., уже в Париже, под призывные ритмы «Варшавянки» поэт читает одного из «новых левых» — Руди Дучке¹⁷. Упомянем в интересующем нас плане имена З. Фрейда, М. Бубера, А. Шёнберга. Они несли в себе частичку австрийской духовности. Тот факт, скажем, что выходцы из Центральной Европы оказались после войны за океаном во многом предопределил интерес в современной Америке к культурному наследию Австро-Венгрии. Не случайно не-

зависимый исследователь С. Беллер считает Центральную Европу местом рождения современного мира¹⁸. Кстати сказать, за океаном после войны оказались участники созданного в 1920-е годы «Венского кружка». Среди них — философ Р. Карнап, физик Ф. Франк¹⁹.

Объясним ли австрийский культурный феномен. Я далек от мысли выводить некие «закономерности». Выскажу суждения, которые могут показаться спорными. Николай Бердяев противопоставлял высшее цветение германской культуры конца XVIII — начала XIX вв. тогдашнему быту, всему жизненному укладу — бедному, мещанскому, сдавленному. И философ выводит максимум: «Культура всегда бывала великой неудачей жизни»²⁰. Другими словами, может ли современная цивилизация с ее техническим прогрессом и полнотой жизненных благ породить подлинную культуру. Не так ли в Австро-Венгрии конца XIX — начала XX вв., в России накануне войны?

Парадоксально: закатная цивилизация Австро-Венгрии по мере угасания оставляла все больше возможностей для своеобразного культурного ренессанса. Именно потому что цивилизация империи была безжизненной, плодоносило древо культуры. Особенностью Австрии того времени было то, что здесь фактически отсутствовало сколько-нибудь развитое общественное мнение. Один из публицистов военной поры точно заметил: «Прага, Будапешт, Загреб, Люблина — каждая со своим собственным общественным мнением»²¹. Собственную культурную ауру создавали крупнейшие центры империи — Прага, Будапешт, Львов. Возможно прав был Музиль: «Дунайская монархия потому и погибла, что была страной для гениев»²². Высвободившись после распада империи, духовная энергия отраженным светом освещает пути современного мира. Кафка был нервом Какани. Целан — ее мистическим светом. Фрейд, Витгенштейн, Шумпетер — диагностами новейшего времени. Не все выдержали испытания Нового средневековья, но нити австрийской культуры соединили мир воедино. Может и об этом писал поэт:

«Забыть, очнуться, снова позабыть,
И вновь на миг очнуться в отраженьи,
И только в этом отраженьи быть...»

(Борис Божнев, «Элегия элегическая», 1940).

В сегодняшней Вене, в условиях туристского бума, произошла своеобразная мумификация имперской столицы, но многоцветная культура монархии может устами виднейших ее представителей, подобно

герою новеллы Густава Майринка, сказать: «Vivo» — «Я живу».

¹ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 14.

² Jelavich B. Clouded image: critical perceptions of the Habsburg Empire in 1914 // Austrian History Yearbook. Vol. XXXIII. 1992.

³ Кафка Ф. Из дневников. М., 1988. С. 110.

⁴ Канетти Э. Воспоминания // Человек нашего столетия. М., 1990. С. 212 – 213.

⁵ Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. М., 1984. С. 203 – 204.

⁶ Stourz H. The Multinational Empire revisited: reflections on late imperial Austria // Austrian History Yearbook. 1992. P. 14 – 17.

⁷ Музиль Р. Указ. соч. С. 208.

⁸ Курбас Л. Статьи и воспоминания о Лесе Курбасе. Литературное наследие. М., 1988. С. 6.

⁹ Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien. Politisches Archiv. I/496. Liasse XVII. Krieg 1914 – 1918.

¹⁰ Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union / Ed. by R. L. Rudolph, D. F. Good. University of Minnesota, 1992.

¹¹ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы // Философия творчества, культуры, искусства. М., 1990. С. 409.

¹² Бартли У. В. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.

¹³ The Journal of political economy. Vol. 54. 1946 P. 269.

¹⁴ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 149.

¹⁵ Целан П. Фуга смерті // Меридіан серця. Поезії / Пер. П. Рихла. Чернівці, 1993. С. 41.

¹⁶ Померанц Г. Квадрильон // Европа + Америка. 1992. № 1. С. 54.

¹⁷ Письмо Пауля Целана Францу Вурму (май 1968) // Sprache im technischen zeitalter. Marz. 1995. S. 76 – 77.

¹⁸ Beller S. Central Europe: birthplace of the modern world // Austrian History Yearbook. Vol. XXIII. 1992. P. 72 – 91.

¹⁹ Holton G. From the Vienna circle to Harvard square: The americanization of a European world conception // Scientific philosophy: origins and developmnts. Dororecht; Boston, 1993. P. 47 – 43.

²⁰ Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 165.

²¹ Vosnjak B. Dying Empire. Central Europe, pan-Germanism and the downfall of Ausria-Hungary. London, 1918. P. 58.

²² Музиль Р. Указ. соч. С. 58.

ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Превращение Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию было итогом исторического развития земель, составлявших владения дома Габсбургов на протяжении всего бурного XIX в. Новая государственная «конструкция» призвана была обеспечить равновесие многообразных социальных, национальных и религиозных интересов народов империи. Поддержанию социального мира и укреплению международного авторитета страны служили и либеральные реформы, предпринятые правительством в 60-е годы XIX в. Особое место, как нам представляется, занимают законы и акты, утверждавшие принцип веротерпимости, столь необходимый в многонациональном, поликонфессиональном государстве Габсбургов.

История австрийской веротерпимости начинается с эпохи Просвещения. Австрийское Просвещение ассоциируется с последними годами царствования Марии Терезии (1740 – 1780) и правлением ее сына Иосифа II (1780 – 1790). В атмосфере нетерпимости прежних десятилетий введение Марией Терезией немецкого литературного языка в качестве обязательного во всех австрийских учебных заведениях было своеобразным актом веротерпимости; этот, в основном средненемецкий, «Hochsprache» в католической Вене носил название «протестантского диалекта». В основу религиозной политики Иосифа II («йозефинизма») был положен «Эдикт терпимости» («Toleranzedikt») от 13 октября 1781 г. Разрешалось открытое протестантское богослужение, признавалось его равноправие с католическим; существование православных общин отныне также признавалось законным. Каждая христианская община могла законно требовать разрешения на построение храма на расстоянии не далее одного часа пути от ее местонахождения.

В целом ряде эдиктов, следовавшем за этим основным, отражалось намерение Иосифа II вывести католические приходы из-под прямого подчинения Риму, но это — другая сторона вопроса. Гораздо важнее для общественной жизни Австрии то, что — при сохранении католической церкви как государственной — допускались и другие христианские вероисповедания. Ни в одной католической стране до

сих пор не «терпели» протестантов. Веротерпимость, частично практиковавшаяся к этому времени в некоторых других европейских странах — Англии, Нидерландах, Пруссии — была делом протестантских государей. При всем том, религиозная свобода была и здесь неполной и не вполне гарантированной. В католических же странах протестанты и другие религиозные меньшинства подвергались дискриминации и даже, время от времени, преследованиям. Габсбурги, — в свое время жестокие контрреформаторы, облаканные за это в Ватикане, — ныне, к неудовольствию папы римского, первыми из католиков ступили на путь веротерпимости. Политика «йозефинизма» с первых шагов приобрела европейское значение: ведь она была провозглашена еще до Великой Французской революции!

Иосиф II пошел гораздо дальше протестантских властителей: он узаконил не только «внутрихристианскую» терпимость, но признал и иудейскую общину. Была провозглашена терпимость в отношении преследовавшихся пока повсюду в Европе евреев. Им разрешили носить партикулярное платье, являться в обществе и свободно исповедовать свою религию. Эти меры способствовали притоку новых талантливых людей в торговлю и ремесло. Габсбурги не скрывали экономических мотивов этих актов, но, так или иначе, были созданы предпосылки для будущей действительной эмансипации евреев. Европейское значение этой политики Иосифа II признается всеми исследователями. «Очень важен „йозефинистский дух“, — пишет Э. Цёлльнер, — но еще важнее его государственно-политическая практика»¹.

Политика Габсбургов исходила из их государственных интересов, но нельзя не отметить, что и в среде католических иерархов находились люди, готовые искренне поддержать линию веротерпимости. Реальность многонационального, поликонфессионального общества располагала к такому образу мыслей. Ярким представителем этого направления был епископ Кёнигсгреца Иоганн Леопольд Гай, советник Марии Терезии и Иосифа II; его считают даже соавтором «Эдикта терпимости». Он был известен, в частности, тем, что никогда не называл некатолические христианские вероисповедания заблуждениями, давая им определение «другие религии». Более того, он утверждал, что существует не один только, католический, путь к Спасению².

Правление Иосифа II заслуживает, в связи с нашей темой, более подробного рассмотрения, но пришлось отметить лишь главное. Итак, «йозефинизм» послужил исходным пунктом всей дальнейшей религиозной политики Габсбургов; он имел также особое значение для судеб самого католицизма, положив начало развитию так называемо-

го «реформ-католицизма» («Reformkatholizismus»). Взаимное влияние этих двух факторов австрийской общественно-политической жизни будет прослеживаться на протяжении полувека существования Австро-Венгрии.

Религиозная политика Иосифа II была продолжена в начале XIX в. Проведение ее в жизнь было непростым делом: в землях империи не было единого церковного права, что часто использовалось противниками венского курса. Император Франц I (1792 – 1835) следовал политике Иосифа II «по инерции»; он имел вначале поддержку всемогущего канцлера К. Меттерниха, видевшего в веротерпимости возможность усилить влияние Австрии в немецких княжествах, уменьшая одновременно прусское влияние.

Однако нарастание революционных бурь в Европе склонило венский двор к более тесному сотрудничеству с традиционалистскими силами католицизма. К «зигзагам» религиозной политики следует отнести декрет придворной Канцелярии от 16 марта 1822 г., по которому в императорскую военную академию принимались лишь те молодые люди евангелического вероисповедания, которые «не возражали против католической системы образования»³. Были приняты некоторые декреты о цензурных ограничениях и т. д. Из этого же ряда — возвращение иезуитов, в свое время изгнанных Иосифом II, в Штирию (1829), Линц (1837), Инсбрук (1838). Революция 1848 г., провозгласившая не только веротерпимость, но и свободу совести, так напугала монархов, что Габсбурги, вернувшись к абсолютизму (неоабсолютизм), несколько отступили от прежнего курса. В 1855 г. был заключен новый Конкордат с Ватиканом и провозглашен «союз трона и алтаря». И все же — вернуть прежних привилегий католической церкви не удалось. Австрия не перестала называться «крепостью реформ-католицизма».

Неоабсолютизм просуществовал недолго, его сменила эпоха либерализма. Ко времени превращения Австрийской империи в Австро-Венгрию политика веротерпимости уже прошла свой первый этап — «Duldung» — т. е. готовность лишь «терпеть» другие исповедания веры. К примеру, в отношении еврейской общины существовал даже такой термин — «Herren Tolerierten» («те, кого терпят»). Этот термин имел и социальный оттенок: «терпимы» были вовсе не все иудеи, терпимость проявлялась вначале лишь в отношении состоятельной верхушки городской еврейской общины.

Итак, не следует забывать о социальном аспекте религиозной политики. В связи с нынешним всеобщим интересом к национализму

(даже в лучшем истолковании этого явления) несколько отодвинуты социальные аспекты многих исторических событий. В то время как для лучшего понимания происходящего необходим социальный «фон».

Роберт Музиль в романе «Человек без свойств», с присущим ему сарказмом, так характеризовал противоречивость австрийской общественно-политической жизни: «Она (Австро-Венгрия — *О. В.*) согласно конституции была либеральным государством, но ею управляли клерикалы. Ею управляли клерикалы, но население исповедовало свободомыслие. Перед законом все граждане были равны, но не все были гражданами»⁴.

Между веротерпимостью, свободой вероисповедания и свободой совести лежал еще целый исторический период. При всем том, что политика веротерпимости развивалась зигзагообразно, ей уже было придано историческое ускорение. Веротерпимость стала серьезным завоеванием австрийской политики и культуры. Эпоха Просвещения дала веротерпимость, — свободу совести разрешает либерализм.

Либеральная Конституция, принятая 21 декабря 1867 г., провозгласила равенство всех вероисповеданий. Статьи 14, 15, 16-я гарантировали гражданам Цислейтании свободу вероисповедания и свободу совести; свободное отправление религиозного культа «всем признанным законом церквям и религиозным общинам»; не признанным законом религиозным общинам не возбранялось отправлять культ в домашних условиях. В мае 1868 г. император Франц Иосиф утвердил три новых закона о церквях, которые, признавая равноправие всех церквей перед законом, сводили на нет значение Конкордата 1855 г. За одобрение закона «О межконфессиональных отношениях» император заслужил овацию депутатов рейхсрата; противники же закона злословили, будто Франц Иосиф получил это бурное приветствие «как антикатолик».

Один из религиозных законов, принятых в мае 1874 г., позволял любому гражданину Цислейтании, достигшему 14-летнего возраста, свободно выбрать (или сменить) вероисповедание. Проведение в жизнь этого закона придало политике веротерпимости последовательно законченный характер. При том, что католическая церковь оставалась преобладающей, даже государственной, она вынуждена была признать и другие религии. «Союз алтаря и трона», вопреки опасениям ретроградов, не был поколеблен, зато австрийский католицизм получил возможность прогрессивного развития. Сумма религиозных законов 60-х — 70-х годов создала защищенный Конституцией религиозный плюрализм, который — при всех возможных нарушениях —

гарантировал мирное сосуществование многих конфессий. Распространяются взгляды, которые классик австрийской литературы А. Штифтер формулирует как «мягкий закон». Это, по его словам, «закон справедливости, закон обычая, закон, который требует уважения к каждому, чтобы каждый мог существовать рядом с другими, чтобы он мог следовать своим высшим человеческим предначертаниям, мог заслужить любовь и восхищение окружающих, которые хранили бы его как драгоценность для всех других людей»⁵.

Церковь явно политизировалась: католики-традиционалисты считали себя истинными носителями имперской идеи, для защиты которой считали возможным некоторое ограничение свободы. «Реформ-католики» выступали против крайностей централизаторской политики Вены; они рассматривали религиозную свободу как естественный предел унитаристским тенденциям. Политика веротерпимости способствовала и развитию национальных культур⁶.

Прежде всего, это сказалось в том, что к концу 60-х — началу 70-х годов получает распространение социальный католицизм. Один из первых разработчиков социальной доктрины католицизма Карл фон Фогельзанг, несомненно, был сыном веротерпимости. Социальная проблематика превратилась к концу XIX в. в заботу Ватикана, и Фогельзанг стал одним из авторов социальной энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*» (1891). Социальная доктрина католицизма, наиболее разработанная в современном христианстве, получила серьезный импульс. Дальнейшее развитие католической социальной мысли было связано с заметным австрийским участием.

На фоне всеобщего подъема «реформ-католицизма» высится гигантская фигура Фогельзанга. Его наследие не исчерпано до сих пор, но уже современники сумели оценить многие из его предвидений. Его работы в социальной области легли в основу всех европейских христианских программ борьбы за общество «всеобщего блага». Его влияние благотворно сказалось на политическом движении европейской христианской демократии, внесшей в XX в. серьезный вклад в развитие общественной жизни Европы. Фогельзанг видел в существовании многонациональной Габсбургской монархии лучшее воплощение идеи христианского универсализма. «Призвание» Австро-Венгрии, считал Фогельзанг, в развитии взаимопонимания народов⁷. Надо заметить, что это не было просто романтической риторикой: австрийской традицией издавна была склонность к компромиссам. «Без толки духовного универсализма, — писал Гуго фон Гофманнсталь, — нашей воле и нашей вере не обрести своего предмета: Австрии будущее-

го»⁸.

Шествие политики веротерпимости, тем более, проведение в жизнь принципа свободы совести, вовсе не было триумфальным. К традиционному сопротивлению на местах централизаторской политике Вены, к недоверию в отношении радикального антиклерикализма либералов со стороны масс верующих, прибавлялись все новые препятствия. Популистские политики пугали обывателей тем, что приобретение общих прав религиозными меньшинствами будет ими использовано против католиков.

Формальному равноправию националистическая пропаганда (характерно, что в Австро-Венгрии не было «австрийского» национализма, шовинисты же назывались «немецкими националистами») противопоставляла ксенофобию всех оттенков. В австрийской столице зарождается движение против любой политики терпимости, Вена становится центром нетерпимости, — прежде всего антисемитизма. Антисемитами объявляют себя даже «социальные христиане» (партия К. Люэгера). Однако и в церковной среде пропаганда антисемитизма встречала серьезные возражения. Так, в пастырском послании епископов от 15 февраля 1891 г. осуждалась расовая ненависть, прежде всего антисемитизм; в появившейся одновременно анонимной брошюре говорилось об антисемитизме как «трехе с католической точки зрения»⁹. Архиепископ Вены кардинал Груша неоднократно высказывал свое порицание антисемитизма.

И все-таки антисемитизм оставался серьезной проблемой. Шумную антиеврейскую кампанию, наряду с антиславянской, разворачивают люди Г. фон Шёнерера («немецкие националисты»). Парадоксально, но главный антисемит Шёнерер был одновременно антикатоликом: он призывал австрийцев перейти в протестантизм для скорейшего воссоединения с «общегерманской родиной». Так различные политические силы, в разные годы и по разным мотивам, использовали в своих целях австро-венгерский религиозный плюрализм.

Первая мировая война привела к гибели Австро-Венгрии. «Государства-наследники», как называют теперь бывшие владения Габсбургов, пошли по новому историческому пути. Память народов ныне независимых государств обращается до сих пор к положительному опыту реформаторов и «интеграторов» Центральной Европы, Габсбургов. Веротерпимость, взращенная, несмотря на все препятствия, еще во времена Австро-Венгерской монархии, служит и сегодня общеевропейскому консенсусу.

¹ См. предисловие Э. Цёлльнера к книге: *Österreich in Europa der Aufklärung* / Hrsg. von E. Zöllner. Wien, 1985. Bd. 2. S. 964.

² *Religiöse Toleranz. Dokumente zur Geschichte einer Forderung* / Hrsg. von H. R. Guggisberg. Stuttgart, 1984. S. 269.

³ *Görlich E. J., Romanik F. Geschichte Österreichs*. 2. Aufl. Wien, 1977. S. 341.

⁴ *Музиль Р. Человек без свойств*. М., 1984. Т. 1. С. 57.

⁵ *Stifter A. Gesammelte Werke: in sechs Bänden*. Wiesbaden, 1959. Bd. III. S. 8.

⁶ *Gottas F. Die Rolle der Kirchen in der nationalen Selbstfindung des 19. Jahrhunderts*. // *Religion und Kirchen im alten Österreich*. Wien, 1996. S. 94 – 106.

⁷ *Bader E. Karl v. Vogelsang. Die geistige Grundlegung der christlichen Sozialreform*. Wien, 1990. S. 240.

⁸ *Гуго фон Гофманншталь. Избранное*. М., 1995. С. 655.

⁹ *Die Habsburgermonarchie 1848 – 1918* / Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Wien, 1985. Bd. IV. S. 148.

ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ

Несколько лет тому назад довольно сильное впечатление на литературоведов, которые имеют отношение к компаративистским исследованиям, произвела концепция словацкого ученого Д. Дюришина о междокультурных общностях, группирующихся вокруг какого-то культурного центра, тяготеющих к этому центру. Насколько неуклюже звучит по-русски придуманное Дюришином понятие «центризм», которым он пользуется для обозначения таких общностей или ареалов, настолько сам подход кажется плодотворным и эффективным.

Такому мнению вовсе не противоречит то обстоятельство, что предложенный Дюришином подход не облегчает жизни литературоведам, занимающимся компаративистикой. Потому что теория «центризм», если ее приложить к конкретной ситуации того или иного региона, сталкивается с настолько сложными, противоречивыми, неоднозначными фактами и факторами литературного процесса, что порой как бы даже опровергается ими. Но опровергается лишь на поверхностный взгляд, потому что разноречивость и мешанина явлений не отменяют необходимости искать и находить доминирующую, освещающую всю картину тенденцию. И тут концепция «центризм» оказывается хорошим методологическим подспорьем.

Одним из самых мощных факторов, которые осложняют стройную, или могущую быть стройной, систему «центризм», является, как и практически в любых попытках осмысления общественного бытия, политика. Т. е.: деятельность государственных структур или стоящих у власти группировок, которые интересы (в том числе и культурные) одних слоев, социальных или национальных, защищают, других — ущемляют. Так было с самых древних времен; так, вероятно, будет еще очень долго. Регион, истории и культуре которого посвящен данный сборник, исключением не является.

Чем объяснить, что многочисленные народы и народности, стиснутые на довольно узком пространстве Европейского континента между Российской империей, с одной стороны, и германским массивом, с другой, и долго жившие в сложном переплетении взаимоприятия и взаимоотталкивания, дружбы и вражды, симпатий и антипатий, — в минувшие полтора-два столетия в большей степени тяготели к немецкой культуре, а не к русской (причем это касалось даже

славянских народов)? Конечно, прежде всего — политическими причинами. Тем, что значительная часть этих народов находилась в составе Австрийской империи, затем Австро-Венгерской монархии, то есть во многих отношениях, в том числе и в культурном, зависела от имперской столицы, Вены. Но — тут-то и начинаются сложности и противоречия — тот же самый фактор обуславливает и многие проявления отталкивания, неприятия немецкого культурного приоритета: у славянских народов это часто сказывалось в обращении к русской культуре, у неславянских, прежде всего у венгерского — в ориентации, «через голову» Вены, на Рим и Париж.

Политика влияла на освещение этих вопросов и в истории культуры. Вот один пример. Видный венгерский исследователь чешско-словацко-венгерских литературных связей Ласло Добошши в своей книге «Среднеевропейский человек» (1973) активно поддерживает тезис о необходимости создания «нового научного направления, которое сосредоточилось бы на комплексном сравнительном изучении всей Восточной и Средней Европы». Он настаивает на том, чтобы в этих исследованиях должное внимание уделялось, «наравне с идеей связующей роли языковой и этнической общности, и фактически действующим географическим, историческим и экономическим факторам» (тут вполне могут быть зашифрованы и факторы политические). Но затем Добошши довольно резко противопоставляет подход «германоцентричный» (то есть «доказывающий немецкое присутствие в Восточной и Средней Европе») подходу «славяноцентричному», который, как он справедливо замечает, должен быть дополнен включением в сферу изучения и культуры неславянских народов ¹. Суть противопоставления — в том, что Добошши с пренебрежением отзывается о первом и отстаивает приоритет второго. Политическая подоплека очевидна: по-видимому, на исследователя давит быстро усиливавшаяся в 70-е годы тенденция отъединять якобы уже вполне гомогенную, самодостаточную — к тому же безусловно более прогрессивную — культуру социалистических стран от культуры западного мира.

Куда более объективной и перспективной представляется точка зрения венгерского ученого Г. Белы Немета, выраженная, например, в следующих словах: «Культуру, литературу Будапешта конца (XIX — Ю. Г.) века нельзя понять без венских, пражских, загребских культуры и литературы; точно так же как культурную и литературную жизнь в Вене, Праге, Загребе, Кракове нельзя по-настоящему осветить без будапештской культурной и литературной жизни» ².

Таким образом, заручившись поддержкой по крайней мере одного

авторитетного венгерского литературоведа (на самом деле здесь можно было бы сослаться и на другие крупные имена: Иштвана Шётера, Дёрдя М. Вайды и т. д.), мы приходим к основному тезису этого доклада: восточноевропейская междисциплинарная общность органически включает в себя — во всяком случае, до 1918 г., но практически гораздо дольше — и сильное немецкое культурное «присутствие» (которое пытался отрицать цитированный выше автор), характер которого, вероятно, точнее всего и можно выразить через термин «центризм». Центром этого «центризма» (неуклюжий термин порождает еще более неуклюжие словосочетания), несомненно, являлась Вена; но в широком понимании, с учетом фактора языка, который делает Вену лишь одним из важных, но не единственным узлом германского мира, центром для восточноевропейского региона была немецкая культура вообще. Если западноевропейская (французская, итальянская, английская) культура и литература, с одной стороны, и русская, с другой, оставались для этого региона лишь факторами влияния, временами усиливавшимися, временами почти полностью исчезающими, то немецкая именно *присутствовала* здесь с момента зарождения и осознания культурной и литературной общности до (по крайней мере) 1918 г.

Тезис этот прост. А дальше начинаются сложности.

Столица любой многонациональной империи в любое время, будь то древность или новейшая история, наверное, обязательно становится и культурным центром, к которому, со смешанным чувством зависти, ненависти и вожделения, устремлено внимание провинции и ее обитателей, имеющих отношение к культуре. Австрийские Габсбурги, в начале XVIII в., после разгрома национально-освободительного движения, возглавляемого князем Ференцем II Ракоци, окончательно подчинившие себе Венгрию, сделали Вену именно таким центром. Отсасывая из Венгрии (как и из других национальных окраин) огромные средства, эксплуатируя ее людские ресурсы, Вена одновременно становилась, говоря суконым языком нашего недавнего прошлого, «кузницей кадров» для венгерской культуры. Известно, что многие деятели венгерского Просвещения, в том числе сам Дёрдь Бешппенеи (1747 – 1811), писатель, поэт, виднейший мыслитель этой эпохи, вышли из венской императорской гвардии, где приобщились к европейским культурным веяниям и самым передовым идеям эпохи. Как и всюду в Восточной Европе, богатые венгерские семьи посылали своих отпрысков на учебу в Вену, Берлин, Геттинген, Гейдельберг, ну и, разумеется,

дальше, в Париж и Лондон. Немецкий язык, будучи в течение долгого времени официальным государственным языком, обязательным и для провинции, до какой-то степени вошел в быт городов, а через общую армию — и в сельскую жизнь Венгрии. Хорошее знание немецкого для любого образованного венгра, причастного к политической и административной деятельности, просвещению, журналистике, военному делу и т. д., было не только желательным, но подчас и просто необходимым. Граф Иштван Сечени (1791 – 1860), еще при жизни получивший неофициальный титул «самого великого венгра», часть своих политико-экономических работ написал на немецком языке. Подобные факты можно было бы перечислять долго. Причем даже после заключения Соглашения 1867 г., уравнившего в правах Австрию и Венгрию как части двуединой монархии, культурный «центризм» по-прежнему тяготел к Вене. И поскольку тяготение это способствовало не изоляции венгерской культуры, а, напротив, служило для нее мостом к Западной Европе в целом — причем мостом с двусторонним движением, — то оно играло роль благоприятствующего фактора для развития венгерской духовности. Недаром именно последние десятилетия XIX в., когда во взаимоотношениях Венгрии и Австрии наступил своеобразный «медовый месяц», кульминацией которого явилось празднование в 1896 г. тысячелетия Венгрии, — стали временем, когда в стране рождалось, воспитывалось, взрослело больше всего людей, ставших позднее всемирно известными. Здесь можно перечислить много имен, от композиторов Белы Бартока, Имре Кальмана, Ференца Легара, кинорежиссера Александра Корды до «отца атомной бомбы» Эдварда Теллера, физика Лео Силарда и биохимика Альберта Сентдьерди. Но и в сфере литературы здесь было немало громких имен, от драматурга Ференца Молнара до философа Дёрдя Лукача (который, кстати, первые свои работы подписывал онемеченным псевдонимом Георг фон Лукач³⁾).

Да что говорить: приезжая в сегодняшний Будапешт, человек — если он, конечно, не безнадежно заиклен на ширпотребе — быстро улавливает налет «немецкости», а точнее «венскости» и в архитектуре, и в атмосфере улиц, и в поведении людей, и, особенно, в их предпочтениях в плане иностранной речи.

Однако все перечисленные и множество не перечисленных фактов и штрихов составляют лишь половину правды, ибо данный, австро-венгерский «центризм» характеризовался моментами не только притяжения, но и отталкивания. Со времен Ракоци в самых различных

слоях венгерского общества жили, то слабая, то усиливаясь, «куруцские», антиавстрийские, антинемецкие настроения, достигшие апогея во время национально-освободительной войны 1848 – 1849 годов. Порой симпатии и антипатии причудливо уживались в одной личности, сменяя друг друга или сосуществуя чуть ли не одновременно. В этом смысле противоречивой фигурой был даже великий венгерский романист прошлого века Мор Йокаи (1825 – 1904). Будучи довольно активным участником революционных событий 1848 – 1849 годов, подвергшись преследованиям после поражения революции, Йокаи во многих произведениях 50-х — 60-х годов запечатлел память о героической борьбе народа против австрийского ига; вершиной его творчества в этом плане стал роман «Сыновья человека с каменным сердцем» (1869). Но уже в 70-е, а тем более в 80-е годы его суровая, непримиримая позиция сменяется добродушно-идиллической. В качестве примера приведем не очень, может быть, заметное в творчестве Йокаи, но зато известное у нас его произведение — «Цыганский барон» (1884). Смелый, ловкий, сообразительный герой, Йонаш Бочинкаи, находит сокровища своего отца, становится богачом — но до счастья ему далеко: он не может сочетаться законным браком с избранницей своего сердца, юной красавицей-цыганкой Саффи. И здесь возникает ситуация, которая живо напоминает нам гоголевского кузнеца Вакулу, добывшего — пускай не без помощи нечистой силы — для своей возлюбленной черевички у самой российской императрицы. Пускай Йонашу помогает не незадачливый черт, а шут Марии Терезии, и вообще перипетии у Йокаи, конечно, не повторяют гоголевской сказки; важно тут скорее сходство образов двух императриц — строгих, в чем-то капризных, но милосердных и величественных в своем милосердии, с которым они прощают невинные хитрости явившихся из далекой провинции (колонии) простодушно-лукавых подданных. Йокаи не отказался от родного языка, как Гоголь; однако в мироощущении своем полностью перешел если и не на австрийскую, то на «австро-венгерскую» платформу, за что и был обласкан Веной.

Неустойчивое, постоянно меняющееся, противоречивое соотношение притяжения и отталкивания во многом определяло и характер чисто литературных явлений, из которых складывалось движение венгерской литературы на протяжении всего периода становления современной венгерской литературы, длившегося с конца XVIII по крайней мере до начала XX в.

Выше уже сказано было, что идеология Просвещения была принесена в Венгрию из Австрии, или, точнее, через Австрию, поскольку

Бешпенеи и его единомышленники учились не только у немецких, но и у французских просветителей. Сам Дердь Бешпенеи действительно был правоверным просветителем — в том смысле, что, в духе рационализма, не отдавал предпочтения одной нации (например, венгерской) перед другой. Однако одним из итогов Просвещения в Венгрии стало движение за обновление языка, в ходе которого Ференц Казинци (1759 – 1831) и его соратники, тоже приверженцы рационализма, создали современный венгерский литературный язык, которым венгерские художники слова пользуются в сущности до сих пор.

Показателен в этом плане и долгий, затянутый, в общем так до конца и не завершившийся, скомканный переход от романтизма к реализму. Романтизм как способ видения мира и художественного воплощения его в литературе Восточная Европа освоила примерно в одно время с Западной. «Однако, — замечает Г. Бела Немет, — содержание и роль романтизма у них (у восточноевропейских писателей. — Ю. Г.) претерпели значительные метаморфозы. Из того, что для Западной Европы в нем (в романтизме. — Ю. Г.) было основополагающим, многое здесь, на Востоке, стало второстепенным; то, что там выглядело побочным, здесь часто вырастало в ранг ведущего мотива»⁴.

Остановимся лишь на одном моменте — по той причине, что этот момент связан прежде всего с немецкой духовностью. Мы имеем в виду народность. В Германии это течение стало областью филологии, занимающейся собиранием и изучением фольклора; в то время как в Венгрии и в ряде других стран Восточной Европы, войдя в резонанс с национальным возрождением, народность взрывала романтизм изнутри и способствовала развитию критического реализма. Самые яркие примеры в этом плане — венгр Шандор Петёфи и поляк Адам Мицкевич.

В то же время замедленное, заторможенное развитие критического реализма в венгерской литературе второй половины XIX в. тоже обусловлено в значительной мере общественно-политической обстановкой внутри данного централизма. После подавления национально-освободительной войны 1848 – 1849 годов, когда Венгрия впадала в некоторое трагическое оцепенение, в обществе все сильнее зрели настроения такого рода, что в подобной ситуации нация должна собрать все терпение, все самообладание, чтобы сохранить себя, выжить, уцелеть. Ради этой цели — в тот период действительно актуальной — был как бы дан молчаливый обет не критиковать друг друга, ни в социальном, ни в каком-либо ином плане; а без критического подхо-

да, понятно, о критическом реализме речи быть не может. На этой основе возникло мощное и дружное «народно-национальное» направление, в котором утверждение национального духа было сутью и программой. Программа эта сопровождалась и чисто художественными, эстетическими следствиями: она способствовала процветанию анекдотизма в повествовании — и задержала его в венгерской литературе, в отдельных ее направлениях, надолго, едва ли не до середины XX в. Ясно, что такие художественные принципы, как бы уместны они ни были в определенный момент, неизбежно стали со временем тормозом развития литературы, выродились в академизм.

Прямоком из Вены пришло в Венгрию направление, которое в данном регионе принято называть сецессией. Правда, самостоятельную роль оно играло здесь лишь в архитектуре и в некоторых прикладных искусствах; литература же была затронута им в основном лишь в сфере литературной эссеистики и критики (в последней оно переплеталось с импрессионистическим подходом).

Интересно, что авангардистские течения, которые в начале века бурно развивались и в Австрии, на венгерскую литературу влияния практически не оказали. Мы предполагаем, что здесь тоже играли роль внелитературные факторы; в данном случае скорее субъективные, чем объективные. Дело в том, что заимствование новых веяний — особенно в литературе — не может осуществляться без образованных, хорошо знающих иностранные языки посредников. В Венгрии же родоначальником авангарда стал Лайош Кашшак (1887 – 1967), человек практически без образования и уж совсем не полиглот. Двадцати с лишним лет, проведя некоторое время в Будапеште, без работы, без постоянного крова над головой, Кашшак отправился пешком по Европе. Первым делом он попадает в Вену — но практически не замечает ее; по крайней мере, такой вывод позволяют сделать и его поэтические произведения, и автобиографический роман «Жизнь одного человека». Поэма «Лошадь умрет, птицы улетят» (1922), посвященная этому путешествию, уделяет Вене ни много ни мало одну строчку: «В Вене мы три дня ночевали на улице»⁵.

Зато Германия, куда Кашшак попал после Вены, потом Бельгия и Франция четко сориентировали Кашшака в сторону нового искусства: очевидно, там они были более наглядными, более прямолинейными, чем в утонченной Вене.

Характерно, что спустя десять лет, когда Кашшак, после подавления Венгерской советской республики, перебрался в Вену и жил там около семи лет, издавая свой журнал «Ма» («Сегодня»), он практиче-

ски так и не наладил связей с австрийскими авангардными художниками, сотрудничая больше всего с Берлином.

Видимо, причина такой избирательности у Лайоша Капплака связана прежде всего с тем, что он представлял в искусстве не столько *авангард*, сколько *авангардизм*, то есть идеологическую позицию, представлял новое искусство не столько как новые, более богатые формы выражения таланта, сколько как воплощение определенных, часто выведенных умозрительно, принципов. И потому центром для него, для его «центризма», была не артистичная Вена, где расцветают таланты, а холодный, любящий схемы, жесткий Берлин.

Для венгерской литературы, венгерской духовной жизни, противоречиво тяготеющих к Вене и, более широко, к немецкой духовности, характерно еще и то, что Венгрия сама была центром тяготения в своем собственном историко-культурном ареале. К венгерской культуре тяготели — одновременно отталкиваясь от нее — народы, современная культура которых складывалась в рамках исторической, «Большой» Венгрии: словаки, хорваты, отчасти сербы, румыны, русины и т. д.

Наиболее органически вписывалась в этот «центризм» словацкая и хорватская творческая интеллигенция, для которой знание венгерского языка было таким же жизненно необходимым, как для венгров — знание немецкого. Старословацкие (до XIX в.) литературные памятники вообще не отделены четкой границей от венгерской письменности ⁶ (с другой же стороны — от чешской). Но более четким, структурированным такое отношение стало в XIX в., сохраняясь до 1918 г., до того момента, когда Словакия образовала вместе с Чехией самостоятельное государство.

Что касается хорватов и других народов будущей (теперь — бывшей) Югославии, то касательно их отношения к венгерской культуре мы встречаем, например, такое (несомненно, преувеличенное, но все же имеющее под собой некоторую реальную основу) мнение: «Великие веяния Европы попадали на Балканы... через венгерский фильтр» ⁷. Не отвергать такую точку зрения с порога позволяет обширный фактографический материал, собранный исследователями славянско-венгерских связей.

Центральное место венгерской культуры в данном «подрегионе» обусловлено (как, собственно, в подавляющем большинстве таких случаев) историей и, в частности, тем местом, которое Венгерское королевство занимало в этой части Европы. «Прошлое всегда внушает почтение, даже если его и поносят, — пишет Л. Немет. — В этом плане Венг-

рия, пусть и побежденная, благодаря своему прошлому являлась как бы аристократкой. Другие могли и доказать, что они ее вовсе не чтят, и объяснить, почему не чтят; тем сильнее чтили они ее подсознательно». Это уважение — уважение не к нации, а к созданному ею — сохраняется куда дольше, чем неприязнь к нации угнетающей. «Венгерская культура для окрестных народов не является чем-то неведомым, — продолжает Немет. — Люди там и сегодня больше знают наши самые выдающиеся ценности, чем здешний господствующий класс»⁸.

Какими реальными следствиями сопровождалось двойственное положение венгерской литературы, тяготеющей к Вене и, шире, к германскому миру как духовному центру и в то же время являющейся центром тяготения для ряда соседних национальных литератур? Какими особенностями сопровождалось в этих литературах их положение — имея в виду, что они ведь тоже выстраивали прямые связи к немецкой и другим западноевропейским литературам? Полно и всесторонне охарактеризовать все это переплетение с его сложными, тончайшими нюансами не даст возможности ни общий взгляд, ни самая обстоятельная фактография. Так что исчерпывающее описание всей противоречивой динамики сложной системы центризмов даже в таком небольшом регионе, как территория бывшей Австро-Венгерской монархии, по-видимому, невозможно не только в докладе, но и в целой книге. Поэтому нам остается лишь с завистью смотреть на стройную систему категорий, разработанных Д. Дюрипином для исследования межлитературных общностей; с завистью и некоторым унынием, вызванным тем, что литературный процесс не раскладывается так легко на полочки теоретических этажерок.

¹ Dobossy L. A közép-európai ember. Budapest (далее: Бр.), 1973. 9 – 10. old.

² Németh G. B. Türelmetlen és késlekedő félszázad. Бр., 1971. 182. old.

³ Об этом упоминает Г. Бела Немет. Németh G.B. Op. cit. С. 10. old.

⁴ Ibid. С. 13. old.

⁵ Kassák L. Összes versei. Köt. II. Бр., 1970. 152. old.

⁶ См. об этом, например, статью П. Ача «Словацкие контакты старовенгерской литературы». Acs P. A régi magyar irodalom szlovák kapcsolatai // Irodalomtörténeti közlemények. 1990. № 2. 242 – 248. old.

⁷ Приводит Д. Керестури. См.: Keresztury D. Helyünk a világban. Бр., 1984. 39. old.

⁸ Из публицистической книги «Венгры и Европа», изданной в 1935 г. Цит. по: Иностранная литература. 1996. № 7. С. 272.

К ВОПРОСУ О ВЕНГЕРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГАБСБУРГСКОГО МИФА

Как известно, Габсбурги веками играли огромную роль в венгерской истории. Соответственно, интерес к ним был чрезвычайно велик. Период, последовавший за заключением Соглашения 1867 г., выделяется и на этом фоне постоянного интереса. После провозглашения двуединого государства соприкосновение австрийской и венгерской жизни стало наиболее непосредственным.

Постоянный внутренний параллелизм с Веной и Габсбургами — существенная черта венгерского сознания, а соответственно — и венгерской культуры этого периода. Это своего рода воплощение, отражение политики дуализма в сознании и культуре. Дуализм, таким образом, из области чисто политической переносится в область психологии. Политика «компромисса» нередко становилась в Венгрии объектом очень жесткой критики, однако, по сути, проникновение в сознание и в души дуалистической идеи было очень глубоким. «Габсбургский материал» венгерской литературы — наглядное тому свидетельство.

Венгерский исследователь И. Кирай пишет по поводу отношения венгерской литературы к Дунайской монархии: «Основное направление венгерской литературы было всегда, традиционно, общественно-политическим, а соответственно — национальным и антимонархическим в своей основной установке. Прогрессивные венгерские политики на рубеже веков считали сотрудничество с габсбургской властью возможным. Но венгерская литература не разделяла этой точки зрения. Для нее монархия означала лишь ошибку истории, порок, подлежащий устранению»¹. Критика Австрии долгое время была своего рода «хорошим тоном» венгерской литературы — за одним исключением. Там, где Габсбурги упоминаются не как синоним Австрии, а становятся объектом непосредственного изображения, дело обстоит совсем по-другому. «Габсбургская тема» — нечто вроде заповедной зоны в венгерской литературе: здесь почти никогда не бывает «чистой» критики, скорее наоборот.

Возьмем в качестве примера тексты двух очень известных венгерских писателей. Первый из них — Мор Йокаи — представляет, скорее, конец XIX в., второй — Дюла Круди — начало XX в. Оба они, каждый по-своему, связаны с антиавстрийской линией венгерской ис-

тории. Йокаи был непосредственным участником событий 1848 г. В числе родственников Круди — непримиримые борцы против австрийцев. Оба писателя неоднократно подчеркивали, что хранят верность пошлому — личному (Йокаи) и семейной традиции (Круди). Именно поэтому интерпретация ими габсбургской темы особенно примечательна.

Надо сказать, что изображение Австрии и австрийцев в венгерской литературе всегда максимально политизировано. Сами же Габсбурги выступают чаще всего вне политического контекста. Венгерские литераторы больше интересуются их бытом, стилем жизни, внутрисемейными отношениями. Тут работают разные механизмы. С одной стороны — реликты фольклорного сознания, в котором образы королей и принцев всегда занимали огромное место. Вот как, к примеру, описывает Круди крестины внучки Франца Иосифа: «...сияющий мир, которого нам не суждено более видеть, мир, словно бы канувший в небытие вместе со сказками «Тысячи и одной ночи»...»². С другой стороны, какую-то роль играет, по-видимому, интерес к великосветской жизни и сплетне — константа человеческого сознания.

Важно здесь то, что осмысливая мир и сложившуюся ситуацию в категориях «свое – чужое», многие венгерские писатели вольно или невольно выстраивали следующую схему: Австрия как целое, австрийская политика — чужое; Габсбурги, со всеми их достоинствами и недостатками, — свое; ксенофобия на них не распространяется. Больше того, вполне типичен такой вариант (тоже уходящий корнями в фольклор): хороший Габсбург — в окружении врагов, плохой — австрийской знати. Эта схема встречается во многих текстах — от беллетристики второго ряда (см., например, повесть Йокаи «Цыганский барон», где появляется в качестве *deus ex machina* Мария Терезия, разрушающая злые козни своего окружения против благородного героя-венгра) до серьезных романов того же Йокаи и других авторов.

Разумеется, «свои» Габсбурги не вполне соответствовали историческим. Для того, чтобы сделать их «своими», нужно было адаптировать их к венгерской культурной ситуации, сделать так, чтобы они соответствовали некоторым доминантам венгерского культурного сознания.

Надо сказать, что мифологизация Габсбургского дома не есть исключительное свойство венгерской литературы. Это черта, весьма характерная для духовной жизни Дунайской монархии в целом. Существует почти хрестоматийный труд на эту тему: книга Клаудио Магриса «Габсбургский миф в австрийской литературе»³. При чте-

нии этой книги сразу бросается в глаза любопытный факт: Магрис почти не упоминает венгров. И действительно, при ближайшем рассмотрении оказывается, что целый ряд наблюдений Магриса, касающихся других народов монархии, в Венгрии либо не работает, либо приобретает несколько иной смысл. Существует немало примеров «отклонения» венгерского габсбургского мифа от общеавстрийского. Приведем два из них.

Во-первых, принцип подбора персонажей из дома Габсбургов. Магрис пишет о том, что «певцы габсбургского мифа» «перешагивали» через неординарных представителей династии (имеются в виду Мария Терезия, Иосиф II и др.) и обращались лишь к тем из них, кто в наибольшей степени соответствовал категориям: «мера», «уравновешенность», «сдержанность». Главным героем при такой установке закономерно становился Франц Иосиф — фигура, идеально соответствовавшая мифу и, с другой стороны, положенная в его основу; своего рода генератор этой атмосферы и этого мифа. В венгерской литературе дело обстояло иначе. Наибольшее внимание уделялось как раз самым неординарным личностям и судьбам. У Йокаи есть многотомное полудокументальное-полухудожественное сочинение «История венгерской нации», в котором особенно подробно и увлеченно описано как раз воцарение и правление Марии Терезии. Автор всячески подчеркивает ее необычность, ум, мужество, силу духа. Иногда, правда, возникает и мотив женственности и беззащитности императрицы, но это нужно лишь для того, чтобы подчеркнуть рыцарственность и благородство венгров. Йокаи опять-таки последовательно выводит ситуацию за пределы политики, постоянно подчеркивая, что венгры, поддерживая Марию Терезию, руководствовались никак не практическими и политическими соображениями, а вот чем: «Но венгерская нация не думала ни о прошлых обидах, ни о практическом интересе, а видели венгры одну лишь вопиющую несправедливость и обиду, которую наносят женщине, королеве целые полсвета»⁴. (Отметим распределение ролей «мужское — женское» в этой схеме. К этому мы еще вернемся.)

Один из главных персонажей венгерского варианта габсбургского мифа — кронпринц Рудольф, возмутитель спокойствия, личность, к которой никак не применимы характеристики типа «уравновешенность», «мера», «уют». Нельзя сказать, что обостренный интерес к Рудольфу не имеет никакой политической подоплеки. Определенную роль, безусловно, сыграл его либерализм, а главное — провенгерская позиция. Кстати, само отношение Рудольфа к Венгрии тоже стано-

вится объектом мифологизации. В большинстве произведений венгерских авторов он предстает безоговорочным сторонником Венгрии по всем вопросам и страстным ее любителем. В действительности дело обстояло иначе. Кронпринца привлекал венгерский либерализм, он был нужен ему для реализации ряда идей и планов, что же касается национально-мадьярских интересов, то они воспринимались им как досадная помеха, способная лишь извратить его политическую концепцию. Большая заинтересованность Рудольфа в Венгрии, естественно, вызывала ответную реакцию. Однако, если предположить, что венгерские литераторы руководствовались только этим, политическим, принципом, то неизбежно встанет вопрос о причинах их сравнительного «равнодушия» к императрице Елизавете. Последняя была действительно страстной и безоговорочной поклонницей Венгрии и всего венгерского. Тем не менее, она упоминается довольно редко, причем, как правило, вне венгерского контекста.

Елизавета предстает законодательницей мод, наездницей, образцом элегантности; иногда ее образ частично накладывается на образ Марии Терезии по упомянутой схеме: добрая королева, окруженная недоброжелателями, — что являет собой любопытное смешение литературы и реальности. Непосредственного отношения к венгерской теме все это не имеет. Остается предположить, что интерес к Рудольфу не сводится к чисто политическим причинам. Его история идеально соответствует механизмам адаптации реальных Габсбургов к венгерскому сознанию. Безвременная гибель правителя — всегда объект пристального внимания, источник легенд; особенно, если с его именем связывались определенные надежды, и особенно в стране, неудовлетворенной своим политическим настоящим. «Боже мой, какой бы из него вышел король!» — восклицает повествователь в романе Круди «Осенние путешествия в красном дилижансе», а непосредственно вслед за этим восклицанием в тексте возникает упоминание Христа, который тоже не стал царить на земле⁵. Сама загадка Майерлинга прекрасно коррелировала с мистико-символическими настроениями эпохи. Кроме того, Рудольф оказывался в центре внимания в силу характерного для Венгрии явления, которое могло бы быть условно обозначено как «национальный романтизм». (Речь идет и о рефлексам романтизма как историко-культурного явления, и об имманентном свойстве венгерского национального сознания.) Именно этот «национальный романтизм» определяет формы адаптации исторического Рудольфа в венгерской литературе. Реальные проблемы реального кронпринца, как то: комплексы, связанные с осознанием собственно-

го несоответствия грядущей роли, предощущение краха империи и многое другое — полностью игнорируются. Существенны лишь два момента: трагическая любовь к Марии Вечера и конфликт с Францем Иосифом. (Очень показательный, хотя далеко не единственный, пример — роман Круди «Жокей-клуб»). Рудольф предстает романтическим героем-одиночкой, бунтарем, лишенным поддержки и понимания близких. Тут есть кое-что от реальной ситуации, но гораздо больше — от литературного канона. История с Вечера, как показывает ряд исследователей⁶, в действительности не играла той роли, которую ей традиционно приписывают; отношение Рудольфа к отцу было значительно сложнее литературной схемы.

В романе «Жокей-клуб» конфликт Франца Иосифа с Рудольфом — это конфликт долга и чувства, неразрешимый в принципе. Реальные отношения кронпринца с матерью тоже существенно переосмысливаются. Отсутствие взаимопонимания между ними плохо укладывается в литературную схему, а потому ситуация приобретает совершенно иной вид: в романе императрица от всей души сочувствует сыну, но не может противостоять могущественному Францу Иосифу. Государственная деятельность Рудольфа очень мало занимает автора, зато он постоянно упоминает о его литературной деятельности. Для Круди важен и сам факт писательства, творчества, и сотрудничество на этой почве с венгром Йокаи. Круди всячески стремится подчеркнуть роль Венгрии в жизни Рудольфа. Если Рудольф противостоит императорскому дому по принципу «естественное — искусственное» (он — бродяга, охотник, поэт, рыцарь, нищий), то Венгрия как царство естественности противостоит Австрии в целом. Не случайно в романе «Жокей-клуб» среди прочих пассий кронпринца появляется и венгерская возлюбленная, которая учит его косить траву и ходить босиком по росе.

Венгерские писатели вообще стремятся как можно теснее связать «своего» Рудольфа с Венгрией. Один из возможных способов — мифологическое смешение династий Арпадов и Габсбургов. Иногда это «перетягивание» Рудольфа приобретает более иносказательный характер: его образ связывают не с конкретной Венгрией, а с Востоком вообще. Любопытно, что венгры, в принципе осознающие себя европейской нацией, отождествляют себя с Востоком (скифская, гуннская легенды) лишь в случае необходимости. Это — полемический прием; цель его, как правило, противопоставление себя Австрии.

Главный персонаж венгерского варианта габсбургского мифа — Рудольф. Главный герой всеавстрийского габсбургского мифа — Франц

Иосиф. В венгерской литературе он тоже упоминается, но чаще — не как действующее лицо, а как знак, символ. Магрис пишет: «Миф Франца Иосифа — это миф о правителе как представителе Бога на Земле и первом чиновнике империи, неустанно работающем за письменным столом»⁷. Первый мотив в венгерской литературе практически полностью отсутствует. Второй необходим, в основном, для противопоставления императора кронпринцу. Зато в венгерской литературе встречается третий, довольно забавный вариант. Кронпринц — кавалер, рыцарь, воплощение мужского начала; Франц Иосиф — «der Alte Herr», «старый господин». В контексте ряда венгерских сочинений это общепринятое в Дунайской монархии обозначение императора приобретает несколько двусмысленный характер. В XIX в. Венгрия изображалась в национальной литературе и публицистике как страна мужественных бойцов, богатырей-куруцев — в начале XX в. становится возможна и женская ипостась. Вся эта линия, по-видимому, связана с большой популярностью в Венгрии теорий З. Фрейда. Рудольф и в этом смысле оказывается более «подходящим» персонажем, а трактовка образа Франца Иосифа приобретает новый оттенок.

Магрис многократно подчеркивает, что одна из наиболее типичных фигур габсбургского мифа — «верный слуга». Самый характерный пример — Банкбанус Ф. Грильпарцера («Верный слуга своего господина»), за ним следует череда самых разнообразных персонажей, объединенных общим свойством: фанатичной преданностью своему господину. В венгерской литературе все выглядит несколько иначе. В «Жокей-клубе» есть идеальный слуга. Это — бесконечно преданный Рудольфу Реже Беч, нищий, бродяга, попадающий в услужение к кронпринцу, на первый взгляд, совершенно случайно. Сигнал о том, что это — не случайность, а предначертание, подает само имя героя. «Беч» означает «Вена», «Венский», имя Реже — венгерский аналог имени Рудольф. Метаморфоза начинается уже на первых страницах: «верный слуга» превращается в двойника, причем это двойничество постепенно становится основной сюжетобразующей линией романа.

Так выглядит наиболее откровенный, «прямой» вариант двойничества. Иногда его структура бывает значительно более сложной, зашифрованной. К примеру, в том же «Жокей-клубе» Рудольф осмысливает свою судьбу сквозь призму романа Йокан («Золотой человек»), отождествляя себя с его героем (последний тоже противостоит своему окружению и в конце концов отказывается от всех благ, воссоединяется с возлюбленной и обретает самого себя). С другой сторо-

ны, события жизни Йокаи (женитьба 74-летнего писателя на 20-летней еврейке Белле Надь и последовавший за этим остракизм со стороны родственников и знакомых), отраженные им в ряде романов, безусловно соотносились в сознании читателя-современника с биографией Рудольфа. Двойники множатся, как в бесконечной цепочке зеркал.

Есть двойники и у Франца Иосифа. Один из наиболее любопытных вариантов — Алвинци, герой-идеолог, центральная фигура серии романов Круди. Он ощущает себя чем-то вроде венгерского варианта Франца Иосифа. Круди подчеркивает: речь идет не о подражании, не о сходстве, а именно о своеобразном самоотождествлении — и делает характерную оговорку: «Хоть Алвинци и состоял в родстве с Ференцем Ракоци, а все-таки, проходя мимо бронзовых всадников, испытывал благоговейное чувство и замирал, шагнув к парадным воротам»⁸. (Речь идет о дворце Хофбург). Ференц II Ракоци, как известно, был непримиримым борцом против Австрии, однако для Алвинци, при всем его уважении к семейным и национальным традициям, это дела не меняет: когда дело доходит до Габсбургов, он оказывается не в силах противостоять магнетизму.

Двойничество не есть прерогатива главных героев. Двойники Габсбургов буквально кишат на страницах произведений Круди. Двойничество распространяется и на неодушевленные предметы, вплоть до гастрономических ассоциаций. «Самый лучший суп в стране варили Францу Иосифу. За ним следовал Алвинци»⁹.

Еще одна постоянная параллель: Вена — Пешт. Ни в одном уголке мира не мог Алвинци забыть «тысячелетних стен Вены ..., маленьких площадей, пропитанных запахом пива»¹⁰. Любопытная деталь: роль кафе в культурной жизни Вены XIX — начала XX вв. общеизвестна; в венгерской интерпретации «двойниками» кафе становятся трактир, винный погребок и пивная.

Строго говоря, «верного слуги» в венгерской литературе не было никогда. У Йожефа Катоны есть знаменитая драма «Банк бан», в которой разрабатывается тот же сюжет, что и в «Верном слуге своего господина» Грильпарцера. Однако интерпретация сюжета у Катоны совсем другая: смысловой центр его драмы — не культ верности господину, а оправдание бунта. Раньше «верный слуга» был бунтарем, к концу XIX в. он превращается в двойника. Заметим, что это удачно коррелирует с изменением политической ситуации — возникновением двуединого государства.

Политика дуализма, как уже говорилось, была в Венгрии объектом

резкой критики. Однако габсбургский миф венгерской литературы свидетельствует о том, что это своеобразное двуединство все же стало элементом национального сознания. Проводником послужила литература — и это вполне закономерно, если учитывать литературоцентричность венгерского сознания и роль литературы, нередко замещавшей собою политическую и философскую мысль. Венгерский вариант габсбургского мифа не является продуктом нового мифотворчества. Он возникает в результате осмысления действительности сквозь призму «старых» мифов, сказок и литературных моделей, актуальных для венгерской культурной традиции.

Габсбургский миф интересен, помимо всего прочего, тем, что в нем, как в капле воды, отразились два противоположных начала. Оригинальность венгерской интерпретации габсбургской темы фактически соответствует упорному стремлению венгров к самостоятельности, постоянному осознанию ими своего особого места в рамках империи. Сама же включенность в этот миф, совпадение многих тем и мотивов, отражает глубинную связь венгерской культуры с духовной жизнью монархии в целом.

¹ *Király I. Dezső* Kosztolányi und die Österreichisch-Ungarische Monarchie // Kakanien. Aufsätze zur österreichischen und ungarischen Literatur, Kunst und Kultur um die Jahrhundertwende. Bd. 2. Wien; Budapest (далее: Bp.), 1991, S. 300.

² *Krúdy G. Ferenc József nagyapa lesz...* // Régi pesti históriák. Bp., 1967. 626. old.

³ *Magris C.* Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg, 1988.

⁴ *Jókai M.* A magyar nemzet története regényes rajzokban. Köt. 2. Bp., 1969, 309. old.

⁵ *Krúdy G.* Őszi utazások a vörös postakocsin // Utazások a vörös postakocsin. Köt. 1. Bp., 1977. 163. old.

⁶ См. напр.: *Hamann B.* Kronprinz Rudolf. Der Weg nach Mayerling. München, 1980. S. 268.

⁷ *Magris C.* Der habsburgische Mythos... S. 289.

⁸ *Krúdy G.* Őszi utazások... 168. old.

⁹ Ibid. 186. old.

¹⁰ Ibid. 167. old.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОЗНАНИИ ВЕНГЕРСКОГО ОБЩЕСТВА 90-Х ГОДОВ XIX В. ¹

Последнее десятилетие XIX в. занимает особое место в истории Венгрии. Запланированное на 1896 г. празднование тысячелетнего юбилея прихода мадьярских племен в Европу, так называемого «Миллениума», уже с 80-х годов стало во многом определять общественно-политическую и культурную жизнь страны. Подготовка к торжествам растянулась на многие годы. Именно в связи с тысячелетним юбилеем Венгрии начали возводить новое здание парламента. К этой дате было пущено первое на континенте метро, открыт этнографический музей, создан архитектурно-скульптурный комплекс площади Героев с музеем изобразительных искусств и выставочным залом Múcsarnok, а также комплекс сооружений в городском парке (Városliget) с точными копиями знаменитых архитектурных сооружений различных стилей из разных частей страны.

Повышенное внимание к национальному прошлому, его восторженное прославление стало культурной доминантой тех лет. Вышла в свет 10-томная иллюстрированная «История Венгрии» под общей редакцией И. Силадьи. В популярных книжных сериях, таких как «Olcsó könyvtár» («Дешевая библиотека»), публиковались исторические романы и комментированные переводы исторических источников. Газетные полосы регулярно печатали иллюстрированные очерки из венгерской национальной истории. В юбилейном 1896 г. в Городском парке была развернута экспозиция, посвященная тысячелетней истории Венгрии и современным достижениям венгерской экономики и культуры.

Даже поверхностное знакомство с концепцией венгерской истории, доминировавшей в эпоху Миллениума, позволяет сделать вывод о том, что не все страницы национального прошлого, в том числе период вхождения Венгрии в состав владений Габсбургов, освещались одинаково подробно. Вообще, после подписания Соглашения 1867 г. венгерская историческая наука видела едва ли не главную свою задачу в обосновании того, что Австрия и Венгрия никогда не были государственно едины. Закономерно, что авторы с большей охотой писали об освободительных войнах под предводительством трансильванских

князей, нежели, скажем, об эпохе просвещенного абсолютизма, которая стала временем массированного наступления на права венгерских сословий со стороны центральной власти.

В этой связи особый интерес представляет фигура императора Иосифа II Габсбурга, который был и в некотором роде по сей день остается одной из самых противоречивых фигур не только в венгерской, но и в европейской истории. Усердный ученик философов Просвещения, он хотел навсегда покончить с такими явлениями, как сословные привилегии, крепостное право, религиозная нетерпимость и массовая безграмотность. Однако Иосиф, следуя типичному заблуждению лучших умов своей эпохи, что благого желания самого реформатора достаточно, чтобы осчастливить подданных. Необходимые и разумные с точки зрения государственной централизации меры, будь то введение единого государственного языка (немецкого) или унификация административно-территориального управления империей, осуществлялись им без учета региональных особенностей и сопровождались коренной ломкой складывавшихся веками государственно-политических институтов. Особое недовольство реформаторская деятельность Иосифа II вызвала в Венгрии, которая веками бдительно охраняла свою государственно-правовую автономию в рамках империи. Поспешность и радикализм императора вызвали в Венгрии взрыв недовольства. Открытого конфликта удалось избежать только благодаря отмене уже смертельно больным Иосифом большинства реформ.

Что знали венгры эпохи Миллениума об императоре-революционере? Как десятилетие йозефинистских реформ с их печальным итогом укладывалось в общую картину националистической эйфории? В данной статье предлагаются некоторые примеры трактовки личности императора Иосифа II в периодике, публицистике, научно-популярной литературе и школьных учебниках конца XIX в.

С одной стороны, для того, чтобы эпоха Иосифа II получила адекватное освещение, существовали, казалось, все предпосылки. Со второй половины XIX в. и в Австрии, и в Венгрии начинается серьезное, строго научное изучение эпохи просвещенного абсолютизма, основанное на вовлечении в научный оборот архивных источников. Достаточно упомянуть опубликованные австрийским историком А. фон Арнетом переписку Марии Терезии с детьми и друзьями, переписку Иосифа II и Екатерины II и т. д.² Пионером изучения этой эпохи в Венгрии стал выдающийся позитивист Х. Марцали. В 80-х годах он издает трехтомник «Венгрия в эпоху Иосифа II». В нем на основе колоссального

количества впервые вводимых в научный оборот архивных источников историк попытался дать объективную, взвешенную картину йозефинистского десятилетия, отметил прогрессивный характер реформ просвещенного абсолютизма, объективно направленных на модернизацию общественного устройства, и одновременно указал на очевидный источник их слабости — небрежение государственно-правовыми традициями и особенностями политической системы Венгрии ³.

Однако тот же Марцали, но уже в 10-томной «Истории Венгрии», в разделе об эпохе правления Иосифа II берет более «националистический» тон. Акцент как бы смещается с прогрессивного характера реформ на их антинациональную направленность. Даже в характеристике личности Иосифа II нетрудно заменить оттенок если не неприязни, то неодобрения. Так, уже буквально на первой странице можно прочесть: «Ни материнское воспитание, ни образование, данное духовными и светскими учителями, не оказали на него такого воздействия, как пример врага номер один Габсбургского дома Фридриха II и дух времени, наиболее выдающимся представителем которого был прусский король-победитель» ⁴. Если учесть, что эта книга была едва ли не в каждой читающей семье, нетрудно догадаться, какое представление составлял себе об императоре среднестатистический венгр.

Частью празднеств стала вышеупомянутая выставка, в павильонах которой были представлены наиболее яркие страницы тысячелетней национальной истории. Вот характерные названия восьми ее разделов: «Эпоха обретения родины и вождей до Св. Иштвана», «От Св. Иштвана до прекращения династии Арпадов (1000 – 1301)», «Эпоха чередования правящих династий, до катастрофы при Мохаче (1301 – 1526)», «От мохачской катастрофы до изгнания турок (1526 – 1699)», «Новое время до наступления засилья западных веяний (1700 – 1750)», «От эпохи западных влияний до графа И. Сечени (1750 – 1825)», «Эпоха национального пробуждения, борьбы за свободу и восстановления конституции (1825 – 1867)» и «Эпоха конституционализма, до юбилея коронации Франца Иосифа (1867 – 1892)» ⁵.

Йозефинистское десятилетие на этой выставке не было представлено ни отдельным залом, ни даже отдельным стендом. Вслед за залами, посвященными матери Иосифа императрице Марии Терезии, следовали залы, посвященные эпохе наполеоновских войн. В зале № 40 была выставлена мемориальная кровать, на которой умерла Мария Терезия во время своего визита в Эстерхазу, в зале № 46 висел парадный конный портрет Марии Терезии в одеянии венгерского короля, в зале № 47 были выставлены карты, оружие, награды, штандарты вре-

мен войны за «австрийское наследство» и тут же экспонаты, связанные с последним созывом венгерского дворянского ополчения в годы наполеоновских войн (1809) ⁶. Имя Иосифа II встречается лишь однажды, в разделе о народном образовании: вниманию посетителей предлагались подарки императора различным учебным заведениям: восковые муляжи из анатомического кабинета Будайского университета, громоотвод из коллегия в Дебрецене и микроскоп из гимназии в Шарошпатаке ⁷. Так устроители выставки оценили вклад императора-революционера в венгерскую историю.

Не многим больше интереса проявляли к фигуре императора тогдашние газеты. Понятно, почему в «*Katolikus szemle*» не было статей об императоре, издавшем декрет о веротерпимости, разогнавшем монастыри и секуляризовавшем земли католической церкви. Но и газеты либерального толка, которым следовало бы отдать должное прогрессивным реформам Иосифа II, не спешили предоставлять свои страницы под хвалебные статьи об императоре, а если и публиковали материалы о нем, то это были портреты Иосифа в форме венгерского гусара. Ведущий венгерский историк второй половины XIX в. Д. Чанки в кратком очерке о тысячелетней венгерской истории в газете «*Vasárnapi újság*» констатировал: «Когда сын и наследник Марии Терезии Иосиф II начал издавать декреты, направленные на объединение Венгрии с наследственными габсбургскими провинциями, ... это породило мощное национальное движение и еще крепче сплотило венгерскую нацию. Иосифу наследовал Леопольд II, который созвал государственное собрание и восстановил конституцию» ⁸.

Термин «конституция» появился в венгерской политической литературе в конце XVIII в. В то время им обозначали комплекс так и не сведенных воедино основополагающих правовых актов, что, кстати, давало повод проводить параллели между венгерской и английской конституцией. Венгерские авторы конца XIX в. в «антиконституционном правлении» Иосифа II увидели возможность еще раз напомнить об извечной государственно-правовой обособленности Венгрии от габсбургских владений. «Нельзя забывать, — писал Е. Чудай в «Истории венгров», — что Венгрия — конституционная страна, и любые преобразования в ней возможны только законодательным путем» ⁹. Так история оказывалась поставленной на службу политики.

Конституционная сторона конфликта между Иосифом II и венгерскими сословиями заключалась, помимо прочего, еще и в том, что император ни одному из своих начинаний не придал форму закона, т. е. одобренного Государственным собранием правового акта. Поэто-

му даже то, что относилось к несомненным заслугам императора, венгерские авторы неизменно ставили ему в упрек. Так, в 1781 г. одним из первых своих декретов Иосиф II уравнил некаатолические христианские конфессии в правах с католиками. Однако декрет обрел форму закона лишь 10 лет спустя, уже в правление брата Иосифа, Леопольда II. В 1891 г., к столетнему юбилею принятия закона о свободе вероисповедания для христианских конфессий, в газете «*Vasárnapi újság*» была опубликована подборка материалов, в которой нашлось место и для панегириков в адрес императора Леопольда II, и для портретов и кратких биографий венгерских государственных деятелей, чьими трудами принцип религиозной свободы обрел форму закона, но только не для «первопроходца» Иосифа II. «Монаршая милость, — писала газета, — исходящая даже от самого благородного и гуманного, но все-таки смертного государя, может быть отменена или изменена как им самим, так и его потомками, и она не в силах заменить тех гарантий, которые дает не зависящий от случайностей и покоящийся на вечных нравственных основах закон»¹⁰.

Поставив монаршую волю выше святыни венгерской политической культуры — закона — Иосиф как бы дал своим венгерским подданным «законный» повод для неповиновения, а их потомкам — удобное объяснение, почему благие начинания реформатора потерпели фиаско. Популярные изложения истории правления Иосифа II довольно часто сопровождались моралью: так нельзя управлять Венгрией. Например, Й. Салай в «Истории венгерской нации» писал: «Подтвердилось, что тот, кто хочет повелевать народами, должен уважать их обычаи, ведь ни у одного правителя нет права требовать от подвластных народов, чтобы те принимали уютную правителю форму, словно податливая глина». И далее: «Оказалось, венгерская конституция — не листок бумаги, а нечто весьма существенное, что прописано в сердцах нации и на что нельзя безнаказанно покушаться»¹¹. Чуть мягче ту же идею выразил Е. Чудай: «Не приходится сомневаться в чистоте помыслов Иосифа, он хотел осчастливить подданных, но совершил большую ошибку, подняв руку на завещанные предками законы и институты»¹².

Извлечение уроков из правления Иосифа II — весьма распространенный прием не только в газетных публикациях и научно-популярных сочинениях по венгерской истории, но и в школьных учебниках. Младшим школьникам полагалось знать, что Иосиф был мудр, благороден и в своей любви к простому народу походил на венгерского короля Матяша Корвина¹³. Школьникам постарше объясняли, поче-

му благороднейшие порывы Иосифа вызвали у венгерской нации лишь непонимание и противодействие. Во-первых, император не принял в расчет древние законы и благие начинания вознамерился претворить в жизнь вопреки конституции и без ведома венгерской нации ¹⁴. Во-вторых, император поставил перед собой недостижимую цель: столь разные земли и народы нельзя спаять воедино даже с помощью силы ¹⁵. Наконец, школьникам предлагалось извлечь уроки из правления благородного, но несчастлившего правителя: во-первых, закон о государственном немецком языке побудил венгров начать развивать родной язык, во-вторых, вслед за языком венгры вспомнили о своих древних обычаях и национальном костюме, в-третьих, венгры задумались о еще более действенной защите венгерской политической системы от навязываемых против воли нации реформ ¹⁶.

В результате, венгерский школьник эпохи Миллениума должен был усвоить, что венгерская правовая система самая лучшая, что она призвана охранять венгерскую нацию от посягновений на ее священные права и тех, кто осмеливается поднять руку на эту святыню, постигнет судьба «короля в шляпе», как остроумно прозвал официально не коронованного венгерской короной Иосифа II поэт П. Аньош. Можно сказать, что таким образом с молодых ногтей венгерские школьники в своеобразной манере осваивали азы конституционализма и проникались уважением к закону.

Самым невыигрышным было для Иосифа сравнение с собственной матерью, которая, в отличие от сына, всегда подчеркивала свою вечную благодарность венграм за преданность в годы войны за «австрийское наследство». Новую интерпретацию получает хрестоматийный эпизод о том, как Мария Терезия с младенцем Иосифом на руках обратилась с прочувствованной речью к венгерским сословиям, моля у них помощи и поддержки. Если раньше мораль сей истории в устах венгерских авторов была такова: «Ты младенцем там был, видел достойный подражания пример своей матери, но став полноправным правителем забыл об этом. Увы тебе!» То теперь, основываясь на ранее неизвестных архивных документах, венгерские историки приходят к поразительному выводу. Оказывается, в историческом сознании венгров совместились два произошедшие с разницей в десять дней события: памятная речь Марии Терезии и день, когда императрица из окна дворца показала младенца Иосифа — наследника габсбургского престола — венгерским сословиям ¹⁷. Теперь пафос публикаций становится иным: Иосифа не было при величайшем в венгерской истории событии — примирении венгров и дина-

стии, поэтому он как бы не был осенен харизмой своей великой матери. Неудивительно, что стиль правления Иосифа II и Марии Терезии столь разительно отличались.

Справедливости ради следует сказать, что легенда была настолько красочнее исторической правды, что одни авторы не без сожаления констатировали факт вымысла¹⁸, другие — по незнанию или для большего драматизма изложения — продолжали воспроизводить миф о младенце Иосифе на руках императрицы. Так, детский писатель М. Гаал в книжке «Иосиф II как государь и человек» рассуждал: «Клятва, которую нация принесла Марии Терезии, была обращена и к младенцу, и, может быть, если бы Иосиф мог понимать, о чем идет речь, он, став государем, многое сделал бы иначе»¹⁹.

Пожалуй, единственный жанр, в котором Иосиф II предстает как безусловно положительный персонаж, это исторические анекдоты. Многие из них восходит к историям, опубликованным в 1848 г. в Вене в сборнике «Josephinische Curiosa»²⁰. Впоследствии они, дополненные чисто венгерскими сюжетами, вошли в коллекцию анекдотов под редакцией Б. Тота, в популярные детские книжки, наподобие цитированного выше произведения М. Гаала, в XX в. жанр анекдота лег в основу крайне популярной и столь же недостоверной книги американца С. К. Падоваера «Император-революционер» (1935).

В исторических анекдотах Иосиф всегда мудр, человеколюбив и остроумен. Говорят, когда его спрашивали, помнит ли он о том, как мать держала его на руках, произнося речь перед венгерскими сословиями, император отвечал: «Помню, еще бы не помнить, она больно щипала меня, чтобы я жалобнее кричал». Существует целая серия анекдотов, в которых Иосиф, подобно самым любимым фольклорным персонажам (таким, как Матяш Корвин), странствует инкогнито по своей обширной империи, являя расположение простому народу. Например, когда хозяйка гостиницы, в которой император остановился под вымышленным именем, застала его за бритьем и спросила, каков его род занятий, Иосиф скромно ответил: «Иногда я брею императора».

Мотив справедливости императора — другой важный момент в произведениях этого жанра. Например, в Брюнне (Брно) он просит запретить себя на час в самой страшной камере городской тюрьмы, а выйдя из камеры повелевает никого больше не содержать в таких нечеловеческих условиях. Сегодня во всех путеводителях можно прочесть, что это чистой воды вымысел, но так в народной памяти запечатлелись даже не столько мероприятия просвещенного абсолютизма по смягчению наказаний и улучшению состояния пенитенциарных заве-

дений, сколько сочувствие реформатору, который, совершая ошибки, руководствовался благими намерениями.

Таким образом, двумя полосами представлений об Иосифе II Габсбурге в эпоху Миллениума можно считать морализаторство тех авторов, которые видели в Иосифе пример, которому не следует подражать, и сочувствие человеку, чьим благим намерениям не было суждено осчастливить тех, кому он желал добра.

¹ Выражаю искреннюю благодарность своим венгерским коллегам — академику Петеру Ханаку, доктору Иштвану Шоошу и Ильдико Надь за помощь в работе над статьей.

² См., напр.: *Arneith A. von. Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz samt Briefen Josephs an seinen Bruder Leopold.* Wien, 1867. Bd. 1 – 3; *Idem. Joseph II. und Katarina von Russland. Ihre Briefwechsel.* Wien, 1869; *Idem. Briefe der Kaiserin Maria Theresa an ihre Kinder und Freunde.* Wien, 1881. Bd. 1 – 4;

³ *Marczali H. Magyarország II. József korában.* Budapest (далее: Вр.), 1882 – 1888. Köt. 1 – 3

⁴ *Marczali H. Magyarország története III. Károlytól a Bécsi Kongresszusig (1711 – 1815).* Вр., 1998. 378. old. (A magyar nemzet története / Szerk. S. Szilágyi. VIII köt.)

⁵ *Matlekovics S. Magyarország gazdasági és közművelődési állapota ezeréves fennállásakor. Az 1896. évi ezredéves kiállítás eredménye.* Köt. V. Történelmi kiállítás. Néprajz. Вр., 1898. 4 – 5. old.

⁶ *Ibid.* 50 – 53. old.

⁷ *Ibid.* 60. old.

⁸ *Vasárnapi újság.* 1896. 43. évf. 18. szám. 279. old.

⁹ *Csuday J. A magyarok történelme.* Бэчс, 1897. Köt. II. 263. old.

¹⁰ *Vasárnapi újság.* 1891. 38. évf. 49. szám. 818. old.

¹¹ *Szalay J. A magyar nemzet története.* Köt. IV. Magyarország a Habsburg Házból s a Habsburg-Lotharingiai Házból származott örökös királyok korában / Átdolg. L. Baróti. s.d. et l. 274. old.

¹² *Csuday J. Op. cit.* 274. old.

¹³ *Baróti L. Ezer év. Képek a magyar nemzet történetéből.* Вр., 1897. 130. old.

¹⁴ *Baróti L., Csánki D. A magyar nemzet története. Polgári fiúiskolák számára.* Вр., 1897. 145 – 148. old.

¹⁵ *Mangold L. A magyarok története A középiskolák alsó osztályai és polgári iskolák használatára.* Вр., 1889.

¹⁶ *Varga O. A magyarok története és Magyarország a jelenben. A középiskolák alsó osztályai számára.* Вр., 1897. 135 – 139. old.

¹⁷ *Vasárnapi újság.* 1897. 44. évf. 20. szám. 315. old.

¹⁸ В собрании анекдотов Б. Тота читаем: «Хорошо известно, что 11 сен-

тября 1741 г. сын Марии Терезии наследник Иосиф не был в Прессбурге и не мог находиться на руках у матери, как это обычно изображают художники для пущей живописности...». См.: *Tóth B. A magyar anekdotakincs*. Бр., 1898. Кöt. I. 359. old.

¹⁹ *Gáál M. П. József mint uralkodó és mint ember*. Бр., 1899. 5. old.

²⁰ *Josephinische Curiosa, oder ganz besondere, theils nicht mehr, theils noch nicht bekannte Persönlichkeiten, Geheimnisse, Details, Aktenstücke und Denkwürdigkeit der Lebens- und Zeitgeschichte Kaiser Josephs II.* Wien, 1848.

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Роберт Музиль в романе «Человек без свойств» утверждает, что причины развала Австро-Венгрии кроются исключительно в языковых трудностях. Не может же быть слова «австро-венгр» — Österreich-Ungar. Он пишет: «Обе части империи, Австрия и Венгрия, подходили друг к другу, как красно-бело-зеленый пиджак к черно-желтым штанам; пиджак был самостоятельным предметом, штаны же — остатком уже не существующего черно-желтого костюма, разделенного в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Штаны Австрия именовались с тех пор на официальном языке: „Представленные в имперском совете королевства и земли“, что, конечно, ровно ничего не значило и было названием, составленным из названий... Поэтому на вопрос, кто он такой, австриец не мог, конечно, отвечать: „Я житель представленных в имперском совете королевств и земель, которых не существует“, и хотя бы по этой причине предпочитал сказать: „Я поляк, чех, итальянец, фриулец, ладин, словенец, хорват, серб, словак, русин или валах“... С тех пор как мир стоит, еще ни одно существо не умирало от неточного словоупотребления, но надо, видимо, прибавить, что с австрийской и венгерской австро-венгерской двойной монархией случилось все же так, что она погибла от своей невыразимости»¹.

Эта цитата описывает вполне конкретную ситуацию. На почве языка (а позже культуры, литературы, эстетики) национальные проблемы в Австро-Венгрии конца прошлого столетия разгорались с необычайной силой. Достаточно вспомнить ситуацию, сложившуюся в 1897 г. из-за указа графа К. Бадени для Чехии и Моравии о расширении сферы употребления чешского языка в школах, дело- и судопроизводстве. Этот указ вызвал небывалый всплеск националистической пропаганды как со стороны пангерманистов, так и со стороны панславистов. Примечательно, что, когда через год указ был видоизменен сменившим Бадени П. Гаучем, который попытался смягчить его в пользу оппозиции, он снова вызвал чрезвычайное раздражение обеих сторон.

В этой связи представляется интересным термин теоретика нацио-

нализма Б. Андерсона, говорившего о волне «лексикографических революций» в Европе XIX в.²

Английский социолог Э. Смит называет венгерское государство в пределах Австро-Венгрии «наиболее наглядным примером неудачи ассимиляторской политики», указывая как на возможную причину ее неуспеха на тот факт, что «национальная идеология стала доступна для этнически отличного населения»³. С нашей точки зрения, этот пример особенно нагляден благодаря своей двусторонности: его можно воспринимать и как неудачу ассимиляторской политики Австрии по отношению к Венгрии, так и Венгрии по отношению к другим национальным меньшинствам.

Создается впечатление, что борьба за национальную свободу эпохи 1848 г. с установлением дуализма сменилась ростом националистических настроений, которые достаточно наглядно проявились в зарождающейся философии и эстетике народов, населяющих Австро-Венгрию (укажем хотя бы на творчество Л. Гумпловича — его книги «Борьба рас», 1883; «Раса и государство», 1875)⁴. Наглядный пример подобного движения к национализму — история венгерской народно-национальной школы — направления в литературе и литературоведении и — шире — эстетике.

Наиболее известным представителем венгерской народно-национальной школы в литературоведении является Пал Дюлаи. Его политическая позиция характеризуется тем фактом, что в начале 50-х годов он примкнул к партии Ф. Деака. Представляется важным, что к этому моменту его эстетическая теория уже в основном сложилась: им уже была опубликована теория трагического, он обосновал свое отношение к народной поэзии и к эпическому.

Среди зарубежных источников взглядов Дюлаи в контексте настоящей работы следует назвать немецкого литературоведа Г. Г. Гервинуса и английского историка Т. Б. Маколя. Гервинус создает в 1835 – 1842 годах «Историю литературы», проникнутую идеей национального развития — крайне актуальной для Венгрии второй половины XIX столетия. В 50-е годы Дюлаи изучал труд Гервинуса о В. Шекспире. Маколя же он называл родным себе по духу. Действительно, литературные теории и их политические проекции у Маколя и Дюлаи очень близки.

Жизнь и творчество Маколя приходятся на расцвет в Англии викторианской эпохи. Взгляды его полностью совпадают с проводимой в это время политикой (в 1839 – 1841 годах он был военным министром). В своем основном труде «История Англии от восшествия на

престол Якова II» он устанавливает позитивную связь между викторианской Англией и великой эпохой буржуазной революции в Англии XVIII в. Маколей конституирует устойчивую традицию, в которой сочетаются взаимопроникающие поэтические, этические и политические установки и оценки.

Английское безреволюционное в последнее столетие развитие было политическим примером для партии Деака. При этом только что потерпевшая поражение революция представлялась героической эпохой борьбы за национальную независимость. Ближайшей политической задачей было достижение независимости мирным путем. Для ее выполнения требовались, с одной стороны, некоторые политические маневры по отношению к Вене, с другой же — мирное объединение нации на основе общей культуры и общих воспоминаний о 1848 г. с одновременным воспитанием у нации идеи дальнейшей нереволуционной борьбы. Одновременно следовало утвердить концепцию последовательного исторического развития венгерской нации, которая как бы подтверждала ее право на самостоятельность.

Термин «народно-национальная школа» Дюлаи впервые употребил в 1851 г. в рецензии на полное собрание сочинений Йожефа Байзы. При этом он ссылался на работу Яноша Эрдеи «Наша народная поэзия за рубежом». Характерно, что уже в этой ранней работе наблюдается схожая с маколеевской позиция взаимопроникновения поэтических, этических и политических установок. Начиная свою борьбу с эпигонами Петёфи, которые лишь «заигрывают с народом», Дюлаи пишет: «Всем нам надо стать лучшими венграми и в большей степени венграми, чем донныне»⁵.

Основная задача, стоящая перед народно-национальной школой, была сформулирована Дюлаи следующим образом: венгерская поэзия «должна развиваться на основе народно-национальных элементов, чтобы достичь европейского уровня, заявив о себе как о собственно венгерской»⁶. Т. е. на один из первых планов выходит тенденция некоторой демонстрационности венгерской литературы — необходимости показать ее окружающему миру.

Следует также сказать об отношении Дюлаи к проблеме соотносительности литературы с проблемами классового общества. В 1854 г. он писал: «Превращение национальной литературы в литературу, принадлежащую какому-то определенному классу всегда ведет к большому провалу. Она должна быть или выше или ниже классового деления общества»⁷.

Хотелось бы подчеркнуть в этой краткой характеристике творчест-

ва Пала Дюлаи его общедемократический пафос, в контексте которого слова «народно-национальная» звучали совершенно иначе, чем у его последователей. К концу столетия мировоззрение народно-национальной школы стало откровенно патриархально-националистическим.

Уже в 50-е годы взгляды Дюлаи разделяли еще два выдающихся венгерских эстетика — Ференц Шаламон и Агошт Грегушш. Одно из основных отличий их работ от трудов Дюлаи заключается в том, что категория народности лишается присущего последнему демократического духа. Термин «народ» употребляется Шаламоном и Грегушшем исключительно как культурная категория. Ф. Шаламон в своих литературоведческих работах выстраивал концепцию национальной литературы как бы даже не сосредоточиваясь специально на литературе венгерской. А. Грегушш в большей степени, чем остальные представители народно-национальной школы, занимался вопросами собственно эстетики и философии. Категория народности у него менее политизирована. В начале 50-х годов он определяет ее практически по-гердеровски. С этой точки зрения он проводил дефиницию народного и национального искусства (народное — как низшая ступень и национальное — как высшая).

Однако с течением времени взгляды Грегушша начинают изменяться в более радикальную сторону. Его занятия философией привели к увлечению теорией социал-дарвинизма, причем еще до того, как популярность в Австрии приобрели Гумплович, Ратценхофер и Чемберлен. Следует заметить, что по основной специальности Грегушш был врачом, поэтому многие его выступления в Академии наук проходили по секции естествоиспытания, где постоянно в 60-е годы обсуждались вопросы материализма, дарвинизма и пр. В 1867 г. Грегушш прочел доклад на XII Конгрессе венгерских врачей и естествоиспытателей на тему «Как нам укрепить венгерское общество», в котором попытался соединить национал-дарвинизм с провозглашенной Й. Этвешем программой национальной культуры. А в 1875 г. в статье «О нравственной природе прекрасного» он писал о победе в исторической «борьбе за выживание» более сильных рас.

Интересно, что в это время и в его взглядах, как ранее у Дюлаи, начинает сказываться сильное взаимопроникновение эстетических, этических и политических категорий, хотя их оценочные установки сильно различаются. Именно в это время, после 1867 г., народно-национальная школа начинает восприниматься в кругах либеральной интеллигенции как выраженно националистическая и отсталая. Хотя

основатель ее — Дюлаи — продолжает по-прежнему выступать за утверждение венгерского искусства как равноценного западноевропейскому, в трудах его современников и товарищей по лагерю начинает возникать и развиваться концепция превосходства венгерской культуры по отношению прежде всего к культурам других народов империи Габсбургов.

Апофеозом национализма народно-национальной школы становится в 80-х — 90-х годах творчество Жолта Бёти. Особенно важным представляется то обстоятельство, что его теоретические работы издавались как пособия для школ и школьных учителей, выдерживали множество переизданий первые три десятилетия XX в. В 1877 – 1879 годах Бёти издал двухтомный труд «Исторический очерк венгерской национальной литературы», по которому с отечественной литературой знакомилось целое поколение. Но еще большей популярностью в среде консервативных учителей пользовалась небольшая книга «Зеркало венгерской литературы» (1850), всего в 150 страниц. Естественно, ничто не могло бы до такой степени способствовать популярности этих произведений как несомненный талант автора, его глубокие познания в области отечественной литературы, любовь к ней, хороший стиль. Но их идеологическая направленность определяется уже не только национализмом, но венгерским шовинизмом. Практически все переиздания произведений Бёти открывались картинкой «Мадьяр на Волге», после чего следовал текст о победоносном шествии великой венгерской литературы.

Таким образом, вырисовывается довольно любопытная картина: националистические тенденции, зародившиеся, казалось бы, на периферии общественной мысли — в региональной, только начинающей свой путь и потому довольно слабой философии и эстетике⁸ — достаточно быстро проникают в широкое общественное сознание. Далеко не все были знакомы с трудами Этвеша по вопросам национального устройства государства, но все, прошедшие венгерскую школу последних десятилетий прошлого — первых десятилетий настоящего века, волей или неволей с цитатными подробностями помнили книгу Бёти.

Характерно, что подобные проявления, с одной стороны, наиболее заметны на примере Венгрии и славянских и романских народов, населявших монархию (но не на примере Австрии), а с другой, — что они существуют не в самом искусстве, а в описании его. Литература наиболее чутко отреагировала на перерождение народно-национальной школы, и лучшие произведения первых десятилетий XX в.

создавались в борьбе с ней. Философия же народов Австро-Венгрии, для которой вопрос национальной идентификации стал во второй половине прошлого столетия одним из основных, легко склонялась в сторону национализма ⁹.

¹ Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984. Т. 1. С. 509.

² Цит. по: Миллер А. И. Бенедикт Андерсон: национализм как культурная система // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С.65.

³ Цит. по: Коротеева В. В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций... С. 37.

⁴ Подробнее об этом см.: Nyíri K. A Monarchia szellemi életéről. Budapest, 1980.

⁵ Gyulai P. Valogatott művei. Budapest, 1975. 132. old.

⁶ Ibid. 87. old.

⁷ Ibid. 96. old.

⁸ В первой половине XIX столетия даже далеко не все философские термины, например, немецкой классической философии, были переведены на венгерский язык, из-за чего, в частности, происходило множество философских дискуссий.

⁹ Об этом см., напр.: Nyíri K. Nemzettudat mint filozófia Ciszlajtaniában // Nyíri K. Op. cit.

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЙ МИР БУДАПЕШТСКОГО РАБОЧЕГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Культурно-антропологическое направление, рельефно представленное в современной российской историографии исследованиями А. Я. Гуревича, ориентирует на анализ ценностных и поведенческих комплексов, свойственных общественным группам¹. Н. В. Коровицына, рассматривая эволюцию общества через призму истории поколений, отмечает, что «культурный облик поколений находит свое концентрированное выражение в мировоззренческих ориентациях и прежде всего в системе ценностей»². Венгерский историк Э. Кабош выделяет три группы явлений, характеризующих культуру рабочего класса: а) состояние материальной и духовной культуры, образа жизни, образования рабочих; б) сознательное стремление рабочих к культуре и культурной деятельности; в) факты отображения бытия и сознания рабочих в научных исследованиях, произведениях литературы и изобразительного искусства³. В данной статье рассматриваются зрелищно-игровой, песенный и литературно-художественный аспекты освоения рабочими духовно-культурных ценностей.

В последней трети XIX в. в общественном сознании будапештских рабочих укореняются такие ценностные понятия, как прогресс, культура, самообразование, взаимопомощь. Внутренний мир рабочих был заполнен думами о хлебе насущном для себя и своей семьи, об отдыхе после утомительного труда, о воспитании детей. Унылая повседневная жизнь, убогий быт, элементарный уровень образованности основной массы рабочих сужали горизонты их мировосприятия, выдвигая на передний план досуговые формы освоения духовно-культурных ценностей.

Праздники и развлечения будапештских рабочих, сохраняя связь с народной традицией, сочетали в себе общие для городских жителей виды досуга и специфические, несущие отпечаток идеологической пропаганды, формы отдыха. Народные праздники по случаю наступления лета, сбора винограда, Троицына дня устраивались профсоюзными, культурно-просветительскими организациями в летнее время в предместьях Будапешта и собирали тысячи рабочих и членов их семей. Не менее популярными были вечера отдыха, организуемые в кафе и ресторанчиках, а к концу первого десятилетия XX в. — в открывавшихся домах профсоюзов. Непременным атрибутом загород-

ных прогулок, пикников, вечеринок было хоровое пение, танцы, шуточные аттракционы, любительские спортивные соревнования (игра в кегли, прыжки в мешке, в высоту, велосипедные гонки, толкание ядра, американский бильярд, серсо, гимнастические соревнования), карусель. В программу увеселительных номеров включались сеансы гипноза, «международная почта», ярмарка масок и т. д. ⁴ По-видимому, во всем этом проявлялась характерная для общества со сложной системой социальной семиотики ориентация отдыха на непосредственность, природность, внезаковость ⁵.

С влиянием городской культуры связаны имевшие успех у рабочих театральные постановки, шуточные пародии на буржуазно-мещанский брак, пользование услугами скоростной фотографии. Рабочие ощущали себя жителями большого города, когда по совету газеты «Népszava» или под влиянием иной рекламы посещали ипподром, зоопарк, музеи техники, торговли, картинную галерею, совершали поездки на фуникулере ⁶.

Досуг рабочих различался в зависимости от профессионального состава, культурно-образовательного уровня его участников, идеологических установок его организаторов. Существовавшие с 50-х годов XIX в. католические кружки рабочей молодежи были призваны наряду с религиозным воспитанием и профессиональным обучением молодых рабочих предоставлять им возможность для культурного досуга. Открытые в 90-х годах под эгидой предпринимательских кругов «рабочие казино», по свидетельству современников, разительно отличались от обычной корчмы порядком и «респектабельностью» посетителей. Опыт казино не был, однако, показательным примером массового рабочего досуга. Он дает представление о культурных запросах незначительной части столичных рабочих, сочетавших во время отдыха развлечения с расширением своего образовательного кругозора. Примерно 200 – 300 рабочих, посетителей казино, с интересом слушали здесь лекции ⁷.

Значительная часть рабочих ограничивалась предельно упрощенными формами отдыха, совершенно не развивавшими их духовно-культурные запросы. Диким весельем и буйством, пьянками и драками заполнялись (особенно в 90-е годы) так называемые «синие понедельники» («Blaumontag»), которые фактически были днями прогулов рабочих.

Социал-демократическая партия Венгрии, не стоявшая, как и ее оппоненты, в стороне от организации досуга рабочих, привносила в него идеологизированную струю. Наиболее зримо об этом свидетель-

ствуют так называемые «партийные праздники». В их программы включались наряду с развлечениями и такие, к примеру, номера, как инсценировка парламентских выборов, проводимых на основе цензового избирательного закона.

Социокультурный смысл празднеств и увеселительных мероприятий состоял в том, что их участники переживали непосредственное ощущение свободы и духовного слияния, чувствуя, как удовольствие каждого оттеняет всеобщую радость. Венгерский этнолог К. Кереньи отмечал, что культурно-психологический смысл праздников заключается в возможности «выключения из обыденной жизни»⁸.

Мечта о новом обществе и справедливых порядках находила своеобразное воплощение в ритуале пролетарских праздников (1 Мая, годовщина Парижской коммуны, день 15 марта, отмечаемый как начало демократической революции 1848 г. в Венгрии). Пролетарские и революционно-демократические праздники служили средством идеологического воспитания рабочих, так же как и траурные церемонии в память о погибших или умерших деятелях рабочего движения.

Культурно-регулятивная функция песни, занимавшей значительное место в досуге рабочих, им самим виделась в том, что песня могла воздействовать на ум и сердце там, где отступала магическая сила устного и печатного слова⁹.

Возникшие в начале 90-х годов XIX в. в рамках самообразовательных кружков рабочие хоры сохраняли связь с ремесленно-цеховой традицией. В их песенном репертуаре преобладали серенады и романсы, исполнявшиеся в честь мастеров и хозяев небольших предприятий¹⁰. С конца 90-х годов на фоне ускоренной промышленной модернизации происходили изменения в тематике и жанровых формах песни: от романса — к народным и собственно пролетарским песням¹¹. Отмеченное современниками индифферентное отношение большинства рабочих к хоровому пению объяснялось не только причинами естественного характера (отсутствием вокальных данных), но также чувствами неловкости и стеснительности, которые не могли преодолеть в себе многие рабочие¹².

Песни, которые знали и пели рабочие (и часто не только участники хоровых коллективов), раскрывали их внутренний мир, характерное для рабочего человека восприятие жизни, в котором мгновения радостного ощущения счастья сменялись тоскливым предчувствием скорой смерти. Свои представления о личном счастье рабочие решительно не связывали с богатством и роскошью¹³. Характерно и то, что рабочие испытывали потребность и оказывались восприимчивыми к пес-

ням, которые духовно объединяли их. Как правило, такие песни сопровождали проявления массовой политической активности рабочих. Пролетарская песня отразила меняющиеся социокультурные представления рабочих. Им были близки песни, которые передавали сложную гамму чувств вчерашнего деревенского паренька, приехавшего в город получать рабочую профессию. Испытывая ностальгию по прошлой жизни, часто вспоминая родную деревню, он, однако, твердо знал, уже идентифицируя себя с городским жителем, что не вернется назад в родительский дом ¹⁴.

Запечатленный в песнях образ пролетариата как эксплуатируемого, отверженного обществом класса связывался воедино с убеждением, что человек труда достоин лучшей участи. Отсюда повторяющиеся в песнях здравицы в честь труда, рабочего человека, его священных прав, за которые надо беззаветно бороться. Апология разума, светильника истины, и принципа справедливости переплетается в песнях с хилиастическими мотивами приближения долгожданного часа торжества народной свободы и счастья. Во всем этом следует видеть своеобразное, достигающее высокой интенсивности, психологическое восприятие рабочими социально-исторического времени, которое неразрывно связано с их социально-пространственными представлениями. Воплощение в жизнь светлого общественного идеала произойдет, согласно ожиданиям рабочих, в масштабах всего мира. И одновременно с этим рабочие обретут, наконец, свою родину — Венгрию, которая пока принадлежит богатым ¹⁵.

Отношение рабочих к литературе формировалось в обстановке наплыва на книжный рынок произведений религиозно-клерикального характера и продукции «массовой культуры» (бульварных романов и т. п.). Социал-демократические активисты стремились оградить рядовых пролетариев от такого рода «ядовитого чтива», распространяя подписку на рабочие газеты и открывая профсоюзные библиотеки, в которых можно было познакомиться с классикой и «пролетарской литературой». Однако вплоть до середины 90-х годов эти усилия находили слабый отклик в массах. Объяснение этой духовно-культурной ситуации следует искать в особенностях массового досуга рабочих, в котором увеселительные мероприятия пользовались приоритетом, а также в общекультурной атмосфере венгерского города конца XIX в. Показательно, что в 1884 – 1885 годах в будапештских публичных библиотеках насчитывалось всего 5189 читателей абонементом. Преобладающую часть востребованной литературы составляли популярные романы, отвечавшие обывательским вкусам горожанина ¹⁶. «Читатель-

ский бум» в столичных библиотеках пришелся на первое десятилетие XX в. Почти синхронно, в 1890 – 1910 годах, были открыты рабочие библиотеки практически во всех профсоюзах. «Что следует читать?» — под таким призывно-наставительным заголовком публиковались статьи, заметки, предисловия к каталогам и спискам литературы, авторами которых были известные деятели рабочего движения Л. Зака, Э. Гарамы, Э. Сабо¹⁷.

Литературно-художественная классика, собранная в профсоюзных библиотеках, включала венгерскую прозу, поэзию и драматургию XVIII – XX вв. Широко была представлена мировая художественная литература. Подбор произведений был обусловлен социально-демократической доктриной. Вместе с тем процесс комплектования литературы в определенной степени испытывал воздействие эволюционировавших общественных настроений, вкусов и читательских предпочтений — от романтического мировосприятия, с которым связано массовое (включая рабочих) увлечение фантастико-приключенческими романами Ж. Верна в 80-е — начале 90-х годов, к социально-критическому взгляду на окружающую действительность в первое десятилетие XX в., когда рабочим рекомендуют для чтения произведения И. Гете («Фауст»), Ф. Шиллера («Вильгельм Телль», «Дон Карлос»), Н. В. Гоголя («Ревизор»), Э. Золя («Жерминаль»), романы и повести О. Бальзака, В. Гюго, Л. Н. Толстого, А. Франса, рассказы А. П. Чехова, пьесы Г. Гауптмана, Г. Ибсена, А. М. Горького¹⁸.

Значительное место в фондах профсоюзных библиотек занимала научно-просветительская, историческая и общественно-политическая литература. Ее удельный вес резко возрос в первое десятилетие XX в., отразив как заметно усилившееся внимание общества к социальным проблемам, так и эволюцию читательских интересов и запросов: от увлечения описаниями географических открытий и путешествий в 80-е годы XIX в. — к изучению проблем происхождения человека, общества, религии (в интерпретации Ч. Дарвина, Г. Спенсера) в первое десятилетие XX в.¹⁹

Профсоюзные библиотеки, по свидетельствам современников, были популярны среди грамотных рабочих. Усилия официальных властей противопоставить рабочим библиотекам альтернативные «народные библиотеки» в целом оказались мало успешными. Фонды «народных библиотек» комплектовались за счет изданий так называемой «национальной науки» — исторических трудов о правлении венгерских королей эпохи средневековья, тенденциозно составленных биографий И. Сечени, Я. Араня, Ш. Петёфи, нравоучительной литерату-

ры, книг о земледелии и садоводстве, этнологии, антропологии, географии. Рабочие настороженно относились к просветительным начинаниям правительственных органов и предпринимательских кругов. В сознании рабочих формировались представления о самоценности и даже превосходстве той субкультуры, которая получала распространение в собственно рабочих организациях.

В какой степени «усваивалась» рабочими предлагаемая им литература? Влияние на рабочих классической художественной литературы в 70 – 80-е годы связано с их восприятием поэзии Ш. Петёфи и романов В. Гюго. Свободолюбивые стихи Петёфи были созвучны патристическим чувствам и демократическим настроениям рабочих. А романы Гюго будили в сознании рабочих мысль о приоритете общечеловеческих ценностей, о свободе и духовной независимости личности, о неприятии любой формы тирании²⁰. Отмеченное влияние художественно-литературной классики коснулось, однако, лишь узкого круга рабочих. Массовым спросом пользовались детективы, эротические романы и тому подобные бестселлеры. В библиотеке профсоюза типографских рабочих, отличавшихся от рабочих других профессий завышенной самооценкой, зачитанными были «Парижские тайны» Э. Сю, книги Р. Ринальдини, П. де Кока, П. дю Террайля²¹. В выборе книг решающую роль играл случайный фактор — названия произведений.

К концу 90-х годов XIX и в первое десятилетие XX в. в духовных запросах рабочих, сохранявших устойчивый интерес к детективной и приключенческой литературе, происходили вместе с тем изменения, отражавшие сдвиги в их социокультурных представлениях. Так, абонемент библиотеки будапештских рабочих-обувщиков выдал в 1898 – 1899 годах своим читателям книги преимущественно социально-обличительного и историко-революционного характера²².

Уже в 90-е годы рабочая масса переставала быть лишь пассивным объектом восприятия культурной информации. Показательно в этом плане формирование «рабочей» литературы, исследование которой позволяет дополнить и уточнить научную картину эволюции общественного сознания венгерских рабочих. В 1896 г. был начат выпуск «Библиотеки рабочей прозы», инициатором которой выступил талантливый журналист В. Мезёфи, опубликовавший в этой серии роман «Угнетенные капиталом». Тема судьбы стала лейтмотивом стихов и рассказов Й. Шугара и Й. Чикоры²³. Изображение убогого быта и нищенского существования рабочих, их бесправного положения в обществе служит фоном для раскрытия фаталистической стороны ми-

рочувствования рабочих. Его характерной чертой был PROVIDENCIALISTСКИЙ взгляд на общественное устройство («Так заведено от Бога»). К концу первого десятилетия XX в. «рабочая» проза отразила новый пласт чувств и настроений рабочих. Для новелл Б. Ревеса характерны мотивы солидарности («чувство локтя»), борьбы (описание стачки), исторического оптимизма («Будущее за нами»). Эти мотивы противопоставляются как квиетистским настроениям, так и кажущейся рабочим спасительной надежде, уехав в США, обрести там достаток и стабильность²⁴. Адаптация рабочего к городской культуре сопрягалась с изменениями в его литературно-художественных запросах, о чем свидетельствовал интерес рабочих к поэзии Эндре Ади. Верно чувствуя художественное превосходство Ади над «рабочим» поэтом Шандором Чизмадиа, рабочие, как в зеркале, видели в стихах «сумасбродного поэта» отражение своего внутреннего мира²⁵. Впрочем, Ади оставался и среди рабочих поэтом избранных.

Широкой популярностью среди рабочих пользовались календари, ежегодники и еженедельные альманахи, издававшиеся Социал-демократической партией Венгрии и профсоюзами. В качестве каждодневной книги календари могли оказывать заметное воздействие на процесс формирования социокультурных представлений рабочих. Со страниц календарей социальная действительность представляла перед взором рабочего как столкновение двух непримиримых начал: труда и паразитизма, богатства и беспросветной нужды, вероломства и преданности, равнодушия, черствости, несчастной любви и неизбывной надежды на лучшее будущее. Денежной культуре капитализма с ее принципами выгоды и наживы авторы календарей противопоставляли иные ценностные ориентиры — уважение человеческого достоинства, совесть, неприятие богатства как самоценности. Богач, обличаемый посредством реалистического и карикатурного изображения, не мог не вызывать язвительных чувств у рабочих, которые и сами относились с предубеждением к феномену богатства. Нравственная мерка, с которой они подходили к оценке человека, емко была выражена в одном из многих изречений, которые, кстати, использовали авторы календарей, учитывавшие психологические особенности восприятия рабочих: «Каждый спрашивает, богат ли он, но никто не интересуется, добрый ли он и порядочный». Пропагандируемый со страниц календарей социально-нравственный идеал сопрягался с библейскими заповедями, к которым оставалось восприимчиво сознание рабочих.

Среди материалов ежегодников предметом историко-культурного

анализа должны стать разные типы календарей-чисельников. Указание в календарях дней именин, праздников и памятных событий христианской и иудаистской церквей, революционных, исторических и культурных событий было свидетельством не только неоднородного конфессионального состава рабочего класса, но и мировоззренческого плюрализма, устойчиво сохранявшегося в рабочей среде. С другой стороны, разнотипные календари выполняли самостоятельную социокультурную функцию, раздвигая горизонты мировидения рабочих и трансформируя их хронотоп. Время переставало восприниматься как лишь циклические изменения или как предустановленный Богом и церковью ход событий. Передаваемый посредством календарей социальный и культурный опыт народов мира содействовал закреплению в сознании рабочих таких духовных ценностей, как идея прогресса и вера в возможность обновления своей жизни. Ознакомление с краткими сведениями о странах мира, языках и религиях народов, пользование словариками иностранных слов — все это позволяло рабочим мысленно вырваться из узких рамок культурного провинциализма²⁶.

«Рабочая» драматургия складывалась в Венгрии в своеобразных условиях. Репертуар будапештских театров состоял преимущественно из произведений псевдонародной драматургии, число которых значительно возросло в период празднования тысячелетия венгерской государственности. Эстетические вкусы массового зрителя формировались под заметным влиянием оперетты, комедии и нового вида зрелищного искусства — кабаре. Юбилейные празднества 1896 г. послужили удобным поводом для искусственного подогревания национально-патриотических чувств. В массовом сознании закреплялись определенные стереотипы. По воспоминаниям венгерского новеллиста Гезы Чата, во время спектаклей на патриотические темы «публика неизменно встречала „Марш Ракоци“ оглушительными воплями и бешеным шквалом аплодисментов»²⁷. «Официальная» театральная культура, по-видимому, оказывала воздействие на формирование культурных предпочтений определенной части рабочих, восприимчивых к вкусам и культурным притязаниям городских средних слоев²⁸.

Вплоть до конца 90-х годов венгерским театрам запрещалось ставить спектакли демократического содержания: такова была, к примеру, судьба драмы Г. Гауптмана «Ткачи». Лишь на сцене рабочего театра «Кишфалуди» в Буде начала складываться демократическая и социалистическая альтернативная драматургия. Авторами «рабочих» пьес были как непосредственные участники рабочего движения

В. Кюльфёльди («Хитроумный рабочий»), В. Мезёфи («Господин государственный обвинитель», «Работницы»), Э. Гарамии («На пути к избавлению»), так и литераторы и журналисты, сотрудничавшие с Социал-демократической партией Венгрии, — Э. Шаш («Восстание рабов»), А. Петерди («Святоши»), Э. Дядьдовски («Самое страшное преступление») и др.²⁹ Не будучи шедеврами драматургии, эти пьесы находили отклик у рабочих, позволяя им мысленно сверить с позицией театральных героев свои ценностные и поведенческие установки.

Обыденные представления рабочих об экономических и социальных отношениях, убеждая их в несправедливости сложившейся системы распределения доходов, не раскрывали, однако, сущностной стороны явлений. «Рабочие» пьесы выполняли в этом плане своеобразную функцию, содействуя экономическому просвещению рабочих. Острый диалог грамотного, «хитроумного» рабочего Вереша с хозяином и его адвокатом, которых рабочий своей логикой «загнал в угол», был для зрителей наглядным уроком экономической теории.

Эволюция жизненных ценностей рабочих хорошо прослеживается в пьесе Э. Гарамии «На пути к избавлению», положительно оцененной театральной критикой либерального направления. Конфликт «отцов и детей», старшего и младшего поколений рабочих изображен в пьесе как столкновение двух жизненных философий. В представлениях старого сапожника, воспитанного на традициях ремесленно-цеховой трудовой этики, главные ценности в жизни — труд и честь. Все остальное в мире — неравенство, социальное расслоение — не зависит от человека: оно от Бога. Подобные жизненные установки, формировавшие чувства здорового индивидуализма и личной ответственности, не гарантировали, однако, в жестких условиях промышленного капитализма реальной личной свободы и социальной защищенности.

Цель жизни молодого поколения рабочих, героев пьесы Э. Гарамии — не быть покорными слугами, перестать получать гроши за свой труд. Представление о чести у них слито с осознанием необходимости борьбы против существующей социальной системы. Индивидуализму старого ремесленного рабочего противостоит коллективизм промышленных рабочих, поведение которых диктуется чувствами товарищества и солидарности. Невеста рабочего (дочь старого сапожника) не принимает намерения жениха спасти ее и себя от голода путем штрейкбрехерства. Да и он сам уже не в состоянии изменить коллективистским принципам. Их жизненное кредо записано в мысли: «Поодиночке не спастись».

Основным смысловым содержанием всех пьес был показ классов-

вого антагонизма между рабочими и буржуа. При этом, однако, осознание противоположности интересов героями пьес было далеко не равнозначным. Как и в реальной жизни, на сцене были выведены два главных типа рабочих: нонконформист-бунтарь и сторонник «контрактной» (договорной) модели поведения.

Пьесы дают представление о нравственных ценностях рабочих, об их отношении к любви и браку. Воспринимавшиеся рабочими как обыденное явление прелюбодеяние и внебрачные связи не вытеснили из их сознания ценности прочных брачных уз, основанных на светлых чувствах. В пьесе А. Петерди «Святоши» молодое поколение, черпавшее истины в произведениях критического реализма и социалистической литературе, «выбирало» брак по любви, а не по расчету, верило в счастье, скрепленное не собственностью и богатством, а духовным сродством влюбленных. Проповедь подобных максим с театральной сцены, больше походившая на пропагандистскую риторику, вряд ли встречала отклик в душе рабочих. Их скорее могли увлечь жизненной правдой и художественной глубиной иные нравственные коллизии. В пьесе Э. Шаша «Восстание рабов» психологическое состояние группы рабочих, возмущенных произволом хозяина, достигает такого напряжения, что в их чувствах, кажется, стирается грань между братской любовью и классовой ненавистью. Накаленная атмосфера социального конфликта атрофирует в сознании капиталиста его родительские чувства, еще раньше фактически преданные забвению. Лишь смерть одного из героев — брата и сына главных действующих лиц — заставляет людей подавить в себе классовую ненависть, воскрешая христианское чувство любви.

Близкой мирочувствованию рабочих могла быть и главная идея спектакля «Самое страшное преступление». Пьеса Э. Дядьдовски, в которой чувствуется влияние драматургии Г. Ибсена, повествует о семейной драме. Герои пьесы не могут защитить и сохранить чувство любви. Корыстолюбие и всепоглощающая страсть к наживе одного, любимого, но не любящего, малодушие другого, любившего, но не нашедшего ответной любви, отчаяние женщины, разуверившейся в настоящих чувствах, не оставляли в жизни места любви.

«Рабочие» пьесы, политически ангажированные, несомненно, служили средством идеологического воздействия на рабочих. Дихотомическое изображение общества по схеме «мы — они» дополнялось в них пропагандой мессианской идеи о рабочем классе как единственном обладателе истины и гегемоне социально-освободительного движения.

Исследование духовной сферы жизни рабочих предполагает выяснение вопроса о мотивации их духовно-культурных предпочтений. Материалы статьи убеждают в том, что избирательное отношение рабочих к духовно-культурным ценностям коррелирует со значимыми для них сферами жизнедеятельности. Из достаточно широкого диапазона сфер жизнедеятельности, определяемых социологами как мотивационные комплексы, важнейшими для венгерских рабочих были витально-мотивационный (касающийся условий жизни), нравственно-мотивационный, раскрывающий их понимание добра, справедливости, честности и т. д., а также комплекс изолированности (ощущение безысходности, чувство разочарования в жизни и вместе с тем острая социальная критика общественных порядков).

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

² Коровицына Н. В. Агония социализма. Судьба двух поколений двух европейских наций. М., 1993. С. 5.

³ Kabos E. Gondolatok a munkásművelődés történetének kutatásáról // Párttörténeti közlemények, 1969. 4. sz. 31 – 32. old.

⁴ Politikatörténeti Intézet Levéltára (PTI), 721. f. 1/265. ő.e. 2 – 9. 1.

⁵ См.: Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. М., 1975. С. 51.

⁶ PTI; Népszava, 1.VII. 1895; 23.VII. 1899.

⁷ Gaál J. Társadalmi béke a közgazdasági patriarhalizmus alapján. Bp., 1898. 202. old.

⁸ Цит. по: Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992. С. 34.

⁹ Egy új dalkar // Népszava. 24.VIII. 1894.

¹⁰ Nagy D. A magyar munkásdalogesületek emléktárgyánakgyűjtéséről // Legújabbkori múzeum közleményei. Budapest (далее: Bp.), 1967. 1 – 2. sz. 36. old.

¹¹ Munkásmozgalom és kultúra. Bp., 1979. 164. old.

¹² Gyagyovski E., Sági A. A Budapesti általános munkásdalogesület harmincesztendő története. Bp., 1921. 6 – 13. old.

¹³ Török I. Azstalosok dala // Azstalosok Naptára az 1891-iki közönséges évre. Bp., 1890. 44. old.; Valahol vigadnak. Szegény nótája // A Népszava Naptára az 1910. évre. Bp., 1909. 51., 88. old.

¹⁴ PTI Levéltára, 867. f. 1/m-231. 1.

¹⁵ Magyarországi munkásdaloges. Bp., 1955. 19., 23., 25., 27. old.

¹⁶ Kovács M. A könyv és könyvtár a magyar társadalom életében. Bp., 1970. 111. old.

¹⁷ *Zaka L.* Mit olvassunk? // Munkásmozgalom és kultúra. 80 – 91. old; *Garami E.* Mit olvassunk? Modern irodalom. Bp., 1908. 1 – 9. old; *Szábo E.* Mit olvasnak és mit olvassanak? // Munkásmozgalom és kultúra. 155 – 156. old.

¹⁸ См., напр.: A magyarországi szabómunkások és munkásnők szakegyesülete budapesti csoportjainak könyvtárjegyzéke és szabályzata. Bp., é. n.

¹⁹ Подсчитано по: Magyarországi könyvnyomdászok és betűöntők szakegyesületének könyvtára. Bp., é. n.

²⁰ Munkásmozgalom és kultúra. 64., 68 – 69., 72. old.

²¹ *Zaka L.* Op. cit.

²² *Szilágyi J.* A magyar szocialista kultúra története. Bp., 1985. 44. old; см. также: A Czipész. 18.I. 1900.

²³ *Sugár J., Csikora J.* Proletársors. Bp., 1903.

²⁴ *Révész B.* A lárva mögött. Bp., 1911.

²⁵ См. спор между Чизмадиа и Ади в: Munkásmozgalom és kultúra. 137 – 141. old.

²⁶ Azstalosok Naptára..., Építőmunkások zsebkönyve 1907. és 1908. évekre szóló naptárral. Bp., 1907; Magyar vas- és fémmunkások zsebnaptára. 1906. Bp., 1905; 1913. Bp., 1912; Nyomdász évkönyv és uti kalauz. 1902. Bp., 1901.

²⁷ *Чам М.* Музыканты // 44 венгерских рассказа. Будапешт. 1983. С. 91.

²⁸ См., напр., воспоминания Мано Бухингера. — *Buchinger M.* Küzdelem a szocializmusért. Köt. 1. Bp., 1946. 34. old.

²⁹ Munkásszinjászó hagyományok. Bp., 1960. 16-29. old; *Garami E.* A megváltás felé. Bp., 1908.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ ПОЛЯКОВ В ТРЕХ ЧАСТЯХ РАЗДЕЛЕННОЙ ПОЛЬШИ

(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. польская нация оказалась разделенной: польские земли вошли в состав трех государств, которые, хотя и имели общие черты, но в гораздо большей степени отличались друг от друга, в том числе и в отношении своей польской политики, в использовании тех или иных средств и методов управления захваченными польскими землями. Если в составе Габсбургской монархии полякам в 60-е — 70-е годы XIX в. удалось добиться автономии для Галиции, то их сородичи на территориях, входивших в состав Российской и Германской империй, в тот же период испытали на себе гнет национальной дискриминации и угрозу ассимиляции: правительства этих государств проводили политику подавления национального движения, отмеченную соответственно русификаторскими и германизаторскими тенденциями.

Будучи включенным в жизнь многонациональных империй (прежде всего Российской и Австро-Венгерской), польский народ не мог не испытывать культурного влияния других народов, в первую очередь, господствующих в этих империях наций. Это, несомненно, расширяло возможности межнационального общения и взаимообмена, способствовало культурному обогащению. Но вместе с тем возникала опасность углубления различий между тремя частями Польши, существовавшими в разных условиях и подвергавшимися неодинаковым культурным влияниям. Эта опасность грозила и самой польской культуре, которая до разделов развивалась самобытно и весьма плодотворно.

Являясь одним из важных атрибутов нации, культура выступает как мощный фактор ее сплочения, что имеет особое значение для разделенного народа¹. Развитие польской культуры после разделов не имело государственной поддержки; эта поддержка осуществлялась лишь в условиях автономии Галиции, где, в частности, действовал Школьный совет, проводивший политику распространения национального образования и просвещения. В Королевстве Польском и на западных польских землях функцию поддержки национальной культуры взяло

на себя общество: там существовали как сеть тайного обучения на родном языке, так и легальные институты национальной культуры и просвещения (библиотеки, читальни, издательства, различные кружки, объединения и общества и т. п.), подобные тем, какие создавались в Галиции. Таким образом сохранялось единство форм организации культуры в трех частях Польши.

Общим для всей Польши был и интенсивно происходивший во второй половине XIX в. процесс демократизации культуры. В ее орбиту все более активно втягивались выходцы из «неблагородных» слоев общества — мещане, крестьяне, рабочие. Включению широких масс в культурный процесс способствовало развитие средств информации: на всех польских землях пресса становилась действенным фактором формирования национального и классового самосознания. В то же время сам процесс демократизации культуры являлся результатом углубления национального самосознания: именно в силу высокой степени этого сознания общество брало на себя заботу о национальной культуре. С другой стороны, фундаментом формировавшегося национального самосознания поляков служили их предыдущая история и культура, опыт национально-освободительной борьбы, в том числе и восстаний². Не удивительно, что в основе развития польской культуры на новом этапе продолжали лежать идея национального единства, историческая традиция, традиция повстанческой борьбы. Это также определяло культурное единство трех частей Польши.

Культура в широком смысле — это цивилизация, в понятие которой включается как духовное, так и материальное, экономическое развитие. В плане социально-экономических условий отдельные польские земли различались довольно сильно, хотя определенное сходство в развитии российской, прусской и австрийской частей Польши прослеживалось: единым было общее направление цивилизационного прогресса при различии его темпов, специфических форм, обусловленных социально-экономическими и политическими причинами. Уровень цивилизации в смысле уровня материальной культуры имел несомненное значение для развития культуры духовной, а также науки. В первую очередь, от него зависело развитие точных и естественных наук, и не случайно польские ученые этого профиля часто работали за пределами родины, в том числе в крупных центрах Австро-Венгрии, Германии и России.

Материальная база была не столь важна для гуманитарных наук и прежде всего истории. Эта область науки получила в Польше большое развитие, что способствовало выработке в обществе историче-

ского сознания, которое становилось силой, сплачивающей нацию. Научные центры создавались в Кракове, Варшаве, Познани, во всех трех частях Польши возникали сходные по функциям научные учреждения, организовывались исторические общества, издавались исторические журналы, публиковались исторические документы. На общих съездах историков определялось направление научных поисков, шли дискуссии вокруг животрепещущих, интересующих все общество проблем польской истории. Во второй половине XIX в. в Польше сложились основные исторические школы: в центре внимания краковской школы были политическая история и право, варшавская делала акцент на изучении социально-экономической истории, к ней частично примыкала львовская историческая школа. Школы не столько противостояли друг другу, сколько взаимно друг друга дополняли. В разные периоды та или иная из них выходила вперед и становилась фактором влияния, но в целом в развитии исторической науки сохранялась преемственность, происходило укрепление национальной исторической традиции.

Этому способствовало и постоянное напоминание о прошлом величии Польши, связанное с историческими юбилеями. На польских землях (естественно, наиболее широко и торжественно в Галиции) отмечались такие знаменательные для поляков даты, как 500-летие краковского Ягеллонского университета, 300-летие Люблинской унии, 500-летие Грюнвальдской битвы и 200-летие победы Я. Собеского под Веной, 100-летие Конституции 3 мая и восстания под руководством Т. Костюшко, 50-летие восстания 1863 – 1864 годов и др. В память выдающихся людей польской истории совершались торжественные молебны, проводились собрания. Так, широко был отпразднован столетний юбилей А. Мицкевича, отмечались юбилеи и здравствовавших деятелей культуры.

На протяжении периода разделов мастера польской культуры руководствовались в своем творчестве «императивом национального служения»³. Наиболее заметно «императив национального служения» проявился в польской литературе. В первой половине XIX в. он нашел яркое воплощение в творчестве трех великих «пророков»-романтиков — А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского. Культурно-историческая национальная традиция обусловила необычайную «живучесть» романтизма в польской литературе: во второй половине XIX в., в эпоху позитивизма, романтизм сосуществовал с критическим реализмом, а в начале XX в. возродился как неоромантизм. Соответственно в конце XIX в. на первый план в литературе выступило

Королевство Польское с варшавским центром позитивизма, начало же XX в. ознаменовалось мощным влиянием возникшей в Галиции «Молодой Польши» — течения, в русле которого творили многие писатели, художники, музыканты из всех частей Польши.

В литературе одной из ведущих неизменно оставалась историческая тема — тема великого прошлого Польши и национально-освободительной борьбы поляков; ее разрабатывали писатели разных направлений, творившие на разных польских землях и в эмиграции — Ю. И. Крашевский, З. Милковский, Г. Сенкевич, К. Тетмайер и др. Так же общей, не зависящей от границ была тема народных масс, волновавшая мастеров польской литературы: Б. Прус и Г. Сенкевич, С. Жеромский и В. Реймонт, Э. Ожешко и А. Немоевский, Л. Стафф и А. Ланге создали запоминающиеся образы помещиков, крестьян, представителей мелкой шляхты и различных городских слоев, описали их характерный быт, их жизнь и судьбы.

Те же проблемы становились объектом рассмотрения в польской драматургии, и прежде всего в творчестве Г. Запольской. Ее пьесы, также как и комедии А. Фредро и М. Балуцкого, широко шли в разных польских городах, и также по всей Польше распространялась слава о талантливых актерах, среди которых были такие выдающиеся мастера, как Х. Моджеевская. Театральные труппы и отдельные артисты выступали на гастролях перед публикой Галиции, Королевства Польского и Познанщины, а также за границей и в крупных центрах России, Германии, Австро-Венгрии. Не удивительно, что ощущалось влияние театрального искусства этих стран на польский театр, и особенно это было заметно в Варшаве, где большой известностью пользовался Московский Художественный театр. Тем не менее театральное искусство Польши, впитывая все лучшее из опыта европейской сцены, сохраняло свое национальное лицо и, в свою очередь, вносило самобытный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Это относилось и к польскому музыкальному театру. Такие певцы, как, например, М. Зембрих-Коханьская, имели широкую известность и с огромным успехом пели на оперных сценах не только Польши и государств, включавших польские территории, но и других европейских стран. В сфере музыки наиболее отчетливо выявилась неделимость искусства. Польские композиторы и музыканты-исполнители (Я. Карлович, И. Падеревский, Л. Годовский, К. Шимановский, Г. Фительберг и др.) концертировали в городах Польши, России, Австро-Венгрии, Германии и Европы, пропагандируя польскую музыку. В то же время во всех трех частях Польши создавались музыкальные уч-

реждения, школы, музыкальные общества, хоровые кружки и т. п. В музыке продолжались и развивались национальные традиции: широко использовался фольклор — польские, белорусские, украинские, литовские народные мелодии, напоминавшие о давнем многонациональном Польском государстве. Композиторы обращались к историческим и фольклорным сюжетам, музыкальными красками рисовали природу Польши, жизнь польской деревни, простых людей с их национальными особенностями и обычаями. Так, созданные С. Монюшко в операх «Галька» и «Страшный двор» образы крестьян и шляхтичей стали воплощением польских национальных типов.

Национальная тема звучала и в изобразительном искусстве, где сильно была представлена историческая живопись, выдающимся мастером которой являлся Я. Матейко. Разрабатывались сюжеты патриотического содержания, в частности, касавшиеся недавнего повстанческого прошлого (у А. Гроттгера, Ю. Коссака, Я. Мальчевского и др.). А. Герымский, Ю. Фалат, Я. Станиславский воспевали красоту родной природы. Быт Польши, национальные типы получили отражение в жанровой живописи А. Котсиса, Ю. Хелмоньского, Л. Вычулковского, Ф. Рушица, А. Герымского и других художников, создавших образы людей труда — польских крестьян и горожан.

Все эти темы проходили через творчество мастеров живописи вне зависимости от художественных направлений и школ, сложившихся в разных центрах Польши (преимущественно в Галиции) и за границей. Так, Г. Родаковский работал в Париже, Г. Семирадзский и В. Герсон в Петербурге, А. Гроттгер в Вене. Ю. Фалат, М. Герымский, Ю. Хелмоньский, Л. Вычулковский были связаны с мюнхенской школой живописи, также как и Я. Матейко, хотя последний и являлся воспитанником краковской школы. Эта школа сконцентрировала значительные силы польского изобразительного искусства, а Краков стал центром художественной жизни всей Польши: там находились Академия изящных искусств и Объединение польских художников «Штука» («Искусство»), издавался художественный журнал «Жице» («Жизнь»). В тот же период в Варшаве появилось другое художественное издание — журнал «Химеры». В специально выстроенном в 1898 г. выставочном здании «Захента» («Поощрение», «Стимул») устраивались выставки картин художников из Королевства Польского и других частей Польши. Все это способствовало широкой пропаганде национального искусства, приобщало к нему жителей всех польских земель.

Большую объединяющую роль играла также монументальная про-

паганда. Памятники сооружались как историческим деятелям (мону-
менты Ягелло, Ядвиги, Я. Собеского, Ю. Понятовского и др.), так и
деятелям национальной культуры (памятники А. Мицкевичу в Вар-
шаве, Кракове, Львове, Т. Костюшко в Кракове, М. Копернику в Вар-
шаве и др.). По политическим условиям возведение памятников на-
циональным героям Польши в Королевстве Польском и Познанщине
было затруднено, и большинство монументов появилось в Галиции.
Однако сбор средств на их сооружение проводился по всей Польше,
и оно становилось поистине всенародным делом, усиливало патрио-
тические чувства, сплачивало нацию.

Для национального сплочения немаловажное значение имел тот
факт, что к этому времени уже сложилась определенная, характерная
для представителя польской нации ментальность. Это нашло отраже-
ние в формировании стереотипа и автостереотипа поляка. В стерео-
типных представлениях других народов поляки из разных частей Польш-
и не различались между собой, воспринимались как одно целое, да
и сами они видели себя в едином собирательном образе, а создать
такой образ в огромной мере помогли литература и искусство ⁴.

Конец XIX — начало XX вв. было временем, когда в польском об-
ществе стало распространяться увлечение физической культурой и
спортом. Во всех частях Польши организовывались спортивные клу-
бы и общества, прежде всего футбольные. Так, в Кракове возникли
«Краковия» и «Висла», во Львове — «Чарни» и «Погонь», в Варшаве —
«Полония», в Познани — «Варта». Большое развитие получил туризм,
что способствовало усилению связей между отдельными польскими
территориями. Особое место занимал «татранский спорт» — восхо-
ждение на горные вершины Татр. Центром этого вида туризма было
Закопане, которое называли «летней столицей Польши». Туда съез-
жалась элита польского общества — писатели, художники, музыкан-
ты, артисты, ученые, политики из трех частей Польши. Там была клю-
чом творческая энергия, обсуждались актуальные вопросы общест-
венной жизни.

В этот период в Польше формировалась политическая культура но-
вой эпохи. Наличие в различных польских землях сходных элементов
этой культуры позволяет говорить о существовании определенного
единства не только общественной, но и политической жизни, о поли-
тической общности в условиях государственной разобщенности и во-
преки последней. Среди сходных элементов были элементы парла-
ментской культуры. Традиции парламентаризма, шедшие от сейма Ре-
чи Посполитой, на новом этапе нашли более широкое применение в

Галиции: там действовал Краевой сейм, где были представлены, хотя и в неравной пропорции, все сословия; наряду с этим депутаты от Галиции заседали в общеавстрийском рейхсрате в Вене, создав внутри него, согласно канонам парламентаризма, свою фракцию — Польское коло. Польское коло существовало и в прусском парламенте, а после 1871 г. в общегерманском рейхстаге. В Королевстве Польском линия развития парламентаризма оказалась прерванной после восстания 1830 – 1831 годов и последовавших за ним репрессий со стороны царизма. К тому же в самодержавной России не было института общеимперской выборной представительной власти, и вплоть до революции 1905 – 1907 годов опыт проведения избирательных кампаний и представительской деятельности поляки могли получить, лишь участвуя в выборах и работе дворянских и земских собраний⁵. Когда после революции в России появилась Государственная Дума, польские депутаты от Королевства Польского и западных губерний России также образовали внутри нее Польское коло.

Таким образом, процесс развития парламентаризма в трех частях Польши проходил хотя и не синхронно, но достаточно однотипно. И в российском, и в германском, и в австрийском парламентах сформированные по единому принципу Польские кола вступали в сотрудничество с другими парламентскими фракциями по общегосударственным вопросам, при этом всегда имея в виду в качестве первоочередных национальные интересы поляков. Этими общенациональными интересами определялся и факт постоянных связей между польскими фракциями разных парламентов и тесного их взаимодействия. В частности, оно ярко проявилось в сотрудничестве польских политиков, в том числе парламентариев, из Королевства Польского и Галиции во время неославистской акции 1907 – 1911 годов.⁶

В плане усиления политической общности польских земель большую роль сыграл происходивший в конце XIX — начале XX вв. процесс укрепления связей трудящихся в трех частях Польши. Развивавшиеся в каждой из них массовые движения были сходны по характеру и по формам. Речь идет прежде всего о таких формах протеста, как стачки (в том числе политические) и бойкот. Мощное стачечное движение охватило в это время все польские земли, а в Королевстве Польском и Познанщине широкие круги населения участвовали в школьном бойкоте. Повсеместным явлением в Польше стало празднование Первого мая, начало чему положила Галиция; оно отмечалось проведением шествий и демонстраций, митингов, маевки и т. п. Общественно-политическое развитие неразрывно связывалось с идеологиче-

ским. Во всех трех частях Польши и в эмиграции формулировались либеральные и консервативные концепции, разрабатывались платформы лоялизма, распространялись радикальные и социалистические, в том числе марксистские, идеи, провозглашались революционные лозунги. В соответствии с этим создавались политические партии, выдвигавшие свои программы, в частности, и в области культуры.

Общность проходивших на польских землях процессов подчеркивал тот факт, что повсюду имело место переплетение социальной и национальной борьбы с борьбой за демократию — права и свободы граждан. При этом отмечалась такая особенность: с одной стороны, проявлялась связь трех частей Польши — события в одной из них немедленно вызывали отклик в остальных, а с другой, сказывалась зависимость от происходящего в том или ином государстве, куда входили польские территории. Яркий пример этого дала российская революция 1905 — 1907 годов, важной составной частью которой явились революционные события в Королевстве Польском. Характерно, что на них откликнулись как жители других польских земель, так и мастера культуры независимо от того, в какой части Польши они жили. Реакцией на революцию 1905 — 1907 годов можно в той или иной мере считать ряд произведений С. Жеромского, Б. Пруса, Г. Сенкевича, А. Струга, З. Налковской, В. Реймонта, Л. Стаффа, А. Ланге, Г. Даниловского, В. Оркана, А. Немоевского, С. Пшибышевского и многих других писателей. Революционные события нашли отражение и в творчестве польских художников — С. Ленца, С. Масловского, А. Каменьского и др.

Другим примером может служить активное участие Галиции в оказавшем империю Габсбургов движении за всеобщее избирательное право. Характерно, что толчок к активизации галицийских масс, мобилизации их на борьбу дала именно революция в России и Королевстве Польском. Галицийские поляки оказывали поддержку революционерам из Королевства и России; в Кракове действовал Союз помощи политзаключенным в России, в Галиции базировались все российские политические партии, концентрировалась революционная эмиграция — деятели РСДРП, СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-фракции. «Фраки» вообще развивали в Галиции гораздо более активную деятельность, чем на своей «законной» территории — в Королевстве Польском. Они тесно сотрудничали с галицийскими социал-демократами (ППСД Галиции и Силезии), нередко были случаи одновременного членства в ППСД и ППС-фракции. Накануне первой мировой войны обе партии развернули на территории Галиции военную под-

готовку к вооруженному выступлению против России. Они поддерживали также контакт с ИПС польских земель, находившихся под властью Германии. В то же время постоянно контактировали между собой консерваторы из трех частей Польши, связи по всей стране устанавливала эндеция (Национально-демократическая партия).

Столь тесная связь и общность политической борьбы способствовала как самому развитию политической культуры в Польше, так и выравниванию уровней этого развития в отдельных ее частях, сглаживанию существовавших в этом плане различий между ними. В результате закладывался фундамент будущей общей политической жизни польского народа.

Такой вывод представляется справедливым по отношению не только к культуре политической, но и в целом по отношению к польской культуре. Процесс ее развития на данном этапе, то есть в конце XIX — начале XX вв., имел важные последствия: он привел к созданию основ для культуры следующего периода — периода независимого Польского государства, объединившего разрозненные польские земли.

¹ О роли культуры в сохранении польской нации в период разделов см.: *Falkowicz S. M. Rola tradycji i kultury w przetrwaniu narodu pozbawionego państwa // Sens polskiej historii. Warszawa, 1990. S. 129 – 134.*

² О национальном самосознании польского народа подробнее см. написанный Т. Ф. Федосовой раздел IV коллективной монографии «Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII в. — 60-е годы XIX в.». М., 1984. С. 106 – 117.

³ О претворении «императива национального служения» в польской литературе и искусстве подробнее см.: Там же. С. 141 – 171. Разделы VII и VIII коллективной монографии написаны соответственно Б. Ф. Стахеевым и Л. И. Тананаевой.

⁴ Подробнее о национальных стереотипах см.: *Dzieje Najnowsze. Warszawa, 1955. № 2.*

⁵ Поскольку земская реформа не была распространена на Королевство Польское, участвовать в работе земства могли, естественно, только поляки, жившие в российских, прежде всего западных, губерниях. О значении традиций польского парламентаризма см.: *Falkowicz S. M. Op. cit. S. 125.*

⁶ См. *Фалькович С. М. Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. // Славянские съезды XIX – XX вв. М., 1994. С. 113 – 127. Она же. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907 – 1912). М., 1975. С. 129 – 139.*

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРНЕЙ В ИСКУССТВЕ ГАЛИЦИИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ.

В конце XIX в. Краков становится центром духовного и культурного притяжения разделенной между тремя империями Польши. Раньше — в начале и середине века — на этот статус претендовала Варшава, но поражение восстаний 1831 и 1863 гг., последовавшая за этим эмиграция — добровольная или вынужденная — лучших интеллектуальных и творческих сил, тиски царской цензуры препятствовали свободному развитию культуры.

Претензия Кракова (а в конце века это был небольшой, даже по меркам того времени, провинциальный город, в 1870 г. он насчитывал чуть больше 50 тысяч жителей) вполне подкреплялись объективным положением дел. Из трех частей разделенной Польши в конце XIX столетия только в Галиции существовали определенные свободы. В 1867 г. Галиция, относившаяся к самым бедным окраинам Австро-Венгерской монархии, добилась автономии с собственным сеймом, заседающим в столице — Львове, и органами самоуправления в городах, где все административные должности в основном занимали поляки. Только в Галиции действовали польские высшие учебные заведения, существовала сеть начальных и средних школ, где преподавание велось на родном языке. Станислав Пшибышевский напишет в своих воспоминаниях, как, приехав в Краков в 1898 г., он, выходец из прусской части Польши, был поражен, что везде — на улицах, в домах, в учреждениях — была слышна польская речь. Отправляя письма в Краков из Берлина, где он провел почти 10 лет, он всегда надписывал конверты по-немецки, поскольку был убежден, что из-за написанного по-польски адреса письмо не дойдет или где-нибудь затеряется.

Амбиции Кракова подкреплялись и его славной историей, когда-то город был столицей сильного и могущественного польского государства, о чем напоминал его символ — замок польских королей Вавель, который в сознании народа продолжал оставаться средоточием польского духа.

В городе действовал Ягеллонский университет, один из старейших в Центральной Европе, сюда стекались лучшие преподавательские кадры — интеллектуальная элита со всех польских земель. Сюда отправляли молодежь, чтобы получить «польское» образование. Имен-

но в Кракове была образована Академия наук, функционировавшая как общепольское научное формирование, координировавшее исследования на всех землях разделенной страны. В 1893 г. открылся Национальный музей. Под руководством Яна Матейки работала Школа изящных искусств.

Как сообщают мемуаристы, Краков жил чинной и неторопливой жизнью, и лишь с началом лета наступало заметное оживление. Появлялись новые люди — «из-за границы» — жители в основном российской, но также и прусской частей Польши, которые останавливались в городе по дороге на летний отдых в Закопане или продолжали свой путь еще дальше — на Запад. «Они плавились в атмосфере австрийско-польской свободы ..., совершали паломничество в Вавель или на Скалку (место захоронения известных польских поэтов, писателей, художников и национальных героев), с благоговением стояли перед картинами Матейки в Национальном музее в Сукенницах ..., а вечером шли в театр на „Костюшко под Рацлавицами“, пьесу, которая летом — в сезон огурцов — благодаря гостям не сходила с афиши»¹.

В 80 – 90-е годы XIX в. в Польше идет бурное, торопливое установление связи с художественными достижениями Европы и новейшими течениями в эстетической и философской мысли. Впрочем, «дверь в Европу» для польской культуры всегда оставалась открытой, но в XIX в. искусство в разделенной Польше приняло на себя весьма специфические функции — оно выступало в качестве главной интегрирующей силы, потребовавшей от художников безоговорочной ангажированности и полного подчинения национально-патриотическим идеалам, что не могло не привести к определенной национальной замкнутости. Поколение художников рубежа веков, вошедшее в историю польской культуры под именем «Молодая Польша», стремясь освободиться от навязываемых искусству социальных функций, впустило других гостей — Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, парнасцев и французских символистов. Все новые европейские художественные веяния в Польше сразу же находили своих сторонников и неутомимых пропагандистов, а также немало придирчивых критиков. Для этого не нужно было прокладывать специальные пути, Европа пришла сама — выплеснулась на страницы газет и журналов, захватила театральные подмостки.

Художественная жизнь в провинциальном Кракове заметно оживилась. Этому способствовало и открытие нового здания театра (1893), в строительстве которого принимал участие весь город, и реорганизация Школы изящных искусств (1895), куда пришли молодые худож-

ники, взорвавшие рутину господствовавшей там исторической школы живописи, и создание общества художников «Штука» («Искусство», 1897), вокруг которого объединились живописцы, тяготевшие к новым формам и новым идеям. Каждая выставка этого общества становилась событием в городе, захватывая в свою орбиту даже тех, кто был весьма далек от искусства. В том же году начал выходить литературный и художественный журнал «Жиче», ставший главной трибуной художников и литераторов, для которых (что было типично для конца века) творчество, полная отдачность искусству стали подлинной жизнью и ее смыслом.

«Среди молодежи, — пишет один из мемуаристов, — происходило что-то похожее на бунт, будто появилось какое-то желание дышать глубже. Молодые люди хотят уехать, увидеть, как живут на Западе, в крупных городах Европы, учат иностранные языки, чтобы облегчить и приблизить узнавание мира. С Запада приходили к нам новые течения, которые начали осознаваться как „новое искусство“ ... Под лозунгом этого „нового искусства“ объединяется множество направлений, среди прочего их объединял и взаимный интерес. Действительно, тогда никто ясно не осознавал, чего хочет и к чему стремится. Что-то рождалось само по себе и во всей Польше. В Кракове, где свобода мыслить и высказываться была большей, это движение приобретало общенациональный характер»².

Иными словами, на рубеже веков произошла настоящая культурная революция, когда были разомкнуты искусственные границы, преодолен замкнутость и провинциализм и подготовлен новый расцвет польского искусства, связанный в первую очередь с художественной средой Кракова.

На фоне остро переживаемого чувства сопричастности европейским культурным и духовным процессам, веры в универсальность искусства и культа творчества в польской художественной мысли и публицистике на рубеже веков вновь оживают споры, идущие из глубин романтической традиции, о польском пути, об особенностях польского национального сознания и, само собой, о национальном облике искусства и культуры. Вновь в художественный оборот входят многие национальные и исторические мифы.

Любопытно, что именно в Галиции во второй половине XIX в. ведутся упорные поиски национального стиля. И в качестве такового, истинно польского, не замутненного чуждыми влияниями, предлагается как раз галицийская традиция. Известно, с каким темпераментом польский художник и теоретик искусства Станислав Виткевич про-

пагандировал закопянский стиль в архитектуре как подлинно национальный. Гуральская крестьянская изба воспринималась им как сокровищница национальной культуры.

Под пером публицистов вновь ожили идеи о двойственности польской культуры: официальной — космополитичной и крестьянской, народной, сохраняющей традиции национальной духовности, которая воспринималась как истинно польская. Первородность крестьянской культуры служила доказательством ее превосходства над культурой интеллигентской, космополитичной, наносной.

В 80-е годы прошлого века эти идеи распространяла группа влиятельного варшавского журнала «Глосс», но именно в Галиции они нашли на рубеже веков своих верных последователей.

Если для А. Мицкевича или Ю. Словацкого история собственного народа была связана с историей Европы, а собственный опыт воспринимался как часть универсального процесса, о чем свидетельствует и знаменитая формула «Польша — Христос народов», то галицийские романтики, группирующиеся вокруг очень быстро запрещенного австрийской цензурой альманаха «Зевония» (1834 – 1839), не признавали никаких универсальных тенденций. Они добровольно сужали горизонты «польскости», фоном которой признавалась только славянская общность. Поэтизация старопольского уклада жизни, дохристианского и дофеодального, привела к тому, что, взглядываясь в будущее, они смотрели, скорее, в собственное мифологизированное прошлое. Банкротство программы «Зевонии» не привело к упадку песнотворения ее сторонниками мифов — мифа о пракультуре и мифа о народе, который признавался единственным носителем национальных черт. Не случайно этот миф оказался на редкость живучим в творчестве галицийских поэтов и живописцев — Станислава Выспяньского, Владимежа Тетмайера, Люциана Рыделя, активно заявил о себе в произведениях о Татрах Казимежа Тетмайера.

Удивительный и непознанный мир самых высоких польских гор Татр открыл один из основоположников «Зевонии» Северин Гоциньский. Этот мир не был тронут цивилизацией, сохранял свою первоначальную чистоту, и люди, населяющие его, также обладали изначальной чистотой и цельностью, воспринимались как хранители прастарой культуры польских корней. Гоциньский положил начало такому мифологизированному восприятию Татр, а в творчестве художников рубежа веков Татры приобретают сакральные черты и существуют уже в образе польских Гималаев. Любопытно, что и другой выдающийся польский романтик Циприан Норвид, чье творчество заново

было открыто художниками «Молодой Польши», выделял Татры как место, выполняющее особую посредническую функцию между божественным и земным³.

Суровой и загадочной красоте гор и сильным, мужественным людям, живущим в предгорьях, посвящена значительная часть творчества Казимежа Тетмайера. В отличие от его лирики, особенно ранней, где преобладают мотивы одиночества, тоски, усталости души, тема Татр окрашена в совершенно иные эмоциональные тона. Человек и природа выступают здесь как единый и целостный организм, излучающий жизнеутверждающую энергию. Крестьяне в его романе «Легенда Татр» предстают как олицетворение мощных витальных сил, не распыленных цивилизацией.

Не только Татры, но и самая обычная польская деревня в творчестве художников рубежа веков приобретала черты заповедника, где сохранилась изначальная культура, не подверженная чуждым влияниям. В драме Станислава Выспяньского «Проклятье», в основе сюжета которой лежат реальные события в современной деревне (автор указывает точное место действия — в Грембошове под Тарновом), царит атмосфера прадавних, языческих форм крестьянского бытия. Как и у Тетмайера, герои Выспяньского грубы, бескомпромиссны, сильны, а потому вызывают искреннее восхищение автора. Они повинуются законам природы, высшим, нежели законы цивилизации, навязанные религией. Фабула пьесы проста: пытаясь искупить грех запретной связи с ксендзом, молодая женщина бросает своих маленьких детей в костер, чтобы этим жертвоприношением избавить деревню от продолжительной засухи, опустошающей поля крестьян. Выспяньский рисует деревню как мир, замкнутый в себе, мир, в котором с веками выработались собственные верования, привычки, законы, где все наделено каким-нибудь значением. Мораль этого мира имеет мало общего с канонами христианской веры. Человек в нем — часть природы и должен жить по ее законам и исполнять ее требования. Жизнь обитателей Грембошова — не анахронизм для Выспяньского, они сохранили ту первородность и естественность бытия, утраченную покорившейся цивилизации городской культурой, и поэтому только они, подобно античным героям, в состоянии переживать подлинную трагедию.

Интерес к прадавним формам польского бытия сказался и в иных произведениях Выспяньского. В «Легенде», основанной на старинном польском предании о Краке и Ванде, он инсценировал многие народные обряды, корнями уходящие в языческие времена: свадеб-

ный, похоронный, утопления соломенной куклы Маржаны, игры с деревянным конем лайкоником (народные гуляния в Кракове на праздник Тела Господнего). Весь 2-ой акт пьесы зрелищно связан с традицией языческого праздника в ночь Ивана Купалы. Выспяньский вводит в пьесу народные песни, заговоры, в ней действуют языческие боги — Даждьбог и богиня Жива, многочисленные персонажи из народных легенд и поверий — русалки, лешие, водяные. В его «Скалке» оживают другие славянские божества ветра — Весть, Свист и Повист.

Яркость и красочность славянских легенд и поверий в творчестве Выспяньского весьма далеки от чистой декоративности, поскольку всегда выступают фоном глубокой философско-исторической проблематики, часто окрашенной подлинным трагизмом.

Убеждение в том, что крестьянин был хранителем культуры польских корней, стало питательной почвой для возрождения многих исторических мифов, в частности, мифа о Пясте — землепашце, который стал родоначальником первой польской королевской династии. На протяжении всего XIX столетия эта легендарная фигура привлекала к себе внимание художников и писателей. Идеологами романтизма миф о Пясте интерпретировался как образ будущей возрожденной Польши. На рубеже веков к этому добавилась вера в весьма своеобразную интеллигентско-крестьянскую солидарность, в которой виделся залог обновления и возрождения страны. В среде городской интеллигенции стало чуть ли не модой брать в жены дочерей зажиточных крестьян из подкраковских деревень. Так, в истории польской культуры навсегда останется женитьба известного своими хлопоманскими симпатиями поэта Люциана Рыделя на Ядвиге Миколайчик — событие, которое воспроизвел Выспяньский в «Свадьбе». Рыдель женился на младшей сестре, а на старшей — Ганне — был женат известный художник и поэт (а потом и политический деятель) Влodeк Тетмайер, осевший в деревне. Его интеллигентско-крестьянский дом в Брoновцах всегда притягивал краковскую богему. Выспяньский (кстати, сам женатый на женщине из крестьянского рода, но, в отличие от многих современников, никогда не превращавший собственную жизнь в предмет художественного высказывания) не скрывал иронии по этому поводу, в «Свадьбе» в уста Хозяина, прототипом которого был Вл. Тетмайер, он вкладывает следующую тираду о крестьянине:

Потому что в самом деле

что-то есть от Пяста в нем.
С ним одно мы поле делим,
десять лет я с ним знаком.
Пашет, сеет, кроет хату
Он с достоинством таким,
что невольно скажешь: свято
все, что он трудом своим
создает по доброй воле;
чист душою неизменно,
он с достоинством в костеле
молится проникновенно.
Очень много в нем от Пяста,
сила наш мужик и баста!

(«Свадьба», Акт I, сцена 24) ⁴

Впрочем, сам Выспяньский, одержимо боровшийся с мифологическим грузом прошлого, тоже не прошел мимо легенды о короле-землепашце. Ее своеобразным преломлением стал образ польского короля Болеслава Смелого в одноименной драме, составляющей вместе со «Скалкой» драматическую дилогию. Не случайно его король и одет в сукману, как крестьянин, и говорит, как крестьянин, но, в отличие от идиллических трактовок персонажей ставшего уже полулегендарным прошлого (кстати, в польской историографии XIX в. бытовало убеждение, что Болеслав Смелый был последним польским королем, при котором крестьяне были свободны, и закрепощены только после его падения), в нем заключена та трагическая конфликтная сила, которая, по глубокому убеждению поэта, единственная способна рождать историю.

Итак, поиски национальных корней обращали взоры ищущих к деревне. Но образ польской деревни в произведениях краковских художников рубежа веков порой имел мало общего с реальностью. Деревня, увиденная, как правило, глазами городского жителя (пожалуй, только Я. Каспрович и В. Оркан, выходцы из крестьянских семей, знали деревню «изнутри») представляла в своем праздничном облике — ярком, красочном, «сказочно ослепительном» — так называлась новелла Севера (псевдоним И. Мачеевского), где речь как раз шла о моде на интеллигентско-крестьянскую идиллию.

Городской интеллигенции, увлеченной идеями классового солидаризма, деревня представлялась чем-то экзотическим. И это вполне объяснимо. Все, кто вспоминает о Кракове тех времен, отмечают, как

город буквально расцветал, когда наступала пора праздников и свадеб. На площади Мариацкого костела останавливался караван из повозок, съезжавшихся из близлежащих деревень. Все выходили поглазеть на разноцветные праздничные костюмы крестьян, шляпы с павлиньими перьями, белые сукманы, на яркие юбки крестьянок и горящие на белых блузах красные коралловые бусы. Горожанам казалось, что оживают давние, почти сказочные времена и сами они участвуют в ритуальном действе — веселом, шумном, наполняющем радостью жизни. Эти впечатления естественным образом переплавлялись в творчестве, рождая (например, у того же Рыделя в «Заколдованном круге» или в бытописательских драмах М. Балуцкого) умиленный взгляд на крестьянскую жизнь, поэтизировавший простоту и чистоту народных нравов.

¹ *Turski M. Czasy gimnazjalne // Kopiec wspomnień. Kraków, 1959. S. 68.*

² *Krzyżanowski M. Wspomnienia księgarza // Op. cit. S. 102.*

³ *Norwid C. Pisma wszystkie / Pod red. Gomulickiego. T. 1 – 11. Warszawa, 1971 – 1976. T. 6. S. 584.*

⁴ Перевод М. Кудинова — В кн.: *Высянский С. Драмы. М., 1963.*

КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУМЫН В ПРЕДЕЛАХ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РУМЫНИИ

Начальный этап разработки данной темы относится к 1991 г., когда автор — по приглашению Австрийской Академии наук — провел в Вене месяц с целью разработать статью о роли австрийской столицы в творческом становлении великого румынского поэта Михаила Эминеску. Богатые материалы, обнаруженные в библиотеках и других культурных центрах Вены, с особой наглядностью раскрыли значимость для судьбы Эминеску культурных объединений, с которыми он был связан, и прежде всего студенческого общества «Ромыния жунз» («Молодая Румыния»). Однако вопрос о роли подобных объединений для румынской культуры в целом оставался где-то на периферии темы исследования. Между тем, огромный фактический материал, отражающий многообразную деятельность культурных объединений румын на территории Австро-Венгерской монархии, недостаточно использован и обобщен, хотя без него любое суждение о судьбах румынской культуры в период с 1867 по 1918 г. будет неполным.

Осветить — пусть далеко не в полной мере — некоторые стороны этой проблематики — задача данной работы.

Как известно, решение о создании дуалистического Австро-Венгерского государства санкционировало вхождение Трансильвании в состав королевства Венгрия. Тем самым был аннулирован принятый на Государственном собрании Трансильвании (где были представлены от румын 46 депутатов, от венгров — 42, от саксов — 36) закон «о равных правах румынской нации», об объявлении румынского языка официальным в администрации и юстиции наряду с венгерским и немецким. А в 1868 г. в Пеште был принят закон Ф. Деака-Й. Этвеша, провозглашавший всех жителей королевства членами «неделимой венгерской нации». Одновременно признавалось существование нескольких национальностей, среди них и румынской, наделенных правом создавать свои литературные, культурные и экономические общества, но никак не политические партии по национальному критерию¹.

Предложенная группой депутатов пештского Государственного собрания резолюция, предусматривавшая гарантии национального рав-

ноправия «исторических государственных народностей Венгрии», была отклонена. И все же принятый закон Деака–Этвеша — либерально-буржуазный в своей основе — допускал использование в местной администрации языков национальностей. Однако практика показала, что это положение соблюдалось крайне неохотно (к 1918 г. из 5502 уездных чиновников только 170 были румынами) ².

В ответ Конференция полномочных представителей румын в Трансильвании принимает письменный протест (Блаж, май 1968) против включения Трансильвании в состав Венгрии, а возникшая в 1871 г. Национальная партия трансильванских румын особенно подчеркивает в своей программе — помимо восстановления автономии Трансильвании — пункт об обязательном использовании румынского языка в администрации всех областей, где преобладало румынское население. Но какого румынского языка? Автор одного из «Отчетов» 1877 г. писал: «Представим себе встречу молодых людей, приехавших из Трансильвании, Буковины, Кришаны, Тимишана, Валахии и Молдовы. По знаниям своим они особенно не различаются — но по речи! И какой же толк в знаниях, когда понять друг друга нет возможности...» ³

Вот почему с особой остротой ощущается в это время необходимость создания культурных объединений, ассоциаций, обществ, которые бы содействовали устранению языковых различий, развитию культуры, литературы на языке, соответствующем требованиям эпохи. И они возникают во всех более или менее важных центрах земель, населенных румынами — в лицах и гимназиях, педучилищах, богословских высших учебных заведениях, даже в венгерских школах, где имелись румынские группы. Затем появляются и женские, даже воинские объединения. Постепенно многие из них становятся подлинными очагами румынской культуры, национального возрождения, активного сопротивления политике денационализации. Множится при них число библиотек и читален, хоровых объединений, курсов ликбеза, повышения грамотности, театральных коллективов, кооперативных объединений, народных банков и т. д. Устраиваются литературные вечера, на которых звучат румынские стихи, доклады по самым различным вопросам родной культуры, образования — под знаком популярных лозунгов: «объединимся в мыслях, объединимся в чувствах» и «за духовное воздействие культуры языка на развитие нации». Одновременно налаживается постоянный обмен опытом между культурными учреждениями Объединенных княжеств («Старой Румынии») и этими объединениями, что привело к выходу в свет совместных аль-

манахов, включавших произведения писателей всех румынских территорий.

Размах движения впечатляющ. Нельзя не отметить, что он стал возможным лишь в специфических условиях, отличавших духовный климат Австро-Венгерской монархии тех лет. К началу XX в. на румынских территориях в пределах империи активно действовали более 80 культурных объединений, причем три из них — в Араде (Банат), Сибиу (Трансильвания), Сигетул Мармацией (Марамуреш) — можно было по уровню сравнить с такими знаменитыми обществами, как имени Петру Майора в Будапеште или «Молодая Румыния» в Вене. Одновременно множится число подобных же ассоциаций на территории «Старой Румынии», целью которых было активно сотрудничать с зарубежными объединениями. Назовем общество «Трансильвания», а также руководимые историком Н. Йоргой «Народный университет» в Вэлений-де-Мунте и «Культурную лигу», чьи филиалы находились в более чем 70 городах страны. Связи между этими объединениями по обеим сторонам Карпат становятся год от года плодотворнее. Центры складирования книг, пункты подписки на румынские издания, выходившие в «Старой Румынии», дополняют картину. Наперекор запретиельным постановлениям властей, утверждавших, что «песня — наиболее действенное средство националистической агитации» и еще что «90 % румын не понимают грамоте», число хоровых коллективов, читален неуклонно росло ⁴.

Затем возникают и более широкие объединения, охватывающие регионы Марамуреша, с центром в Сигете, Баната, с центром в Араде, и Трансильвании, с центром в Сибиу. Немало сделано ими в деле централизации усилий мелких ассоциаций, более целенаправленного развертывания их работы во имя достижения общей цели, ибо, как подчеркивалось в одном из документов той поры, «именно культура народа, будучи стезей, по которой он продвигается в социальной и политической области, может привести к тому, что румын получит равные права с другими нациями» ⁵. Постепенно, однако, трансильванская «Астра» распространяет свое влияние на все населенные румынами территории в пределах Австро-Венгрии и становится главным центром притяжения всего культурного и национального движения на этих территориях. Если в 1862 г. оно насчитывало 745 членов, то в 1914 г. их было 10300. К тому времени в названных регионах активно действовали 87 «департаментов» «Астры», представлявших все три секции общества — филологическую, историческую и естественных наук.

Претворяя в жизнь лозунг «строить национальную культуру объединенными усилиями», «Астра» добилась немалых успехов — среди них переход на латинский алфавит, разработка единой орфографии, участие многих представителей трансильванской науки в создании в 1866 г. «Бухарестского Академического литературного общества», то есть Румынской Академии. Все более утверждается мысль, что именно язык — важнейшее средство культурного объединения румын — и не только на территориях, подвластных империи, но и по обе стороны Карпат. Тем большую значимость обретала эта истина, чем больше активистов движения приходило к выводу, что такое культурное объединение есть предпосылка будущего политического объединения.

Во имя подобных целей создавал Тимотей Чипарю свою «Граматику румынского языка» (1869) и «Синтаксис» (1877). Трансильванец А. Т. Лауриан в соавторстве с жителем «Старой Румынии» И. Массимом разрабатывают на латинизаторских основах знаменитый «Словарь румынского языка» (1871 – 1877) в двух томах. Так как латинизаторские увлечения авторов подверглись резкой критике в Румынии, Академия поручает в 1906 г. известному лингвисту С. Пушкарю приступить к разработке нового большого словаря. В этой работе ученые «Старой Румынии» и Трансильвании (члены филологической секции «Астры») работали бок о бок.

Историческая секция «Астры» — в ответ на правительственные эдикты 80-х — 90-х годов, предусматривавшие переименование многих населенных пунктов на территориях, населенных румынами, — начинает обширную работу по исследованию румынской топонимической лексики. Так закладываются основы создания «Топонимическо-географического словаря», а также «Истории румын, проживающих в Венгрии и Трансильвании с древних времен». Основана серия «Историческая библиотека», издаются альбомы румынской национальной одежды, карманный румынский словарь. Открыт Историко-этнографический музей. нельзя при этом не упомянуть и монографий, посвященных творчеству значительных писателей по обе стороны границы, учебников по стилистике, истории румынской литературы, справочника «Как мы говорим и как должны говорить» и других изданий, свидетельствовавших о необычайных масштабах деятельности «Астры» в области исследования румынского языка и литературы, поиска правил и норм их практического применения во имя духовного единения румын.

Особенно следует упомянуть издание в Сибиу трех объемистых томов «Румынской энциклопедии» (1898 – 1904). 40 тысяч статей эн-

циклопедии были написаны 172 авторами, представлявшими все румыноязычные территории по обеим сторонам Карпат. Если учесть, что в Румынии это была первая энциклопедия, то нетрудно представить, каков был удельный вес подобного издания в развитии всей румынской культуры.

Значительным был вклад газет и журналов, издававшихся на румынском языке, несмотря на всяческие препятствия, чинимые властями («Телеграфул ромын», «Фамилия», «Трибуна», «Лучафэрул», «Трансильвания» и др.). Особенно показателен в этом отношении пример журнала «Трансильвания», органа общества «Астра», выходивший с 1868 г. и до 1913 г. На его страницах публикуются исторические документы из архивов Ватикана, Трансильвании и «Старой Румынии», причем рядом с полемическими выступлениями против искажений, допущенных некоторыми венгерскими историками, используются объективные свидетельства других венгерских специалистов, например, выдержки из «Дипломатариума» Йожефа Кемени, трудов Имре Мико и др. Главный редактор Г. Бариццо призывал: «Слейте в единое целое историю румын, венгров, секлеров и саксов, упорядочите их согласно законам историографии — и вы получите историю нашей общей родины — Трансильвании»⁶. Богатый материал содержат статьи, посвященные фольклору, народному искусству Баната, Трансильвании, а также самой Румынии. Много внимания уделялось на страницах журнала трудам известных лингвистов «Старой Румынии» и закарпатских земель, прежде всего Б. П. Хашдеу.

И все же на первых порах язык публикации был искажен латинизированной орфографией, тяжеловесными оборотами, что вызвало решительную отповедь со стороны руководителя литературного общества «Жуния» («Молодежь») в Яссах. Именитый критик предостерегал: «Национальное дело невозможно защищать на искаженном языке»⁷. Вот пример активного взаимодействия культур — совет Майореску не остался без последствий: вскоре трансильванские издания перешли на орфографию, утвержденную Румынской Академией в 1881 г. Язык публикаций стал более близким языку изданий в «Старой Румынии». Немало содействовало этому сближению то, что на страницах «Трансильвании» и других газет и журналов участились публикации произведений художников слова, представлявших «Старую Румынию» и румынские территории на той стороне Карпат. Рядом, творчески взаимодействуя, оказывались стихотворения М. Эминеску и О. Гоги, В. Александри и Г. Кошбука, проза К. Негруци и И. Славича, М. Садовяну и Л. Ребряну. Нетрудно догадаться, что по-

добные «сопоставления» оказывали благотворное воздействие на процессы унификации не только литературного языка. Один пример: в 1913 г. весь преподавательский корпус Трансильвании объединяется в рамках народно-образовательной секции «Астры», конкретные задачи которой заключались в униформизации учебных пособий, образовании фонда издания учебников — в первую очередь румынского языка, истории родной литературы и соответствующих антологий.

Заметный вклад в решение этих задач, а также в сближение прогрессивных сил румынской и венгерской культуры внес журнал «Фамилия» («Семья»), издававшийся Иосифом Вулканом сперва в Пеште (1865 – 1880), а затем в Ораде (1880 – 1906). Публикуя произведения многих писателей «Старой Румынии», в том числе Д. Болинтиняну, В. Александри, Б. П. Хашдеу, Э. Рэдулеску, «Фамилия» в равной степени поддерживала начинающих поэтов румынских территорий по обеим сторонам Карпат. Здесь появились первые стихотворные опыты и М. Эминеску и трансильванца Г. Кошбука. В плане развития литературного языка журнал неутомимо ратовал за обращение к богатствам народной речи и всяческое сдерживание латинизаторских тенденций. Плодотворными оказались выступления журнала в пользу создания румынского национального театра, но в то же время на страницах «Фамилии» можно было прочесть немало переводов стихотворений лучших венгерских поэтов и статей наиболее видных представителей венгерской культуры.

Под непосредственным влиянием общества «Жунимя» и ее ментора Т. Майореску находилась газета «Трибуна», выходившая в Сибиу (1884 – 1903). Основателем и многолетним сотрудником газеты был известный прозаик И. Славич. В выступлениях авторов «Трибуны» особый упор делался на необходимости создания литературы, основанной на национальных реальностях, использования языка, понятного широким массам читателей, и орфографии, разработанной Румынской Академией в 1880 – 1891 годах. Особенно значительна роль «Трибуны» в публикации стихотворений Г. Кошбука, ставшего в эти годы одним из самых значительных румынских поэтов. Славилась газета и хорошими переводами произведений мировой литературы (М. Твен, А. Додэ, Н. В. Гоголь, Ж.-Б. Мольер и др.), которые, благодаря этому, становились достоянием и читателей «Старой Румынии».

Во многих перечисленных выше начинаниях нетрудно обнаружить благотворное воздействие культурной атмосферы, характерной для Австро-Венгерской монархии того времени. Особенно наглядно сказалось это воздействие в деятельности культурных объединений ру-

мын за пределами территорий, населенных румынами. Как известно, до 80-х годов XIX столетия в Трансильвании не было высших школ. Исключение составляли лишь высшие богословские школы — что и привело к тому, что священники стали активными проводниками идей национального возрождения. Для получения же светского высшего образования молодежь устремлялась в университеты Германии, Италии, Франции, однако большинство оседало в столицах Австрии и Венгрии. Посещая учебные заведения, неуклонно обогащаясь духовно, студенты стремились вместе с тем создать свои культурные общества, подлинные университеты румынской культуры, где особым пие-тетом пользовались румынский язык, литература, история родины. В Пеште с 1862 г. действовало Общество имени Петру Майора — вид-ного представителя просветительского движения «Трансильванской школы» (вторая половина XVIII в.). В Вене, начиная с 1871 г., актив-но действует общество студентов «Молодая Румыния», наладившее тесные связи с пештскими студентами, а также с «Астрой», нацио-нальными ассоциациями в Араде, Граце, Берлине и других городах Европы.

Образованная в результате слияния двух более скромных студен-ческих ассоциаций, представлявших как «активистов» (сторонников действенного участия румын в общественно-политической жизни Ав-стро-Венгрии), так и «пассивистов» (отказывавшихся участвовать в этой жизни), «Молодая Румыния» начала свою деятельность с уча-стия в проведении празднования 400-летия Путненского монастыря в Буковине, где покоился прах знаменитого молдавского князя Штефа-на Великого. Титанические усилия приложили И. Славич (председа-тель нового общества) и М. Эминеску (библиотекарь «Молодой Ру-мынии»), чтобы празднование состоялось в августе 1871 г. в присут-ствии более чем 3000 участников, приехавших из всех земель, насе-ленных румынами, а также из университетов Парижа, Берлина, Лейп-цига, Льежа и др. Будущий крупный румынский историк А. Ксенопол выступил с докладом, пронизанным, по его словам, «верой в общее будущее румынских земель».

По окончании празднества тут же в Путне состоялся студенческий конгресс, которому предстояло определить основные направления дея-тельности «Молодой Румынии» и других «академических» ассоциа-ций. Важнейший пункт повестки дня гласил: «Чем может содейство-вать современное поколение распространению национальной куль-туры?». Было решено приложить особые усилия во имя созыва Кон-гресса румынского студенчества, посещавшего самые известные уни-

верситеты Европы. Однако всем этим благим намерениям помешали разногласия между членами общества: представители земель, подвластных монархии, в том числе И. Славич и М. Эминеску, были убеждены, что политическому объединению со «Старой Румынией» должно предшествовать культурное единение, а приехавшие из Румынии студенты настаивали на первоочередности политического объединения.

Деятельность «Молодой Румынии» протекала в полном соответствии с утвержденным властями статутом, в котором предусматривалось «взаимное обогащение членов литературными ценностями и элементами национального достояния»⁸. Средствами такого обогащения были литературные вечера, доклады на различные литературные и исторические темы, совместные празднества, музыкальные выступления, декламация. На этих вечерах звучали лучшие стихи и прозаические отрывки многих писателей всех территорий, населенных румынами, читались доклады по истории народа, пелись румынские песни, исполнялись произведения румынских композиторов. Одновременно членов общества знакомили и с ценностями других культур, ибо, как отмечалось на одном из заседаний 1877 г., студенты жили в «городе, в котором представлено все, что создал человеческий ум в области науки и искусства...» Более того, как подчеркивалось на другом заседании, посвященном проблемам истории Румынии, «в грандиозных венских библиотеках имеются богатейшие и отчасти еще никому не ведомые источники»⁹.

Привычными стали «вечера знакомства» с новоприбывшими, годоводные празднества, вечера, на которых красочно отмечались годовщины революции 1848 г., объединения двух княжеств в 1859 г., победное завершение русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов и др. Общество издавало сатирический листок «Урзика» («Крапива»), а в 1883 г. и 1888 г. — два альманаха, первый из которых содержал гениальную поэму М. Эминеску «Лучафэрул» («Утренняя звезда»). К сорокалетнему юбилею общества вышел труд И. Грэмадэ «Историческая монография «Молодой Румынии», ставший ценным источником сведений о деятельности студенческого объединения в Вене. Нельзя при этом не упомянуть, что «Молодой Румынии» удалось, несмотря на денежные затруднения, собрать богатую библиотеку и открыть читальный зал.

За годы существования общества через него прошли более 2000 членов, внесших впоследствии неоценимый вклад в развитие культуры всех румынских земель. Достаточно назвать имена писателей

М. Эминеску, И. Славича, Л. Благих, И. Агырбичану, композиторов Дж. Энеску, Ч. Порумбеску, певцов Х. Даркле, Т. Грозэвеску и др. Композитор Э. Мандичевски стал профессором Венской консерватории, затем руководителем венской «Зингакадемии».

Но особенно показателен пример замечательного поэта М. Эминеску. Наделенный ненасытной жадой знаний, он нашел в Вене все возможности удовлетворить эту жажду. «Необъяснимая поспешность, — писала академик З. Думитреску-Бушуленга, — заставляла его ненасытно проглатывать все доступные познанию вещи... Человеческие связи, университетские курсы, доклады, театральные спектакли, концерты, книжные лавки, антиквариаты — все шло в дело, словно в каком-то состязании с самим временем... в желании максимально использовать отпущенное ему мимолетное мгновение. Самые разнообразные знания лихорадочно осваивались в огромных количествах...»¹⁰ Друг поэта И. Славич также утверждал, что не было такой отрасли науки, к которой Эминеску не питал «особой слабости». Для подобного «пиршества духа» Вена предлагала в те годы самые реальные возможности. Можно назвать длинный перечень имен писателей и философов, творениями которых зачитывался Эминеску, захваченный богатствами «венской модели мира». Но куда важнее разобраться в тех отзвуках воздействий, что запечатлелись в произведениях поэта. Результаты подобного исследования впечатляют: ибо оказывается, что Вена, ее духовный климат не располагали к подражанию, а будили своими импульсами творческие потенции гениального сына Румынии. В этом убеждает сравнение «образцов», обнаруженных Эминеску в творчестве Гайбеля, Иммермана, Айшендорфа, Черри, Ленау, Келлера и других немецких поэтов и прозаиков, с созданными румынским поэтом произведениями «Синий цветок», «Венеция», «Бедный Дионис», «Эпигоны» и др. Речь шла не о каких-либо «решающих воздействиях», а о благотворном содействии гармоническому развитию художественного сознания Эминеску¹¹.

Это с достоверностью, исключаяющей всякое сомнение, подтвердили сами записи поэта в тех 44 объемистых тетрадах, что долго хранились в архивах академической библиотеки в Бухаресте и лишь недавно стали достоянием исследователей.

Таков один из многих примеров тому, как царивший в Австро-Венгерской монархии духовный климат — при всех ограничениях и запретах — объективно содействовал творческому становлению многих румынских художников, развитию национального самосознания жителей румынских территорий в пределах монархии, укреплению

широкой культурной и экономической инфраструктуры.

Плоды возникшего в ходе этих процессов культурного единения наглядно сказались впоследствии в борьбе румын за свое политическое объединение.

¹ Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 258.

² Джуреску Д. К. Картины из истории румынского народа. Бух., 1982. С. 363.

³ Centenarul «România jună», 1871 – 1971. Viena, 1971. P. 15.

⁴ Curticăpeanu V. Le mouvement culturel pour le parachèvement de l'Etat National Roumain. 1918. Buc., 1973.

⁵ Analele asociațiunii pentru cultura poporului român din Maramureș (1860 – 1905). Gherla, 1906. P. 196.

⁶ Curticăpeanu V. Op cit. P. 85.

⁷ Dicționar al presei literare românești. Buc., 1987. P. 341.

⁸ Centenarul... P. 51.

⁹ Ibid. P. 52.

¹⁰ Dumitrescu-Buşulenga Z. Eminescu și romantismul german. Buc., 1986. P. 11.

¹¹ Подробнее об этом см.: Fridman M. Ein Rumäne in Wien // Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / Hrsg. G. Marinelli-König, N. Pavlova. Wien, 1996. S. 515 – 537. Об этой книге см. в статье Г. Маринелли-Кениг «Культурные связи народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в последних публикациях Австрийской Академии наук».

ВЕНГЕРСКИЕ СЮЖЕТЫ В РОМАНЕ ХОРВАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИРОСЛАВА КРЛЕЖИ «ЗНАМЕНА»

В своей знаменитой автобиографической книге «Мои расчеты с ними» (1932) Мирослав Крлежа, вспоминая годы учебы в военной академии в Будапеште (1911 – 1913), писал: «„Идейная прямолинейность“, как говорят русские (кстати, это слово и написано по-русски - Г.И.), пробуждение души в коштутовском, гарибальдийском, антиавстрийском духе переплетались во мне с предвоенным туманом нашей национальной романтики... На пештской свалке..., превращенной в королевский экзерцисплац Ракоци, я грезил о международной солидарности, а читая Толстого, Петёфи и Ибсена, сочиняя стихи, я обрывал в себе последние нити, связывающие меня с Австрией и португезией австрийского офицера...»¹

В этом высказывании писателя нашли отражение те противоречивые чувства, которые связывали его с Венгрией и ее Культурой. Прежде всего это было резко критическое отношение молодого человека, родившегося в одной из самых отсталых провинций Австро-Венгрии и видевшего в Венгрии угнетателя своей родины, страну, попиравшую венгро-хорватское соглашение 1868 г. и смотревшую на Хорватию как на свою колонию. Его волнуют проблемы зависимого положения Хорватии, верноподданническое поведение высшего чиновничества, и они, начиная с 1914 г., находят свое выражение в его дневнике, поэзии и публицистике. К этим проблемам Крлежа будет неоднократно возвращаться и позднее, уже после развала Австро-Венгрии. Так, в 1919 – 1920 годах было опубликовано свыше двадцати статей, посвященных Венгрии, среди них — «Венгры и южнославянский вопрос», «Венгры и наш народный вопрос», «Венгерская печать о личной унии» и др.

Но в отношении к Венгрии присутствует и совершенно иной аспект. Он касается восприятия Будапешта как европейского города, предоставляющего гораздо большие, чем Загреб, возможности приобщения к европейской культуре. Этот город поддерживал в молодом, романтически настроенном поэте иллюзию, как говорил он сам, ощущения «интенсивной европейской культурной жизни» и «существования взаимозависимой солидарности международного интеллекта»².

В годы пребывания в Венгрии Крлежа увлечен Ф. Ницше, запоем читает Л. Толстого и Ф. Достоевского, А. Чехова и М. Горького, Г. Ибсена и А. Франса. Кроме книг хорватских и сербских писателей — С. С. Краньевича, А. Г. Матоша, В. Илича, А. Шантича и многих других авторов — на его столе книги Ш. Петёфи, Э. Ади и Д. Костолани (с последним Крлежа был знаком лично). По его признанию, он приехал в Людовичеум³ под влиянием коштутовских идей, под очевидным воздействием поэмы Петёфи «Апостол» (тогда уже переведенной им на хорватский язык). Стихотворение Петёфи «Песня волков», написавшее позднее Крлежа, стало одним из самых сильных импульсов, побудивших его самого сочинять стихи. Почтительное отношение (вообще, мало свойственное Крлежа) он сохранит в дальнейшем к двум великим венгерским поэтам Ади и Петёфи. Опубликованное им в 1922 г. эссе «Петёфи и Ади, два знамени венгерской литературы» — одно из лучших среди выпущенных из-под его пера. Редактор журнала «Нова Европа», где было напечатано это эссе, Владимир Черина даже упрекнул Крлежа в том, что он ни о ком не писал так тепло, как об этих двух венграх⁴. Кстати, к творчеству Ади хорватский писатель вернется еще раз в 1930 г., посвятив большую статью лирике поэта («Венгерский лирик Эндре Ади»).

Таким образом, Венгрия, Будапешт становятся признанной самим писателем частью его биографии, в том числе и творческой. Приехав в Будапешт через тридцать с лишним лет после последнего там пребывания, он напишет в отрывке из книги «Поездка в Венгрию в 1947 г.» (опубликована в журнале «Республика» в 1953 г.), «что он приехал в страну, которую настолько хорошо знал, что ощущал ее почти своей... С ней я рос и мужал долгие годы, а затем был от нее оторван на огромные расстояния многих десятилетий, равные целой жизни...»⁵. И что тоже очень важно, Венгрия становится частью биографии его героев, особенно героев огромного эпического полотна «Знамена» (журнальный вариант — 1962 – 1967 годы, первое книжное издание в 4-х томах — 1967 г., второе дополненное издание в 5-ти томах — 1976 г.; русский перевод — 1984 г.).

Этот итоговый для писателя роман вобрал в себя многообразные события с 1913 по 1922 г. На, казалось бы, ограниченном географическом пространстве, каким была одна из провинций империи, автор прослеживает колоритные, предельно специфические национальные процессы, но эти процессы постоянно, множеством нитей увязываются им с массой политических, исторических, культурных факторов, именами государственных, исторических и культурных

деятелей — Хорватии, Австрии и Венгрии, естественно, в первую очередь — и тем самым вовлекаются в общее историческое движение. В микроистории социального и духовного опыта Хорватии того времени, как в капле воды, отразилась судьба некогда могущественного, а в эти годы распадающегося многонационального австро-венгерского государственного организма. В подобном контексте венгерские сюжеты занимают весьма существенное, если не сказать определяющее место. Это и понятно, ибо Хорватия на протяжении многих веков была повязана с Венгрией государственными, политическими и семейными узами, что и раскрывается в романе на всех этих уровнях.

При том, что «Знамена» содержат черты романа семейного и политического, исторического и романа воспитания, это произведение в то же время с полным правом может быть названо и романом-диспутом. На всем его протяжении ведется нескончаемый спор, высказываются самые разные точки зрения по многим вопросам, но в первую очередь все-таки о венгерско-хорватских отношениях второй половины XIX и первых двух десятилетий XX в. В этот диспут втягиваются многие персонажи произведения, но в центре его находятся два главных героя романа — отец и сын Эмерицкие. Отец — уважаемый доктор Камилло Эмерицкий, высокородный де Эмерици (самим двойным озвучиванием фамилии героя подчеркивается его родство с венгерской знатью). Он шеф Королевского хорвато-славонско-далматинского Политического управления и в силу занимаемой должности близок к венгерским кругам и поддерживавшим их общественным силам. Как и его предки, он откровенный мадьярон⁶, для него соглашение 1868 г. и сам Будапешт, где прошла его молодость и с которым связана вся его политическая карьера — это олицетворение «могущества и несокрушимости империи». Ей, по его мнению, «история предопределила быть стражем порядка, труда и закона среди дунайских болот, и сомневаться в этом могут только полоумные, одним из которых, к сожалению, является его собственный сын»⁷.

А сын — по семейной традиции тоже Камилло Эмерицкий — из романтически наивного гимназиста-бунтаря, принимавшего участие в антивенгерских демонстрациях, а позднее исключен из венгерского элитарного учебного заведения за отказ исполнять венгерский гимн и увлечение чтением русских и сербских книг (причем, на языке оригинала) превращается в человека, остро осознающего свое человеческое и национальное достоинство. Теперь он, как журналист, трезво-аналитически оценивает неравноправные отношения своей родины с

Венгрией в дуалистическом государстве. Собственно, роман и начинается с сообщения о запрете цензурой его резко критической статьи по этим вопросам, опубликованной в венгерском либеральном журнале «Знамена XX века» и расцененной его отцом как открытое письмо отцу-регниклороцу⁸ от сына, олицетворяющего народную совесть, взявшего на себя роль правдоискателя. Это было начало нового витка длящегося годами спора между отцом и сыном, спора непримиримого в силу непримиримости занимаемых ими общественных и политических позиций. «С годами, — пишет Крлежа, — пропасть между ними расширялась до размеров драматической дистанции». К концу войны, пройдя галицийский фронт, где он был тяжело ранен, Эмерицкий-младший приходит к признанию ленинского пути как единственного перспективного для человечества. Такова была политическая эволюция автора романа, и как видим, его герой, наделенный многими автобиографическими чертами писателя, повторяет некоторые этапы его биографии. Резко расходятся их пути и в дальнейшем, в югославском государстве: старший Эмерицкий направляется послом Королевства сербов, хорватов и словенцев в хортистскую Венгрию, младший — вступает в коммунистическую партию и становится адвокатом человека, совершившего покушение на короля. Более того, узнав о назначении отца, он отказывается от своего родового имени, чтобы порвать последние нити, связывавшие его с теми общественными и семейными кругами, которые представляли достопочтенные де Эмерици.

В этих многолетних и многочасовых дискуссиях героев обеими сторонами привлекается поистине огромный исторический материал, далеко выходящий за рамки Хорватии. Факты биографий разных исторических деятелей прошлых веков и начала XX в. перемежаются с цитированием документов, писем, произведений хорватских и венгерских писателей, именами литературных персонажей, символизирующих то или иное национальное или общественное явление. Все это призвано вызвать у читателя ассоциации, а главное, заставить его принять участие в разворачивающемся споре, вовлечь в размышления над проблемами истории и роли в ней отдельной личности. И как уже было сказано, венгерская история и культура занимают в этом ряду одно из самых значительных мест.

В разных контекстах звучат имена венгерского короля Матяша Корвина и автора свода законов XVI в. Иштвана Вербёци, историка Миклоша Иштванфи и философа и революционера Игнаца Мартиновича, целой плеяды политических и государственных деятелей XIX и нача-

ла XX в. — Ференца Деака, Иштвана Сечени, Кальмана и Иштвана Тисы, Михая Каройи, Дюлы Юша, Ласло Лукача и многих, многих других. Не менее внушительная когорта деятелей культуры, начиная с поэта XVI в. Балинта Балашши до Шандора Петёфи, Михая Вёрёш-марти, Мора Йокаи, Кальмана Миксата и Ференца Молнара, а также живописца Дюлы Беншура, композитора Золтана Кодая и математика Яноша Больяи. Герои цитируют стихи Петёфи «Неудавшийся замысел» и Ади «Дунай», используют сюжет трагедии венгерского драматурга Йожефа Катоны «Банк бан» (1820), в основу которого положена легенда о венгерском феодале, занимавшем пост бана (наместника) Хорватии и принявшем участие в заговоре против жены венгерского короля Эндре II Гертруды. Примером насыщения текста романа историческими именами может служить один из эпизодов. Старый Эмерицкий, приехавший на аудиенцию к премьер-министру в Будапешт, совершает прогулку по городу и останавливается возле мадонны Будайской, где в его студенческие времена назначались свидания и куда с заходом солнца каждый вечер приходил чудом уцелевший офицер кошутовской армии: «Склонив голову, с цилиндром, словно каской, у левого бока, затянутый и стройный, стоит перед мадонной будто изваяние герой далекого сорок восьмого года, он обращается к заступнице венгров на языке кошутовских героических песнопений, он умоляет ее послать ко всем чертям нынешнюю венгерскую черно-желтую действительность со всеми ее легитимистами, начиная от графа Кальмана, Иштвана и Селла, и Векерле, и Лукача, такими же авантюристами и предателями, каким был бродяга Биберах, погубивший Бенка Бота, трагического хорватского бана Банка».

Но в отличие от исторического трактата, сложности политической борьбы, драматические перипетии национальных взаимоотношений преломляются в романе в столкновении разных жизненных позиций героев, их характеров и темперамента. Не случайно поэтому в восприятии Камилло-младшего все эти связанные родственными узами венгерско-хорватские аристократы, представители высшего офицерства и чиновничества Хорватии и Венгрии — Эмерицкие, Юрьявешские, Камраты, Эрдели и их окружение — ассоциируются с марионетками, а их жизнь и строго регламентированное общественным протоколом поведение — с театром кукол. Особенно явственно это сравнение выступает в сцене похорон, независимо от того, где они происходят — в Венгрии (похороны невесты Камилло Иоланды Камрат, представительницы высшего света венгерского общества) или в Хорватии (похороны его матери — госпожи Эмерицкой). И те, и дру-

гие похороны, изображенные в романе в сатирических красках, не лишены символического значения, предвосхищая похороны всей на ладан дышащей государственной системы Австро-Венгерской монархии.

Совсем другое настроение, хотя и в том же стилевом оформлении, получают горькие размышления Камилло-младшего о своих интимных отношениях с венгерской поэтессой Анной Боронгаи. Их разделяет не только и даже не столько разница в возрасте (Анна старше Камилло на семнадцать лет) и ее положение замужней женщины, но гораздо в большей степени ее отношение к его, Камилло, родине. По его мнению, она понятия не имела о хорватском языке (а он, как и автор романа, наряду с немецким и французским, в совершенстве владел венгерским, а также знал все славянские языки), ни разу не держала в руках ни одной славянской книги и «как истинная будапештска, испытывала страх перед славянской опасностью, перед сорок восьмым годом, перед русскими казачьими отрядами, перед Елачицем и его громилами». Ей куда ближе был «космополитический европейский мир», с его эстетических высот «периферийная национальная политика, да еще антиавстрийская, а тем паче антивенгерская была просто провинциальной». «Ей, — признается себе Камилло, — ничего не говорят такие слова как народность, свобода, национальное единство, Загреб, Белград, Куманово, Фридьюнг, Супило, коалиция, Риекская резолюция, Брегалница, Сербия — от всего этого веет чем-то деревенским, и она уверена, что заниматься подобными делами, значит попусту терять время».

Произведение Крлежи ценно еще и тем, что оно представляет не только точку зрения автора, сторонника коммунистической теории (правда, критического сторонника, не раз вступавшего в дискуссии с идеологами партии) или разделяющего ее героя, но оно содержит и колоссальный, обладающий самостоятельной значимостью материал, предлагающий читателю, в том числе и историку, одну из версий состояния духовной жизни общества в разных уголках Австро-Венгрии и прежде всего, конечно, Хорватии, в последние годы существования монархии и первое пятилетие жизни в новом королевстве. Этому способствует и сама манера повествования, основу которого составляет экспрессивный тип прозы, где скрепляющим компонентом выступает интенсивная авторская мысль. Главное для писателя не событие, а вызванное им размышление, столкновение разных голосов, представляющих противоборствующие идеи и идеологии, за которыми проступают враждебные друг другу миры, рождаются новые идеи

и идеологии, поднимаются новые знамена. Но жизнь, как говорит герой романа, «оказалась не игрой флагами, а опасной и кровавой штукой». Эта жестокая и кровавая борьба начала XX в. в романе Крлежи вплотную подпирает идейные сражения, как бы сталкивая их с жизненными проблемами и облекая их земной плотью. Это и дает почувствовать читателю аромат эпохи, увидеть многокрасочность действительной картины и обнаружить за голыми фактами истории человеческие боль и страдания.

¹ *Krleža M. Moj obračun s njima. Zagreb, 1932. S. 149.*

² *Krleža M. Iz knjige «Izlet u Mactarsku 1947 g.» // Republika. Zagreb, 1953. № 12. S. 999.*

³ Людовичеум (или Людовика) — венгерская военная академия. (Прим. ред.)

⁴ *Krleža M. Fragment dnevnika iz godine 1942 // Forum. Zagreb, 1972. № 4 – 5. S. 530.*

⁵ *Krleža M. Iz knjige «Izlet u Mactarsku...». S. 977.*

⁶ Мадьярон — изначально — прозвище членов хорватской консервативной партии. В более широком смысле — тот, кто придерживается провенгерской ориентации. (Прим. ред.)

⁷ Здесь и далее цитаты приводятся по: *Крлежа М. Знамена. Т. I – II. М., 1984.*

⁸ В романе слова «регниколорец», «регниколорный», то есть в духе венгро-хорватского соглашения 1868 г., используются как синоним соглашательства.

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В СЛОВЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX
ВВ. ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ.
(ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ЦАНКАРА)**

Интеграция в иную культурную среду была характерна для словенцев, представителей малочисленного славянского народа, уже с давних пор. Словенский ученый М. Кмецл в статье, посвященной основным вехам культурной истории своего народа, отмечает особенности географического положения и исторического развития Словении как перекрестка торговых и культурных путей, как своеобразного пограничного пространства между Балканами и Средней Европой. И в этой связи он выделяет среди важнейших культурных рефлексов, сформировавшихся на этой территории, прежде всего, открытость «чужому», иному, своеобразный «культурный плюрализм», изначальным побуждением к которому явились события эпохи «великого переселения народов» в VI в. Отсюда, по мнению словенского исследователя, происходили дисперсия (рассеяние), активная переводческая деятельность, отсутствие какого-либо культурного центра у себя дома, но при этом необычайно развитое культурное посредничество, способность и стремление переносить воспринятые достижения в другие страны Европы ¹.

Так, известно, что некий Герман Славус из Каринтии уже в XII в. работал в университетах юга Франции и Сардинии. Со дня основания Венского университета (1365) в нем преподавали и учились выходцы из разных словенских земель ². Среди его преподавателей было сорок ректоров словенского происхождения (самыми известными из которых в XIX в. были лингвист Ф. Миклошич, ученик Е. Копитара, и физик Штефан), а также большое количество деканов. Как отмечает М. Кмецл, «словенские» профессора работали во многих странах: от Хельсинки до Фрайберга и Мюнхена, от Санкт-Петербурга до Белграда и Загреба, от Праги до Падуи. В настоящее время, по очень приблизительным подсчетам, от шестисот до девятисот выдающихся словенских ученых и художников живет и работает в различных странах мира ³.

На рубеже XIX – XX вв. общественно-политическое и культурное развитие словенских земель как части Австро-Венгерской монархии

характеризуется не только общими европейскими тенденциями, но и имеет свои отличительные особенности. Естественные интеграционные процессы в культурной и научной сфере начинают тормозиться из-за усиливающегося давления со стороны центральной власти, проводившей политику постепенной колонизации и германизации этих словенских территорий. Она проявлялась в том, что власти намеренно переводили представителей немецкого чиновничества на службу в словенские земли, где они обживались, покупали новые участки земли, поместья, особенно на северной границе, в Каринтии и Штирии. В то же время словенских чиновников с семьями отправляли на службу за пределы этнических границ.

В словенских землях положение словенского языка было весьма зыбким: его преподавание и использование разрешалось лишь в начальной школе. Если в Горице, одном из регионов современной Словении, среднешкольное обучение проводилось на родном языке с привлечением местных преподавателей, то в остальных землях преобладал немецкий язык, особенно при изучении предметов, влияющих на идейное развитие молодого поколения. При всех положительных следствиях этого положения (билингвизм, приобщение к культурным достижениям немецкого народа, а для наиболее способных молодых людей — возможность получения высшего образования в одном из престижных университетов Европы и др.) патриотически настроенные деятели словенского народа трезво осознавали пагубность последствий усиливающейся политики германизации для духовного развития словенцев. Но противостояние этим тенденциям со стороны различных общественных и культурных организаций (читательских обществ в разных словенских городах, общества Кирилла и Мефодия, общества святого Мохора и др.) было недостаточно эффективным.

Свое особое отношение к этим процессам складывалось и у словенской интеллигенции. Одним из ее ярких и талантливых представителей на рубеже XIX – XX вв. являлся Иван Цанкар (1876 – 1918). Он по праву считается классиком словенской литературы. Поэт, прозаик, драматург, блестящий публицист и общественный деятель, Цанкар стал первым профессиональным писателем Словении. В его произведениях нашли отражение все «горячие» проблемы современности. С любовью и болью он писал о судьбе своего народа и своей многострадальной родины, в будущее которой горячо верил.

Цанкар родился в местечке Врхника неподалеку от Любляны в бедной семье портного. Блестяще учился и получил право на продолжение учебы в реальном училище в Любляне, а после его окончания,

как и многие словенские интеллигенты, уезжает в Вену для продолжения образования. Однако скоро он бросает технический факультет столичного университета и полностью посвящает себя литературному труду. Он с головой уходит в изучение работ по философии и эстетике, учит французский и итальянский, чтобы как можно шире познакомиться с современной европейской литературой. В столице писатель прожил одиннадцать лет. Здесь были написаны многие его произведения: сборник стихов «Эротика» (тираж которого был почти полностью выкуплен люблянским епископом А. Егличем и сожжен), сборники рассказов, повести, романы, драмы.

Живя за пределами родины, Цанкар вместе с тем продолжает пристально следить за происходящими «там, на юге», в Словении, событиями, трезво оценивая процессы в политической, общественной и культурной сферах. В письме, датированном 8 мая 1900 г., он пишет: «Прежде меня это не волновало, но сегодня я Вам скажу, что у меня тяжело на сердце, когда подумаю, какое будущее уготовано нашему крестьянскому народу. Он гибнет и вымирает. В Нижней Крайне некоторые села остались практически без мужского населения; все уезжают и исчезают навсегда. В Верхней Крайне, если сейчас провести перепись населения, то окажется в три раза больше немцев, чем их было десять лет назад. Лишь в Штирии и Горице люди еще с трудом держатся, но и там дикое убожество, а чувство национальной гордости отсутствует вообще. Если так будет все развиваться, нас через двести лет не будет вовсе»⁴.

Размышления о страшной духовной нищете, которая, как он писал, «морем грязи разлилась по нашему милому отечеству», присутствуют и в письмах, и в его публицистике этого времени. Однако постепенно в них начинают превалировать мысли о судьбах современной словенской литературы и культуры. В статье «Антон Ашкерц» (1896), размышляя об особенностях развития словенской культуры, Цанкар пишет: «У нас самих не родилось ничего нового, оригинального. Идеализм, романтизм, реализм — все это могло родиться, развиваться и исчезнуть и без нас»⁵. И продолжает: «В духовном плане мы так привязаны к своим соседям и всему западному миру, что семенем вслед за ними, куда бы они ни повернули...»⁶ В этом смысле роль творческой интеллигенции, ее мироощущение являлись для него весьма значимыми с точки зрения судьбы отечественной культуры. В статье «Драготин Кетте» (1900), рассуждая о своеобразии восприятия в словенских землях европейской, и в первую очередь немецкой культуры, Цанкар отмечает, что «чужое влияние часто отражается не в

незначительных внешних проявлениях, а в душе и образе мыслей»⁷. Поэтому, по его убеждению, «человек должен иметь твердую позицию, чтобы в погоне за горами чужой учености не потерять хоть частицы своей истинной природы»⁸. Примером подлинно национально-го поэта для него всегда оставался выдающийся словенский поэт-романтик Франце Прешерн, который в своем развитии испытал влияние Ф. Петрарки, немецких романтиков и Дж. Байрона, но «при всем этом в значительной степени сохранил свою силу и оригинальность»⁹.

Поводом для столь частых и резких суждений Цанкара о современных тенденциях в литературе и культуре послужили так называемые «пьесы для народа» — упрощенные обработки известных фольклорных и литературных сюжетов, рассчитанные на «простого» читателя. Критикуя их стиль, подвергая сомнению их художественную ценность, Цанкар стремится осознать глубину проблемы, причины столь явных качественных изменений в словенской литературе рубежа веков. Почему во многих произведениях современных авторов отсутствует тот подлинно народный, словенский дух, который присутствовал в романах и повестях Я. Трдины, Я. Менцингера, Ф. Левстика, Ф. Левета? Почему «народным», «национальным» провозглашалась литература, стремящаяся лишь к изображению внешней атрибутики, подчас имеющей лишь этнографический характер? Причины этих процессов словенский критик видел в значительной степени в том «духовном отчуждении», которое, словно болезнь, «поразило наших лучших писателей»¹⁰.

В письме брату Карле от 17 мая 1901 г., рассуждая о современной словенской литературе, Цанкар утверждает, что «здесь будут необходимы большие перемены и сильное произведение. И я думаю о своей помощи в этом деле...»¹¹ А в письме к писателю А. Ашкерцу (14 апреля 1900 г.) признается, что решил отказаться от участия «в злобных полемиках» на страницах печати и перенести острие своей критики в свои новые сочинения¹². В это время он работает над новым романом «Чужие», который в 1902 г. издает Словенская матица. В нем писатель безошибочно поднимает одну из самых болезненных проблем современного словенского общества. «Я писал о наших «чужаках», — признается он в письме писательнице Зофке Кведровой 10 июля 1901 г., — о тех наших людях, у которых нет родины. И это все мы. В большинстве своем мечтатели, все без исключения пассивные интеллигенты, которые постепенно превращаются в бродяг, рано умирают от туберкулеза или становятся пессимистами, критиками, бессильными реформаторами-фантазерами, никогда ничего не добивающими-

ся. Я писал об этих людях и о тех, у кого есть «родина». Они производят еще более жалкое впечатление»¹³. Таким образом, в центре романа оказывается давно волнующая писателя тема «интеллигенция и родина», а точнее, тема места и роли интеллигенции в культурной и политической жизни. К этой тематике (в её более суженном, концентрированном варианте) он обращается уже в повести 1900 г. «Путешествие Николая Никича». Однако здесь Цанкар лишь намечает проблему. Благодаря поэтическому сравнению своего героя, художника Диониза с веткой, которая выросла на сухом дереве, обреченном на умирание, писателю удается показать бесперспективность работы словенского художника на родине.

В романе «Чужие» тема «художник – родина» поставлена в центр повествования. В фокусе внимания писателя судьба молодого скульптора Павле Сливара. Как и многие молодые словенцы, он уезжает учиться в Вену и там становится мастером, искусство которого получает признание и на родине — он побеждает в конкурсе проектов памятника известному словенскому поэту. Сливар опьянен успехом и похвалами, которыми удостаивают его организаторы конкурса и представители словенской научной и культурной общественности. Всеми уважаемый меценат господин Копривник в своей речи нарисовал радужную картину настоящего и будущего словенского искусства: «Конкурс призвал художников сплотиться вокруг своего народа, ибо народ знает их и любит как своих лучших сынов»¹⁴. Но когда на следующий день молодой человек обращается к меценату за помощью для продолжения учебы, то наталкивается на глухую стену непонимания. Его уверяют, что словенскому народу не нужно собственное искусство, так как оно не приносит дохода, ему нужны каменщики, а не художники. Так за внешним блеском фраз и пророчеств Сливар открывает лишь пустое фразерство и лицемерное равнодушие.

Победив в конкурсе, но не получив заказа на изготовление памятника, не добившись материальной поддержки и работы в Любляне, Сливар с горечью возвращается в Вену. Он надеется здесь обрести дом и работу. В столице перед ним встают несколько возможных путей. Его притягивает размеренный уклад жизни его земляка, скульптора Байта. Приличный дом, семья, работа без надрыва и внутреннего томления. Но возможен был и другой путь, олицетворением которого являлась жизненная позиция архитектора Тратника. Для него уже не существовало ни родины, ни ее проблем. Он «полностью отряхнул ее пыль с подошв своих бапмаков». «Душа его, забывшая свой родной край, находила себе пищу в жизни чужбины и добровольно отда-

вала ей все свое богатство»¹⁵. Сливар пытается соединить эти два пути и начать новую жизнь в Вене: он женится, поступает на работу к профессору Бреннеру, а в собственной мастерской старается воплотить в реальные скульптуры свои творческие фантазии. Но вскоре наступает кризис: он теряет работу, а его произведения не находят ценителей. Постепенно герой Цанкара приходит к убеждению, что и здесь он не обрел своего дома, и здесь он «чужой». Разорвав связь с родиной, о которой герой вспоминает с любовью и грустью, покинув ее, он тем самым словно лишается ее незримой поддержки. Он осознает, что его художественная фантазия и вдохновение питались радостью и горечью воспоминаний о ней, она была опорой его таланта. Потеря этой опоры приводит Слиvara к трагическому финалу — самоубийству.

Несомненно, этот роман Цанкара отразил пессимистический взгляд писателя на будущее словенского искусства и культуры в целом. По его убеждению, воздействие «чужой», иной культуры приводит не только к интеграционным процессам. Оно пагубно, так как в результате ведет к поглощению, нивелированию национально-самобытного элемента в культуре, подвергшейся этому воздействию.

После появления «Чужих» многие периодические издания той поры как в Словении, так и за ее пределами откликнулись статьями и рецензиями. При этом особое место в них отводилось анализу центральной проблемы произведения, которая никого не оставила равнодушным. Примечательно, что в ряде работ подчеркивалась важность поднятой темы не только для словенского, но и для большинства малых славянских народов. «Взаимоотношение интеллигенции и народа, влияние Запада на эту интеллигенцию есть проблема, — как писал в загребской газете «Obzor» М. Марьянович, — которая почти целый век решается лучшими славянскими мыслителями»¹⁶. По убеждению автора статьи в пражской газете «Narodny listy» Степана Радича, Цанкар лишь поставил эту глобальную проблему — стыков, связи между интеллигенцией и народом, однако вопрос «что делать?» остался открытым, ибо его невозможно решить с помощью изящной словесности¹⁷.

Словенский писатель пытается сам ответить на этот вопрос. В 1904 г. он пишет новый роман «Крест на горе» (вышел в марте 1905 г. в издании Словенской матицы) В произведении нашли отражение уже прозвучавшие в «Чужих» мотивы и идеи, выразившие взгляды писателя на судьбу словенского интеллигента и его новое, оптимистическое видение.

Новый герой Цанкара — художник Мате Ковач. Сын крестьянина и брат священника, он не хочет идти по жизни проторенными тропами. В нем горит желание стать великим художником, вырваться из мрачного, душного оврага, в котором расположено родное село с символическим названием Глобель (овраг, ущелье). Мате хочет уехать отсюда далеко, за горы, в большой мир, где «бурлит жизнь», где нужны будут его способности и талант. Но пройдя путь, подобный тому, что прошел Павле Сливар (отъезд в Вену, признание, успех, а затем отчуждение и, как следствие, творческий кризис и попытка самоубийства), герой романа «Крест на горе» прозревает. Мате осознает, что искусство бесплодно без любви к родной земле и ее людям. Если в романе «Чужие» поэтический образ родины подан Цанкаром как романтическое воспоминание, светлое и одухотворяющее, то в этом романе он не только перенесен из прошлого в настоящее, но и материализован в облике крестьянской девушки Ханци и по силе эмоционального воздействия и философской наполненности вырастает до размеров символа преданно любящей и страдающей матери-родины.

Но есть в этом произведении и другой важный образ-символ — крест на горе как символ многотрудного крестного пути к возрождению и духовному обновлению. В начале романа символическая картина-видение поднявшегося над селом, как над открытой могилой, огромного темного креста выражает и главный символ произведения, и эстетическую программу самого автора: художник из Глобели стоит на крестном пути, ведущем к духовному обновлению. В финале произведения Мате и Ханца вместе уходят из родного села в большой мир, но без ненависти в сердце, а преисполненные чувства радостного осознания горячей любви к этому краю. Они уходят с уверенностью, что скоро вернуться, «и тогда будут великие дела, и тогда будет сиять солнце и там внизу...»¹⁸ И словно подтверждением этому вновь появляется картина-видение: «вырос там наверху, на красно-золотом фоне огромный крест до неба, через все ущелье легла его широкая тень, затрепетала и погасла, а небо засияло светлее над ущельем, подул вечерний ветерок и, будто в радостном предчувствии, зашумели деревья...»¹⁹

Иная эмоциональная наполненность образа-символа позволяет рассматривать финал произведения как выражение оптимистического взгляда писателя на будущее. Проведя своего героя через многие испытания и горькие разочарования, писатель «спасает» его от последнего трагического шага. Оптимистический финал романа позволяет судить о кардинальных изменениях в образе мыслей самого Цанкара.

Он стремится выразить свою веру в будущее словенского искусства, показать возможные пути его развития, используя при этом символические образы большой философской наполненности.

В словенском литературоведении сложилось устойчивое и, на наш взгляд, весьма справедливое мнение, что огромное воздействие на Цанкара в период работы над романом «Крест на горе» оказало посещение им выставки в Вене в марте 1904 г. На ней впервые были представлены работы словенских художников-импрессионистов: Р. Якопича, И. Грохара, М. Стернена, М. Ямы, и скульптора Ф. Бернекера. В письме О. Жупанчичу от 17 марта 1904 г. писатель так описывает свои ощущения: «Сегодня был... на выставке словенских художников... Еще в жизни своей не был я так от сердца рад — ведь это словенское искусство; эти пейзажи выросли прямо из нашей земли. И это главное!»²⁰ Чуть позже он пишет статью «Словенские художники в Вене» («Slovan», 1904), где еще раз подчеркивает значимость этого события для словенской культуры: «Нет другого такого народного искусства, которое родилось в столь тяжелых условиях и при таком сопротивлении, как словенское, ...и именно словенские художники показали на чужбине, что на свете есть словенский народ и что он имеет свою самобытную культуру»²¹.

Думается, что нельзя рассматривать творчество любого писателя без учета той общественно-политической и культурной обстановки, в которой он работал и которая не могла не повлиять на его творчество. Вместе с тем, следует отметить, что новая эстетическая программа Цанкара проявляется и в его последующих произведениях, и особенно в романе «Новая жизнь» (1908), где писатель возвращает своего героя, словенского художника, домой из того большого мира (Вены, где он жил и творил). И теперь, обогащенный знанием и опытом, он полон надежд посвятить свое творчество, свое искусство народу.

В заключении хотелось бы отметить, что строение романов, движение их сюжетов, характеристики главных героев Ивана Цанкара позволяют сделать и историко-культурные выводы.

Существуют два типа культуры, различающиеся по отношению к границе: культура закрытая и открытая. Первая ориентирована на изоляционизм. Вторая тяготеет ко множеству контактов. Местоположение Словении на карте Европы в значительной степени определяет тип ее культуры, которую можно отнести к открытому типу. Границы, рассекающие это пространство, не позволяют ему находится в состоянии покоя. По известному определению М.М. Бахтина, именно на границах протекает наиболее напряженная жизнь культуры²². Как ви-

дится, ситуация рубежа веков, о которой мы уже говорили, вызвала у словенского писателя интуитивное чувство самосохранения. В первом романе писатель четко ориентируется на закрытый тип, осуждая выход за границы своего замкнутого мира. Затем он их размыкает, отпускает своего героя в открытый мир с тем, чтобы он вернулся, обогащенный опытом. Подобная ситуация колебания типична для культуры, находящейся на перекрестке Средней Европы и Балкан, какой является культура Словении.

¹ *Kmecl M. Kratek oris slovenske kulturne zgodovine // XXIV Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1988. S.169.*

² М. Кмецл приводит данные, согласно которым в первой 100 лет существования Венского университета в нем училось 700 словенцев, в следующие 100 лет — уже 1500 выходцев из словенских земель.

³ *Ibid.*

⁴ *Pisma Ivana Cankarja. Zv. II. Ljubljana, 1948. S. 362.*

⁵ *Bela krizantema. Kritični in polemični spisi. Ljubljana, 1966. S. 11.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid. S. 17.*

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid. S. 10 – 11.*

¹⁰ *Ibid. S. 35.*

¹¹ *Ibid. Zv. I. S.124.*

¹² *Ibid. Zv. I. S.255 – 256.*

¹³ *Ibid. Zv. II S. 362.*

¹⁴ *Цанкар И. Чужие. На улице бедняков. Мартин Качур. М. 1987. С. 45.*

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ *Cankar I. Zbrani spisi. Ljubljana, 1970. Zv. 9. S. 322.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid. Zv. XII. S. 235.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Pisma Ivana Cankarja. Ljubljana, 1948. Zv. I. S. 379 – 380.*

²¹ *Cankar I. Bela krizantema. Ljubljana, 1966. S. 41 – 43.*

²² *Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 177.*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ XIX — НАЧАЛА XX В.

Вопрос о судьбе словацкой нации стоял в XIX в. очень остро. С одной стороны, происходил расцвет национального самосознания, формировалась национальная культура. С другой — нарастала угроза ассимиляции, исчезновения народа в психологическом понимании, что было связано с давлением извне.

Существование словаков в империи Габсбургов — Священной Римской, Австрийской, Австро-Венгерской — осложнялось двойным подчинением. В течение многих веков территории, населенные словаками, находились под властью Венгрии, поэтому первостепенной проблемой в межнациональном общении была проблема взаимоотношений с венграми. Словацкие земли официально назывались Северной (Верхней) Венгрией, а нынешняя столица с прекрасным славянским именем Братислава в начале века даже для патриотов носила немецкое название Прессбург, по-местному Прешпорк, Прешпорок, Прешпурк, а по-венгерски называлась Пожонь. Проявления чисто словацкого патриотизма, особенно притязания на политические права, в периоды усиления венгерского влияния приравнивались к измене родине — т. е. Венгрии. Такими «изменниками» были объявлены во время венгерской революции 1848 – 1849 годов словацкие культурно-политические лидеры Людовит Штур, Йозеф Гурбан и Михал Годжа, а результатом были малоуспешные, но все же состоявшиеся военные выступления словаков на стороне австрийского императора. Однако от подобных выступлений славянские народы империи не получили ожидаемых прав и свобод. Жесткий политический режим, известный под названием «баховского абсолютизма», распространился в 50-е годы и на Словакию.

Образование Австро-Венгрии привело к ужесточению мадьяризаторской политики. В 70-е годы по словацкой культуре, едва окрепшей за предыдущее десятилетие, были нанесены тяжкие удары. Власти закрыли все три словацкие гимназии и Матицу Словацкую — культурно-просветительный и издательский центр, просуществовавший 12 лет¹. В ходу были политические обвинения в «панславизме». Венгерский премьер-министр Кальман Тиса в 1875 г. произнес знаменательную фразу: «Нет словацкого народа!»²

И все-таки словацкий народ выстоял, сохранил национальную са-

мобытность, осознание славянской сопричастности, собственный язык и культуру. Более того: к концу 70-х годов начался новый этап в развитии национальной литературы. На смену искусственно сохранявшимся романтическим тенденциям (как бы носителям национального духа с 40-х годов) шли тенденции реалистические. «Идеализирующее» начало в раннем словацком реализме (80-е годы) было в значительной степени обусловлено жестким инонациональным давлением.

В статье мы коснемся такой проблемы, как восприятие межнациональных отношений и понимание свободы народа в творчестве ведущих представителей словацкой литературы XIX — начала XX в. Поскольку вплоть до 80-х годов определяющую позицию занимала поэзия, речь пойдет о произведениях Андрея Сладковича, Янко Краля, Коломана Баншелла, Павла Орсага-Гвездослава, а также центральной фигуры словацкой модерны — Ивана Краско.

40-е годы были временем бурного развития словацкой культуры. Произошла кодификация собственного литературного языка (реформа Штура), появились периодические издания на этом языке, небывалый доселе расцвет переживала литература, особенно романтическая поэзия. Однако эти процессы вызвали настороженное отношение не только австрийцев и венгров, но и братьев-славян, ближайших соседей по Австрийской империи — чехов. В естественном национальном обособлении славянских народов многие из них (а также некоторые словаки) видели «раскол» былого единства и ослабление славянских сил перед лицом господствующей нации. Неудивительно, что деятели словацкой культуры стремились доказать право своего народа на самостоятельное существование, не означавшее «разрыва» с близким чешским народом и каких-либо претензий на исключительность. Об этом писал, например, Л. Штур в книге «Наречие словацкое, или Необходимость писать на этом наречии» (1846). Полемически звучало и стихотворение Андрея Сладковича «Не унижайте мой народ», одно из лучших патриотических произведений крупнейшего словацкого романтика. Оно вышло в 1845 г. в штуровском «Орле татранском».

Творчество Сладковича, освещенное романтическим Идеалом, всегда тяготело к гармонии, к диалектическому синтезу. Так и в этом стихотворении: завершенные по смыслу, одинаковые по ритмическому построению, связанные единым началом строфы содержат в себе обвинение и ответ на него. Причем ответ обращен к человеку любой национальности — в том числе и к словакам, забывающим о своих

корнях или бездумно чернящим свое племя.

Поэт взволнованно перечисляет обвинения: словацкий народ слишком молод, у него нет славного прошлого, он якобы неотесан и глуп, немногочислен и беден, живет в тихой покорности и окружен презрением. Сладкович не только опровергает несправедливые и оскорбительные высказывания, но и отыскивает достоинства в кажущихся недостатках. При этом национальные богатства он открывает прежде всего в духовной сфере (по убеждениям Сладкович, особенно в молодости, был гегельянцем, а по роду занятий — священником, как многие словацкие писатели той поры). Ценности, которыми владеют словаки, — исторические предания, народные песни («поет словацкое поле, напевы рождают Гомеров») ³, исконная мудрость, возвышенность духа, сметливый разум. Конечно, есть и богатства материальные: природа, земные недра, развивающаяся торговля. В обманчивом бездействии народа скрыта зреющая сила, его слава — впереди, за ним будущее. А то, что его унижают, выставляет в неприглядном свете самих его обидчиков. «Народ относится к понятиям святым!» ⁴ — так завершает Сладкович свое знаменитое стихотворение.

Впоследствии это утверждение поэта-романтика стало пониматься слишком буквально. Усиление мадьяризации во второй половине века вызывало противодействия различного рода, в том числе (особенно у старшего, «романтического» поколения) — попытки оградить словацкий народ от какой-либо критики изнутри, консервацию романтических художественных приемов в качестве носителей национального начала. О стремлении молодых писателей разрушить эту схему речь пойдет далее.

Мадьяризация наносила определенный ущерб и контактам двух культур, словацкой и венгерской. Однако эти контакты лишь ограничивались, но не прерывались. Словацкий историк литературы П. Петрус так характеризовал межлитературную ситуацию последней четверти XIX в.: «Относительно мало внимания уделялось венгерской литературе, хотя подавляющее большинство словацкой интеллигенции владело венгерским языком. Это имело явную связь с политикой денационализации, проводимой правящей венгерской буржуазией, и с необходимостью нейтрализовать ее в среде словацких читателей. Таким образом, позиция была намеренно полемической» ⁵. И при этом воздействие венгерской литературы играло важную роль в формировании такой выдающейся личности, как Гвездослав — один из самых значительных писателей за всю историю словацкой литературы. Иван Краско писал о нем: «Нам, маленьким, — зачем такой великий?» ⁶ По-

литика, следовательно, не могла полностью нарушить естественный обмен художественными ценностями.

В 60-е годы словацкая культура вновь переживает подъем — уже не такой блестящий, как в 40-е, но приносящий долговременные завоевания. Самое начало 60-х было отмечено большими надеждами на национальную автономию. Окрыленный этими надеждами, возвращается к творчеству словацкий романтик Янко Краль, замолчавший на излете 40-х.

Краль пережил глубокое разочарование, пытаясь на деле осуществить идеалы братства и свободы. Это едва не стоило ему жизни в 1848 — 1849 годах. Мятежный талант Кралья создал в 40-е годы набросок грандиозного художественного полотна, осмысляющего историю человечества. Лишь в середине XX в. словацкий литературовед М. Пишут собрал эти разрозненные фрагменты под названием «Драма мира». Так словаки узнали Кралья-философа, наследника мировых культурных традиций, а не только автора прекрасных баллад, песен, романтических поэм. Краль был удивительно национальным поэтом: образность, поэтический синтаксис, стихотворный ритм словно выросли из фольклора. И при этом, как истинный романтик, он стремился объять духом если не всю Вселенную, то хотя бы человечество от языческой древности до современности. Здесь уже сталкивались не отдельные народы — шла постоянная борьба Добра и зла, Бога и дьявола.

Краль был сторонником союза с венгерскими революционными силами, что в немалой степени обусловило его размолвку с Людовитом Штуром. События революционных лет, в том числе арест и тюремное заключение, надломили поэта. В начале 60-х произошел последний, очень короткий всплеск в его творчестве. Этому способствовала атмосфера подготовки съезда словаков в Мартине (1861) и разработки известного документа — «Меморандума словацкого народа», содержавшего предложения об автономии Словакии и о создании Матицы Словацкой. После этой «вспышки» Краль замолкает окончательно и живет в бедности и забвении вплоть до своей смерти в 1876 г. Его потомки ассимилировались в венгерской среде (впрочем, среда могла оказаться и румынской, а самосознание — венгерским, как у одного из внуков Кралья, Лайоша). Вдова, дети и внуки великого словацкого поэта считались членами семьи и потомками мелкого судебного чиновника.

Опубликованное в 1861 г. стихотворение Кралья «Слово» — призыв к словакам: сплотиться и безбоязненно, уверенно выступить «за

честь, свободу словацкого народа» (эти слова песенным рефреном завершают каждую строфу). Стихотворение сочетает в себе публицистический заряд и поэтическую смысловую насыщенность, отличается ясной образностью и упругим «маршевым» ритмом восьмисложника. Примечательна в нем такая строфа:

Chorvát, Mad'ar, naši bratři,
nech každý má, čo mu patrí;
nadvláda len právo haní —
všetci sme rovnakí páni.⁷

Хорват, венгр, наши братья,
пусть каждый возьмет, что ему причитается;
гнет только права оскверняет —
все мы равные господа.

Венгры названы братьями наряду с хорватами — тоже славянскими «соседями по империи», чьи судьбы были схожи с судьбами словаков. Тем не менее все народы империи — особенно те, которые недавно еще сталкивались, — осознаются как равноправные и братские. Это, увы, осталось мечтой романтика.

Андрей Сладкович не дожил до закрытия словацких культурных институций, но успел перед кончиной выступить в защиту маленького славянского народа в «раздвоенной» империи. В 1871 г. он пишет стихотворение «Почему вы нас ни во что не ставите?!». Вновь законченные строфы с чуть изменяющейся строкой заглавия, только не в начале, а в конце; однако по тональности стихотворение значительно отличается от рассмотренного выше. Сладкович оценивает здесь свой народ как часть великого славянского целого. Исторический опыт доказал жизненную силу словаков, значимость их языка и культуры. Поэтому Сладкович говорит уже не об «унижении» народа, а об искажении очевидных фактов, непризнании объективно существующего (не отрицая, впрочем, свойственного народу «греха» самоуничтожения). Тех, кто попирает законные устремления нации, ждет неминуемая расплата.

В 70-е годы в словацкой литературе вызревали новые тенденции. Молодые писатели выпустили в 1871 г. альманах «Вперед», воспринятый «в штыки» авторитетными представителями старшего поколения. Среди авторов сборника были Коломан Баншелл и Павол Орсак — будущий Гвездослав. Отрицательные отзывы Й. Гурбана и А. Трух-

лы-Сытиянского на время закрыли для молодых доступ в печатные издания. Для поэта Коломана Баншелла сокрушительная критика его творений стала роковой: в отличие от Орсаса, он не смог полноценно развить свое дарование. Его подстерегала душевная болезнь, и в 1887 г. он кончил жизнь самоубийством.

В стихотворении «Не хвалите мой народ» Баншелл перефразировал Сладковича и воспользовался композицией его знаменитого произведения лишь для того, чтобы попробовать трезво и критично взглянуть на положение своей нации, пусть и с гиперболическим сгущением красок. Не из отсутствия патриотизма, а как раз из любви к народу он призывал «не хвалить» те его качества, которые были тормозом в развитии национальной жизни. Баншелл отмечает здесь покорность угнетателям, раболепство перед ними, бездействие, ограниченность кругозора и т. п. Это была смелая и решительная попытка разбить позднеромантические схемы, нарушить иллюзорное восприятие национального характера. «О, если лишь хвалиться будешь, мое племя, // если не прославишь деяниями жизнь свою, — // пропадешь ты безответно!» — заключает свое стихотворение Баншелл⁸. Политически он был сторонником партии «Новая школа», вначале стремившейся к плодотворному компромиссу с венграми.

Если заглянуть в XX в., то сходный критический запал по отношению к «собственному племени» мы обнаружим у выдающегося словацкого символиста Ивана Краско — поэта, которого никак нельзя обвинить в отсутствии патриотических чувств. Он с горечью и болью осознавал слабость, пассивность своего народа. Поэт призывает Божью кару на головы соплеменников, которые «запаздывают» в стремлении к свободному и равноправному развитию, — такова жесткая ветхозаветная символика стихотворения «Иегова» (сб. «*Nox et solitudo*», 1909). Пронзительная лиричность, чувство сопричастности к маленькой нации со всеми ее слабостями выразились в «Письме барышне Л. Г.» (1906) — стихотворно-публицистическом обращении Краско к писательнице Людмиле Гребловой. «Прозрачный» поэтический стиль, местами близкий к реализму своей метафорической точностью и открытостью смысла, нехарактерен для символиста Краско, но очень созвучен национальной традиции, идущей от Баншелла и Гвездослава. В этом стихотворении интересны, в частности, такие строки: «Мы лишь за кружкой — мужчины, ... не затмит нас даже Пишта // на гулянке, хоть он из Дебрецена, // но руки приложить к работе — это вещь иная»⁹. Имя «Пишта» метонимически обозначает венгра; веселиться за чаркой вина словаки, стало быть, умеют не ху-

же господствующей нации. Однако «идти в ногу с просвещенным миром», серьезно трудиться, развивать свой кругозор и т. п. — это, как иронически замечает Краско, слишком прагматичная, лишенная «темперамента» программа, которая годится разве что для «Čecháčka» — «чешка́», пренебрежительно названного собрата-славянина. Но острота социально-нравственной сатиры сразу обволакивается у Краско глубоко личными горестными рефлексиями: его лирический герой сам «такой же», только несовершенство отзывается в его душе жгучей болью и стыдом за свое поколение. Гиперболичность оценок и выстраданность протеста у Краско, впрочем, не слабее (по эмоциональному накалу и художественному воплощению), чем у поколения предыдущего.

Вернемся к этому поколению, конкретно — к Гвездославу, фигура которого в стихах Краско (поэта европейского уровня!) стала олицетворением недостижимого величия, плодотворных титанических усилий. Под псевдонимом «Гвездослав» Павол Орсак вновь приходит в литературу на рубеже 70-х — 80-х годов. Нам хотелось бы обратить внимание на произведение, хронологически относящееся к ранним, хотя поэту уже было тридцать. Это стихотворение «Свобода» из сборника «Очаг и костер», подготовленного к печати в 1880 г., но так и не вышедшего по финансовым причинам. Третья часть книги, где оно помещено, называется «Песни свободы».

Гвездослав всю жизнь был поборником социальной справедливости, человеколюбия, милосердия. Уже в этом раннем стихотворении проявилось характерное для него отсутствие национальной замкнутости, космический масштаб духовного взлета. Поэт требует свободы для всех народов мира и каждого человека в отдельности, без каких-либо исключений. Свобода и равноправие воплощаются в естественных, близких любому человеку образах: солнце и планеты вокруг него, ветви дерева под лучами солнца, любящая мать, оделяющая хлебом всех своих детей. Те народы, которые «заслоняют солнце» или «отнимают хлеб» у других, не могут быть подлинно свободными. Эту мысль высказал еще Ян Коллар в поэме «Дочь Славы» (1824): «Тот лишь достоин свободы, кто ценит свободу другого. // Тот, кто рабов заковал, — сам по душе своей раб» (пер. С. Шервинского). Она нашла отражение и у А. Сладковича в революционном призывном стихотворении «Спою я песнь о свободной родине» (1848).

Гвездослав призывает сжечь националистическую спесь, претензии на превосходство (вместе с кровавыми мозолями угнетенных) в очистительном огне, преисполниться братской любви. В последней

части этой объемной рефлексии поэт возвращается к судьбе своего страдающего народа. Гвездослав осознавал себя именно словацким поэтом, хотя в юности (еще будучи Павлом Орсогом), волею обстоятельств, писал стихи по-венгерски и по-немецки, даже считался начинающим венгерским стихотворцем; образцами для него — среди многих европейских поэтов, в том числе славянских, — служили также венгры III. Петёфи и Я. Арань. Солнце должно светить всем, но словакам, замечает Гвездослав, пока еще остается только мечтать об этом — и надеяться, что Татры не станут каменным надгробием нации, что и на них загорится костер свободы.

Социальная проблематика в словацкой литературе на протяжении всего рассматриваемого периода тесно переплеталась с национальной. Несовершенства общественной жизни во второй половине XIX в. связывались в сознании писателей с неблагоприятной для развития нации политической обстановкой, но постепенно акцент перемещался на социально-психологические противоречия внутри самого национального организма. На рубеже столетий несвобода народа и личности понималась в литературе многопланово, как результат национальных притеснений, собственной замкнутости и ограниченности, социального расслоения, столкновения групповых интересов, а также — как результат душевного разлада, метаний и поисков, обусловленных в немалой степени общей идейно-эмоциональной атмосферой той эпохи — «прекрасной» и «сумеречной» эпохи европейского модерна.

Примеры из творчества крупнейших словацких поэтов XIX — начала XX в. показывают, что в литературе небольшого славянского народа стремление к национальной независимости не отягощалось чувствами неприязни, тем более ненависти к другим народам. Политики и идеологи сталкивались в спорах, отстаивали противоречивые интересы, по-своему вершили судьбы народов. Поэты — представители романтизма, раннего реализма, символизма — умели подняться на тот уровень, где свет солнца-свободы осознавался как единый для всех, где недавние враги становились братьями.

¹О словацких культурных институтах см.: Харцьева Г. Ю. Словацкая матица // Славянские матицы. XIX в. Часть вторая. М., 1996.

²См., в частности: Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 229.

³Здесь и далее подстрочный перевод наш. — Н. III.

⁴Sládkovič A. Poézia. Bratislava, 1976. S. 205 – 207.

⁵Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava, 1984. S. 319.

⁶Krasko I. Dielo. Bratislava, 1980. S. 132.

⁷Janko Král' vo výbere Milana Rúfusa. Bratislava, 1976. S. 149.

⁸Rozpäté krídla: Antológia slovenskej poézie 19. storočia. Bratislava, 1975. S. 212.

⁹Krasko I. Op. cit. S. 132.

“Der Zeit ihre Kunst...”

Н. М. Вагапова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ И КУЛЬТУРА АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ СЛАВЯН НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

В любой из славянских столиц бывшей Австро-Венгрии вам непременно покажут здание парламента, а затем — обычно расположенное поблизости, в центре старой части города, на одной из самых пространных площадей, красивое здание Национального театра. При этом вы узнаете историю рождения замысла и его осуществления, обычно длительную и многотрудную.

Эти здания стоят как памятники эпохи национального возрождения славянских народов в XIX в. и до сих пор служат предметом национальной гордости не только по соображениям престижа. Каждое здание национального театра — не только итог стремления заполучить постоянную профессиональную сцену, как это было у австрийцев, немцев и других народов Западной Европы. В силу историко-политических причин речь шла о праве играть спектакли на родном языке.

Завершение постройки Национального театра обычно венчает период формирования реалистического стиля игры, связанного с национальным репертуаром. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX столетия расширяется репертуар, западноевропейская и русская классика в списке зарубежных авторов начинает дополняться именами представителей «новой драмы». Начинается формирование национальной режиссуры, включающее славянские страны в мировой театральный процесс.

Источники приводят следующие даты открытия Национальных театров, ознаменовавшие открытием репрезентативных театральных зданий:

Дойчес-театр, Берлин — 1883

Бургтеатр, Вена — 1776

Национальный театр, Будапешт — 1837

Народни дивадло, Прага — 1883

Народно гледалишче, Любляна — 1892

Театр Стары, Краков — 1893

Народно казалиште, Загреб — 1895

Народно позориште, Нови-Сад — 1895

(Для сравнения приведем дату открытия Национального театра в Белграде — 1868.)

Между тем, постоянные представления профессиональных трупп на национальных языках у австро-венгерских славян начались значительно раньше. Разные источники приводят различные приблизительные даты, которые в основном относятся к 30-м – 40-м годам XIX в.

Жизнь театра тесно связана с национальной культурой. Эпоха, предшествующая возникновению национального театра, — значительный период, характерной чертой которого становится упорная борьба за самую возможность играть спектакли на родном языке. Это подчеркивают историки чешского, сербского, словенского и хорватского театра.

Вот как описывает развитие науки и высшего образования в Хорватии в конце XVIII — начале XIX вв. «Энциклопедия Югославии»: «В 1776 г. в Загребе была открыта Академия наук. ...В 1790 г. ректор и профессура направили в Хорватский сабор представление о том, чтобы Академии был присвоен ранг университета. Они предполагали, что ...Академия станет университетом, доступным молодежи всего славянского юга. Сабор поддержал эту просьбу, но она не прошла в пештском парламенте... Преподавание до 1848 г. шло на латинском языке. В 1790 г. введена была кафедра венгерского языка... В 1846 г., по настоянию профессуры, вводится кафедра хорватского языка и литературы. В 1849-м кафедра венгерского языка упраздняется. В качестве факультативных дисциплин вводятся литература и язык чехов, поляков и русских. Начиная с 1848 г. преподавание ведется на хорватском языке, исключая годы реакции с 1853-го по 1860-й»¹. Кажется, подобное положение типично для культуры австро-венгерских славян. Поэтому столь восторженным и даже, в определенный период, несколько болезненным, было отношение к театру, который воспринимался как часть общенационального движения за права славянских народов. Выдающийся хорватский режиссер и историк театра Бранко Гавелла писал о «национальной миссии» хорватской сцены как об одной из ее самых характерных черт.

Историки чешского театра пишут о «грандиозной концепции Национального театра», которая стала воплощением «чешской мечты»

(слова Йозефа Казана Тыла). Франтишек Палацкий стремился поднять пражский Народни дивадло на уровень «самой крупной сцены европейского материка»². В историю европейского искусства вошла надпись «НАРОД — СЕБЕ», украшающая портал сцены Народни дивадло в Праге.

Менее торжественно проходило строительство и открытие здания Национального театра (Народном гледалишче) в Любляне. На первых порах словенское Драматическое общество делило его с немецкоязычным «Театерфереинем». Секретарь Драматического общества К. Триллер писал в газете «Словенски народ»: «Словенцы знать не должны немецкого театра. Они (немцы — *Н. В.*) — сами по себе, мы — сами по себе. Так нам диктует инстинкт самосохранения... Пусть во всем мире рассказывают, что Любляна — словенский город, а новое здание — дом всеславянской музыки»³.

В качестве параллели уместно напомнить, что до недавнего времени датой начала исполнения пьес на хорватском языке считалось 24 декабря 1860 г., когда на сцене частного театра Станковича были освящены немецкие актеры и провозглашено, что отныне на загребских подмостках будет звучать только хорватская речь.

Однако, в самое последнее время на одном из симпозиумов по истории хорватского Национального театра профессор Никола Батушич предложил считать началом хорватской театральной традиции исполнение «Отечественным театральным обществом» (Домородно театрално друштво) героической пьесы И. Кукульевича-Сакцинского «Юран и София» (10 апреля 1840 г.). «Новейшие исследования подтверждают, — пишет проф. Батушич, — что это был первый хорватский профессиональный спектакль, и в рамках хорватского национального возрождения сложились предпосылки для создания у хорватов института театра»⁴. Возможно, кто-то сочтет это предложение данью современной конъюнктуре. Но для нас важно, что за исходную дату теперь принимается дата спектакля, а не политической акции.

Одной из самых существенных проблем существования новых славянских Национальных театров были отношения с австрийским театральным искусством и прежде всего — с венским Бургтеатром. Здесь складывалась сложная система взаимных притяжений и отталкиваний. Изучение этой проблемы в нашем, российском театроведении только еще намечено.

Одной из первых коснулась этой темы Т. А. Путинцева, автор статьи «Проблемы австрийского театра в его связях с театром венгров и славян (конец XVIII — начало XX в.)» в 1976 г. Как отмечает Путин-

цева, «организационные принципы Бургтеатра, его творческие поиски и репертуар служили уроком для многих национальных театральных начинаний соседних народов, а в самом искусстве Бургтеатра во все возрастающей мере находила отражение их жизнь и культура»⁵

Диалектика взаимоотношений Бургтеатра с одной из славянских сцен во второй половине XIX в. рассмотрена в интересной работе Б. Гавеллы «Хорватская сцена. Анализ формирования ее стиля»:

«Он (театр — *Н. В.*) с самого начала был создан как национально-репрезентативное учреждение, призванное быть... антитезой образцам, связанным с нами государством и территорией, но по сути своей нам враждебным. Уже в колыбели он (театр) получил дар от злой волшебницы — быть — ну, скажем, — хорватским Бургтеатром... Последний же был не таким уж плохим примером, будучи... довольно удачным воплощением идеи репрезентативного „Национальтеатра“..., которая необычайно сильно повлияла на все развитие театральной жизни Средней Европы». И далее, в главе «Бургтеатр»: «Хотя у нас вошла в привычку издевательская интонация при упоминании этого театра, ...следует подчеркнуть, что Бургтеатр никак не мог завести наш театр в начальной фазе его развития на неверный путь...» Далее, упомянув о хорошем вкусе, об изысканности венского театрального стиля и о профессионализме австрийского театра, Гавелла напоминает о «наднациональных» корнях венской сцены, о роли венцев чешского и еврейского происхождения. Все это, по мнению Гавеллы, положительно влияло на хорватский театр, смягчая такие его черты, как «сосредоточенность на проблемах языка и литературы, которая заслоняла прочие литературно-эстетические проблемы»⁶.

Современный историк славянских театров Средней Европы, словенец Душан Моравец, в своем двухтомнике, посвященном истории словенского театра, уделяет внимание не только конфликтам, но и дружественным связям люблянской сцены конца XIX — начала XX вв. Он пишет о работе в люблянском Национальном театре чешского режиссера Рудольфа Иннемана, чешских актеров Терпшовой, Хильбертовой, Гуса. Словенская супружеская пара Игнаций Борштник и Зофья Борштник-Звонарьева, с успехом игравшая в Любляне, по приглашению директора драматической труппы загребского Национального театра Стjepана Милетича переезжает в Хорватию. Энциклопедия Хорватского Национального театра свидетельствует о том, что Звонарьева обучалась актерскому искусству в Праге у Йосипа Шмаги и у Александра Стракоча в Вене. Актриса, переезжая

из города в город, играла на словенском, хорватском, сербском, болгарском и немецком языках.

Первый том упоминавшейся книги Д. Моравца называется «Словенский театр эпохи Цанкара». В ней выделены главы: «Цанкар: перед запертой дверью» и «Цанкар: в замкнутом круге». Речь идет о том, как театр, озабоченный поисками нового и новейшего иностранного репертуара, отошедший от идей национальной изоляции, в 1890-е — 1900-е годы бросился в противоположную крайность: «проглядел» появление сильной, самобытной фигуры отечественного драматурга Ивана Цанкара, по сути дела, одного из видных представителей течения «новой драмы» в славянской Европе. Цанкар (а он, заметим, учился в Вене) при жизни был известен больше как литератор, чем как драматург. Открытие его театром произошло позже.

Одна из типичных актерских судеб эпохи утверждения национальных театров — карьера Адама Мандровича (1830 – 1912). Виднейший хорватский актер, он, в зависимости от превратностей фортуны, то играет в передвижной немецкой труппе, то исполняет главные роли на загребской сцене, то путешествует с собственной театральной дружиной по сербской Воеводине. В 1869 г. мы застаем Мандровича в Сербии, где он читает торжественный «Пролог», посвященный открытию белградского Национального театра, а затем играет и ставит спектакли. Последние годы жизни Мандрович проводит в Софии.

А ведь еще в предшествующую эпоху, в начале XVII века, первый городской постоянный театр в Вене — «Театр у Каринтских ворот» — был основан, как пишет современный историк театра, «немцем чешского происхождения» Йозефом Страницким⁷. Вспомним также И. Н. Нестроя — чеха по рождению — и его роль в австрийской культуре. Подобных примеров масса во все эпохи, если мы говорим о Средней Европе.

Закрадывается еретическая мысль. Конечно, невозможность играть на родном языке сильно задержала развитие театральной культуры австро-венгерских славян, и об этом надо говорить совершенно ясно, анализируя тот период, когда это происходило. Но все-таки: не попытаться ли нам написать «Историю театра Центральной Европы», учитывая ее «наднациональный» характер? Может быть, если историки театра перестанут считать исходной точкой того или иного театра момент, когда иноязычные актеры были освистаны публикой, но займутся «анализом формирования стиля» многоязычной

Средней Европы, не упуская из виду и развития искусства в близлежащих странах, это окажется более плодотворным? Судьбы Национальных театров представили бы благодарный материал для сравнений и для анализа разнообразнейших и многосторонних связей разных культур.

¹ Enciklopedija Jugoslavije. 4. Zagreb, 1960. S. 182.

² Народно дивадло. 1883 – 1983. Национальный театр. Краткая история его строительства и путеводитель по зданию. Прага, 1983. С. 8.

³ *Moravec D.* Slovensko gledališče Cankarjeve dobe. Ljubljana, 1974. S. 17.

⁴ Hrvatsko Narodno kazalište u Zagrebu. Zbornik radova znanstvenih kolokvija Hrvatskog narodnog kazališta u Zagrebu 1992 i 1993. Zagreb, 1994. S. 6.

⁵ *Путинцева Т. А.* Проблемы австрийского театра в его связях с театром венгров и славян (конец XVIII — начало XX в.) // Театр в национальной культуре. М., 1976. С. 296.

⁶ См.: *Pet stoljeća hrvatske književnosti*. Khj. 86. S. 296, 298, 304, 310, 371.

⁷ *Макарова Г. В.* Театральное искусство Германии на рубеже XIX – XX вв. Национальный стиль и формирование режиссуры. М., 1992. С. 6.

**ЯН ВАЦЛАВ КАУТСКИЙ.
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЧЕШСКО-
АВСТРИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Разительный пример интеграционных процессов, рассматриваемых авторами настоящего труда, являет собою развитие театральных культур — австрийской и славянских. Постоянный духовный, творческий взаимообмен, обогащение, но в то же время противопоставление, «отталкивание» составляют едва ли не сущность становления профессионального театра Австрии, Польши, Чехии, Словакии, Хорватии, Словении и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом нередко политика приходит в противоречие с искусством, которое не только вступает в постоянные творческие контакты с культурой соседних народов, но и питается ее истоками, вбирает в себя ее специфические черты. Богатейшая фольклорно-песенная традиция, искусство импровизации, популярные драматургические жанры — фарс, народная комедия, «рыцарская пьеса», «волшебная сказка», тяготение к гротеску, карикатуре — это, да и многое иное, объединяло венские и львовские, пражские и варшавские театры на протяжении всего XIX столетия.

Сближению их способствовали деятели культуры, отдававшие свою любовь и творческую энергию как своим родным, национальным театрам, на сценах которых начинался их творческий путь, так и крупнейшему культурному центру, каким была Вена во второй половине XIX столетия и на рубеже веков.

Из списка, все еще неполного, лиц, внесших богатый вклад в развитие чешского и австрийского искусства (почетное место в нем занимает чех Йозеф Страницкий — основоположник австрийского профессионального театра), несомненное внимание заслуживает Ян Вацлав Каутский (1827 – 1896) — глава известной чешско-австрийской семьи политиков, писателей, актеров, художников и сценографов. Его жена Вильгельмина (Мина), соратница Маркса и Энгельса, получила довольно широкую известность в 70 – 80-е годы XIX в. своими новеллами с социальной тематикой, старший сын Карел стал одним из основателей и вождем австрийской Социал-демократической партии, два младших — Гануш (Ганс) и Бедржих (Фридрих) были театраль-

ными художниками и оставили свое имя в истории австрийской и чешской театральной культуры.

Родился Ян Вацлав Каутский в Праге. В 1850 г. закончил пражскую Академию художеств, где специализировался в области пейзажной живописи. Учился он вместе с такими известными впоследствии чешскими художниками как Адольф Косарек, Леопольд Штефан и другими. После традиционной — на год — поездки в Дюссельдорф, Я. В. Каутский возвращается в Прагу, много пишет, его картины появляются на выставках *Krasomluňné jednoty* (Художественного общества). Критика прочит ему большое будущее, отмечая ряд полотен Каутского, естественных и тонких по живописи, в первую очередь «пейзажи настроения»¹.

Уже с середины пятидесятых годов Каутский активно включается в театральную жизнь Праги и Брно. Начало его пражской деятельности связано с Микулашским театром (*Mikulašské divadlo*), основанном Яном Швесткой и располагавшемся в бывшем монастыре св. Микулаша (Старое Место). На его сцене играл один из лучших любительских чешско-немецких ансамблей. Это была своего рода подготовительная школа профессионального чешского театра, из которой вышли Ян Стракаты, Павел Шванда из Семчиц, Карел Шимановский, Элишка Пешкова и другие актеры, перешедшие впоследствии на сцену временного театра. Здесь же началась его долголетняя дружба с Яном Нерудой, из критических статей которого, собственно, и можно составить представление о творческой деятельности Я. Каутского в эти годы. Вскоре на Каутского возлагается художественное оформление спектаклей Микулашского театра. С 1858 г. он сотрудничает с Тобиашем Мёсснером — художником пражского Сословного театра.

Работа Я. В. Каутского-художника активизируется в первой половине 60-х годов, когда Прага готовилась к открытию первого самостоятельного чешского театра — Временного (*Prozatímního*). Каутским многое было сделано для внутренней отделки здания на берегу Влтавы. Он — исполнитель занавеса Временного театра, в центре которого изображены Пражский Град, Бланик, Вышеград, Карлштейн — знаки «*česství*» (чешского духа). Занавес не сохранился и известен лишь по публикациям того времени.

Так и не получив звания — обещанного и горячо ожидаемого — «земского театрального художника чешского», Я. В. Каутский принимает приглашение венской придворной оперы и в 1863 г. переезжает с семьей в Вену, хотя, по свидетельству Яна Неруды, охотнее остался бы в Праге «и за меньшую плату»². В Вене Каутский довольно быстро за-

воевал прочное положение в театральном мире и уже в 1864 г. стал одним из членов-руководителей популярной в Европе фирмы, возглавляемой Карлом Брионши и Германом Бургхартом. Фирма «Hoftheater Maler in Wien» поставляла декорации десяткам театров Австрии, США, России, Швейцарии, Англии, Франции, Германии и Голландии. Кстати, К. Брионши был также родом из Праги, с его именем связано создание и оформление Новоместского пражского театра. Да и другой глава фирмы Г. Бургхарт родился в деревушке Трнице недалеко от Усти-над-Лабем.

Вскоре Я. В. Каутский остается единственным главой фирмы. Под его началом работало несколько десятков художников, декораторов, механиков, плотников и рабочих других специальностей. Среди них было немало чехов, впоследствии перешедших в пражский Национальный театр: Р. Гольцер, Г. Дворжак и др.³ Интересно, что в 1879 – 1881 годы в Вене у Я. Каутского обучался прославленный Альфонс Муха — глава чешской сецессии.

В Европе в то время существовало несколько подобных фирм: братьев Брюкнеров, Карла Грюннера и другие. Специфика фирмы «Hoftheater Maler in Wien» Я. В. Каутского была, прежде всего, в том, что наряду с декорациями, создаваемыми в сотнях экземпляров, так называемыми «типовыми», «серийными», она выполняла «престижные» заказы интерьеров новых театральных зданий, возводимых в те годы во многих европейских городах, а также на сценическое оборудование для них.

Главными, однако, были создаваемые фирмой и самим Каутским те « типовые » декорации (деревенская площадь, альпийский пейзаж, лес, зал городского дома, костел, монастырская стена, улица греческого города, итальянский дворик и т. д.), которые можно было использовать для целого ряда спектаклей. Именно они стали основой фондов декораций первых чешских профессиональных театров, способствуя становлению чешской театральной культуры. При этом декорации, написанные для Временного театра, в начале 80-х годов унаследовал пражский Национальный театр, а также Национальный театр в Брно.

Фирма, уже под именем одного Яна Каутского, работала вплоть до 1892 г., когда он, за четыре года до смерти, отошел от дел и передал ее своим сыновьям Ганушу и Бедржиху.

В значительной степени благодаря этой фирме Каутскому удалось сохранить, а затем и активизировать сотрудничество с чешским театром уже после того, как он оставил Прагу.

С именем Яна Каутского связано оформление спектаклей по сути дела всех чешских театров второй половины XIX в. Сначала, как уже

упоминалось, это был любительский Микулашский театр, на рубеже 50 – 60-х годов — Сословный, в 1862 – 1866 годах — Временный и два его филиала: Новоместский и Новый чешский театр, в 1881 – 1883 годах — пражский Национальный театр, для которого Каутский написал десятки декораций. Его декорации сохранились не только в пражских театрах, но и в Городском театре в Подебрадах (с 1861 г.), в Национальном театре Брно (с начала 80-х годов), в Городском театре в Пльзени (с 1855 г.). Всего Я. В. Каутским было написано (самостоятельно и совместно с К. Бриоши и Г. Бургхартом) более трехсот декораций.

Особая глава творческой деятельности Каутского — его работа для пражского Национального театра. Насколько нам известно, его имя никогда не упоминалось в связи с деятельностью так называемого «поколения Национального театра». Прежде всего потому, что творчество Я. Каутского традиционно рассматривалось в контексте австрийской культуры. Кроме того, он пережил крупную неудачу в 1880 г., когда исполнение росписи театра было передано более известному и уже зарекомендовавшему себя художнику Фр. Женишеку⁴. Однако имя Каутского несомненно заслуживает упоминания среди имен тех художников, скульпторов, драматургов, музыкантов, которые выступили единым фронтом в 70-е годы — время строительства Национального театра, способствовавшего выявлению лучших художественных сил Чехии.

Специально для первых постановок главной сцены страны художник написал декорации, соответствующие с исторической и локальной характеристикой спектаклей. Их около тридцати⁵, среди них — опера Б. Сметаны «Либуше», дважды открывавшая Национальный театр (в 1881 и 1883 г.), «Липаны» Влчека, «Макбет» и «Юлий Цезарь» Шекспира, «Мессинская невеста» Фибиха, «Димитрий» Дворжака и др. Декорации для этих спектаклей пражской художественной критикой были приравнены к полотнам, продуманным в ателье.

Особо следует упомянуть работу Я. В. Каутского над техническим оснащением и художественными эффектами, сопровождающими пьесы яркой зрелищной формы — оперетты, фарсы, балеты-феерии, в которых особенно сильно проявлялось влияние на театральную культуру конца XIX в. традиции старого чешского театра, передавшего ей и свои принципы оформления спектаклей⁶. Действие этих пьес как правило развертывалось в экзотических странах; перед зрителями на сцене проплывали пароходы, приходили и уходили поезда, пролетали воздушные шары, падал снег, вулканы извергали пламя, пепел осыпал зрительный зал. Этот весьма популярный и в Вене, и в Праге развлекательный репертуар способствовал бурному развитию сценической тех-

ники. Ян Каутский владел ею виртуозно.

После неудачи в конкурсе на оформление здания Национального театра Каутский сразу же, уже в 1881 г., получает предложение взять на себя художественное оформление Национального театра в Брно. Занавес, сценическая техника, декорации созданы им ⁷.

Стилевые черты творчества Я. В. Каутского — живописца и театрального декоратора — можно определить как романтические. Романтичны его пейзажи, особенно ранние, 50 – 60-х годов. Искусствоведы прослеживают в его творчестве явную тенденцию к реализму в 70-е годы, а позже передача художником света, воздуха, искусство сопереживания роднит его работы с полотнами импрессионистов ⁸.

Ян Вацлав Каутский бесспорно относится к значительным европейским художникам. Много лет он прожил в Вене, посвятив себя австрийскому искусству. Однако нельзя не видеть, что существенной частью творчества Каутский входит в чешское театральное искусство и живопись. Он внес немалый вклад в развитие чешской школы художественного мастерства.

Я. В. Каутский заложил основы чешской сценографии. Он открывает ряд всемирно известных чешских сценографов, в числе которых можно назвать Властислава Гофмана, Франтишека Трёстера, Йозефа Свободу.

Творчество Яна Каутского — значительное явление чешской и австрийской общественно-культурной жизни, пример того интеграционного процесса, который столь характерен для нее во второй половине XIX столетия.

¹ Neruda J. České Prozatímní divadlo. Hlas. 19.11. 1862.

² Neruda J. Dekorační malíř p. Kautský. Lumír, 1863. Č. 3. S. 69.

³ Kadlec K. Družstva Král. českého zemského a Národního divadla. Praha, 1896. S. 135.

⁴ В 1881 г. его занавес сгорел, новый — в 1883 г. — был сделан Войтехом Гинайсом.

⁵ Hepner V. Scénická výprava na jevišti Národního divadla v letech 1883 – 1900. Praha, 1955. S. 25.

⁶ Например, пьесы: «К луне, или Чудеса природы» Фр. Суппи (1876), «По морю и по воздуху, или Путь к счастью», без автора (1878).

⁷ Kautský Jan Václav. Postavy brněnského jeviště. II/XXVI. Brno, 1987. S. 409 – 410.

⁸ См., напр.: Jiřík F. X. Vývoj malířství českého ve stol. XIX. Praha, 1909. S. 128, 142.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОГО СЕРБСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В
АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И АВСТРО-
ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ
(СЕРБСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР, НОВИ-САД, 1861 –
1914)**

Сербский Национальный театр основан в Нови-Саде в 1861 г. на территории Воеводины, в которой часть сербского народа находилась в то время под властью Австрийской империи (с 1867 г. в составе дуединой Австро-Венгерской монархии). В книгах по истории сербского народа, когда речь идет о жизни сербов Воеводины в составе монархии Габсбургов, говорится, что это многонациональное объединение было «тюрмой народов», а относительно их властей — с которыми сербы приобрели горький опыт, — что они не проявляли ни малейшей склонности к сербам. Это общеизвестные факты, которым здесь не стоило бы давать особого обоснования.

Однако, когда речь заходит о деятельности Сербского Национального театра в упомянутый период, мы сталкиваемся с целым рядом противоречивых фактов. Прокомментирую некоторые из них. Театр в Нови-Саде основан с целью поддержки национальной и общественно-политической борьбы, которую вели либерально-демократически настроенные граждане Воеводины, объединившиеся вокруг программы Сербской народной свободной партии Светозара Милетича. В их идеологической платформе искусство предшествовало политическим программам.

Замена тезиса Г. Гегеля о красоте как проявлении абсолютного духа положением о красоте как эмансипации *народного духа* и *народного чувства* явилась основой поэтики сербского романтизма и фундаментом национальной и общей политики. Вот почему Сербский Национальный театр был прежде всего народным институтом, задача которого состояла в том, чтобы пробуждать сознание народа, сохранять народный язык, способствовать развитию национальной драматургии, побуждать к сопротивлению гегемонистской политике монархии Габсбургов, одновременно распространяя демократические идеи, которые подавлялись не только австрийскими и австро-венгерскими властями, но и сербской церковной иерархией и приверженными ей

консервативно-клерикальными кругами.

Это, однако, не значит, что Сербская православная церковь в период с 1861 по 1914 г. отрицательно относилась к театру. Известно, что во всех сербских храмах существовала особая кружка для сбора добровольных пожертвований в пользу Сербского Национального театра; в воскресные дни и в праздники, особенно во время гастролей, прекрасный театральный хор пел в церквях; руководители театра и виднейшие представители интеллигенции и деятелей искусства, независимо от их политических убеждений, были религиозны.

Главной опорой в деле осуществления идей, ради которых был основан Национальный театр, явился репертуар. Исходными ориентирами в нем были патриотические и этико-дидактические мотивы, которые следовало воплотить показом на сцене произведений сербских драматургов. (Здесь необходимо напомнить, что для европейских театров XIX в., имевших основные характерные черты литературного театра, репертуарная политика являлась основой, на которой формировались и идейные, и эстетические, и сценические особенности.)

В первые шесть месяцев работы Новисадского театра было показано около двадцати произведений национальной драматургии. Однако, это было все, что стоило показывать из «скудной» и «немогущей» сербской драматургии. С того времени, вплоть до 1914 г., репертуар Сербского Национального театра составлялся из драматических произведений, заимствованных со сцен театров Вены, Будапешта, а также немецких и венгерских бродячих театров, гастролировавших в Воеводине, и, конечно, из немногочисленных произведений национальной драматургии, которые были написаны в эти десятилетия.

Малочисленность произведений отечественных авторов восполнялась произведениями, называемыми «посрбе» — обработки. В таких переделанных на сербский лад иностранных пьесах персонажам давались сербские имена, действие переносилось в сербские города и села, иностранные песни и танцы заменялись сербскими. Зачастую при этом изменялась и направленность оригинала, в который привносился подчеркнутый сербский патриотизм. Практика таких обработок сохранилась в репертуаре Сербского Национального театра вплоть до 80-х годов XIX в. Они составляли треть театрального репертуара.

У Сербского Национального театра была своя Дирекция (во главе с директором), которая решала все профессиональные вопросы, в то время как Скупщина, как более широкий орган, определяла общую концепцию театра и его функцию. Скупщина опиралась на широкую сеть своего рода театральных комитетов по делам Сербского Нацио-

нального театра, в задачу которых входила подготовка гастролей в других городах и материальных условий для них, соответствующей атмосферы (реклама, пропаганда, продажа билетов, размещение и питание членов ансамбля, условия для подготовки новых спектаклей, сбор пожертвований в пользу театра, встреча и проводы ансамбля). Сербский Национальный театр был, насколько мне известно, единственным национальным театром, дававшим около 80 % спектаклей вне города своего постоянного пребывания. На Нови-Сад, таким образом, приходилось около 20 % всех спектаклей. Во время гастролей в течение всего периода существования Австро-Венгерской монархии Сербский Национальный театр печатал афиши на четырех языках (сербском, венгерском, немецком и румынском). Эта традиция свидетельствует о стремлении привлечь зрителей всех национальностей и в то же время об уважении ко всем жителям многонационального государства. Театр не получал помощи ни от государственных, ни от официальных местных властей и существовал благодаря поддержке всего сербского населения Воеводины (прежде всего за счет продажи билетов).

Одной из главных целей театра была борьба против германизации и мадьяризации. Тем не менее, у венгров и немцев были переняты организационная модель театра, правила поведения актерского ансамбля, методология подготовки спектакля, которую, разумеется, приходилось приспособлять к неблагоприятным материальным обстоятельствам, в которых работал театр. Только в период с 1895 по 1914 г. театр располагал собственным зданием, которое подарил городу сербский патриотически настроенный меценат Дунджерский.

Распределение ролей осуществлялось на основе принципов европейского театрального опыта XIX в. Действовало, например, распределение актеров по амплуа. Первые скромные режиссерские результаты были осуществлены в духе так называемой *бильд-режиссуры*, за которую ратовал в Вене Генрих Лаубе (текст драмы и речь актера были на первом месте). Для актерской речи была характерна патетика, которая у сербских актеров объяснялась в том числе и скромным уровнем мастерства. Ведь это было время общего национального воодушевления. Декорации, костюмы и грим приобретались в Будапеште или покупались на распродажах имущества венгерских театров.

Напрашивается вопрос: как удавалось Сербскому Национальному театру, труппе со столь отчетливо выраженными задачами национального плана, все указанное время беспрепятственно осуществлять свою деятельность в Австро-Венгерской монархии? Известно, что австрий-

ский двор претендовал на то, чтобы держать под контролем все аспекты театральной деятельности в монархии. Театральная доктрина и театральные формы Вены навязывались всем живущим в империи народам. В этом отношении показателен тот факт, что лишь в 1907 г. театральная деятельность в Австро-Венгрии из компетенции Министерства внутренних дел перешла в Министерство просвещения и культуры. С другой стороны, все народы, относящиеся к меньшинствам, стремились к тому, чтобы добиться своих прав в религиозном, национальном, языковом, образовательном и культурном плане. Десятилетиями длилось противостояние двора, пытавшегося усовершенствовать инструменты и средства принуждения, и этих народов, стремившихся обойти и свести на нет жесткие схемы и предписания властей.

Одним из средств пропаганды австрийского двора явились немецкие театральные коллективы, странствовавшие по Европе (в том числе и по Воеводине) с целью насаждения немецкой культуры. Как ни парадоксально, эти немецкие труппы сделали гораздо больше для распространения театрального искусства как акта творчества (профессии и ремесла, у которых есть свои правила, законы, техника, технология производства, своя терминология и свой способ организации и планирования деятельности). Они создали предпосылки для формирования многих национальных театральных культур, которые посредством тех же или подобных инструментов (собственных театральных трупп и постоянных городских и национальных театров, игравших на своем национальном языке) создавали основы собственного национального театрального искусства и противодействовали германизации. Театр немецкой речевой сферы насаждался силой власти, но в то же время он приносил с собой драматургию, переводную литературу, высокий профессионализм, развитую сценическую технику, хорошую организацию работы, технологическо-производственную терминологию, и его теоретические и практические ценности действительно давали положительный образец тем, кто, по разным причинам, отставал в этой области творчества. Однако, не стоит забывать об общественно-политических тенденциях, распространяемых этим театром среди сербов в Воеводине. Немецкие театры были инструментом германизации и средством придворной политики Австрийской империи и Германской империи, что определяет их деятельность как пропагандистскую.

Стоит напомнить и о таком известном факте, как то, что положение невенгерских народов в венгерской части монархии во многих

отношениях было тяжелее положения ненецких народов в австрийской части. Вот почему деятельность Сербского Национального театра в период с 1861 по 1914 г. — несмотря на скромность его достижений в художественном плане — можно считать успешной в контексте национальных, образовательных и общественно-политических задач, которые стояли перед первым сербским профессиональным театром и которые он успешно осуществил. Успеху этой миссии (которую великой сербский писатель Милош Црнянский уподобляет миссии сербской литературы и Сербской православной церкви) способствовали: любовь и национальные чувства, проявленные сербским народом, который с готовностью принял и материально поддерживал театр; литературная реформа Вука Караджича и победа живого народного языка, что способствовало тому, что театральное искусство сербов развивалось и равноправно конкурировало с немецким и венгерским театром; самоотверженность и энтузиазм ансамбля; поддержка со стороны виднейших представителей сербских деятелей искусства и интеллигенции, сосредоточившихся вокруг театра. И, наконец, еще один факт, о котором некорректно было бы умолчать. После 1867 г. Австро-Венгерская монархия вступает в период либерального буржуазного парламентаризма и становится европейским правовым государством, в котором в достаточной мере уважались права не являвшихся большинством народов в сфере образовательной и культурной политики.

Перевод на русский язык автора, под редакцией Н. М. Вагаповой

ЧЕШСКАЯ МУЗЫКА И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АВСТРО-ВЕНГРИИ. ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ

Проблема взаимоотношений чешской и австрийской музыкальных культур характеризуется многоаспектностью. В статье главные акценты делаются на двух аспектах — идеологическом и чисто художественном.

Тесные связи чешской и австрийской музыки исторически закономерны: Чехия на протяжении нескольких веков находилась в составе Австрийской империи, а затем Австро-Венгерской монархии. Власти проводили в чешских землях соответствующую политику в области культуры и образования. Господствующее значение имел не только немецкий язык (как государственный), но и австрийская — а точнее австро-немецкая — музыка, которая существенно повлияла на формирование творчества многих чешских композиторов. Не следует, однако, упускать из виду и другой аспект этой проблемы. Чехи — на редкость музыкальный народ¹ — со своей стороны немало сделали для развития австрийской и, шире, европейской культуры. Они работали в качестве оркестрантов, хормейстеров, дирижеров, органистов, педагогов и т. п. в Вене и других городах и частях Австро-Венгерской монархии (Хорватии, Словении).

Таким образом, развиваясь в тесном контакте с австрийской музыкой, чешское музыкальное искусство — профессиональное и народное — не только испытывало ее благотворное воздействие, но и непосредственно участвовало в ее становлении. Можно вспомнить о деятельности так называемой маннгеймской школы, представители которой способствовали формированию венского классицизма. Среди них было много чешских музыкантов (композиторов и исполнителей): отец (Ян Вацлав) и сын (Карел) Стамицы, Ф. К. Рихтер, А. Филц, Ф. Бек и др.

Нельзя не вспомнить и о чешских композиторах, работавших в Вене и также внесших свою лепту в развитие австрийской музыки. Это братья Антонин и Павел Враницкие, Ян Вацлав Воржишек и др. Воржишек, одареннейший музыкант, предвосхитил некоторые жанры зарождавшегося в начале XIX в. романтизма (экспромт). Наконец, нельзя забывать и о роли чешского фольклора, оказавшего определенное

влияние на интонационный строй произведений венских мастеров — от Й. Гайдна до Г. Малера. Все это говорит о взаимном притяжении чешской и австрийской музыки. Отталкивания дали о себе знать в период становления национальной музыкальной школы в Чехии — в 60 – 70-е годы XIX в., и происходили они прежде всего в сфере идеологии, тематико-содержательного аспекта музыкального творчества.

Патриотически настроенные композиторы — в содружестве с близкими им по духу и взглядам поэтами, писателями, художниками, театральными деятелями — стремились пробудить и утвердить в чешском обществе национальное самосознание, гордость за свое прошлое, свои традиции. Они обращались к событиям отечественной истории, к сюжетам и образам литературы, национального эпоса и мифологии, используя прямые и косвенные аналогии с современностью и аллегорией. Чешские композиторы претворяли специфические закономерности отечественного фольклора, чтобы запечатлеть особенности национального склада мышления, национальные характеры, картины чешской жизни. Свидетельства тому — оперы и симфонические поэмы Сметаны («Проданная невеста», «Далибор», «Либуше», «Моя родина» и др.), оперы («Бржетислав» и «Дитя Табора») и мужские хоры («Умиравший гусит», «Марш Таборитов») К. Бендта, музыкально-сценические (оперы «Упрямцы», «Хитрый крестьянин», «Якобинец» и др.) и оркестровые (увертюры «Гуситская» и «Моя отчизна») произведения Дворжака и многие другие сочинения. Что же касается чисто художественного аспекта проблемы, то здесь ситуация оставалась похожей на прежнюю. Для многих чешских композиторов творчество К. В. Глюка, Й. Гайдна, В. А. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шуберта и других австрийских мастеров было школой профессионального мастерства, высшим эталоном искусства. На их произведениях, их композиционном методе учились, оттачивали свой почерк и основоположники национальной классики Б. Сметана и А. Дворжак. Великий подвиг этих музыкантов заключается в том, что они сумели найти необходимые пропорции между австро-немецкими и национальными традициями, органично синтезировать закономерности общеевропейского и народно-национального творчества, наполнив свою музыку светом неповторимой художественной индивидуальности.

Конец XIX — начало XX вв. принесли во взаимоотношения чешской и австрийской музыкальных культур, равно как и в отношения между чешскими музыкантами и австрийскими властями, некоторые новые штрихи и акценты. В 90-е годы значительно изменилось положение чешской музыки в Австро-Венгрии. Она не только прочно ут-

вердилась как самостоятельное художественное явление, но и завоевала — в лице крупнейших мастеров — мировое признание. Об этом говорят блестящие успехи Дворжака в Англии, Германии, США и других странах или триумф «Проданной невесты» Сметаны на Международной музыкальной и театральной выставке в Вене (1892). Авторитет чешской музыки уже не могли не замечать и австрийские власти. Свидетельство тому — их отношение к Дворжаку. В 1889 г. правительство наградило его — за достижения в области музыкального творчества — орденом Железной короны III степени. Спустя восемь лет (1897) Дворжака назначили членом жюри Министерства культуры и образования, которое ежегодно присуждало государственные стипендии молодым талантливым музыкантам, художникам и представителям других видов искусства. Если учесть, что Дворжак сменил на этом посту Й. Брамса, то станет очевидным уважение, каким он пользовался у австрийских властей. И, наконец, в 1901 г. Дворжак — вместе с Я. Врхлицким — был назначен членом верхней палаты рейхсрата (парламента).

В 90-е годы в чешскую музыку входит новое поколение композиторов, получившее в музыкальной историографии наименование «модерны». Самыми крупными представителями этого поколения являются Витезслав Новак (1870 – 1949), Йозеф Сук (1874 – 1935) и Отакар Острчил (1879 – 1935). Особняком от них стоит уроженец Моравии Леош Яначек (1854 – 1928).

Поколение «модерны» внесло в отечественную музыку нечто новое в сфере эстетических идей, тематико-содержательного строя и, в известной мере, стилистики. Это новое обуславливалось как изменениями в общественно-культурной ситуации, так и процессами, происходившими в самом музыкальном искусстве.

В образно-содержательной сфере наиболее примечательным моментом стал отход от национально-патриотической тематики. Это можно объяснить разными причинами. И тем, что представителям этого поколения уже не надо было создавать национальное музыкальное искусство — его создали предшественники. И тем, что вслед за Дворжаком они стремились занять достойное место в мировом культурном процессе, надеясь достигнуть цели через воплощение общечеловеческой проблематики и освоение новых стилистических направлений. Не надо забывать и другого: в это время произошли изменения с самим понятием патриотизма. Оно в немалой степени утратило свой высокий будительский смысл. Поэтому представители «модерны» избегали патриотического пафоса, воспринимая его как нечто недос-

тойное для художественного воплощения. Наиболее яркий пример критического отношения к такому, условно говоря, «пивному» патриотизму, к ограниченности и самодовольству чешского обывателя — оперная дилогия Яначка «Путешествия пана Броучка» на сюжет сатирических повестей С. Чеха. Было бы, однако, неверно утверждать, что композиторы этого периода полностью отвергали патриотические темы. Они подходили к ним иначе. Примеры тому — лирико-комедийная опера В. Новака «Карлштейн» (1916), героем которой является император Священной Римской империи и король Чехии, «отец нации» Карл IV Люксембург, или вторая часть дилогии Л. Яначка «Путешествие пана Броучка в XV столетие», где восхваляются душевная цельность и высокие нравственные устои предков Броучка — предводителя гуситов Яна Жижки и его сподвижников.

В центре внимания представителей «модерны» оказались темы и сюжеты, дающие возможность раскрыть внутреннюю жизнь человека и применить разнообразные средства музыкально-психологического реализма. Среди сочинений этого типа — оперы «Ева» Й. Б. Фёрстера (1895 – 1897), «Вина» О. Зиха (1914 – 1915) и «Ее падчерица» Л. Яначка (1894 – 1903). Произведения Фёрстера и Яначка написаны на сюжеты драм Г. Прейссовой. Основой либретто «Вины» Зиха послужила пьеса Я. Гильберта. Все три оперы посвящены трагической судьбе женщины. У Фёрстера и Яначка — деревенской, у Зиха — городской. Сочинения Фёрстера и Зиха близки по жанру и музыкальному стилю. Это лирико-психологические драмы, выдержанные в стилистике романтизма, слегка освеженного приемами музыкального веризма. В «Ее падчерице» Яначка рельефно прочерчена также социально-критическая линия сюжета, поэтому ее можно назвать социально-психологической драмой. Опера моравского композитора сильно отличается от произведений его соотечественников своим музыкальным языком. Но об этом чуть позже.

Интерес к душевному миру человека нашел яркое и еще более утонченное выражение в другой жанровой сфере музыки — в песенной лирике, вдохновленной поэзией символистов. При этом чешские композиторы обращались не только к отечественным поэтам, но и к зарубежным, в том числе русским (А. Блок, В. Брюсов). Примерами плодотворного сотрудничества композиторов и поэтов-символистов могут служить вокальные циклы В. Новака «Долина нового царства» на стихи А. Совы (1903), Й. Б. Фёрстера «Чистое утро» на тексты О. Бжезины, А. Совы и Ф. Кс. Шальды (1914 – 1918) или Л. Выщпалека «Огни во тьме» на слова А. Совы (1914).

Большой интерес у композиторов конца XIX — начала XX вв. вызвали также сказочные и мифологические сюжеты, которые они нередко преломляли сквозь призму эстетики конца века (*fin de siècle*). Дань такого рода сюжетам отдали и композиторы старшего поколения — А. Дворжак (оперы «Русалка», 1900, и «Армида», 1903), З. Фибих (оперы «Шарка», 1896 – 1897), «Падение Арконы», 1898, и мелодраматическая трилогия «Ипподамия» на либретто Я. Врхлицкого из древнегреческой мифологии, 1889 – 1891), и представители «модерны». Из сочинений, принадлежащих перу «модернистов», следует упомянуть «Радуга и Магулену» (1897)² и «Под яблоней» (1900)³ Й. Сука, оркестровые пьесы В. Новака — «О вечной тоске» (1903 – 1905)⁴ и «Томан и лесная фея» (1906 – 1907)⁵, его же кантату «Свадебные рубашки» по К. Э. Эрбену (1913). В ряду произведений философского плана выделяется высокими художественными достоинствами симфоническая поэма Й. Сука «Созревание» (1912 – 1917).

Что касается отношений с австрийской музыкой, то и здесь появились некоторые новые нюансы. У композиторов 60 – 80-х годов процесс отталкивания проходил в первую очередь на уровне идейных концепций, образности, сюжетики, а в чисто музыкальном плане — на уровне индивидуальной трактовки жанров и форм, подчеркивания чешского духа, характера через претворение особенностей народно-национального мышления, широко понимаемых отечественных традиций. Представители «модерны» стремились расширить стилевую палитру творчества, обращаясь к поэтике французского импрессионизма, итальянского веризма, русского критико-психологического реализма (А. С. Даргомыжский, М. П. Мусоргский). Воздействие импрессионизма заметно в некоторых сочинениях Сука и Новака. Оно проявляется в инструментовке, ладогармонической структуре, фактуре. Приемы веристского письма прослеживаются в операх «Ева» Фёрстера и «Вина» О. Зиха, отчасти в «Ее падчерице» Яначка. Однако стилистика подавляющего числа чешских композиторов этого периода не выходит за рамки позднего романтизма австро-немецкого направления.

В наиболее яркой форме противостояние австро-немецкому музыкальному искусству проявилось в творческой деятельности Л. Яначка. Выйдя, как и его современники-соотечественники, из лона австро-немецкого романтизма, он — благодаря сильной творческой воле и независимому образу мышления — сумел создать свой, оригинальный творческий метод. Основу для него композитор нашел в родном моравском фольклоре⁶. Это проницательно увидел Б. В. Асафьев,

сравнивая подход к фольклору Яначка и Новака: «... там, где для Яначка было познание процесса и отсюда — ход к созданию творческого метода, там для композиторского мышления склада Новака было наблюдение практики — через усвоение конкретных „носителей“ — и освежение через это душевного содержания своей музыки, без „взрывания“ усвоенных уже норм звукостроительства»⁷.

Важнейший компонент творческого метода Яначка — так называемая теория «попевок речи», или «речевых попевок»⁸. Композитор пришел к ней в процессе записи и обработки народных песен. Как писал Яначек, ему стало ясно, что чешский язык «выступает носителем судьбы чешской музыки, так как в нем отражается вся душа нации... В народной музыке слово видоизменяет напев, слово определяет его ритм, и, если композитор хочет, чтобы напев не „фальшивил“, слово должно быть в пении таким же гибким, как в языке»⁹. «Попевки речи» Яначек сделал важным средством психологически правдивого выражения чувств и переживаний оперных героев. Следует, однако, подчеркнуть, что композитор никогда прямо не переносил услышанные и записанные им «попевки речи» в свои партитуры, а всегда подвергал их художественному обобщению. Новый композиционный метод Яначек впервые опробовал в опере «Ее падчерица». В последующих музыкально-сценических произведениях — «Судьба» (1903 – 1906), «Путешествия пана Броучка» (1908, 1917), «Катя Кабанова» (1919 – 1921), «Приключения лисы Плутовки» (1921 – 1923) и «Из мертвого дома» (1927 – 1928) — композитор совершенствовал этот метод, обогащая и обновляя палитру выразительных средств.

Своеобразие яначковского стиля обусловлено не только методом «речевых попевок», но и нетрадиционными приемами изложения и развития тематического материала (сочетание вариантно-вариационного метода с монотематизмом), трактовки оперных форм (непрерывное развертывание музыкальной фабулы в соединении с элементами сюитности и импровизационности). Своеобразен и оркестровый стиль мастера. По меткому наблюдению Б. В. Асафьева, оркестр Яначка «приближается и к французскому принципу: „все слышания“ — каждой линии, каждой „звуковой точки“ в гармоническом комплексе — и к напевности Мусоргского. И когда Яначек „гравировал“ инструментальную ткань из попевок, — продолжает Асафьев, — и когда работает живописно-колористически, „слух слушателя“ не заблудится в лабиринте сплетений, в хаосе пятен или „сытных“ удвоениях, утроениях и т. д. ... совместно движущиеся голоса естественно вырастают из процесса напевания, напевности»¹⁰.

Современные немецкие историки музыки отсчитывают начало новой эры в европейском искусстве с 1913 г. — года премьеры «Весны священной» И. Ф. Стравинского, которую называют «вторжением» русской музыки, ознаменовавшим конец гегемонии австро-немецкого искусства. Л. Яначек — как истинный гений — первый в Чехии ощутил тупиковость пути, по которому шли его соотечественники-современники, и указал иную, ведущую в будущее дорогу. Разрыв Яначка с принципами позднеромантической австро-немецкой музыки не означал, конечно, полного отрицания традиционных связей, которые складывались веками. Отголоски позднеромантической поэтики австро-немецкого толка еще долго слышались в творчестве чешских композиторов XX в. Однако примечательно, что крупнейшими национальными художниками этого столетия, завоевавшими мировое признание, стали Леош Яначек и Богуслав Мартину (1890 – 1959) — те, кто освободился от австро-немецкого музыкального «образа мышления» и повел отечественную музыку иными путями.

¹ Всем знакома поговорка «Каждый чех — музыкант».

² Музыка к одноименной сказке Ю. Зейера.

³ Музыка к драматической легенде Ю. Зейера.

⁴ По Х. Х. Андерсену.

⁵ На сюжет чешской легенды.

⁶ Моравский фольклор сохранил — в силу ряда причин (исторических, экономических и др.) — первозданность и своеобразие.

⁷ Асафьев Б. В. Яначек, Новак, Фёрстер, Сук // Избранные труды. Том IV. М., 1955. С. 362.

⁸ В этом смысле у Яначка были предшественники — А. С. Даргомыжский и М. П. Мусоргский. Однако, хотя композитор дважды посещал Россию, с их творчеством он не был знаком. Оперы Мусоргского Яначек узнал уже после создания первой редакции «Ее падчерица». Т. е. к сходному методу он пришел своим путем.

⁹ Janáček L. Sborník statí a studií. Praha, 1959. S. 11.

¹⁰ Асафьев Б. В. Указ. соч. С. 359, 360.

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ БОЛГАРИИ С НАРОДАМИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Как известно, Болгария не входила в обширную империю Габсбургов, до 1876 г. подчиняясь Турции. Вместе с тем, как отмечают исследователи, эти земли находились в сфере политических интересов многих крупных государств, в частности, и Австро-Венгрии¹. Подходя к раскрытию темы, нам важно определить характер культурных контактов в различные исторические периоды на разных уровнях, в разных направлениях.

Прежде всего надо отметить общность в фольклоре славянских народов, входящих в данный ареал. Это касается мифологии, музыкального творчества, и в первую очередь колядок, а также календарных песен. К примеру, герои эпических песен о Марко Королевиче и Момчиле фигурируют и у сербов, и у болгар.

Отмечается и сходство с народным искусством других территорий Австро-Венгрии. Так, ритмическая переменность, свойственная многим болгарским танцам, созвучна чешскому фурианту, а ритмо-интонационная структура чешского танца «страшек» отчасти идентична болгарской рученице. Особая акцентированность, зажигательная задорность болгарского пайдушка ассоциируется с польской народной мазуркой². Но, вместе с тем, существуют и серьезные отличия, обусловленные особой исторической судьбой Болгарии.

Известно, что музыкальный фольклор этой страны необычайно многообразен. И это не удивительно. На протяжении тысячелетий в нем сложно переплетались культуры многих народов. Что-то сохранялось, другое бесследно исчезало, обращаясь в предание. Упоминания о Фракии, Родопах встречаются еще в античных манускриптах. Ведь легендарный Орфей был по преданию фракийцем. Бать может, еще с тех времен бытует в Болгарии музыкальный инструмент гайда³. А некоторые напевы опираются на звукоязыды, описанные Птолемеом (II в. н. э.). По мнению болгарского исследователя Добре Христова, отдельные ритмические формулы болгарской музыки происходят из Индии⁴.

В национальной культуре сохранились и языческие обряды славянского происхождения, такие как танцы нестинарок и кукерские игры. В их музыкальной ткани угадывается лик магических ритуалов древности. С распространением христианства (VI в.) важную роль иг-

рает и музыкальная культура Византии. Надо заметить, что один из ярких представителей византийской религиозной школы — болгарин Иоанн Кукузель (ок. 1280 г. — конец XIV в.), создавший многие музыкально-теоретические труды, духовные песнопения (среди них известное «Палиелей болгарки»), обогатил музыкальные традиции восточного христианства.

Со времен завоевания Болгарии турками (1393 – 1396) в национальную культуру входит еще одна художественная сфера, придавшая своеобразный облик болгарской музыке⁵. Значительный исторический период господства Турции привел к очевидной изоляции болгарской музыкальной культуры. В ней как бы законсервировались разные этнофольклорные пласты. В результате сложилось удивительное многоцветие мелодических интонаций, ритмов, ладовых красок, где параллельно существовали и древние доантичные лады (допустим, прадиатоническая пентатоника), присущие языческим обрядовым действиям, и причудливо изысканные звучания рафинированной восточной культуры, и возвышенно аскетические христианские песнопения греко-византийской традиции.

Надо отметить, что изоляция Болгарии длилась более четырех веков, и национальная культура не соприкасалась с европейской, которая за это время прошла огромный путь. Здесь сложились многие формы и жанры, сменялись музыкальные эпохи и стили. В Болгарии же, вплоть до начала национального Возрождения (XVIII в.) музыкальная культура сохраняла типологические признаки неевропейской, характеризующейся иным интонационно-ритмическим строем. Песни Возрождения сохраняли сложный ладово-ритмический облик болгарского фольклора. Как отмечает В. Крыстев, «гайдуцкая песня не знает никаких метро-ритмических и формально-конструктивных ограничений. Она может быть в ритме подпрыгивающего, так называемого право хоро (2/4 — „Привыкла Тудорка“, рученицы (7/16 — „Эх вы, горы Балканские“) или в свободном безмензурном ритме („Грозданка и Богдан-воевода“))»⁶.

Как мы видим, даже воинственные гайдуцкие песни были лишены необходимых характерных черт, присущих военному шествию, а именно маршевости. В этом сказываются и особенности болгарской жизни того времени с ее сельским укладом. В национальной культуре не сложился жанр, олицетворяющий четкую военную поступь. Но именно в период Возрождения, позже — борьбы за независимость возникает острая необходимость в маршевой музыке.

В поэзии Болгарии того времени — в стихах Христо Ботева, Добре

Чинтулова создаются патриотические опусы, имеющие чеканный ритм, определяемый европейскими стихотворными метрами. Но парадоксально, что при удивительном музыкальном богатстве в национальной культуре не было мелодии ритмически четко оформленной, совпадающей со словом и отражающей дух единения нации. И болгары обращаются к музыке других народов, в частности русской, но в значительной степени к чешской и хорватской. И примеров тому немало. Известные песни на слова Х. Ботева «Живе той живе» положены на музыку хорватского композитора Зейца. Другие песни на слова этого поэта — «Ой майко моя родине мила» и «Беглянка» написаны на чешские мелодии (последняя — на песню «Ой, ты лес высокий»). Музыка известной темы чешского композитора Томашека «Гей, славяне» легла в основу песни «Бырза да вырвем». Писатель и драматург периода борьбы за независимость Бодри Войников (1833 – 1878) активно включает музыкальные номера в свои пьесы. Так, в эпической драме «Воцарение Крума», в одной из сцен, где воины поют маршевую песню, звучит чешский гимн. Стихи Добре Чинтулова «Ветер воет, Балкан стонет» соединяются с энергичной чешской мелодией.

С начала XIX столетия, в период усиления национального Возрождения, возникает необходимость утверждения национальной неповторимости. И здесь важную роль сыграло издание болгарских песен в культурных центрах городов, позже вошедших в Австро-Венгрию.

Начало собиранию и изданию народных песен положил видный сербский литератор и фольклорист Вук Караджич, поместивший фольклорную болгарскую мелодию в сборнике сербских песен, изданном в Вене еще в 1815 г. Позже, в 1822 г., были изданы еще 27 песен. В Загребе Ст. Веркович выпускает сборник «Народные песни македонских болгар» (1860). Более 600 болгарских и македонских песен вышли там же (1861) при участии видных деятелей болгарского Возрождения братьев Милодиновых. Болгарский эмигрант Июким Груев издает в Вене сборник «Песни, которые распеваются в различных случаях в болгарской школе», выдержавший четыре издания (1867 – 1873).

Надо отметить, что еще до освобождения болгарские музыканты проходили обучение в различных городах империи Габсбургов. Так, одним из первых пианистов в Болгарии был Сидр Михайлович (1846 – 1885), учившийся в Венской консерватории.

С середины XIX столетия жизнь Болгарии меняется. Укрепляется национальная буржуазия, развивается городская культура, в которую постепенно проникают и европейские влияния. Помимо упомянутых

чешских и хорватских мелодий, на которые кладутся болгарские стихи, широкое распространение получают и жанры городского быта — польки, вальсы, популярные по всей Европе. И одними из первых их привезли венгерские и польские эмигранты, поселившиеся в Шумене, где венгр Михай Шафран создал небольшой оркестр, в то время единственный в стране. Благодаря этим скромным по европейским меркам художественным событиям, постепенно менялась музыкальная атмосфера болгарских городов и селений.

После 1878 г. в Болгарии отмечается подъем музыкальной жизни. Но в то время в Болгарии отсутствовали педагогические кадры. И через русское посольство в Вене болгары приглашают чешских военных музыкантов, приехавших из Праги и Вены. Среди них такие как Алоиз Мацак, Габриэл Шебек (всего около 50 человек). Одни из приехавших исполнителей, Карел Маха, начинает выпускать музыкальную газету «Ковал». Условием контракта была не только работы в военном оркестре, но и педагогическая деятельность. Каждый из приезжих исполнителей должен был обучить болгарина. Спустя десятилетия Гвардейский оркестр, созданный сразу после освобождения, стал фундаментом Национального симфонического оркестра.

Чешские исследователи Кухач и Куба начинают собрание и изучение болгарского фольклора. Чехи одними из первых обращаются к болгарским народным мелодиям, включая их в канву своих сочинений. Так военный музыкант Франц Швестка создает «Венок болгарских песен» (1881), а Франц Штрасс пишет серию фортепьянных пьес в болгарском духе («Пайдушка хоро», «Щереброско хоро», «Рученица», «Свищевско»). Карел Иосиф Ермаш выпускает сборник «Двадцать болгарских народных песен», «Фантазию» для фортепиано, Габриэл Шебека — «Топурри болгарских песен», Юлиус Кремчер — Болгарскую рапсодию. Чешские музыканты стремятся создавать и масштабные жанры. Так, Карел Мацак пишет оркестровое сочинение «Одри», а Карел Махан — оперу «Хоро». В 1890-е годы была создана первая совместная работа — болгарин М. Иванов и чех И. Кауцкий заканчивают оперу «Каменна цена». Ее мелодии популярны в Болгарии и по сей день.

Особо хочется сказать о Генрихе Визнере (1864 – 1951). Он окончил Пражскую консерваторию у известного педагога Прокла и был другом Сметаны, Дворжака, Фибиha. Как пианист — гастролировал в Праге, Брно, Оломоуце. Приехав в Софию с военными музыкантами, Генрих Визнер активно занимался педагогической деятельностью. Он был одним из основателей музыкального училища, Академии, а

позже — Софийской консерватории. Чешский музыкант учил Панчо Владигерова (1899 – 1978), Любомира Пипкова (1904 – 1974), ставших впоследствии классиками болгарской музыки. Генрих Визнер развивал и музыкальный театр в Болгарии. Силами чешских и болгарских певцов и инструменталистов он впервые в стране поставил шедевры оперного мирового искусства, такие как «Лючия де Ламермур» Дж. Доницетти, «Аиду», «Трубадура», «Травиату» Дж. Верди, «Фауста» Ш. Гуно и др. Этот замечательный музыкант до конца жизни прожил в Болгарии, подготовив плеяду национальных исполнителей.

После освобождения от османского владычества многие болгары отправляются в культурные центры Австро-Венгрии — Прагу, Вену, Загреб. Здесь учились известный болгарский пианист, дирижер и общественный деятель Ангел Букорештлиев, а также Димитр Хаджигеоргиев, позже (1903 – 1928) — директор Музыкальной академии в Софии. Яркая пианистка, много концертировавшая в Болгарии, Анна Шрамкова, также совершенствовала свое мастерство в Чехии. В Праге учились и работали в Национальном оперном театре болгарские певцы И. Славков, Д. Казанов.

Добри Христов (1875 – 1941), крупнейший фольклорист, композитор, учился у Антонина Дворжака. Именно этому замечательному болгарскому исследователю удалось собрать, проанализировать и систематизировать обширнейший материал, изложенный им в ряде трудов, изданных еще в начале века, не потерявших свое научное значение и поныне ⁷.

Болгары получали образование и в Загребе. Это Милан Митов, Манол Иванов — создатели произведений в хоровых и песенных жанрах, Николай Атанасов — автор одной из первых болгарских симфоний. А блестящие пианистки Мария Черен и Мария Агура — выпускницы Венской консерватории.

Можно добавить, что особое место в мировой музыкальной культуре занимает творчество выдающихся композиторов Арнольда Шенберга (1874 – 1951) и Белы Бартока (1881 – 1945), определенный период творчества которых приходится на эпоху Австро-Венгерской монархии. Художественные достижения этих мастеров воздействовали на молодую болгарскую композиторскую школу в более поздний период (1920 – 1930-е годы). В музыке Панчо Владигерова и особенно Любомира Пипкова ощущаются влияния композиционных приемов нововенской школы.

Обращаясь к теме культурных контактов Болгарии и Австро-Венгрии, мы стремились показать разные аспекты этого вопроса, что за-

ставило коснуться и ряда временных пластов, видов и жанров музицирования. И очевидно, что взаимосвязи народов этого региона всегда имели живой ток. Но особенную роль для Болгарии они сыграли в период борьбы за независимость, когда центры Австро-Венгрии стали средоточием просвещения возрождающейся национальной культуры.

¹ Улунян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877 – 1878. М., 1994.

² Христов Д. Теоретические основы болгарской народной музыки. Метрика, ритмика, ладовые и гармонические особенности. М., 1959. (Сокращенный перевод на русский язык книги, вышедшей в свет в 1916 г.)

³ Гайда — народный болгарский инструмент типа волынки.

⁴ Добре Христов приводит ритм, бытующий в Болгарии и известный на Востоке под названием «девр хинди». См.: Христов Д. Теоретические основы болгарской народной музыки. С. 12.

⁵ Обращаясь к уже упомянутой работе Д. Христова, надо отметить тот факт, что ученый приводит названия более десятка ладов и типов ритмических структур, входящих в болгарскую музыку, определяя их турецкими названиями (усуль турк аксак, усуль урук аксак). Это говорит об их активном бытовании на территории страны. Надо отметить, что и турки восприняли некоторые исконно болгарские музыкальные элементы. Так, ритм под названием «мондра усулу» (или «пастушеский ритм») известен еще как «булгаристан усулу».

⁶ Крыстев В. Очерки по истории болгарской музыки. М., 1973. С. 24.

⁷ Христов Д. «Ритмические основы нашей народной музыки» (София, 1913), а также неоднократно упомянутая выше работа — «Теоретические основы болгарской народной музыки».

Австро-Венгрия и Россия

Т.М. Исламов

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ (КОНЕЦ XVIII — XIX ВВ.)

Отношения между великими державами, расположенными в соседних историко-географических регионах, на общем геополитическом пространстве всегда носят особый характер. Это, можно сказать, аксиома международных отношений. Опыт истории показывает, что даже состоящие в этническом родстве соседи чаще враждуют, нежели дружат. Их взаимоотношения нередко омрачают нерешенные проблемы, ссоры и конфликты. Добрососедство в истории международных и межгосударственных отношений, к сожалению, не правило, а редкое исключение.

С точки зрения конфликтности и противоречивости интересов взаимоотношения империй Романовых и Габсбургов не составляли исключения. С той весьма существенной и, как правило, игнорируемой в историографии разницей, что в русско-австрийских отношениях, если их рассматривать объективно, без негативной эмоциональной нагрузки последнего этапа существования двух империй, достаточно длительное время доминировали взаимная корректность и дух сотрудничества. Причина этого не в какой-то необыкновенной близости двух династий и дворов. Наоборот. Романовы, как известно, искавшие невест и женихов при всех, даже самых захудалых, немецких дворах, по каким-то причинам обходили своим вниманием имперский венский двор — самый престижный в феодальной Европе. Едва ли не единственным исключением из этого правила стал брак великой княгини Александры Павловны с эрцгерцогом Иосифом Габсбургом, палатином (наместником) Венгрии. Однако ввиду ранней кончины в 1801 г.

Александры Павловны на политике этот брак никак не отразился.

Габсбурги тоже не особенно стремились породниться с Романовыми, несмотря на то, что, свято соблюдая фамильную традицию, относились к бракам, пожалуй, серьезнее, чем все другие европейские династии. В историографии неоднократно высказывалось мнение — возможно, спорное, но трудно оспариваемое, — что династические браки являлись альфой и омегой австрийской политики, поскольку именно этим бракам империя обязана многими своими приобретениями. Недаром же в свое время широчайшее распространение получила крылатая фраза: «*Tu felix Austria nube*». Поэтому, надо полагать, в русско-австрийских отношениях фактор династических браков был настолько незначительной величиной (*quantité negligeable*), что его можно не принимать в расчет.

Остается единственная причина — политический интерес. Этот интерес был связан — помимо дел германских и польских — с мощным воздействием на австро-русские отношения третьего фактора — Османской империи. Со времени падения Константинополя (1453) Блистательная Порта, овладевшая обширными пространствами Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья, была в этой части континента единственной великой державой, пока к ней не присоединились в начале XVI в. монархия Габсбургов, а в первой трети XVIII в. — Россия. Именно Османская империя прочно и надолго связала друг с другом Россию и Австрию, хотя османский фактор объективно представлял неодинаковую ценность и значимость для Москвы (впоследствии Санкт-Петербурга) и для Вены.

Во-первых, Австрия длительное время была вынуждена отражать натиск османов, а набиравшая силу держава Романовых, непрерывно расширявшаяся во всех четырех направлениях, придерживалась в отношении Турции стратегии экспансии и постоянно вела с ней наступательные войны. Во-вторых, если в XVI – XVII вв. турки-османы постоянно угрожали собственно австрийским провинциям и дважды осаждали Вену, то российской столице турки не угрожали ни разу. В-третьих, в войнах с турками-османами русские завоевывали себе новое «жизненное пространство», австрийцы же, поддержанные Венгрией и славянскими народами империи Габсбургов, прежде всего спасали свои страны от порабощения.

Стратегическая ситуация в Юго-Восточной Европе коренным образом изменилась после решающего поражения османов под Веной в 1683 г. Историческая победа стала возможной благодаря объединению под знаменами Габсбургов европейских сил, в числе которых было

и польское войско, ведомое королем Яном Собеским. Начиная с этого времени явственно обозначился упадок османского могущества в Европе. Мирный договор, подписанный в январе 1699 г. в Сремских Карловцах, зафиксировал освобождение почти всей Венгрии и Трансильвании за исключением Темешварского Баната. Османы признали присоединение к Венецианской республике Мореи и большей части Далмации, вернули Польше Подолию. Вообще, говоря об одержанных в конце XVII в. исторических победах над османами; следует отдать должное военному дарованию таких блистательных военачальников, как принц Евгений Савойский, организаторским талантам государей из дома Габсбургов, сумевших поставить на службу войне материальные и людские ресурсы почти всей Европы, а также героическому сопротивлению славянских и неславянских народов Балкан и Центральной Европы и тем жертвам, которые они принесли на алтарь победы.

Таким образом, в начале XVIII в. границы между христианской Европой и исламской Турцией стабилизировались, и в течение более полувека Габсбурги не предпринимали сколько-нибудь серьезных усилий, чтобы развить свой успех и отбросить османов дальше на юго-восток, к Малой Азии. Стратегическую инициативу в деле вытеснения власти полумесяца из Европы прочно взяли в свои руки Романовы. Австрии пришлось, как показал весь ход событий в XIX в., довольствоваться скромной ролью ассистента Царской России в деле освобождения балканских народов от османского ига.

Одним словом, в то время как Европа остановилась на пороге Балкан, не решаясь его переступить, с северо-востока османов начала теснить рвавшаяся к теплым морям держава великороссов. Упадок сил Порты, ее занятость на важнейшем для нее балкано-дунайском стратегическом направлении и на границах с Персией и в Закавказье, несомненно облегчил осуществление исторического прорыва петровской России к азовско-черноморскому бассейну. Окончательно эту задачу Россия решила при Екатерине II, завоевав Крымское ханство и основав мощные опорные пункты Севастополь и Херсон. В этой войне в роли единственной союзницы России выступала империя Габсбургов, что стало возможным благодаря дипломатическому дару и личному обаянию Екатерины II, а также тем особым отношениям, которые сложились у нее с императором Иосифом II.

Разобравшись в хитросплетениях международной обстановки второй половины XVIII в., русская царица виртуозно использовала в своих целях сначала Англию, затем Пруссию, и в конце концов даже глав-

ную свою соперницу в Восточном вопросе — империю Габсбургов. Речь при этом идет не только о дипломатической изоляции традиционных противников — Франции и Швеции, но и о прямой дипломатической, финансовой, материальной и прочей поддержке завоевательных войн царицы со стороны Великобритании, Пруссии и империи Габсбургов. Причем, последних в качестве прямых союзников. Разумеется, правители вышеперечисленных держав не раз выступали в роли оппонентов наступательной стратегии Екатерины II, но последней всякий раз удавалось воспользоваться услугами этих стран в самый нужный для себя момент.

Так, знаменитый прорыв огромной по тем временам русской эскадры в Средиземное море в 1769 – 1773 годах, имевший далекоидущие военно-стратегические и политические последствия, не мог состояться (и это совершенно очевидно) без благожелательного, как минимум, нейтралитета Великобритании, тогдашней «владычицы морей». Тем более, что русская армада снаряжалась в далекий поход на главной базе британского флота, в Портсмуте, а путь ее лежал через Ла Манш и Гибралтар. Известно также, что в славной для русского флота битве при Чесме (1770) сражались и английские моряки, в том числе в качестве капитанов. К сожалению, эта сторона блестящего дипломатического дарования императрицы не всегда находит должное освещение в отечественной исторической литературе ¹.

Австрийские имперские интересы и экспансионистские устремления России в тугой узел противоречий связала предпринятая последней на рубеже 60 – 70-х годов XVIII в. попытка форсированно решить Восточный вопрос. В русско-турецкой войне 1768 – 1774 годов Российская и Австрийская империи впервые в истории вошли в непосредственное соприкосновение друг с другом, когда войска Екатерины, овладев Дунайскими княжествами, приготовились штурмовать Родопы. В момент, когда перед русскими армиями открывался путь к Мраморному морю, Австрия, да и Европа в целом, испытали чувство страха и осознали опасность, исходившую от северного гиганта. Назревала угроза создания антирусской коалиции европейских держав, в роли инициатора которой собирались выступить австрийцы.

В громких победах русского оружия на суше и на море венский двор усмотрел угрозу не только своим балканским интересам, но самой империи, границы которой оказались вследствие занятия Молдавии и Валахии охваченными и с юго-востока. Для устранения этой опасности был необходим союз с Пруссией. Кроме того, этот союз, в случае его реализации, делал беспредметными любые совместные ак-

ции Пруссии и России в Польше, чем предотвращал саму угрозу ее раздела. Ради устранения русской угрозы Иосиф был готов пойти на серьезные жертвы, не исключая возможности «списать» Силезию, чтобы в союзе с Пруссией выступить против русских экспансионистских планов в отношении Османской империи и Польши.

Но Фридриха II не прельстила даже идея более чем равноценного обмена австрийской Силезии на Саксонию, выдвинутая Иосифом II. Союзу с Австрией Фридрих предпочел союз с Россией и тем самым фактически предрешил будущее развитие событий вокруг польского вопроса. Он не мог забыть, что именно Россия гарантировала ему обладание Силезией, как это предусматривал русско-прусский союзный договор 1768 г. Показное заигрывание прусского короля с Габсбургами было скорее демонстрацией в сторону северного соседа, рассчитанной на то, чтобы сделать последнего более уступчивым в отношении прусских притязаний. В результате Иосиф II и Фридрих II подписали ни к чему не обязывавший договор о нейтралитете и заранее обреченное на провал совместное обращение с предложением австро-прусского посредничества в русско-турецком вооруженном конфликте².

Сомнительная честь выступить с демаршем в Петербурге, естественно, выпала на долю австрийской дипломатии. Правда, сама идея первоначально исходила от Австрии, которая пыталась остановить дальнейший рост могущества России за счет слабеющей Османской империи путем навязывания Санкт-Петербургу совместного австро-прусского посредничества между Россией и Портой для прекращения войны. Канцлер В. А. Кауниц не без оснований считал, что не в интересах Пруссии дальнейшее продолжение русского наступления с перспективой падения Порты. Австрия, говорил Кауниц, не склонна признать русские притязания на Дунайские княжества, ибо не желает иметь общие с Россией границы. Она готова соединить свои усилия с Пруссией, если та воздержится от нападения на нее в случае австро-русского конфликта. Но прусский король, естественно, уклонился от подобных обязательств.

Основной смысл австрийских предложений сводился к навязыванию Петербургу австро-прусского арбитража с тем, чтобы спасти Порту, консолидировать Польшу, а заодно и кое-что приобрести за посреднические услуги. Но король, в противоположность Габсбургам, вовсе не собирался реанимировать безнадежно больную Речь Посполитую. Фридрих хотел намного большего, чем могло дать совместное с Австрией чреватое крупными неприятностями выступление против

северного соседа.

Между тем, после громкой победы в морском сражении при Чесме военное счастье отвернулось от русских. Из-за некомпетентности командующего русской эскадрой в Средиземном море Г. Г. Орлова был упущен величайший, быть может единственный, в истории России шанс овладеть Дарданеллами³. Встревоженная перспективой перехода Дарданелл в руки русских, Великобритания отозвала своих моряков из русского флота⁴. Русско-турецкая война 1768 – 1774 годов фактически закончилась уже в июле 1772 г., когда Россия вынуждена была подписать перемирие с турками.

Единственный «верный» союзник и советчик Екатерины, Фридрих II Прусский ликовал. Настал момент, когда без большого труда можно было оторвать Россию от восточных дел, целиком и полностью переключить на «решение» польского вопроса. Одновременно наступила длительная полоса охлаждения в англо-русских отношениях, которую Россия в какой-то мере пыталась уравновесить демонстративным сближением с империей Габсбургов. В поисках новой дипломатической компенсации за уплывавшую в туманную даль британскую дружбу взоры русской дипломатии вновь обратились к Вене. Акции последней еще больше поднялись после того, как Порта попросила Австрию быть посредником в трудных турецко-русских переговорах⁵. За эти посреднические услуги Габсбурги получили от османов Буковину.

В июле 1771 г. австрийский посланник в Стамбуле Ф. Тугут подписал секретное соглашение, по которому Австрия обязалась склонить Россию к миру с Османской империей и добиться освобождения Польши от русского протектората⁶. Мария Терезия, однако, уклонилась от ратификации соглашения, ограничившись демонстративной мобилизацией своей армии, при этом строго запретив войскам всякие передвижения у границ занятых русскими войсками Дунайских княжеств. Иосиф, горевший желанием выступить во главе войска в поход, был взбешен бездействием матери. Но та была непоколебима, ибо предвидела риск столкновения со «страшной коалицией» России и Пруссии, и укоряла сына, желающего «маршировать против России», в игнорировании угрозы такой войны⁷.

Одновременно в Санкт-Петербурге воспряла духом «австрийская партия». Настало время соединить Россию со «знатнейшими на твердой земле Европы державами — Австрией и Пруссией», — писал в феврале 1772 г. Н. И. Панин А. Г. Орлову⁸. Созрела идея новой дипломатической комбинации — тройственного союза России, Прус-

сии и Австрии — с целью решения стратегической задачи века для русской внешней политики, каковой являлось овладение бассейном Черного моря и выход на средиземноморские просторы. Особая роль в этой комбинации отводилась Австрии, которая должна была в системе русских союзов заменить Англию. Первым делом для этого необходимо было оторвать ее от Франции, а часть Польши, принесенная Габсбургам в качестве жертвенного дара, должна была служить хорошей приманкой. Устойчивого в длительной перспективе тройственного союза не получилось, не в последнюю очередь вследствие нового обострения во второй половине 1770-х годов австро-прусских противоречий из-за Силезии и борьбы за гегемонию в Германии.

Весной 1771 г. в дипломатических кругах русской столицы был пущен слух о том, что Н. И. Панин мечтает о «соединении с Австрией»⁹. Выдержав паузу, австрийцы подхватили русскую инициативу. В январе 1772 г. канцлер Кауниц высказал послу России мнение о возможности применить сотрудничество двух императорских дворов «в польских делах и по отношению к Турции»¹⁰. Так в лице Габсбургов Россия обрела ценного союзника для осуществления своих замыслов не только в Польше, но и на Ближнем Востоке. И это было в перспективе, может быть, даже важнее, чем решение польского вопроса, ставшего усилиями в первую очередь России частью Восточного вопроса, практически его придатком. В письме А. Г. Орлову от 28 июня 1772 г. царица указывала, что благодаря привлечению к польскому разделу Австрии мы добились «отступления венского двора от противной нам системы (союза с Францией — *Т. И.*) и его сближения с нами и с королем прусским»¹¹.

Австро-русское сотрудничество, упрочившееся в результате раздела Польши, содействовало реализации русских планов в отношении Османской империи. Екатерина проявила блестящее дипломатическое искусство и стратегическую дальновидность, установив прочные союзнические отношения с империей Габсбургов. Пустив в ход все свое обаяние, она добилась влияния на императора Иосифа II, используя слабости этой незаурядной личности. Успешные войны с Турцией за Крым при поддержке союзной Австрии в 80-х годах, а также приглашение на роль арбитра на Тешенский конгресс для завершения очередной австро-прусской войны за обладание Баварией закрепили ведущие позиции екатерининской России в качестве гаранта сохранения status quo в поствестфальской, раздробленной на десятки удельных княжеств и раздираемой прусско-австрийской непримиримой враждой Германии.

Бурная эпоха Великой Французской революции, войн с революционной и наполеоновской Францией, сменившаяся эпохой реставрации и «Священного союза», были, пожалуй, самыми стабильными и безоблачными во взаимоотношениях империи Габсбургов с Россией.

Не поколебали доверительных отношений между двумя дворами и европейские революции 1848 – 1849 годов. Романовы с готовностью пришли на помощь Австрийскому дому по первому зову 18-летнего императора Франца Иосифа, чтобы сохранить его господство в Венгрии. И все-таки безоблачность и доверительность во взаимоотношениях двух консервативных монархий не снимали противоположности их интересов на Балканах, и в особенности в связи с соперничеством за обладание Дунайскими княжествами. Весной 1849 г., в разгар тяжелейшей для Австрии войны в Венгрии, когда русский посол в Вене Медем характеризовал состояние австро-русских отношений как «*entente cordiale*», посол Австрийской империи в Петербурге К. Буоль-Шауенштайн предупреждал свое правительство о возможных «серьезных затруднениях» с Россией из-за Восточного вопроса. Австрия должна собрать все свои силы и энергию, писал он, чтобы быть готовой «отстаивать свои политические и экономические интересы перед лицом грозного соседа»¹². После подавления венгерской революции 1848 – 1849 годов с помощью царских армий ослабленная революционными потрясениями и внутренними неурядицами Австрийская империя на некоторое время оказалась в полной зависимости от северного соседа. Дошло до того, что царь Николай I считал удобным в общении с иностранцами говорить от имени Австрийской империи.

В начале 50-х годов XIX в. благодарный за спасение трона, но глубоко униженный в своей габсбургско-лотарингской фамильной гордости Франц Иосиф еще терпел почти отеческую опеку царя несмотря на очевидное расхождение интересов в делах восточных. Он также не мог позволить себе раздражать своего спасителя-опекуна из-за напряженности в отношениях с Берлином. Тем не менее именно прочный союз с Россией помог венскому двору достаточно быстро оправиться от шока 1848 г. и занять свое место среди европейских держав.

Не меньшее значение имело решительное выступление в пользу Австрии островной державы. Британский премьер Г. Пальмерстон публично заявил, что Великобритания считает сильную и неделимую Австрию «европейской необходимостью». «Австрия, — сказал он, — является важнейшим элементом равновесия европейских держав. Ав-

стрия стоит в центре Европы как барьер против покушения с одной стороны и против вторжения — с другой. Политическая независимость и свобода Европы связаны, по моему мнению, с сохранением Австрии и ее целостности в качестве великой европейской державы»¹³. Предупреждение было обращено не только к Пруссии, Италии и Венгрии, но и к России.

Позиция Великобритании как нельзя лучше устраивала нового главу австрийского внешнеполитического ведомства К. Ф. Буоль-Шауенштайна, убежденного сторонника проанглийской ориентации, которую дополняла враждебность по отношению к России и Николаю I, выработанная им в бытность послом при петербургском дворе в 1850 – 1852 годах. Именно ему было суждено совершить крутой поворот в традиционной австрийской политике, у истоков которой стоял еще Иосиф II. Через два года после прихода Буоль-Шауенштайна в особняк на Бальхаузплац Австрия заключила антирусский союз с Англией и Францией, как раз накануне их схватки с Россией на земле Крыма. Поразившее мир своей черной неблагодарностью поведение Габсбургов во время Крымской кампании слишком хорошо описано во всех учебниках, чтобы останавливаться на нем подробно. Важно в этой связи отметить роковые для самой Австрии последствия ее опрометчивого антирусского выступления, которые далеко превзошли сиюминутные выгоды, полученные ею от демонстрации своей неблагодарности и не слишком благородного поведения.

Оккупацией Дунайских княжеств Австрии не удалось реализовать свою давнюю мечту — овладеть нижним течением Дуная с выходом в Черное море. Отношения же с великим северным соседом были безнадежно испорчены. И когда грянули новые роковые осложнения с Италией, Францией и Пруссией, империя Габсбургов, лишившаяся русской поддержки, оказалась у разбитого корыта. Ей пришлось окончательно распрощаться с остатками владений в Северной Италии, уйти из Германии, признать ведущую роль новой Германской империи, своего извечного северогерманского соперника. Эти обстоятельства, а также преобразование в 1867 г. единой империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию сопровождались коренной ломкой ее внешнеполитических ориентиров.

Приоритетной стала восточная, точнее балканская политика, продиктованная желанием компенсировать неудачи на западе экспансией на юго-востоке. На почве все более обострявшейся борьбы за гегемонию на Балканах ухудшение отношений с Россией приобрело хронический характер, который не могли изменить периоды вынужден-

ного сотрудничества на почве тех же балканских конфликтов, связанных с ростом национально-освободительных движений поработенных османами народов полуострова.

Правда, в лице новой Германской империи Австро-Венгрия обрела устойчивого и в известном смысле надежного стратегического партнера, но позднее за союз с Германией ей пришлось заплатить дорогую цену. Имея прочную опору на севере и гарантированную безопасность своей территориальной целостности и границ, австро-венгерская дипломатия могла достаточно уверенно действовать на Востоке, завоевывать новые и расширять старые позиции на Балканах, пользуясь косвенной, а нередко и прямой поддержкой Берлина. Именно Берлин и Берлинский конгресс помогли Австро-Венгрии в 1878 г. заполучить Боснию-Герцеговину. Правители двуединой монархии, да и некоторые современные консервативные историки, оправдывали захват османских провинций неумолимой необходимостью, тем, что Босния-Герцеговина представляют собой «естественный хинтерланд» входившей в состав Австрии Далмации («das natürliche Hinterland Dalmatiens») ¹⁴. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться в правдоподобности этих аргументов.

Сиюминутная «материальная» и военно-стратегическая выгода, полученная Австро-Венгрией от оккупации османских провинций со славянским населением, многократно перевешивалась крупнейшими неприятностями и угрозами, которые принесла двуединой монархии оккупация как во внутривосточной сфере, так и в международных отношениях. В Вене и Будапеште должны были понять, что Россия никогда не простит Австро-Венгрии того, что та отняла у русских плоды победы в восьмой по счету русско-турецкой войне, добытые таким трудом и большой кровью. Между двумя великими континентальными империями, взаимоотношения которых в течение всего XVIII и большей части XIX вв. были более или менее взаимовыгодными, пролегла отныне глубокая пропасть. Безнадежно испорченными оказались отношения монархии с соседними сербскими княжествами — Сербией и Черногорией, поскольку захват Австро-Венгрией османских провинций сводил к нулю надежды на создание «Великой Сербии» путем присоединения Боснии и Герцеговины.

Но хуже всего как с точки зрения общеевропейского равновесия, так и будущей судьбы самой монархии, помимо обострения русско-австро-венгерских отношений, стало роковое сближение между Габсбургами и Гогенцоллернами сразу же после Берлинского конгресса. Оно выразилось в заключении в 1879 г. союзного договора между Ав-

стро-Венгрией и Германской империей. Тем самым был сделан первый губительный шаг к образованию антагонистических военнополитических блоков в Европе, шаг в направлении к далекой еще мировой войне.

Приобретение Боснии-Герцеговины при активной германской поддержке дорого обошлось самой Австро-Венгерской монархии, которая медленно, но верно втягивалась в орбиту военнополитических интересов Германии при одновременном усилении враждебности к России. Уже в ходе Восточного кризиса 1875 – 1878 годов стало очевидно, что без гарантии австро-венгерского нейтралитета и в случае возможного конфликта с монархией России придется иметь дело и с Германией. Т. е. основы устойчивых союзнических отношений Германии и Австро-Венгрии возникли не после Берлинского конгресса, как принято считать, а до него. Этот союз, однако, не был встречен однозначно и в самой Австро-Венгрии. Вполне устраивавший правящие круги как в Вене, так и в Будапеште, австро-германский альянс отнюдь не вызывал восторгов, не только у югославян Австрии и Венгрии, но и в Праге.

Наиболее дальновидные из чешских политиков опасались, что слишком тесное сближение монархии с Берлином может обернуться в конечном счете утратой ее внешнеполитической самостоятельности. Будущий выдающийся национальный лидер чехов Т. Г. Масарик, тогда еще безусловно преданный династии и империи, уже в конце 80-х годов бил тревогу по поводу того, что двуединая монархия попадает в «полуколонияльную зависимость от экспансионистской внешней политики» кайзеровской Германии. Выступая в австрийском парламенте в июне 1893 г. он предупреждал правителей империи, что Тройственный союз, в который входила Австро-Венгрия, по своей природе ориентирован на войну, последствия которой в силу колоссального скачка в технике и в развитии вооружений будут несравненно худшими, чем те, что пережил мир во всех прежних войнах¹⁵. Однако до полного разрыва между консервативными державами Средней и Восточной Европы было еще далеко.

В ходе визита русского министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского в Вену в августе 1896 г. наметилось очередное сближение двух держав. Поскольку делить в это время было нечего, договорились не нарушать *status quo ante* (т. е. до Берлинского конгресса), иными словами, поддерживать целостность Османской империи и стабилизацию на Балканах. Наша отечественная славистика характеризует сложившуюся в конце XIX в. на полуострове ситуацию как «обо-

ронительную» для России, и «наступательную» для Австро-Венгрии¹⁶. Действительно, на рубеже XIX – XX вв. балканская политика царизма, целиком поглощенного дальневосточной экспансией, не отличалась особой агрессивностью. Корея казалась целью более реальной и достижимой, чем Босфор и Дарданеллы. Но назвать балканскую политику гибкой, тактичной или особенно дипломатичной тоже вряд ли уместно. В ходе болгарского кризиса 1885 г. российское правительство, официально осудив воссоединение Восточной Румелии с Болгарией, повело себя, мягко говоря, недостойным образом, выступив против находившейся под русским покровительством славянской, православной болгарской нации. Может быть, отчасти этим и объясняется достаточно нелюбимая оценка балканской политики Санкт-Петербурга в современной болгарской исторической литературе¹⁷.

Миролюбивый тон, взятый Санкт-Петербургом в отношении Австро-Венгрии, диктовался резким ухудшением англо-русских отношений на почве столкновения русской экспансии с британским империализмом в Афганистане, Средней Азии, Иране и на Дальнем Востоке, где англичане активно поддерживали Японию. В такой обстановке провоцировать новые осложнения на Балканах с неминуемым риском конфликта с Австро-Венгрией, а, возможно, и с ее союзницей Германией, было в высшей степени опрометчиво. Именно этими соображениями, а не желанием «обороняться» на Балканах, где Россию никто и не собирался атаковать, руководствовался А. Б. Лобанов-Ростовский, отправляясь летом 1896 г. в Вену и Берлин. 15 (27) августа на Бальхауплац у него состоялись две продолжительные беседы с австро-венгерским коллегой, галицийским аристократом графом А. Голуховским. Русский дипломат, подчеркнув значительность интересов России на Дальнем Востоке, с подкупающей откровенностью говорил о своей озабоченности вопросом о Суэцком канале, поскольку через него проходили важнейшие коммуникации (в отсутствие Транссибирской железнодорожной магистрали) европейской России с бассейном Китайского и Японского морей. На следующий день Лобанов-Ростовский еще более настойчиво и откровенно говорил с послом Германии в Вене о своих заботах, в особенности о контролируемом Англией Суэцком канале, стремясь заручиться германской поддержкой против Великобритании, которая, по его словам, перерезала пути там, «где это не может быть приемлемо для великих держав»¹⁸.

Первоочередной задачей России в конце века являлась, таким образом, противодействие английской политике на востоке, а не австро-венгерской на Балканах, и прежде всего, обеспечение при поддержке

центральных держав, а также, естественно и Франции, свободы мореплавания через Суэц. Это означало, что хирургическое решение — лечение «больного человека» откладывалось на неопределенное время. И в таком деле без активного содействия монархии Габсбургов Россия обойтись никак не могла.

¹ Примером пренебрежения подобного рода историческими фактами является статья в авторитетном научном журнале «Отечественная история», посвященная 300-летию юбилею российского флота. В весьма содержательном и квалифицированном исследовании не нашлось места для фактов позитивного характера, зато читателю напоминает об антирусских кознях коварных англичан. О том, что в 1806 г. «в Лондоне начала формироваться доктрина неприкосновенности Османской империи как основа антироссийской политики (подчеркнуто мною — Т. И.) в регионе Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы». См.: Басов А. В., Москоленко М. В. «К силе земной присовокупить и морскую...» // Отечественная история. 1996. № 5. С. 83. Во-первых, надо полагать, что авторы имели в виду не «неприкосновенность» Османской империи, а ее сохранение, хотя и в сильно урезанном виде. Во-вторых, этот принцип не англичанами был придуман, и не в XIX в. В практике европейских международных отношений он успешно применялся уже в XVIII в., и не только традиционным европейским союзником османов, Францией, но также Австрией и Пруссией.

² Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 124 – 126.

³ Sugar P. F. Southeastern Europe under Ottoman rule, 1354 – 1804. Washington, 1977. P. 206.

⁴ Ibid. P. 204 – 205.

⁵ Fussenegger G. Maria Theresia. Wien, 1980. S. 281.

⁶ Vallotton H. Kaiserin Maria Theresia. Herrscherin und Mutter. Hamburg, 1968. S. 266.

⁷ Ibid. S. 267.

⁸ Сборник Русского Исторического Общества (далее: РИО). СПб., 1876. Т. 18. С. 22.

⁹ Там же. Т. 19. С. 204.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 154.

¹¹ Там же. Т. 19. С. 83.

¹² Heindl W. Graf Buol-Schauenstein in St. Petersburg und London (1849 – 1852). Wien, 1970. S. 52.

¹³ Ibid. S. 54.

¹⁴ Zöllner E. Geschichte Österreichs. Wien, 1984. S. 421.

¹⁵ Opat J. Masaryk und Österreich // Der Donauraum. 1995. Hft. 3. S. 38.

¹⁶ См. монографию С. И. Данченко, аккумулирующую новейшие достижения современной российской славистики: *Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878 – 1903.* М., 1996. С. 413 – 415.

¹⁷ Свежий тому пример — монография талантливой болгарской исследовательницы Н. Дюлгеровой, основанная, в частности, на материалах Архива Внешней Политики Российской Империи. См.: *Дюлгерова Н. Руски штрихи към източния въпрос (1894 – 1904). Амбиции и планове на имперската дипломатия.* София, 1997.

¹⁸ «Все наше внимание обращено на Дальний Восток, — что мы можем сделать там без канала?» — вопрошал посол царя. См.: *Die Grosse Politik der europäischen Kabinette.* Bd. X1. 2747.

РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. ОБЗОР

Проблема «Россия — Запад» принадлежит к такому избранному кругу тем, над которым не властны ни изменчивые интеллектуальные приоритеты, ни политические пристрастия. С каждым новым «веянием времени» она обрывает философско-историческими построениями и фактическими подробностями. В наши дни, когда споры о границах европейской цивилизации приобрели чрезвычайную остроту, вопрос о характере взаимоотношений России с западными странами звучал с новой силой. Существует ли особый путь России? В чем истоки дихотомии «Россия — Запад», которой никогда не суждено стать тождеством? Поиску ответов на эти вопросы посвящен значительный круг современных исследований — от фундаментального издания источников Льва Копшелева до салонных рассуждений Бориса Гройса о том, что Россия — есть подсознание Запада.

Тонкий знаток истории культуры А. Н. Пыпин, известный своими демократическими убеждениями, еще в 1889 г. писал, что перед европейским общественным мнением возник целый исторический вопрос «о громадном племени, вступившем с начала XVIII в. в среду европейских народов: что представляет собой это племя и какое его происхождение; какие оно несет с собой исторические задатки; способно ли оно по своему историческому воспитанию или даже по своим племенным свойствам воспринять европейскую цивилизацию и примкнуть к движению европейских народов...»¹. Оставляя в стороне литературу политического памфлета, А. Н. Пыпин проследил по материалам европейской публицистики прошлого столетия общие тенденции в освещении этого «русского вопроса». И вывод был малоутешительным — «о русском обществе известно было очень мало, но знали очень хорошо, что в России нет самостоятельного общественного мнения, что народная масса была в полном рабстве и что русская политика найдет в громадном народе безусловно покорного исполнителя»². Иными словами, Россия была «обречена» являть собой на Западе источник потенциальной агрессии. Закоренелое нерасположение европейских публицистов прошлого столетия к России констатирует также немецкий историк Дитер Грох, который проанализировал в своей книге «Россия в глазах Европы» (1988) значительное

количество источников и литературы. Весь XIX век, по его мнению, осуществлялась «идеологическая борьба против России под девизом борьбы свободы с деспотией, развития против стагнации, культуры с варварством»³. Подобное «фатальное непонимание» отразилось и в российской литературно-исторической традиции.

Казалось бы, все уже определено и доказано — европейское общество с устоявшимися либеральными ценностями настороженно (а иногда и откровенно враждебно) относилось к российской действительности и имело о ней весьма приблизительные сведения. Однако вопрос о месте русской культуры в культуре европейской — не только предмет академических обсуждений, но и глобальная проблема межнационального общения, вмещающая множество исторических сюжетов, зачастую опровергающих стереотип о «фатальном непонимании» двух полярных «миров».

Значительным явлением в разработке проблемы «Россия — Европа» стало издание в Вене в 1990 г. сборника «Россия в венских журналах и альманахах домартовского периода (1805 – 1848)». Употребленный в названии книги термин «das Vormärz», часто встречающийся в немецкоязычной литературе, обозначает эпоху до мартовской революции 1848 г. Это первый том крупного проекта, осуществленного австрийской слависткой Гертрауд Маринелли-Кёниг. Масштаб уже вышедших томов впечатляет: автор собрала, обработала и систематизировала сведения о славянских народах, опубликованные в венской прессе в первой половине XIX в. Первый том, о котором идет речь, посвящен России, второй — полякам и русинам, третий — южным славянам⁴.

С одной стороны, это библиографическое издание, своего рода инвентарная опись всех сведений о России, расположенных в хронологическом и тематическом порядке. С другой стороны, перед читателем воссоздается из массы фактов общественная жизнь России, ее духовные, политические и экономические потребности, реалии государственной политики. Пестрая мозаичная картина, отраженная в зеркале венской прессы. Было ли это кривым отражением? Ответить на этот вопрос предстоит нам, читателям. Особенностью издания является своеобразная позиция, занятая его составителем.

Гертрауд Маринелли-Кёниг воздерживается от анализа собранных сведений, предоставляя читателю решать самому, насколько компетентно и разносторонне отражены реалии Российской империи. Однако это в высшей степени «субъективное» издание, поскольку авторский вкус и подход проявляются не только в структурировании гро-

материала, но и в самом его отборе. Ведь приводятся лишь отрывки из журнальных статей, выбранные ею самой. Хотя авторское «я» деликатно остается как бы вне представленного материала: даже во вступительной части, при характеристике источников она предпочитает дать репринтную статью некоего Шмидта «Состояние журналистики в Австрии», опубликованную в марте 1846 г.

1. Источники. В Австрии в 1800 – 1848 годах издавалось 234 журнала, причем 189 выходило в Вене. Из них было выбрано 35 венских журналов преимущественно просветительского и культурно-развлекательного направления. Это искусствоведческие, театральные, литературные журналы, издания по домоводству и литература для домашнего чтения, различного рода справочные еженедельники и др. — словом, журналы без выраженной политической ориентации, те, что придерживались главным образом официальной точки зрения и были популярны в широких слоях общества. Нельзя вновь не отметить деликатную предусмотрительность составителя, поместившего в качестве примера список абонентов журнала «Wiener Zuschauer» за 1842 г., где указаны их род деятельности и место жительства. Это в основном образованные представители средних городских слоев (чиновники и торговцы) из австрийских наследственных земель, Чехии, Моравии и Венгрии.

Журналы выходили в разное время: самые устойчивые из них — «Wiener Theaterzeitung» (1806 – 1860), «Sammler» (1809 – 1845), «Wiener Zeitschrift» (1809 – 1849). Другим удавалось просуществовать лишь пару лет «Literarisches Wochenblatt» (1804), «Magazin für Zeitungsleser» (1816 – 1817), «Konversationsblatt» (1819 – 1822). Верхней хронологической границей является, как уже отмечалось, 1848 год. Во время мартовской революции в Вене появилось 50 новых печатных изданий, но их материалы не рассматривались, поскольку, по мнению Маринелли-Кёниг, не могли адекватно отражать действительность, были преисполнены революционной эйфории и заслуживают поэтому отдельного анализа. Таким образом, материалы, представленные в данном издании, не имеют определенного политического подтекста. В основной своей массе это публикации на актуальные ежедневные темы из культурной жизни России, отражение тогдашних нравов и духовных пристрастий. В небольшой заключительной части автор прямо констатирует, что о России писали как об успешно развивающейся стране, особо подчеркивая при этом роль государства в поощрении науки, искусства и экономики. (С. XXV) ⁵

II. Фактор времени играет при анализе любого сборника докумен-

тов определяющую роль. Избранный период отличался стабильностью в отношениях между двумя империями. Династический принцип и традиционализм в европейской политике сближали Вену и Петербург, союзнические обязательства которых выдержали испытания наполеоновскими войсками, волнениями на Балканах, нерешенностью германского вопроса, разделами Польши. Благожелательный тон при подаче информации гарантировался цензурным контролем, весьма строгим как в России, так и в Австрии. Но несмотря на общую традицию абсолютизма и имперский принцип государственности, страны существенно различались между собой. Крепостное право, преследование иноверцев в России были для венской публики отголосками уже давно минувшего времени.

III. Тематический диапазон чрезвычайно велик. Даже самое простое перечисление всех глав, рубрик и подрубрик этого издания заняло бы несколько страниц.

Составитель настолько тщательно систематизировал сведения, что достаточно было одного предложения или беглого упоминания того или иного факта, чтобы оно было им зафиксировано. Условно весь объем материалов можно разделить на три большие группы. Более половины всех фактов отражает развитие науки и культуры в России, при этом особое внимание обращается на сведения о русско-германских взаимоотношениях. Несомненная ценность этого издания — наличие информации об издании за рубежом и в России книг на русские сюжеты. В разделе «Литература» приводятся материалы не только о русских писателях, литературных критиках, но и немецкоязычная антология русской беллетристики, сведения о различных литературных течениях и тенденциях. Славистика, равно как и русистика, византиноведение, индогерманистика, сравнительное языкознание, монголоистика, финноугроведение отнесены в раздел «Языкознание». Развитию исторической науки в России и занимательным сюжетам из российской истории, а также археологии и нумизматике посвящен раздел «История». Сведения о структуре высшего и среднего образования в России содержатся в отдельной главе «Образовательные институты». Г. Маринелли-Кёниг свела в отдельные разделы даже сведения об изменениях по службе у российских ученых. В издании есть также раздел «Искусство».

Вторая группа материалов посвящена общественным проблемам, которые освещаются в разделах «Религия», «Право», «Страноведение». В них содержатся сведения о том, что представляло собой российское общество, как русские воспринимали границу, путевые впе-

чтления иностранцев от России, характер народных праздников, развлечения и забавы на Руси, особенности правового положения и быта различных сословий, а также многочисленные статистические сведения.

Наконец, последнюю группу материалов можно определить как экономико-географическая информация (разделы «Политическая экономия», «Природоведение и математика»). Здесь речь идет о многих предметах, зачастую не связанных напрямую друг с другом. В одном разделе мы находим сведения об армии и сразу же — о полезных ископаемых и горном деле; о средствах коммуникации и банковских ценных бумагах; а за рыболовством и охотоведением следует подраздел «Бедность и нужда». Что же касается последнего раздела, то и здесь смешанная информация: с подразделом «Палеонтология и антропология» соседствуют «Астрономия» и «Метеорология», далее речь идет о химии, ботанике, медицине и математике.

Даже самому неискушенному читателю ясно, что это издание отличается чрезвычайная информационная насыщенность, что делает его полезным и необходимым при исследовании не только проблем австро-германо-российских отношений, но и в целом развития России в первой половине XIX в. Однако при более подробном ознакомлении кажется излишним столь детальное дробление. Нередко сведения, приводимые в подразделах, дублируют друг друга. К примеру, «Литературная критика» и «Литературная историография» или «Источники по русской истории» и «Издание источников», «Правовое положение подданных Российской империи» и «Правовое положение еврейских подданных». Слишком детальная, на наш взгляд, систематизация приводит к тому, что отдельный факт «вырывается» из общего контекста статьи, и одна и та же информация разрывается по разным разделам, в результате чего теряется ее общий тон. Гораздо более интересно было бы прочитать ее целиком, чем в отдельных, увы, коротких отрывках. Такими «разорванными» на несколько фактов и сообщений читали статьи Филиппа Круга «Новейшая историческая и археологическая литература России» (1821), П. Кепшена «Об изучении народа и страноведении в России» (1822), Ф. Ваничека «О новейшей русской литературе» (1837), Вальтера «О новейших литературных явлениях в России», А. Лесбоо «Обзор новейшей русской литературы. Июнь 1819» (1819) и др.⁶. В целом, в этой книге выделено 120 самостоятельных тем, по каждой из которых в хронологическом порядке подобраны цитаты из рассматриваемых изданий.

IV. Рамки общего обзора не позволяют подробно проанализиро-

вать сведения, изложенные в сборнике. К тому же в этом нет необходимости — ведь лучше обратиться к самому источнику, чем к его пересказу. Остановимся поэтому на двух сюжетах, которые имеют прямое отношение к теме «Россия — Европа» и позволяют составить некоторое представление о том, как в Австрии воспринимали Россию.

О российской литературе и гуманитарных науках читатели венских журналов были хорошо информированы. Г. Маринелли-Кёниг удалось выявить сведения о 90 русских писателях. Интересно провести наблюдение над тем, какие авторы более всего привлекали внимание. Так, к примеру, о Е. А. Баратынском, о К. Н. Батюшкове — всего лишь одна незначительная строчка, зато крупные венские журналы с восторгом писали о творчестве А. А. Бестужева-Марлинского, констатируя, что «для русской прозы он имеет такое же значение, как Пушкин для русской поэзии». (С. 7) Высокая оценка, несмотря на то, что А. А. Бестужев-Марлинский из-за участия в декабрьском восстании был сослан в Сибирь, в 1829 г. переведен рядовым на Кавказ и в 1837 г. убит в бою.

В разделе «беллетристика» собраны сведения о И. И. Дмитриеве, Д. И. Фонвизине, С. А. Гedeонове, Н. В. Гоголе, А. В. Кольцове и других знаменитых и малоизвестных русских писателях. Самое большое количество откликов вызывало творчество А. С. Пушкина. С 1819 по 1846 г. его имя упоминалось 36 раз. При этом, как правило, подчеркивались достоинства его произведений и их близость к народным истокам. (С. 52 – 53). Интересно, что гонорары поэта не давали покоя журналистам. Так, в 1828 г. «Wiener Zeitschrift» восклицал: «Сколько, как Вы изволите предположить, получил этот поэт за „Бахчисарайский фонтан“, который Вы, вероятно, знаете в переводе Вулферта? Ни больше, ни меньше, как 3000 рублей серебром, а вся поэма состоит из 800 строф. Значит, за каждую по пять рублей. Кто из немецких издателей заплатил немецкому поэту подобный гонорар?» (С. 55) С начала 30-х годов А. С. Пушкина иначе как «гениальным», «Богом русской литературы» не называли. Здесь же встречаются сообщения о переводах его произведений на немецкий язык.

Источники, из которых венские журналисты черпали сведения о русской литературе, были в основном двух типов — это корреспонденции из России и аналитико-библиографические статьи русских и немецких авторов. О русской поэзии писал в начале 20-х гг. некий «Д. и К.» в «Konversationsblatt» под названием «О и из России». В середине 20-х годов в «Archiv für Geschichte» действовала рубрика

«Корреспонденции — Сообщения», где нередко печаталась литературная информация из России. Подробные литературные обзоры в высокопарном стиле публиковались под рубрикой «Русский салон» в конце 30-х гг. в «Юмористе», в 1843 г. здесь же была напечатана серия статей Филиппа Лебенштайна из Харькова. В обзорах фактически нет серьезной критики — это либо сухая библиографическая информация, либо позитивные оценки творчества того или иного литератора.

Для специалистов, занимающихся историей российско-германских отношений, вероятно, будет представлять интерес подраздел «Немецкоязычная антология русской беллетристики», где содержится редкая библиографическая информация. Хотя само название неточно, поскольку здесь приводятся сообщения об издании в Германии книг, посвященных как русской, так и украинской литературе. Не обошлось и без курьезов. Так, в сборнике романов «Русские истории» (1846: составитель Август Левальд) название известного произведения Н. В. Гоголя переведено как «Запорожские казаки, или Томас Булка». (С. 86)

Журналы довольно подробно информировали своих читателей о различных периодических изданиях, в том числе и на немецком языке, выходивших в России. В 1822 году «Archiv für Geographie» о 27 газетах и журналах, издаваемых в Санкт-Петербурге, о 5 в Москве, 9 в провинции и 6 на польском языке. (С. 152 – 156) Но сама информация ограничивалась лишь фактическими сведениями, почти без комментариев. Изредка встречаются оценки: в 1823 г. «Allgemeine Theaterzeitung» писала, что «Сын Отечества» — «старейшая и любимая ежедневная газета» (С. 156), а в 1827 г. «Wiener Zeitschrift» характеризовала «Московский Телеграф» как один из лучших русских журналов. (С. 158)

Вообще, во всем разделе, посвященном литературе, встречается немного материалов, имеющих критический анализ. Трудно сказать, является ли это следствием слишком детализированной, на наш взгляд, систематизации сведений, предпринятой составителем сборника, или результатом тогдашних цензурных запретов. Однако в целом можно констатировать, что к русской литературе относились как к яркому и значимому явлению, достойному внимания и признания образованного европейского общества. (С. 143) Для специалистов по истории российско-австро-германских отношений разделы по литературе и науке представляют большой интерес. Сильная их сторона — это редкая библиографическая информация и статистические сведения.

Гораздо меньше информации как в количественном, так и в каче-

ственным отношениям содержится в подразделе «Славистика» (раздел «Языкознание»). Помимо библиографических сведений об издании грамматик, славяно-русских словарей и старославянских рукописей, здесь есть два кратких упоминания о «филологическо-этнографических путешествиях» И. И. Срезневского и В. Григоровича и отрывок из рецензии проф. И. И. Ганнуша из Львова на русский перевод «Славянских древностей» П. Й. Шафарика, сделанный О. Бодянским. Рецензент в данном случае лишь отметил, что текст на русском языке появился раньше, чем был опубликован «богемский оригинал» в 1836. (С. 192) Если в сообщении о И. И. Срезневском лишь кратко перечисляются славянские земли, в которых он побывал (С. 192), то двухгодичное путешествие В. Григоровича по южнославянским странам характеризуется как весьма плодотворное (собрано 2000 старых рукописей, из них 450 на старославянском языке). (С. 193) Здесь же сообщается о серии статей Ледиса Глюкзелига «Критические заметки о славянской филологии», опубликованных в июле 1847 г.⁷ К сожалению, текст не приведен, а лишь отмечены издания, ставшие предметом этого критического разбора. Среди них — «Остромирово Евангелие», «Сазаво-эммаусское Святое Благовещение», «Начала священного языка славян», изданные В. Ганкой; «Начала старочешской грамматики» П. Й. Шафарика и др. (С. 194 – 195)

Любопытные сведения содержатся в подразделе «Этимология». Ученый из Карловиц К. Г. Руми в 1817 г. развлекал читателей своими гипотезами. Так, по его мнению, этноним «прусы» обозначал население, которое селилось на берегах реки Русса. Отсюда и название «по Руссе», указывающее на славянское происхождение. Позже эти племена подпали под власть германцев. (С. 201 – 202) В 1835 г. этот же автор, ссылаясь на сочинение Н. М. Карамзина «История Российской империи», пытался убедить читателей в том, что русские не являются славянским народом и по своим истокам принадлежат к венгерским племенам. В современном «русско-славянском диалекте», по его наблюдению, встречается гораздо больше венгерских слов, чем в любом другом славянском языке. (С. 203) Версию о «венгерском» происхождении древних русичей отстаивал еще в начале XIX в. профессор географии, истории и статистики Дерптского университета Иоганн Эверс (согласно сообщениям венгерских журналов за 1807 и 1815 годы.). (С. 270)

Различным историческим сюжетам посвящен отдельный раздел сборника. Значительную часть приведенных здесь материалов составляют краткие библиографические заметки об издании новых источ-

ников или выходе в свет исторических сочинений по истории России. Повышенный интерес вызвало в Вене издание «Повести временных лет». (С. 230 – 233) Правда, он имел во многом меркантильный характер. Сразу несколько журналов сообщало своим читателям, что на издание этого ценнейшего документа граф Румянцев выделил Российской Академии 25000 рублей. (С. 230 – 233) Из исторических трудов наибольшим вниманием пользовались работы Н. М. Карамзина, особенно знаменитая «История государства Российского», переведенная и изданная на немецком языке. «Это произведение, как везде утверждают, написано не только для русских, оно принадлежит истории, всему образованному миру...» — так писал Алконт Лесбоо в 1819 г. (С. 254)

Множество любопытных эпизодов, цифр, «бытовых анекдотов» делает раздел по истории чтением очень занимательным. Г. Маринелли-Кёниг собрала сведения о русских сановниках, царях, полководцах. Сведения легковесные (много анекдотов, особенно об А. В. Суворове, бытовых подробностей), предназначенных для развлекательного чтения. Выбирались, естественно, такие сюжеты, которые привлекали бы внимание венской публики. К примеру, довольно часто в журналах встречается описание пребывания в Вене (июль 1698) Петра I, который находился в составе русского посольства инкогнито, хотя и встречался с австрийским императором Леопольдом I.

Число фактов, отражавших развитие русской литературы и исторической науки огромно. Работа по их выявлению и систематизации сложна и трудоемка. Специалистам еще предстоит уточнить достоверность этих сведений. Взятые же в совокупности они уже сейчас позволяют констатировать, что Россия на страницах данных журналов выступала как просвещенная европейская держава с самостоятельной историей и литературой.

V. Четыре раздела книги посвящены различным аспектам общественной жизни России. Примерно до середины 40-х годов информация была в основном развлекательная, с множеством светских подробностей. Обращает внимание пристрастие венских журналистов к всевозможным статистическим сведениям, которые составляют приблизительно три четверти всего объема. Их диапазон велик: от ежегодных отчетов о народонаселении России и отдельно по регионам и городам до криминальной статистики. Сообщалось даже о своеобразной географии преступлений. Журнал «Junefist» в 1840 г. приводил такие сведения: большинство убийств по России приходилось на города — Тамбов, Курск, Симбирск, Оренбург и особенно Пермь. Са-

моубийств — на Минск и Тверь. Контрабандные нарушения происходили чаще всего на Волыни и в районе Вильны. Разбойными нападениями славились Курск, Орел, Ярославль, Бесарабия. Наибольшее количество краж было зафиксировано в Перми, Петербурге и Вильне. (С. 561)

Особым вниманием пользовались сведения о положении немцев в России. По сообщению венских журналов, из 400 000 этнических немцев, проживающих в России, 40000 обитало в Петербурге, где из 120 докторов только 12 были русскими, остальные — немцы. (С. 612)

Богатый материал можно почерпнуть из глав о путешествиях русских за границей и иностранцев в России. Правда, отрывков с путевыми заметками немного, в основном это — перечисление городских достопримечательностей. Но зато есть многочисленные библиографические данные о путевых дневниках, отчетах о путешествиях.

Совершенно особый и чрезвычайно интересный тип сведений — о национальном характере русских. Журналы использовали либо отрывки из книг о России, написанных иностранными путешественниками, либо сведения своих корреспондентов. Так, к примеру, «Sammler» в ноябре — декабре 1809 г. поместил серию анонимных статей («От одного наблюдателя») под названием «Белые заметки о характере русских». Приведем некоторые выдержки: «Русские природенные торговцы, это самая выраженная национальная особенность. У одного русского столько же ловкости, сколько у четырех евреев. При этом удивляет, что здесь, где каждый с удовольствием занимается торговлей, купец является презираемой фигурой для высшего сословия. ... Недостаток утонченности по отношению к браку и в исполнении чувства долга, влечение к излишнему употреблению возбуждающих напитков и высокая степень легкомысленности являются основными пороками национального характера, недостатками у огромной массы людей.... Аристократы по рождению здесь ноль, ценятся лишь те, кто получил титул за государственную службу ... Женский пол здесь еще не так испорчен, как в других местах. Во всем народе женщину воспринимают как выючное животное, на которое можно все свалить и которое при этом не ропщет на свою судьбу...». (С. 721) Другой автор — профессор истории Юлиус Франц Шнеллер обратил особое внимание на роскошь богатых и нищету народа. В 1820 г. он писал: «У русских противоречие между роскошью и нищетой бросается в глаза почти так же сильно, как у турок. За последние два столетия нового времени среди дворян и при дворе господствовала любовь к роскоши в восточном стиле; с XVIII в. вошел в моду и

распространился западный образ роскоши...».(С. 723) Вообще иностранцы подмечали в русских «несокрушимое добродушие и наивность», «добродушное миролюбие», особенно, правда, проявлявшееся «если русский чертовски пьян» (С. 725), тонкое знание лошадей и любовь к быстрой езде. (С. 725) Подчеркивалось, что из всех иностранцев именно немцы пользуются в России наибольшим уважением, и многие из них обретают здесь вторую родину и натурализуются. (С. 724, 726) Не менее любопытны сведения, которые Г. Маринелли-Кёниг собрала в подразделах «Магазины Санкт-Петербурга», «Блюда, напитки, рестораны», «Мода и этикет». Здесь и о привычках русского общества, и о тогдашних ценах, о чрезвычайно сильном подражательстве всему французскому, и в то же время о многих самобытных чертах поведения. Помимо этих подробностей, составитель скрупулезно отмечает все библиографические сведения.

С середины 40-х годов акценты заметно изменяются. Наряду с материалами светского характера появляются сведения и о мрачных сторонах российской действительности. Недаром Маринелли-Кёниг выделила особый подраздел «Ссылка и депортация». (С. 556 – 561) О тяжестях жизни ссыльных в Сибири, мытарствах заключенных по этапам, скорбная статистика ежегодного увеличения числа ссыльных — все эти материалы датируются в основном 1843 – 1847 годами. Есть даже сведения о сосланных в 1832 г. поляках, которые «по существу умерли для мира». (С. 559) Другой критический сюжет — это преследование иноверцев. Журналы нередко публиковали конфессиональную статистику (не только о количестве верующих, но и о числе монастырей, церквей, больниц). Но в 1845 г. «Theaterzeitung» в статье «О религиозной статистике в России» после сухих цифр с возмущением сообщал о «моральном и психологическом давлении», которое оказывают на лютеран (среди литовских крестьян), католиков (в Литве и на Волыни), на еврейское население в западных губерниях. (С. 536) С этого же года в различных журналах появляется особая тема — правовое угнетение евреев в России. (С. 568 – 574) Сообщалось об императорском указе 1845 г., налагавшем штраф за ношение национальной одежды. Особую тревогу вызывало положение евреев в Царстве Польском. Летом 1845 г. сообщалось о миссии в Россию сэра Мозеса Монтефиора, известного своей благотворительной деятельностью и высокими общественными связями. (С. 572 – 574) Ему удалось получить разрешение от Николая I на эмиграцию 10 000 евреев из России в Алжир. Мозес Монтефиор посетил также еврейские общины в Вильне и Варшаве. Он попытался улучшить их материаль-

ное положение и распорядился доставить туда немецкие костюмы, поскольку за ношение еврейских налагался денежный штраф. К сожалению, информация о деле, начатом Монтефиором, на этом обрывается.

Изменение позиции официальной прессы было одним из симптомов начавшегося в 40-х годах охлаждения в отношениях между двумя императорскими домами. Естественно, приверженность принципу легитимизма обязывала две империи держаться вместе, Вена и Петербург оставались верны союзническим обязательствам, но все же не скрывали взаимных претензий. Князь К. Меттерних открыто даже высказывался против преследования иноверцев в России и пытался поставить этот вопрос перед Николаем I в ноябре 1845 г. Но не получил ответа. Императора лишь раздосадовало подобное заступничество⁸. Журналы, таким образом, чутко уловили новую тенденцию времени и довольно быстро переориентировались. Или стали более свободны в подаче информации о соседней союзной державе. Естественно, использованные в этом издании венские журналы и альманахи — лишь часть публицистики того времени. Однозначно нельзя рассматривать их как отражение общего подхода австрийского общества к сюжетам на культурные и политические темы из России. К тому же, наряду с общеимперскими изданиями, уже существовала и успешно развивалась национальная публицистика, политически ангажированная и оппозиционная центру. Поэтому представленные в книге Г. Маринелли-Кёниг сведения — лишь одна грань восприятия России в Австрийской империи. Тем не менее, этот обширный материал — яркая иллюстрация неподдельного интереса читателей данных журналов к России. Они имели возможность получить разностороннюю информацию. Россия, заметим, воспринималась не как обособленная от европейской цивилизации, антагонистическая сила. Напротив, на протяжении первой половины XIX в. осуществлялся интенсивный диалог культур двух стран.

Итак, это свежая, насыщенная новыми фактами книга, в которой по крупницам восстанавливается картина духовной, общественной, научной, экономической жизни России. Любой читатель, кто интересуется австро-российскими отношениями или занимается только сюжетами из отечественной науки и культуры, обязательно найдет для себя полезную информацию. Это издание отвечает насущной потребности в «человеческой истории». Отношения двух империй раскрываются здесь в сложнейшем историческом контексте — сквозь призму науки и культуры, быт, анекдот, наивный рассказ, статистику, се-

мейный уклад — все то, что делает историческую науку более приближенной к человеку прошлого времени, более содержательной по сравнению с безликими умозрительными конструкциями.

¹ Статья А. Н. Пыпина «Россия и Европа» была опубликована в первом томе «Вестника Европы» за 1889 г. См.: Пыпин А. Н. Россия и Европа // Метаморфозы Европы / А. О. Чубарьян. М., 1993. С. 83 – 84.

² Там же. С. 82 – 83.

³ Groh D. Rußland im Blick Europas. Frankfurt a. M. 1989. S. 371.

⁴ Marinelli-König G. Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805 – 1849). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990. Подробнее об этом и последующих томах серии см. статью Г. Маринелли-Кенит «Проблемы культурных связей народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в последних публикациях Австрийской Академии наук» в настоящем сборнике.

⁵ Здесь и далее в скобках даются ссылки на страницы рецензируемого издания.

⁶ Krug P. Literarische Notizen. Neueste geschichtliche und archäologische Literatur Rußlands // Anzeigeblatt für Wissenschaft und Kunst zu den Jahrbüchern der Literatur 14, 1821. S. 1 – 9; Koppen P. Ueber Völker- und Länderkunde in Rußland // Anzeigeblatt für Wissenschaft 20. 1822. S. 1 – 27; Wanitschek F. Ein Beitrag zu der neuesten russischen Literatur // Österreichisches Morgenblatt 88. (24.VII. 1837); Lesboo A. Uebersicht der neuesten russischen Literatur. Juny 1819 / Anzeigeblatt... 7. 1819. S. 23 – 32.

⁷ Gluckselig L. Kritische Beiträge zur slawischen Filologie // Österreichische Blätter 158 – 159, 163, 166, 170, 171, 172, 173, 200 (Juli — August 1847).

⁸ Татищев С. С. Николай I и австрийский двор // Исторический Вестник. 1887. (февраль). С. 385.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОСЛЕДНИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВСТРИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Австрийские ученые, историки и литературоведы, традиционно проявляют интерес к славистическим исследованиям и изучению австро-русских общественно-политических и культурных связей. В Комиссии по литературоведению Австрийской Академии наук в Вене ведется работа над многотомным компаративистским исследованием под общим названием «Славистика в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)». Три тома уже вышли из печати.

В первом томе серии — «Россия в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)»¹ — даны очерки истории австро-русских культурных и литературных связей, предпринята попытка библиографической систематизации и критического описания всей русистики в венских научных журналах, альманахах и брошюрах первой половины XIX в. Очерки расположены в хронологическом порядке, в них представлен следующий круг тем: *литература и письменность – языкознание – история – просвещение – искусство – религия – право – страноведение – политическая экономия – естествознание и математика*. В результате воссоздана основанная на фактическом материале мозаичная картина культурной и духовной жизни России, а также государственного и общественного строя в первой половине XIX в. в зеркале венских журналов. Эта публикация является одновременно и хрестоматией, и учебным пособием, и справочным изданием, и собранием источников, и основой для будущих исследований в области австро-русских, точнее немецко-русских литературных и культурных связей².

Второй том серии — «Поляки и русины в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)»³ — представляет собой опыт критического анализа очерков о Галиции, Буковине и духовной жизни поляков. Как и том «Россия», он включает очерки, хронологически сгруппированные по следующему кругу тем: *литература и письменность – языкознание – философия и эстетика –*

история – просвещение – искусство – религия – право – страноведение – политическая экономия – естествознание и математика. В исследовании освещаются такие проблемы, как отношение венских властей к двум отдаленным, отсталым, недавно включенным в состав великой державы провинциям, улучшение положения попавших под власть «мягкого скипетра» областей, участие поляков в духовной, культурной и политической жизни разделенной на три части польской нации, «открытие» русинов как самостоятельного этноса, правда, пока еще не на политическом уровне.

В третьем томе серии — «Южные славяне в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)»⁴ — предпринята попытка критического анализа очерков о Боснии, Болгарии, Далмации, Герцеговине, Истрии, Крайне (Каринтии, Штирии), Военной Границе, Черногории, Сербии, Словении. Очерки о южнославянских землях составлены хронологически по следующему кругу тем: *литература и письменность – языкознание – история – просвещение – искусство – религия – право – страноведение – политическая экономия – естествознание и математика.* Собрание разнообразных очерков и их систематизация позволяет судить о специфике населенных южными славянами областей в первой половине XIX в. Помимо исторического и этнографического материала эти документы дают более целостное представление о том, какие отклики в сердце Габсбургской империи и в столичных научных кругах находили усилия ученых Эрнея Копитара (1780 – 1844), Вука Стефановича Караджича (1787 – 1964) и др. по возрождению южнославянских языков и культуры.

Перечисленные выше публикации дают представление о том, что венцы, а также подписчики венских научных брошюр и научных изданий во всех уголках Габсбургской империи могли прочесть о культурах славянских народов внутри и за пределами их государства. Подготовлена к печати рукопись четвертого тома серии — «Чешские земли в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)». В ней содержатся материалы по чешскому национальному возрождению, культуре Чехии, Моравии, Силезии, одновременно идет подготовка материалов по Верхней Венгрии (Словакии).

Недавний пример сотрудничества российских и австрийских ученых — сборник «Вена как магнит? Писатели из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы о городе»⁵, выпущенный в 1996 г. под редакцией австрийского специалиста по славистике и компаративистике Г. Маринелли-Кёниг и российского германиста Н. С. Павловой. В этой книге показаны как счастливые, так и менее удачные, связанные с кру-

шением надежд, встречи писателей из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы с городом Веной.

В книге предпринята попытка отыскать за застывшими стереотипами сегодняшнего восприятия Вены ее первоначальный, оживленный личным опытом, контекст, который своеобразно проявлялся в разных обстоятельствах. Здесь показаны светские, социальные, психологические взаимоотношения и их мотивы, из которых целенаправленно складывался канонизированный эвфемистический автостереотип Вены и самих венцев. В статьях приводятся беллетристические, автобиографические и эпистолярные тексты, которые рассматриваются как источники, характеризующие восприятие Вены писателями и писательницами из восточноевропейского культурного ареала. Вена здесь представлена как отдельная тема личного или опосредованного соприкосновения с этим городом, либо как фон для развития определенного литературного сюжета.

В создании этого труда участвовали российские ученые-литературоведы В. М. Белоусова, Ю. П. Гусев, П. М. Топер, М. В. Фридман и другие, которые характеризуют образ Вены с другого культурно-исторического ракурса. Разработка этой проблематики важна для изучения австро-российских научных и культурных связей в целом.

¹ *Marinelli-König G.* Rußland in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805 – 1848). Ein Beitrag zur Geschichte der österreichisch-russischen Kultur- und Literaturbeziehungen. Wien, 1990.

² Подробнее о томе «Россия в венских журналах и альманахах в домартовский период (1805 – 1848)» см. рецензию О. В. Павленко «Россия в зеркале венской публицистики. Обзор» в настоящем сборнике.

³ *Marinelli-König G.* Polen und Ruthenen in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805 – 1848). Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme der Beiträge über Galizien, die Bukowina und das polnische Geistesleben insgesamt. Wien, 1992.

⁴ *Marinelli-König G.* Die Südslaven in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805 – 1848). Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme der Beiträge über Bosnien, Bulgarien, Dalmatien, die Herzegowina, Istrien, Krain (Kärnten, Steiermark), Kroatien, die Militärgrenze, Serbien und Slawonien. Wien, 1994.

⁵ *Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / Hrsg. G. Marinelli-König, N. Pavlova.* Wien, 1996.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОЗНАНИИ ВЕНГЕРСКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ ЭПОХИ ДУАЛИЗМА

А. Шепфлин, один из влиятельных критиков журнала «Nyugat», вокруг которого в 1910 – 1930-е годы объединилось едва ли не все наиболее талантливое, что было в венгерской литературе, признал в 1912 г.: «Если когда-нибудь сложится то, чего еще нет, — венгерская филологическая наука, видящая собственными глазами и мыслящая собственной головой, и способная на нечто большее, чем пережевывать немецкие диссертации, то она наверняка констатирует как самую характерную черту последних сорока лет влияние русских авторов, и особенно Тургенева и Пушкина, на венгерских писателей»¹. Здесь надо сделать, конечно, важную оговорку. И в конце XIX в., и позже (вплоть до начала 1950-х годов) русская литература не могла иметь столь же широкого распространения в Венгрии, как литература на немецком, английском и французском языках, которыми в той или иной степени владела основная часть интеллигенции. «Что касается немецких вещей, то они настолько доступны венгерскому читателю в оригинале, что вряд ли имеет смысл браться за них», — писал известный книгоиздатель И. Кнер молодому, впоследствии крупному поэту и переводчику Л. Сабо в 1923 г.² Русский язык, напротив, знали единицы. И все же в главном Шепфлин прав: к началу XX в. русская литературная классика стала столь же неотъемлемой частью духовного мира образованных людей Венгрии, как шедевры итальянского Ренессанса, Шекспир, Гете или немецкая классическая философия.

Начало знакомству венгерской читающей публики с русской литературой было положено еще в конце XVIII в. Известно, что видный историк Д. Прай читал отдельные труды М. В. Ломоносова, а несколько позже, уже в начале XIX в., реформатор национального литературного языка Ф. Казинци познакомился через немецкие переводы с творчеством Н. М. Карамзина³. Роль России в наполеоновских войнах, увеличение ее веса в европейской политике после победы над Францией, посещение Александром I со свитой Буды и Пешта по пути с Венского конгресса способствовали повышению интереса венгерского читателя к российской тематике, которая в 1810 – 1820-е годы получала все более частое, хотя и довольно отрывочное, бессистемное освещение в венгерской периодике⁴. В это время начинают публико-

ваться обзорные статьи о современной русской литературе. Первые переводы произведений русских писателей на венгерский язык были изданы в 1830-е годы. Сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя впервые пришли к венгерской аудитории в период, предшествовавший революции 1848 г. В качестве языка-посредника еще долгие десятилетия продолжал выступать немецкий.

Говоря об особенностях восприятия русской культуры в Венгрии, надо учитывать, конечно же, какую роль играл в венгерском национальном сознании на протяжении всего XIX и начала XX в. страх перед панславизмом. Образованные слои венгерского общества с неизменным беспокойством следили за национальными движениями славян Габсбургской монархии, видя в них угрозу собственным интересам, а после заключения в 1867 г. соглашения с Габсбургами — юридически закреплённому статусу Венгрии в системе дуализма. При этом за всеми подлинными и мнимыми проявлениями славянской общности неизменно выделялась фигура русского царя. Угроза панславизма нередко преувеличивалась в Венгрии. Хотя отношения двух соседних держав никогда не были равными, царизм ни в эпоху Николая I, ни в годы правления Александра II не был заинтересован в поддержке радикальных национальных движений в Австрии, боясь тем самым нанести смертельную обиду венскому двору. Связи России со славянами монархии Габсбургов, хотя и довольно интенсивные, относились по преимуществу к сфере культуры. И все-таки для страха перед Россией имелись реальные основания, что подтвердила интервенция 1849 г., усугубившая антипатию широких кругов венгерской общности не только к николаевскому политическому режиму, но и к России в целом.

Сильные антирусские настроения в постреволюционной Венгрии все же не перечеркнули усилий переводчиков, стремившихся к популяризации русской литературы, которая именно в это время, в 1850-е — 1860-е годы впервые привлекла к себе серьезное внимание европейского читателя. Количество публикаций произведений русских авторов в Венгрии заметно выросло в сравнении с предреволюционным временем. «Мы должны радоваться тому, что наши переводчики стали интересоваться русской литературой. Десять лет тому назад венгерская литература не знала ничего о русской, а ведь эта литература имеет превосходных поэтов», — заметил в 1862 г. виднейший критик тех лет П. Дюлаи⁵.

Доминировавшее в венгерской эстетике и литературной жизни второй половины XIX в. «народно-национальное» направление, отстаи-

вая свою концепцию, исходившую из приоритетности фольклорного начала, интерпретированного в духе довольно близком «официальной народности» С. С. Уварова, нередко апеллировало к опыту русской литературы, преломлявшемуся сквозь призму собственных эстетических установок этой школы. Теория и художественная практика народно-национального направления утверждала опиравшийся на пуританскую мораль, мягкий, заземленный, идиллический, с облагораживающей бытописательностью, реализм, который противопоставлялся как «индивидуалистическому» романтизму с его пугающей безмерностью страстей, так и не менее пугающему беспощадностью социального анализа реализму О. Бальзака, не говоря уже о более позднем, пронизанном физиологизмом и биологическим детерминизмом позитивистской окраски, «безыдейном» и «безнравственном», по их мнению, натуралистическом реализме Г. Флобера и тем более Э. Золя. Характерно, что из опыта русской литературы черпались идейно близкие образцы. Так, «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя оказали большее влияние на венгерскую литературу тех десятилетий, чем любое другое его произведение. Ознакомившись уже позже, в конце 1870-х — 1880-е годы с творчеством Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, ведущий критик народно-национального направления П. Дюлаи не мог принять, по его собственному признанию, анархических тенденций у первого и склонности к патологии у второго ⁶.

Сходные эстетические принципы предопределяли и интерпретацию народно-национальной школой пушкинского реализма — выполненный тяготевшим к этой школе поэтом К. Берци и опубликованный в 1868 г. перевод «Евгения Онегина» явно смягчал социально-критическое начало романа А. С. Пушкина. Блистательный стихотворный перевод Берци, сделанный, кстати, с оригинала и выдержавший более двух десятков изданий, вызвал множество подражаний и сильно повлиял на формирование в венгерской поэзии жанра романа в стихах. Более того, органично вписавшись в контекст литературного процесса 1860-х годов., этот перевод сыграл немалую роль в преодолении избитых романтических шаблонов, утверждении реалистического метода в венгерской литературе. По замечанию одного из литературоведов, в трактовке Берци «Евгений Онегин» был скорее «библией любви», чем «энциклопедией русской жизни» ⁷. Отлично овладевший русским языком талантливый переводчик был слишком далек от российских общественных реалий 1820 – 1830-х годов, чтобы каждый раз тонко улавливать подтексты пушкинского поэтического повествования, особенно там, где дело касалось иронических намеков

на конкретные обстоятельства и лица. И все-таки Берци сумел выделить в романе и донести до венгерской публики то, что в наибольшей мере соответствовало ее тогдашним духовным устремлениям. Хорошо переданный переводчиком скептицизм «Евгения Онегина» оказался созвучным умонастроениям значительной части венгерского общества в канун и в момент заключения соглашения с Габсбургами в 1867 г., когда многим людям, жившим идеалами 1848 г., пришлось во имя спокойствия в общем доме с горечью отказаться от всякой мысли о борьбе за независимую Венгрию. Отчасти в этом заключался секрет популярности пушкинского романа, которым и через несколько десятилетий после первого венгерского издания продолжали зачитываться уже новые поколения. Великий поэт начала XX в. Э. Ади вспоминал, что еще «зеленым юнцом... глотал Пушкина»⁸.

Классик венгерской эпической поэзии Я. Арань увлекался творчеством Гоголя, впервые перевел на венгерский язык «Шинель». Его сын Л. Арань, тоже видный поэт, испытал большое влияние Лермонтова. Как романтизм «Мцыри», так и глубокий реализм «Героя нашего времени» находились в созвучии с настроениями скепсиса и меланхолии, которые Л. Арань разделял со многими своими современниками, увидевшими в прозаических буднях дуалистической Австро-Венгрии жалкую карикатуру на высокие идеалы свободы и независимости, провозглашенные в 1848 г.

Каждое поколение венгерских читателей искало в русской классике в первую очередь ответы на вопросы, актуальные для своего времени. В силу этого крупнейшие русские писатели в разное время представляли венгерской читающей публике различными гранями своих дарований. Как справедливо заметил один из исследователей, «в эпоху, требующую национального сплочения, не может вызвать отклика беспощадно разоблачительные пафос „Мертвых душ“ или „Ревизора“, в Гоголе видели прежде всего автора „Шинели“, реалиста, с участливым юмором изображающего беспомощность маленького человека»⁹. В эпоху дуализма все острее давали о себе знать социальные противоречия в венгерском обществе, и постановка Национальным театром «Ревизора» в 1874 г. (кстати, намного опередившая по времени первый спектакль по этой пьесе в Германии) нашла немалый зрительский отклик. Новые, поэтические стороны в творчестве Гоголя раскрыли в начале XX в. писатели-символисты. Гоголевские религиозные искания последних лет жизни также привлекли внимание только читателя рубежа веков, преломившего в своем духовном опыте мир героев Достоевского и Толстого. Внимательные, беспристра-

стные читатели новейшего времени отмечали победу реалистического начала в творчестве Гоголя над его религиозно-мистическими исканиями. По мнению классика венгерской литературы 1910-х — 1930-х годов М. Бабича, реализм «означал способность смотреть прямо в глаза всей пошлости мира, всей безнадежной безотрадности его: смотреть не лирически, а спокойно, бесстрастно, что почти выше сил человеческих. Быть может, не случайно, что первые настоящие реалисты были неудовлетворенными, раздвоенными людьми, например Гоголь, у которого обратная реакция проявилась в мистицизме и религиозном помешательстве... Писатели, ищущие популярности, не приняли этот аскетизм. Диккенс подслащал свои произведения при помощи сентиментализма... Гоголь же, полупомешанный, отправился в паломничество в Иерусалим, чтобы искупить тот грех, который он совершил в отношении святой Руси, изобразив ее в подлинной действительности»¹⁰.

В чем же лежали истоки все большего интереса венгерских читателей к русской литературе? Только ли в экзотичности и непохожести на Венгрию изображаемого в ней мира? Напротив, обращаясь к русской классике, венгерская читающая публика улавливала общее в социальном развитии двух стран, переживавших, хотя и в несколько разных условиях, болезненный переход к капитализму через мучительную ломку отживших себя, но все еще крепких феодальных структур. «Бедный мужик, чья свобода еще мизернее свободы нашего венгерского батрака, точно также боится своего начальника, как наш безземельный крестьянин — исправника... Сходство лежит в самих порядках, в принципах политического и общественного устройства, в уровне экономической жизни обеих стран», — отмечал в 1912 г. журнал «Nyugat»¹¹. «Он весь, до мельчайшей клеточки своей, мог бы сойти за венгерский роман», — написал Бабич об «Обломове» И. А. Гончарова¹².

На протяжении целого ряда десятилетий одним из самых читаемых зарубежных писателей в Венгрии был И. С. Тургенев — под влиянием его романов базаровские типы одно время стали характерным явлением венгерской прозы, под непосредственным влиянием русской литературы постепенно преодолевавшей в себе романтические тенденции и развивавшей реалистическое начала.

Тема «лишнего человека» была актуальна для Венгрии не только до соглашения с Габсбургами, но и в эпоху дуализма — ведь начавшийся в 1870-е годы экономический подъем отнюдь не принял тех темпов и того размаха, на который рассчитывали многие сторонники

прогресса в Венгрии. И все же процесс капитализации неуклонно нарастал, и в 1880-е — 1890-е годы все более актуальной становится другая тема — разорения «дворянских гнезд» под жестким натиском индустриальной цивилизации. Вслед за Тургеневым получает известность А. П. Чехов. Еще при жизни писателя его произведения выдержали несколько книжных изданий, не говоря о многочисленных газетных и журнальных публикациях¹³. Известность как драматурга пришла к нему в Венгрии позже.

Как и другие страны, Венгрию не обошла всемирная слава Л. Н. Толстого. Событием литературной жизни стала публикация в 1886 г. перевода романа «Война и мир», «величайшего творения эпохи, которое, по замыслу автора, должно было призвать к смирению высокомерную Европу: нет величия там, где нет простоты, добра и правды»¹⁴. Своим присутствием в современной европейской культуре Толстой определял не столько литературный процесс, сколько развитие общественной мысли в Венгрии конца XIX — начала XX в. В этой стране у толстовского учения было немало пылких приверженцев, причем с некоторыми из них писатель вел активную переписку¹⁵. Влияние идей Толстого не ограничивалось кругом интеллигенции. Характерно, что философский раздел библиотеки одного из будапештских профсоюзов в начале XX в. почти целиком состоял из книг Л. Н. Толстого и литературы, представляющей его этическое учение¹⁶.

Если Толстой был широко известен в Венгрии еще при жизни, то к произведениям Ф. М. Достоевского слава, как и в других странах, пришла уже после смерти писателя. «Взволнованная, жаждущая искупления Европа жадно впитывала в себя глаголы мессианских романов, и у образованнейших читателей Венгрии предвоенных лет не было писателя более популярного, чем Достоевский», — вспоминал впоследствии М. Бабич¹⁷. Показательно свидетельство Эндре Сабо, одного из выдающихся переводчиков русской прозы: «Я могу себе представить, как злился бедняга... Ревички (поэт, большой поклонник русской литературы — А. С.), ведь и меня сейчас каждое отрицательное слово (о русской литературе — А. С.) выводит из себя. Между нами спор дошел до того, что я решил, что все русские произведения, которые я могу найти во французском и немецком переводе, все я их прочту, чтобы посмотреть, прав ли Ревички. Но не долго пришлось мне читать. Как только я дошел до „Мертвого дома“ Достоевского, я положил книгу, вскочил и сразу же побежал в книжную лавку покупать русскую грамматику, потому что я решил, что эту литературу должен читать в оригинале... И то, что русские писатели произвели на меня

неимоверное впечатление, об этом я и сейчас... легче всего могу судить по тому, с каким рвением учил я этот чрезвычайно трудный язык, так что через год я уже по-русски писал в Киев графу Игнатьеву»¹⁸. Едва ли будет преувеличением сказать, что герои романов Достоевского во многом определили образ русских людей в сознании образованной венгерской публики. «Если мы случайно встречались с каким-нибудь русским, то с почтением... ожидали, когда же он наконец растянется на земле в эпилепсии для того, чтобы с пеной у рта задавать глубокомысленные вопросы и делать глубокомысленные заявления», — вспоминал один из современников¹⁹.

Отталкиваясь от социального и конкретного, большая русская литература поднималась до осмысления вечных тем. Как замечал видный искусствовед Л. Фюлеп, «величие этой литературы не в полете воображения и не в мастерстве писателей, а в величии материала, которым они пользуются. Материал этот — народ... Благодаря Достоевскому и Толстому о русском народе сложилось мнение, что, не будь на свете Евангелия, оно родилось бы в его среде и что он глубже понимает, полнее следует своему Евангелию, чем понимаем и следуем мы. Постоянное возрождение Евангелия — вот в чем был глубочайший смысл жизни русского народа. И в этом русские писатели видели великую миссию русского народа во всемирной истории... Все это далеко выходит за пределы той реальности, того значения, которые придают литературным произведениям воображение и мастерство. Как греческая трагедия могла родиться лишь на родине греческих мифов, так реализм русской литературы мог родиться лишь на земле русской действительности, русского народа»²⁰.

Но привязанность к конкретным российским реалиям отнюдь не исключала универсальности проблем, которые ставила русская литература. Молодой К. Манхейм писал в начале 1912 г. своему духовному наставнику Д. Лукачу о том, что обращение к Достоевскому дает возможность разрешить занимающие его моральные дилеммы, поскольку мир русского писателя «очень схож с нашим со всеми его противоречиями, всей его дисгармонией»²¹. Сам Д. Лукач, остро не принимавший современной ему западной цивилизации, бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе угрозу гибели культуры, в поисках альтернативы обратился к современной России, и мир произведений Достоевского многое дал венгерскому мыслителю для ее постижения. В 1914 г. Лукач начал работу над книгой о Достоевском, в котором видел одного из создателей современной эпопеи. Из этой работы, оставшейся незаконченной, выросло одно из главных сочинений

молодого Лукача — «Теория романа» (1920).

Одним из характерных феноменов духовной жизни Венгрии начала XX в. был необычайный успех ранних произведений М. Горького. Герои его рассказов, мятежные натуры, бунтари, восстающие против «обыденщины», мира «мещанских» ценностей, жаждущие полнокровных чувств и вселенского размаха действий, по-ницшеански готовые во имя этого пренебречь любыми нормами морали, но способные также и к самопожертвованию, оказывались очень созвучными духовным исканиям эпохи, настроениям интеллигентов, живших ожиданиями больших социальных перемен, жадно вслушивавшихся в реальность в своем стремлении уловить отдаленные отзвуки грядущих бурь. Первый рассказ Горького вышел в Венгрии в 1899 г., через четыре года был опубликован первый сборник, за ним последовали другие. В 1905 г., когда Горький был арестован царскими властями, ряд видных политических деятелей и мастеров культуры Венгрии выступили с письмом протеста.

Русская революция 1905 г. вызвала в Венгрии огромный отклик. Великий поэт Э. Ади сравнил ее с землетрясением. «Великая славянская держава... начинает срывать с себя последние лохмотья старой одежды, чуть не с мясом... На стороне окровавленного, борющегося исполина — будущее», — писал он ²². «Какой великой и счастливой будет эта страна! Разве может быть иным будущее там, где столько примеров благородства, бескорыстия и святой отваги» ²³, — такими утопиями жил в те годы не только Ади.

К началу XX века уже сходят со сцены те поколения венгров, которые помнили 1849 г. Но почва для антирусских настроений в венгерском обществе сохранялась. Восторженное ознакомление венгерской публики с русской литературной классикой происходило на фоне все ухудшавшихся отношений двух соседних монархий. Несмотря на помощь, оказанную Николаем I юному Францу Иосифу, сохранившему трон лишь благодаря поддержке русских штыков, уже в 1850-е годы наступило заметное охлаждение в отношениях двух держав. В период Крымской войны Австрия, по словам современника, «удивила весь мир неблагодарностью», заняв по сути дела враждебную России позицию. Спор Австрии и Пруссии за главенствующую роль в процессе объединения немецких земель завершился в 1860-е годы поражением венского двора. Под нажимом Бисмарка Габсбурги были вынуждены уйти из Германии, и в результате этого их экспансионистские притязания стали все более смещаться в сторону Балкан. Здесь устремления Вены сталкивались с интересами Петербурга. Внешнеполитиче-

ская доктрина Австро-Венгрии, у истоков которой в 1870-е годы стоял наиболее выдающийся ее министр иностранных дел венгерский граф Д. Андрашши, носила подчеркнуто антироссийский характер. С боснийским кризисом 1908 – 1909 годов Россия и Австро-Венгрия превратились в смертельных врагов, войны между ними уже едва ли можно было избежать.

Первая мировая война, где основным противником монархии Габсбургов стала именно Россия, была всецело поддержана венгерским общественным мнением. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», — писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая «Népszava». Лишь одиночки, и в их числе Э. Ади, Д. Лукач, с самого начала нашли в себе смелость пойти против течения. Только по мере затягивания войны милитаристский угар в сознании венгерской интеллигенции преодолевался, все сильнее звучал голос антивоенных движений.

Февральская революция в России, свергнувшая царизм, пробудила в сознании радикальных венгерских интеллектуалов немало мессианских надежд в связи с грядущим переустройством человечества. «Новый фактор громко заявил о себе в мировой истории: русский народ... Тот народ, который на Западе знали лишь по книгам русских писателей, знали, жалея его за рабский удел, презирая за отсталость, посмеиваясь над его фанатизмом... До сих пор он шел где-то в самых задних рядах, даже не шел, а тащился, лишь верхними своими слоями подключившись к западным нациям... Огромная русская баржа, которая до сих пор плыла, влекомая Европой, совершила крутой поворот, и, возможно, завтра она будет Европу тянуть за собой. Нет слов, велика ее миссия. И если поворот был началом выполнения этой миссии, то новая глава открылась в нашей истории», — писал в июне 1917 г. Л. Фюлеп²⁴. Слова оказались пророческими. Осенью 1918 г. многонациональная дунайская держава пала, а через несколько месяцев в Венгрии развернулся социалистический эксперимент, кстати, с немалым воодушевлением поначалу воспринятый многими выдающимися венгерскими интеллектуалами. Российский опыт выступал при этом в качестве образца. В новых условиях совершенно по-новому воспринималась роль русской литературы. «В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, — своего рода скрытая пропаганда приближающегося нового мира. Вся печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страда-

лицы-родины», — писал весной 1919 г. один из крупнейших венгерских прозаиков Д. Круды²⁵.

Крах Венгерской Советской Республики, сопутствовавшее ему разочарование многих интеллигентов в идее социализма, наметившаяся в общественном сознании эволюция вправо отнюдь не перечеркнули интереса к русской литературной классике, которая в 1920-е годы раскрывается новыми своими гранями, дает духовную пищу для осмысления опыта мировой войны и великих революций 1917 – 1918 годов, оставивших неизгладимый след в новейшей истории Европы, но это уже предмет другого исследования.

Ознакомление венгерской интеллигенции с русской литературной классикой не только обогащало ее представления об одном из уникальных явлений мировой культуры и тем самым расширяло горизонты ее мировидения. Оно было теснейшим образом связано с поисками художниками национального начала, стремлением к более полному раскрытию собственных творческих сил. Весь опыт русской литературы был для венгров свидетельством того, что и культуры, занимавшие прежде периферийное положение, могут, нисколько не утратив своей самобытности, со всей необоримой силой выдвинуться на первый план, привлечь к себе пристальное внимание и снискать заслуженное уважение всего цивилизованного человечества.

¹ Цит. по: *Studia Slavica*. № 32. Budapest (далее Бр.), 1986, 368 old.

² Цит. по: *Cac Ф.* Немецкоязычные литературы // *Hungaria litterata, Europae filia*. Бр., 1985. С. 59.

³ *Bor K.* Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar hirlapirodalomban (1780 – 1824) // *Tanulmányok a magyar-orsz irodalmi kapcsolatok köréből* (далее: *Tanulmányok*). Köt. I. Бр., 1961.

⁴ См.: *Куренная Н., Майер Р.* Русская литература в венгерской периодической печати первой половины XIX в. // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII – XIX вв. Типология и взаимодействия*. М., 1990.

⁵ Цит. по обзору венгерских журналов конца 1940-х годов, подготовленному во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС): Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127. Л. 6.

⁶ См.: *Барта Я.* Янош Арань, его литературный круг и русская литература / *Slavica, Debrecen*, 1969, № 9.

⁷ *Péter M. Megjegyzések Puskin «Jevgenyij Anyegin»-jének magyar fordításához* // *Tanulmányok*. I. köt.

⁸ Цит. по: *Россиянов О. К.* Творчество Эндре Ади (трагедия и романтика).

М., 1967. С. 124.

⁹ Имре Л. Восприятие русской литературы XIX века // *Hungaria litterata, Europae filia*. С. 175.

¹⁰ Цит. по: Гал И. Бабич, русская революция и классики русской литературы // *Studia Slavica*. № 20. Вр., 1974. С. 316.

¹¹ *Nyugat*. 1912. № 1. 644-645 old.

¹² Гал И. Указ. соч. С. 306. Впрочем, обращаясь к образу Обломова и характеризуя «обломовщину» как типичную российскую социальную болезнь своего времени, современники Бабича указывали не только на сходство реалий России и Венгрии, но и на существенные различия, предопределившие национальное своеобразие такого типажа, как Обломов. «Нет более глубокого противоречия, чем между венгерской бездеятельностью и бездеятельностью Обломова... Венгерская бездеятельность — трезвая. Она точно знает, что надо бы делать, знает и то, что все это досягаемо. Обломов же находится по ту сторону досягаемого, его взор направлен на утопическую действительность», — писал Д. Лукач (*Lukacs Gy. Magyar irodalom — magyar kultúra*. Вр., 1970. 134 old.

¹³ Рев М. Прижизненное восприятие Чехова в Венгрии // *Studia Slavica*. № 30. Вр., 1984.

¹⁴ Отзыв М. Бабича. Цит. по: Гал И. Указ. соч. С. 319.

¹⁵ О переписке Л. Н. Толстого с венгерским журналистом Ш. Петровичем см.: *Studia Slavica*. № 24. Вр., 1978.

¹⁶ Айрапетов А. Г. Рабочая культура на рубеже XIX – XX вв. // *Всеобщая история: нерешенные проблемы, новые подходы*. Тамбов, 1996. С. 34.

¹⁷ Цит. по: Гал И. Указ. соч. С. 319.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127. Л. 12.

¹⁹ Там же. (Перевод дан в моей редакции — А. С.)

²⁰ Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX — начало XX в. / Отв. редактор и составитель М. А. Хевеши. М., 1984. С. 241 – 242. Ср. со словами М. Бабича: «Из „Карамазовых“ на нас глядит лик Христа, хотя очень уж на русский лад причесанный» (Гал И. Указ. соч. С. 319).

²¹ Цит. по: *Gluck M. George Lukacs and his generation. 1900 – 1918*. Harvard University Press. Cambridge (Mass.), 1985. P. 27.

²² Цит. по: *Россиянов О. К.* Указ. соч. С. 125.

²³ Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX — начало XX в. С. 176.

²⁴ Там же. С. 239, 241, 242.

²⁵ *Krúdy Gy. Orosz hangok* // *Magyarország*. 30.III. 1919.

ИОГАНН ШТРАУС В РОССИИ

Недавно в Вене при поддержке Фонда развития науки (Вена) была завершена работа над проектом «Культурная миссия Иоганна Штрауса в России». Проект был нацелен на сбор российских материалов о жизни и творчестве Штрауса, который выступал в качестве дирижера и композитора в Павловске близ Санкт-Петербурга в течение летних сезонов 1862 – 1865 и 1869 г. В результате были собраны очень интересные материалы, в том числе считавшиеся утерянными сочинения Иоганна, Йозефа и Эдуарда Штрауса¹. Данная статья посвящена встрече австрийской и русской культур в зеркале творчества И. Штрауса-сына.

Вплоть до 70-х годов XIX в., когда Штраус начал сочинять оперетты, в его творчестве преобладала легкая инструментальная музыка, включавшая в себя собственно танцевальную музыку, исполняемую в танцевальных залах и ресторанах, а также музыку, исполняемую в концертах на открытом воздухе и во время трапезы. В Вене, где Штраус ощущал на себе негативные последствия своего сочувствия революции 1848 г., его выступления ограничивались ресторанами, пусть и престижными, и балами, устраиваемыми буржуазией, прежде чем ему позволили исполнять танцевальную музыку при австрийском дворе. В России, напротив, новый царь Александр II с самого начала благоволил к австрийскому музыканту, так что в конце концов Штраус выступал исключительно на балах, которые давали императорская фамилия и местное дворянство.

Однако близость к сильным мира сего, пусть и весьма лестная, не была главной целью визитов Штрауса в Россию. На самом деле из сезона в сезон композитор устремлялся в Петербург, чтобы выступать с концертами в модном увеселительном заведении. В то время как в Вене ведущие места развлечений предлагали музыкальные представления круглый год, в Петербурге этот период практически ограничивался теплым сезоном. Эту особенность прекрасно отражает русское слово «гулянье» в смысле «развлечение», происходящее от глагола «гулять», то есть «прохаживаться». Под Петербургом было немало мест для летнего отдыха, причем каждое имело свой неповторимый облик и было закреплено за определенной общественной группой. Рассуждения «за» и «против» различных курортов были излюбленной темой местных фельетонистов².

Все газеты сходились в том, что по социальному составу публики, а также по качеству исполняемой музыки на первом месте стоял павловский «Вокзал». Это заведение, предлагавшее гостям прекрасные музыкальные программы, было открыто в 1838 г., чтобы повысить доходы от первой железнодорожной линии, соединившей Санкт-Петербург через Царское село с Павловском путем привлечения богатой и знатной публики из столицы в пригород³. Об успехе заведения говорит уже тот факт, что своим проникновением в русский язык слово «вокзал» обязано названию здания «Vauxhall», расположенного в центре Павловска, где были сосредоточены основные развлекательные заведения.

Амбициозный хозяин заведения намеревался предложить своим гостям не больше не меньше, как самое лучшее во всем, в том числе в легкой музыке. Лучшим оркестром легкой музыки был оркестр И. Штрауса-старшего, и ему вскоре был предложен контракт⁴. Но сделка не состоялась, и вскоре в Павловске появились другие иностранные руководители оркестров, из которых наиболее известны Йозеф Лабицкий и Иоганн и Йозеф Гунгль. Эти музыканты привозили с собой новейшие музыкальные сочинения — как симфонические произведения, так и танцевальную музыку, марши, оперные увертюры и попури. В то время в России уже существовали постоянные оперные оркестры, но не было ни одного симфонического. Таким образом, многие музыкальные произведения впервые в России были исполнены именно в Павловске, и постепенно павловские музыкальные премьеры оказались в самом центре общественного интереса⁵.

В этом была немалая заслуга Штрауса. Он был в состоянии привести с собой в Россию лишь одного-двух музыкантов из своего венского оркестра, которым в его отсутствие управляли братья Йозеф и Эдуард⁶. Набирая оркестр для своего первого сезона в Павловске, И. Штраус отдавал предпочтение музыкантам, проживающим в Санкт-Петербурге⁷. О том, что большинство музыкантов, работавших в России было родом из Германии или Чехии⁸, свидетельствуют немецкие фамилии членов оркестра, сформированного Штраусом в 1856 г.⁹ Несмотря на то, что Штраус добился огромного успеха уже в свой первый сезон в Павловске¹⁰, в течение последующих сезонов он был вынужден вновь появиться с «иностраным» оркестром¹¹. Современные комментаторы не смогли дать объяснения этому шагу, но поскольку газеты, анонсировавшие концерты оркестра Штрауса, неизменно подчеркивали участие иностранных музыкантов, можно

предположить, что заграничные музыканты имели более высокую репутацию, чем те, что проживали в России.

Чтобы сэкономить на дорожных расходах, Штраус набирал музыкантов преимущественно из Пруссии¹². В современной музыкальной литературе определение «пруссский» стало почти синонимом ритмичного, жесткого исполнения вальса, но русская аудитория не видела ничего плохого в прусском происхождении музыкантов Штрауса. Суждения в прессе того времени позволяют утверждать, что русские, похоже, считали вальс «немецким» танцем, и полагали, что Штраус был родом из Германии¹³. Это заблуждение не было следствием безграмотности, а было следствием того факта, что в России (как и во многих других европейских странах) Австрия считалась не нацией, а политическим образованием. Более того, после окончания Крымской войны, в которой империя Габсбургов лишилась благосклонности России, Штраусу советовали не афишировать свое австрийское гражданство.

В Павловске Штраус впервые дирижировал не своим собственным оркестром, а коллективом, состав которого обновлялся из года в год. Столь же новой была для него и необходимость день за днем в течение нескольких месяцев выступать на одной и той же площадке. Правда, это компенсировалось неожиданно высоким гонораром¹⁴. В полном восторге он писал своему венскому издателю: «Только в России начинаешь жить по-настоящему! Здесь деньги, а где деньги, там жизнь, ничего кроме жизни»¹⁵. Именно в России Штраус заложил основу своего будущего процветания.

Появление Штрауса в Павловске стало событием в музыкальной жизни города. Ни один музыкант не будоражил слушателей и прессу так, как Штраус. К тому же он пользовался исключительной популярностью у женщин, причем, если верить газетам, даже большей, чем в Вене. В какой-то мере можно сравнить выступления Штрауса в Павловске с концертами современных поп-звезд. Серьезные музыкальные критики считали, что успех Штрауса, по крайней мере частично, основывался на его талантах композитора и дирижера¹⁶. Не прошло незамеченным и то, что он обладал талантом «шоумэна». Например, журналисты, видевшие Штрауса на сцене, постоянно писали о его выразительном языке жестов¹⁷.

Наконец, Штраус обладал исключительными организаторскими способностями. С помощью администрации железнодорожной компании он не уставал удивлять зрителей музыкальными и немзыкальными эффектами. Правда, однажды удача отвернулась от

него. Из-за плохо организованного танцевального вечера, следовавшего за праздничным концертом, публика, почувствовав себя обманутой, подняла настоящий бунт. Но Штраусу удалось успокоить возмущенную толпу и — после принесения публичных извинений — продолжить концерт¹⁸. Этот скандал примечателен по нескольким причинам. Во-первых, публичный «сельский бал-маскарад» был абсолютной новинкой для жителей Санкт-Петербурга и окрестностей. В то время как в Вене такие мероприятия были официально разрешены уже через несколько лет после революции 1848 – 1849 годов, российские власти оставались непреклонны вплоть до 1860 г. Когда запрет был снят, публику охватил ажиотаж, и глубина разочарования, которое последовало за описываемыми событиями, не в последнюю очередь была следствием преувеличенных ожиданий.

Газетные публикации как нельзя ярче иллюстрируют социальный статус музыканта в России. Все журналисты сошлись во мнении, что установив входную плату, Штраус должен был с благодарностью ловить каждый вздох почтеннейшей публики. Особенно неуместным выглядит предположение, высказанное в одной из статей, что Штраусу следовало преподать добрый урок гораздо раньше, еще в его «родной стране» Германии¹⁹. И в самом деле, к поведению Штрауса с гораздо большим пониманием отнеслись бы в Германии или Австрии, с их более развитой буржуазной музыкальной культурой, нежели в России, где публика привыкла к тому, что многие музыканты и актеры, даже самые талантливые, были крепостными.

В те годы музыкальная культура России и в особенности ее столицы претерпели фундаментальные изменения. Как уже отмечалось выше, люди ездили в Павловск прежде всего ради музыки. В 1860 г., например, хроникер высмеивал павловских музыкальных фанатиков, слушавших музыку с обостренным вниманием и раздражавшихся на любой шум, будь то шепот, еда или питье, злобным пиканьем²⁰. Однако перемены зашли куда дальше. В то время как в первой половине XIX в. в музыкальной жизни России преобладали любители дворянского происхождения, в 1859 г. в Санкт-Петербурге было основано Русское музыкальное общество, а спустя три года — консерватория, первое профессиональное музыкальное учебное заведение в России, а также Бесплатная музыкальная школа. И это задолго до того, как концертная жизнь столицы пережила бум, а русские композиторы приобрели широкую известность за рубежом.

Эти события не прошли мимо внимания Штрауса. Согласно контракту он был обязан составлять павловский репертуар в соответст-

вии со вкусами местной публики. Поэтому он регулярно включал в программу произведения русских композиторов, а время от времени даже давал концерты полностью составленные из русской музыки. Именно Штраус впервые публично исполнил первое произведение П.И. Чайковского²¹. Тем не менее музыкальный Павловск, остававшийся местом отдыха для высшего общества, медленно, но верно терял ведущие позиции в концертной жизни России. Ни Штраус, ни его преемники, включая Бенямина Бильзе, основателя Берлинского филармонического оркестра, не были в состоянии остановить этот процесс. Разделение на «серьезную» и «легкую» музыку, происшедшее в Западной и Центральной Европе на сорок лет раньше, наконец, достигло и России.

Перейдем теперь от Штрауса-дирижера к Штраусу-композитору. В 1856 г. он сочинял преимущественно марши и модные танцы тех лет: вальсы, кадрили, польки, в том числе французские польки, быстрые польки и польки-мазурки. За годы работы в России ни общее число создаваемых в год произведений, ни количественное соотношение различных жанров не претерпели существенных изменений²². И все-таки, если рассмотреть произведения, написанные Штраусом в России, отдельно от того, что маэстро написал в Вене, можно сделать ряд интересных выводов.

Если во время первых сезонов в Павловске Штраус одинаково относился ко всем жанрам, то начиная с 1859 г. вальс попадает в явную немилость. В лучшем случае Штраус пишет по одному вальсу в сезон, но даже эти вальсы, сочиненные поздним летом или ранней осенью, предназначались для осенних сезонов в Вене. А ведь вальс как таковой был очень популярен в Павловске, о чем был прекрасно осведомлен сам Штраус, «импортируя» вальсы из Вены.

По традиции Штраус был обязан сочинять все новые и новые вальсы для венских адвокатов, врачей, инженеров по случаю их ежегодных балов во время карнавального сезона. Эти вальсы должны были соответствовать требованиям танцевального зала, но завсегдаги Павловска в целом благосклонно встречали эти произведения²³. В конце 50-х годов Иоганн и Йозеф Штраус создали новую разновидность вальса, предназначенную только для исполнения в концертах. Большинство вальсов, сочиненных в Павловске как раз и относились к этой разновидности. Этот процесс берет начало уже в некоторых вальсах, написанных в России, таких как «Прощание с Петербургом» («Abschied von St. Petersburg»), соч. 210 (1858), или «Дорожные приключения» («Reiseabenteuer»), соч. 277 (1859). Наконец, вальс

«Мечтания» («Schwärmereien»), соч. 253 (1860, посвящен А. Рубинштейну) получил многозначительное наименование «концертный вальс»²⁴. Однако в то время ни венская, ни павловская публика не проявили большого интереса к таким вальсам²⁵.

Подобные же изменения Штраус внес и в жанр польки. Новую разновидность польки представляют, например, французская полька «Незнакомка» («L'inconnue»), соч. 228 (1859) и «Полька-Пищикато» (Иоганн и Йозеф Штраус, 1869), неровный темп которых делал их неудобными для танца, а также быстрая полька «Нико», соч. 228 (1859), мелодика которой нарушает привычный танцевальный ритм. Все эти произведения были написаны для Павловска, где снискали немедленный успех.

В литературе о Штраусе существует традиция приписывать интерес к польке-мазурке, представляющей собой сочетание танцевальных па польки с размером мазурки 3/4, влиянию русских. Однако из каталога произведений Штрауса не следует, что композитор отдавал предпочтение этому танцу в течение тех лет, что он гастролировал в Павловске. В крайнем случае можно сказать, что за эти годы Штраус сочинил свои немногочисленные польки-мазурки по преимуществу в России, оставаясь верным и другим разновидностям польки. С другой стороны, свою единственную мазурку «Фиалка» («Veilchen»), соч. 256 (1861) Штраус написал в Павловске, не считая утраченной «Варшавской балетной (банкетной?) мазурки» (1850).

Жанром, на самом деле пользовавшимся большей популярностью в России, нежели в Вене, был романс. Он возник во Франции и включал в себя бесхитростные, мелодичные вокально-инструментальные произведения сентиментального характера. После того как оркестр Штрауса на концертах в Павловском музыкальном вокзале исполнил несколько романсов других композиторов²⁶, в 1860 г. Штраус начал сам писать произведения этого жанра. Всего им было написано шесть романсов, история их публикации весьма интересна, поскольку все они мало известны за пределами России.

В Петербурге сочинения Штрауса, в том числе его первые четыре романа, появились в переложении для фортепьяно, позднее эти издания были перепечатаны в Москве. В Вене, где обычно публиковались и фортепьянные, и оригинальные оркестровые версии произведений Штрауса, эта традиция была нарушена только в случае его первого романа «Мысль» («Une pensée», виолончель и оркестр, 1860). Его «Второй романс» (виолончель и оркестр) вышел из печати лишь спустя год после создания, причем только в фортепьянной

версии. К романсам «Желание» («Le désir», корнет-а-пистон и оркестр, 1861) и «Сладкие слезы» («Dolci pianti», виолончель и оркестр, 1863) в Вене вообще не проявили никакого интереса. Правда, два последних романса не заинтересовали даже русскую публику, и ни один из романсов Штрауса никогда не исполнялся за пределами России и Австрии²⁷.

Другим произведением, написанным Штраусом специально для концертного исполнения, была его первая оркестровая фантазия «Perpetuum mobile», соч. 257 (1861). Ее первое и единственное исполнение состоялось в Вене, а измененная версия прозвучала в Павловске, где была восторженно встречена публикой²⁸. Интересно, что Йозеф Штраус, замещавший своего брата во второй половине сезона 1862 г., написал по этому случаю сходное сочинение, озаглавленное «Allegro fantastique»²⁹. Это можно считать свидетельством того, что местная публика любила такого рода музыку.

Помимо различий в репертуаре между Веной и Санкт-Петербургом, не меньший интерес представляет вопрос о влиянии русской музыки на Штрауса. Восприятие иноземных музыкальных идиом может осуществляться на трех разных уровнях³⁰. На наиболее простом уровне происходит простое приспособление народных мотивов к исполнению на фортепьяно, но этот способ не подходит для сочинения симфонической и танцевальной музыки. Следующий шаг — это создание самостоятельного произведения с использованием и развитием народных мелодий. В этой манере Штраус в Вене в 1849 г. аранжировал «Николаевскую кадрили» («Nikolai-Quadrille»), соч. 65, возможно, опиралась на собрание русских народных песен Н.А. Львова и Я.Б. Прача и на популярные романсы русских композиторов первой половины XIX в.³¹ Во время пребывания Штрауса в России родились новые произведения, например кадрили «Стрельна» («Strelna-Terassen-Quadrille»), соч. 185 (1857), кадрили «Санкт-Петербург» соч. 255 (1861) и кадрили «Славянка», соч. 338 (1869). Но русские народные темы звучат не только в кадрилях, хотя этот танец, с его разнообразной ритмикой, казалось бы, как нельзя лучше подходил для данной цели. Штраус применил этот метод в попури «В честь русской публики» («Hommage a publique Russe», 1864), а также включил русские напевы в мазурку «Фиалка», в вальс «Великая княгиня Александра», соч. 181 (1956) и в марш «Князь Барятинский», соч. 212 (1858).

Сходным же образом Штраус аранжировал народную музыку других стран и мелодии популярных опер. В этом контексте особый интерес представляет трио из «Персидского марша», соч. 289 (1864),

поскольку в нем Штраус заимствовал мелодию из оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила»³². Глинка в свою очередь узнал эту мелодию от персидского принца Хозрев-мирзы³³. Круг замкнулся, когда мелодия «Персидского марша», дополненная словами, восхваляющими шаха, превратилась в иранский национальный гимн³⁴.

Высший уровень сублимации иностранной музыкальной идиоматики достигается в оригинальных произведениях, когда композитор воспроизводит стилистические черты самих национальных музыкальных языков. Творчество Штрауса дает немало примеров следования этому методу, хотя в ряде случаев могут быть обнаружены прообразы произведений, ранее считавшихся оригинальными. К характерным чертам русской музыки относятся преобладание минорного лада, ладовая переменность, использование терцовых соотношений и построение мелодий с опорой на пятую и шестую ступени лада. Не только композиторы «Могучей кучки» но и те, кто, подобно А.Г. Рубинштейну и П.И. Чайковскому, испытал на себе воздействие Запада, обращались к этим элементам, когда хотели воссоздать сельскую атмосферу³⁵.

Точно так же поступал Штраус в своих «русских» сочинениях. Среди прочего к ним относятся вышеупомянутые романсы, французская полька «Незнакомка», полька «Ольга», соч. 196 (1857), французская полька «Александрина», соч. 198 (1857), быстрая полька «Нико» и полька-мазурка «Чертенок» («Der Kobold»), соч. 226 (1859). Элементы русской музыки, правда, менее ярко выраженные, могут быть обнаружены в некоторых вальсах Штрауса, сочиненных в Павловске. Русские как бы чувствовали, что в случае с вальсом нельзя забывать о его иноземном происхождении, но другие танцы вполне могли быть «русифицированы». Это объясняет, почему Штраус решил, что вальсы можно импортировать в Павловск прямо из Вены, тогда как значительную часть произведений других жанров нужно было написать в стиле, адаптированном к русским условиям.

Понятно, что Штраус не только исполнял свои венские сочинения в Павловске, но и представлял на суд венской публики свои русские сочинения. Что касается восприятия этих произведений его соотечественниками, все сказанное выше о романсах в более широком контексте может быть отнесено ко всему «русскому» творчеству Штрауса. Вне России влияние русской музыки скорее замедляло, чем ускоряло успех его произведений. К такому выводу можно прийти, изучив распространения сочинений Штрауса по всему миру начиная с 60-х годов XIX в.: тиражи росли в случае венских сочинений, но

уменьшались в случае русских работ ³⁶.

В отличие от своей инструментальной музыки, которую Штраус пропагандировал в России путем собственного исполнения, он, казалось, не проявлял большого интереса к судьбе других своих сочинений в России. А ведь именно Санкт-Петербург проложил дорогу его опереттам задолго до того, как сам композитор проявил интерес к сочинению музыки для сцены. С 1853 по 1856 г., еще до того как Штраус приехал в этот город, в Петербурге шли водевили на французском языке, в которых сочинения Штрауса использовались в качестве увертюры ³⁷. По крайней мере однажды инструментальное сочинение Штрауса было даже использовано как вокальный номер, текст для которого автор либретто водевиля приспособил под музыку.

Неизвестно, знал ли Штраус об этих постановках, и если знал, давал ли свое согласие. По крайней мере у композитора была возможность видеть некоторые из них осенью 1856 г., которую, после закрытия сезона в Павловске, он провел в Санкт-Петербурге. Принимая это во внимание, нельзя не удивляться, что возмутительное использование музыки Штрауса в петербургских постановках водевилей резко прекратилось после 1856 г. Приложил ли Штраус к этому руку?

В 1869 г. метод сочинения слов на уже существующую мелодию танца или марша был снова использован Штраусом в бурлеске «В Египет» («Nach Egypten») шедшем на венской сцене. На этот раз уже с ведома и согласия композитора. В это время Штраус всерьез задумался о том, чтобы начать сочинять оперетты, и этот опыт должен был убедить его в том, что он в состоянии это сделать, даже не имея сценического опыта, опираясь исключительно на свои силы как композитора, сочиняющего инструментальную музыку ³⁸.

Первая оперетта (в полном смысле этого слова), поставленная в России, попала в страну не из Вены, а из Парижа. Это была адаптация первой оперетты Штрауса «Индиго и сорок разбойников» («Indigo und die vierzig Räuber», 1871), шедшая в Петербурге в сокращенном варианте под заголовком «Королева Индиго» (1875). За время жизни Штрауса аранжировщики неоднократно вносили в оперетту изменения. Такая судьба постигла и многие другие оперетты Штрауса ³⁹. С другой стороны, во всем, что касалось декораций и костюмов, русские постановщики опирались на оригинальную венскую версию. Достаточно сравнить эскизы к «Веселой войне» (1881 – 82) ⁴⁰ и фотографии «Цыганского барона» (1885 – 1886) ⁴¹.

История постановки «Цыганского барона» в России служит

прекрасным примером того, как личная поддержка композитора может повлиять на успех постановки. В 1886 г., во многом по чистой случайности, Штраус дирижировал этой — в то время своей последней — постановкой, в Михайловском театре в Санкт-Петербурге. Это был единственный раз, когда он дирижировал своей сценической работой в России⁴². Оперетта получила живой отклик в прессе и в течение нескольких месяцев была поставлена в различных театрах Петербурга и Москвы. Ни одна из оперетт Штрауса не получала в России столь быстрого распространения.

С другой стороны, некоторые из сценических произведений Штрауса никогда не ставились в России. В случае с «*Simplicius*» все упиралось в строгость российской цензуры⁴³. «Князь Мафусаил» не однажды запрещался властями, после того как оперетта неоднократно переделывалась и отправлялась цензорам. Правда, она все-таки была неофициально поставлена в частном театре «Парадиз» в Москве (1884)⁴⁴. Принимая в расчет эти трудности, можно предположить, что по крайней мере некоторые из видоизмененных в России оперетт Штрауса были переделаны не во имя искусства, а ради того, чтобы удовлетворить цензуру.

¹ Подробнее см.: Katalog zur Ausstellung «Johann Strauss in Russland». Tutzing, 1995; Die Fledermaus: Mitteilungen des Wiener Instituts für Strauss-Forschung. Wien; Tutzing, 1990 и последующие годы; Strauss-Elementar-Verzeichnis: thematisch-bibliographischer Katalog der Werke von Johann Strauss (Sohn). Tutzing, 1990 и последующие годы (далее: SEV).

² См., напр.: Русское слово. 1860. № 7.

³ Финдейзен Н.Ф. Павловский музыкальный вокзал. СПб., 1912; Розанов А.С. Музыкальный Павловск. Л., 1978.

⁴ Сохранились два письма руководства Царскосельской железнодорожной компании к И. Штраусу (19.VIII. 1838, 27.VII. 1839) и черновик ответа Штрауса (без даты, возможно апрель 1840 г.), хранящиеся в Gesellschaft der Musikfreunde в Вене.

⁵ Розанов А.С. Указ. соч.

⁶ Письмо И. Штрауса Карлу Хаслингеру (май 1857 г.); хранится в Венской городской библиотеке, полка № H.I.N. 41.253.

⁷ Письмо И. Штрауса к Иоганну Промбергеру от 6.II. 1856: хранится в Венской городской библиотеке, полка № H.I.N. 121.946; см. также различные газетные статьи за 1856 г.

⁸ Северная пчела. 19.V. 1856. № 112.

⁹ Zimmermann F.A. et al. Sämtliche Programme in Vauxhall zu Pawlowsk im

Jahr 1856 (рукопись). Хранится в Венской городской библиотеке, полка № Ja 40.433.

¹⁰ Это подтверждают многочисленные статьи в газетах за 1856 г.

¹¹ См. контракт между Царскосельской железнооружной компанией и И. Штраусом от 23.XI. 1856. Хранится в Венской городской библиотеке, полка № H.I.N. 201.900 (фотокопия; оригинал утерян).

¹² Wiener Neuigkeitsblatt. 12.III. 1857.

¹³ См., напр.: Музыкальный свет. 1867. № 6; Иллюстрация. 14.VII. 1860. № 127.

¹⁴ См. Контракт (сноска 11).

¹⁵ Письмо И. Штрауса к Карлу Хаслингеру, без даты (начало августа 1867 г.); хранится в Венской городской библиотеке, полка № H.I.N. 41.255.

¹⁶ Например, такого мнения придерживался А.Н. Серов. См.: Музыкальный и театральный вестник. 18.III. 1856.

¹⁷ См., напр.: Северная пчела. 14.V. 1860.

¹⁸ Эти события 9 июля 1860 г. широко комментировались в газетных статьях и фельетонах.

¹⁹ Иллюстрация. 14.VII. 1860. № 127.

²⁰ Санктпетербургские ведомости. 20.VII. 1860. № 158.

²¹ См.: *Würzl E. Russische Dokumente über Tschaikowskis Beziehungen zu Johann und Eduard Strauss // Jahrbuch des Vereins für Geschichte der Stadt Wien. Bd. 46. Wien, 1990.*

²² SEV (см. сноску 1)

²³ См.: *Zimmermann F.A. et al. Op.cit.*

²⁴ Первое издание: Карл Хаслингер, стереотип № С.Н. 12,552.

²⁵ Для Павловска см.: *Zimmermann et al. Op.cit.* Для Вены см.: *Rubey N. Abschieds Rufe. Eine Widmung von Johann Strauss (Sohn) an Franz List // Die Fledermaus. Bd. 6. Tutzing, 1993 S. 71.*

²⁶ *Zimmermann et al. Op. cit.*

²⁷ *Aigner T. Johann Strauss (Sohn): Romanzen für Pawlowsk // Die Fledermaus. Bd. 6. Tutzing, 1993. S. 84.*

²⁸ *Rubey N. Zwei Fassungen des Perpetuum mobile von Johann Strauss (Sohn) // Die Fledermaus. Bd. 9 – 10. Tutzing, 1995. S. 99.*

²⁹ Рукописная копия оркестровки хранится в Санкт-Петербургской филармонической библиотеке, инвентарный номер 1007.

³⁰ *Друскин М.С. Советская фортепианная музыка // Советская музыка. 1941. № 1.*

³¹ *Kopytova G., Aigner T. Russische Volksmelodien bei Rossini und Strauss // Die Fledermaus. Bd. 9 – 10. Tutzing, 1995. S. 89.*

³² *Aigner T. Zum "Persischen" Marsch von Johann Strauss // Die Fledermaus. Bd. 6. Tutzing, 1933. S. 102.*

³³ *Redepenning D.* Geschichte der russischen und der sowjetischen Musik. Bd. 1. Laaber, 1994. S. 87.

³⁴ Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

³⁵ *Crittenden C.* Der russische Einfluss in den Werken von Johann Strauss (Sohn) // *Die Fledermaus*. Bd. 6. Tutzing, 1993. S. 37.

³⁶ SEV (см. сноску 2).

³⁷ Рукописные копии партитур хранятся в музыкальном архиве Мариинского театра в Санкт-Петербурге.

³⁸ *Sommer I.* Johann Strauss — Experimente auf dem Weg zur Operetten-Komposition // *Die Fledermaus*. Bd. 9 – 10. Tutzing, 1995. S. 128.

³⁹ *Aigner T.* Russische Quellen zu “Indigo” // *Die Fledermaus*. Bd. 7-8. Tutzing, 1994. S. 125.

⁴⁰ Театральная колекция Австрийской национальной библиотеки (Вена) и Санкт-Петербургской театральной библиотеки, полка № 817 Р.О.

⁴¹ Театральная колекция Австрийской Национальной библиотеки (Вена); Театральный альбом в сценах и снимках (приз журнала “Стрекоза”, 1892)

⁴² *Nikolayev R.* Johann Strauss im St. Perersburger Michael-Theater // *Die Fledermaus*. Bd. 9 – 10. Tutzing, 1995. S. 133.

⁴³ Государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Фонд 776. Папка 26. Дело 8. Л. 121 (1889).

⁴⁴ Государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Фонд 776. Папка 2. Дело 22. Л. 324 (1882); Фонд 776. Папка 26. Дело 9. Л. 187 (1890)

Перевели с английского О. В. Хаванова, В. Н. Ерохин

ГУСТАВ КЛИМТ И РУССКИЙ МОДЕРН

Густав Климт (1862 – 1918) — один из ведущих мастеров венского модерна — не мог не заинтересовать и, действительно, заинтересовал представителей этого стиля в России. Тем не менее проблема «Климт и русский модерн» до сих пор не стала предметом специального внимания наших специалистов, занимающихся художественной жизнью России конца XIX — начала XX вв. Поставить эту проблему в данном случае и является нашей целью.

Можно с полным правом говорить, что влияние Г. Климта на ряд русских художников эпохи модерна в определенной мере было подготовлено творчеством М. А. Врубеля (1856 – 1910), который в целом ряде своих произведений решал близкие австрийскому художнику пластические задачи, причем русский мастер начал делать это еще до перехода Климта к «новому стилю». На близость работ Г. Климта и М. А. Врубеля впервые обратил внимание Д. В. Сарабьянов в своей книге «Русская живопись XIX века среди европейских школ» (1980), поместив в иллюстративной части для сравнения рядом с врубелевским портретом Н. И. Забелы (1898) климтовский портрет А. Блок-Бауэр (1907)¹. Однако сопоставление этих двух картин не нашло отражения в тексте исследования. Видимо, не без влияния труда Сарабьянова специальную статью о Врубеле и Климте опубликовал американский ученый Джеймс Кёртис, уже в тексте акцентировав близость некоторых портретов Врубеля и Климта². Тем не менее, будучи историком, а не искусствоведом, Кёртис не провел художественного анализа манеры обоих живописцев, хотя как раз такой анализ позволяет выявить у них близкие принципы построения образа.

Уже в ранней акварели Врубеля «Восточная сказка» (1886) обращает на себя внимание калейдоскопичность форм и красок, с которой художник изображает экзотические ткани в шатре, причем декоративные узоры в них складываются в некие подобию человеческих фигур или органических существ. А среди этой сложной игры фантастических арабесок художник с академической тщательностью пишет лица главных персонажей, то, к чему придет Климт уже в начале XX в. Кстати, указанный прием Врубель использует и в ряде иллюстраций к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» (1890 – 1891). Совершенно поражает и некоторая схожесть типажей в ряде произведений Врубеля и Климта, удивительная, если учесть, что оба художника не име-

ли представления друг о друге. Так, лицо человека в профиль из декоративного панно «Венеция» (1893) (фигура в правой части полотна) чрезвычайно похоже на профильное изображение мужчины в картине Климта «Любовь» (1895), одной из первых символистских работ этого мастера. Следует сказать, что данный персонаж весьма напоминает и Гамлета из картины Врубеля «Гамлет и Офелия» (1888).

Такая близость персонажей может быть объяснена устремлениями эпохи к возрождению высокого романтического начала в искусстве, а также тем, что оба художника во многом пытались построить свое творчество на основе переработки некоторых традиций позднеакадемической живописи, у представителей которой можно встретить подобные типажи в духе Ренессанса. Но и Врубель, и Климт переняли у них и увлечение декоративной стороной образов. Русский мастер, в частности, под влиянием своего академического педагога П. П. Чистякова, с этой точки зрения увлекался приемами испанского живописца М. Фортунни, а его венский коллега воспринял декоративность от Х. Макарта, у которого он непосредственно учился. В этой связи хотелось бы заметить, что позднеакадемическое искусство давно нуждается в переоценке, в нем присутствовали не только черты салона, но и готовились предпосылки к появлению «нового стиля», модерна, ведь «поздние академисты» считали себя носителями «вечных ценностей», прежде всего «чистой» красоты, противопоставленной утилитарным задачам, которые выдвигались на первый план художниками критического реализма. Модерн же, как известно, ставил задачи преобразования жизни средствами красоты. «*Il vero nel bello*» (истина в красоте) было девизом Врубеля³, но под ним мог бы подписаться и Климт. В силу этого их и привлекала декоративность, но они искали в ней не только средство создавать картины, улаживающие глаз, что было в большой мере характерно и для Фортунни, и для Макарта, а через орнаментальность форм наполняли образ скрытым смыслом, делали его глубоко символическим. Надо сказать, что это качество Климт и Врубель нашли в раннехристианском и византийском искусстве, ведь оба они увлекались мозаикой, австрийский мастер — равеннской, русский — той, которой были украшены соборы Венеции и Торчелло. К тому же обоим были близки философские взгляды на художественное творчество А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

Однако орнаментальные формы Климта исполнены эротических аллюзий, то, что в какой-то мере можно отыскать лишь в поздних рисунках Врубеля, в период его тяжелой психической болезни. В целом же сложная ковровая орнаментика фонов врубелевских произве-

дений должна создавать ощущение фантастичности и сказочности среды. Но поскольку это есть и у Климта, безусловно следует говорить о родственности исканий обоих художников, обусловленной целями и задачами, которые они выдвигали как представители модерна, прежде всего их намеренным стремлением создать в своих произведениях мир, подчеркнуто эстетизированный и в своей утонченной красоте противопоставленный прозе жизни.

О непосредственном влиянии Климта на русское искусство можно говорить на примере творчества Александра Яковлевича Головина (1863 – 1930), который в отличие от Врубеля живо интересовался современным западноевропейским искусством и, конечно, был знаком с деятельностью венского «Сецессиона». В книге о художнике ее автор, М. Н. Пожарская, совершенно справедливо обратила внимание на то, что в его портретах «контраст объемно-моделированного человеческого лица с декоративной плоскостью фона заставляет вспомнить работы современника Головина, ведущего мастера венского „Сецессиона“ Густава Климта... И в ранних работах Головина можно обнаружить орнаменты до крайности схожие с теми, что украшают полотна Климта»⁴. В приложении к монографии Пожарская в репродукциях сопоставила портрет М. В. Воейковой (1905) работы Головина с портретом Сони Книпис (1898) Климта, сходство которых действительно налицо.

Если учесть, что Головин формировался под сильным воздействием Врубеля, вместе с которым он украшал майоликовыми панно гостиницу «Метрополь» (1898), то можно сделать вывод, что и искусство Климта должно было увлечь русского художника.

Влияние Климта на Головина достаточно определенно выступает в серии испанок, своеобразных театрализованных головинских портретов. Если сравнить некоторые из них с работами Климта, то бросаются в глаза даже колористические аналогии. Так, разработка зелено-синей гаммы, доминирующей в картинах «Испанка» (1902), «Испанка в зеленом» (1906 – 1907), «Испанка с букетом желтых цветов» (1907 – 1908) напоминает цветовой решение «Русалки» (ок. 1899 г.) Климта. Именно этот колорит позволяет обоим мастерам передать ощущение некой таинственности и загадочности в изображенных персонажах. Более того, в «Испанке» 1902 г. есть попытка создать образ «роковой женщины», что так созвучно климтовским «Русалкам». А волнообразные линии, господствующие в очертаниях фигур в данных произведениях Головина и Климта, передают скрытые витальные силы. Вместе с тем, как и Врубель в большинстве своих

произведений, Головин не стремится к выражению темного эротического начала. В его «Испанках» нет того погружения в подсознательное, которое почти всегда проявляет себя в зрелом творчестве Климта, увлекавшегося учением З. Фрейда.

Это же в полной мере относится к образам женщин на заказных портретах Головина, таких, например, как «Портрет балерины Е. А. Смирновой» (1910), где разработка зеленого также похожа на колорит «Русалок» Климта. Балерина в данном произведении запечатлена на фоне театральной декорации — горного пейзажа, который решен как текущий узор из мозаично нанесенных серебристых пятен. В их вибрации, подвижности проявляется желание художника передать при отсутствии иллюзорной глубины бесконечную пространственность, превращающую плоскую декорацию в часть какого-то космического мира. Но ведь подобным образом решал фоны своих картин и Климт, в которых благодаря такой трактовке среды изображаемое переносится в «неземную атмосферу»⁵.

Также как Врубель, Климт и другие представители стиля модерн, Головин считал самым совершенным из искусств музыку. Венгерский искусствовед И. Сармани-Парсонс в своей книге о Климте справедливо подчеркнула, что «многие картины модерна вдохновлялись музыкой, она играла важную роль в эстетике конца XIX в.»⁶. И в начале XX столетия, добавим мы. Непосредственно теме музыки австрийский мастер посвятил произведения «Музыка» (1895), «Шуберт за фортепьяно» (1899), «Бетховенский фриз» (1902), в которых цветовыми и линейными ритмами, вспышками света, рождающегося из тьмы, пытался вызвать чисто звуковые ассоциации у зрителя, создавая тем самым «музыкальную живопись». Почти у всех крупных мастеров модерна мы можем встретить подобные устремления, выражающие желание представителей художественной культуры рубежа веков добиться синтеза различных видов искусства.

Колористические сочетания у Головина — это зачастую нечто близкое музыкальным созвучиям. И здесь русский художник оказывается снова близким Климту. Но в данном случае эта близость не столько результат влияния одного мастера на другого, сколько свидетельство принадлежности их к одной эпохе. Другое дело, что Головин мог вдохновиться климтовской декоративной калейдоскопичностью, когда в решении декораций к музыкальным спектаклям пытался в красках найти соответствие мелодии, звучащей на сцене. Тогда искусство Климта становилось как бы «подсказкой» для создания зрелища, в котором чисто декоративные узоры складывались в столь сложные

по ритмической организации орнаменты, что действительно становились похожи на «неизобразительные» музыкальные композиции (декорации к опере А. Н. Корещенко «Волшебное зеркало», 1903; декорации к балету И. Ф. Стравинского «Жар-птица», 1910; декорации к опере К. В. Глюка «Орфей и Эвридика», 1911 и др.). Причем в декорациях Головина с их остро найденной символикой цветовых сочетаний порой звучала усиленно разрабатываемая Климтом тема Эроса и Танатоса (декорации к «Орфею и Эвридике»), не свойственная станковому творчеству русского художника.

С 1908 г. Головин стал увлекаться созданием декоративно решенных пейзажей. Некоторые его работы подобного рода превращают уголки природы в прихотливый узор, составленный из веток деревьев, четко прорисованных очертаний листвы, травы, где выделены контуры каждого растения. Исследователи русского искусства усматривали в подобных произведениях влияние Е. Д. Поленовой, с которой был очень дружен художник, и М. В. Якунчиковой, применявшей в целях большей выразительности контура выжигание, подчеркивавшее плоскостность изображения ⁷.

Все это так, но несомненно, что на характер пейзажных работ Головина повлияли и произведения в этом жанре Климта, над которыми он стал усиленно трудиться с 1902 г. Оба художника не вводят в свои изображения природы человеческих фигур, у обоих, как правило, используется очень высокий горизонт. «Густой, словно занавес, узор из параллельных стволов в чаще леса создает определенный ритм, который может продолжаться вечно. Деревья и листва производят впечатление не имеющего границ пространства» ⁸. Эти слова, характеризующие пейзажи Климта, вполне относимы и к пейзажам Головина («Пруд в чаще», 1909; «Пейзаж. Павловск», 1910; «Пейзаж с голубым павильоном. Вид в парке», 1910; «Болотная заросль», 1917; «Осень», 1920-е годы). Следует подчеркнуть, что три из названных работ Головина имеют квадратный формат или тяготеют к квадрату. Как известно, данный формат наиболее соответствует передаче состояния покоя. К нему стремился в своих пейзажных образах Климт. Кроме того, в такого рода пейзажах можно было трактовать казалось бы камерный мотив как часть большого целого, ведь квадратный формат позволяет представить изображаемое фрагментом огромного мира, выразить «безграничное в малом» ⁹. Совершенно справедливо И. Сармани-Парсонс указала на то, что «в отличие от французских импрессионистов Климта интересовало не просто зрелище природы, но ее скрытая суть, принцип непрерывности как элемент жизни — особен-

но это заметно в лесных пейзажах»¹⁰. Но это присутствует и в изображениях садов и полей венского мастера («Крестьянский сад», 1905; «Крестьянский сад с подсолнухом», 1905; «Поле маков», 1907), где Йоханнес Добай увидел «синтез декоративного впечатления и космического ощущения жизни, запечатленной во фрагменте бесконечности»¹¹.

И у Головина в перечисленных пейзажах мир осмысливается как бесконечность, частицей которой воспринимается изображенный мотив. Как и Климт, он не стремится к импрессионистической иллюзорности, несмотря на то, что пишет все мелким, почти пуантилистическим мазком (здесь следует указать на близкую манеру пейзажей Климта). Но этот мазок не разрушает декоративной плоскостности целого.

Итак, концепция пейзажного образа, способ его композиционной организации у обоих художников настолько близки, что безусловно позволяют говорить о воздействии Климта на Головина, ведь австрийский живописец первым пришел к такому решению пейзажа. Другое дело, что русский мастер не хотел и не стал подражателем Климта. Так, излюбленной техникой Головина была клеевая темпера, а не масло, от которого Климт в пейзажах практически не отказывался. Своей матовой поверхностью темпера позволяла Головину добиваться большей лиричности настроения, ощущения среды, воздуха при сохранении декоративной плоскостности. И в результате пейзажи Головина в большей мере, чем у Климта, воспринимаются как некий гармоничный «Парадиз», мир, приподнятый над трезвой повседневностью.

Василий Дмитриевич Милиоти (1875 – 1943) принадлежал к более молодому поколению художников-символистов, представителей стиля модерн, нежели Врубель и Головин. К сожалению, творчество этого мастера до недавнего времени не было в поле зрения российских историков искусства, а между тем именно В. Милиоти во многом определил позднюю фазу русского модерна и символизма в живописи и графике, будучи активным участником выставки «Голубая роза» (1907) и теоретиком «голуборозовского» движения.

На арене художественной жизни Милиоти впервые со своими работами выступил в 1905 г., показав на выставке Московского товарищества художников два декоративных мотива. Вслед за этими произведениями в 1906 г. он создает небольшие живописные вещи «Сказку», «Терем», «Легенду», «Наль и Дамаанти». В них Милиоти продемонстрировал преемственность своего искусства от Врубеля, используя кристаллически-мозаичные формы, которые образуют сказочную среду, куда мастер помещает человеческие фигурки в причудливых фантастических одеждах. Но декоративные арабески фонов этих работ Милио-

ти безусловно обязаны и искусству Головина и Климта. С последним русского художника роднит также его манера писать лица изображенных персонажей, тщательная, гладкая в отличие от антуража. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить уже упомянутое произведение Милиоти «Наль и Дамаанти» по поэме В. А. Жуковского с «Бетховенским фризом» (1902) венского мастера. Конечно, «Наль и Дамаанти» всего лишь миниатюра, которую Милиоти использовал как фронтиспис к символистскому журналу «Весы» (1906, № 9), а «Бетховенский фриз» — монументально-декоративное панно. Но, если взглянуть в то, как тракуются изображения людей обоими художниками, обнаруживается явное сходство. Помимо живописи лиц, В. Милиоти подобно Климту деформирует пропорции фигур, подчиняя их единому причудливому ритму. А лица их столь же загадочны, как и в панно Климта, они манят, притягивают и одновременно пугают зрителя своей тайной, каким-то мистическим неподвижным выражением. Фон же этой работы, равно как и многих других произведений Милиоти, составлен из чередующихся орнаментализированных полосок чистого цвета, изгибающихся, образующих плавно текущие волнистые формы, переходящие с одежд фигур к розам, утопающим в зелени. В декоративном сопоставлении этих красочных полос видна попытка опереться на традиции Врубеля (вспомним «Восточную сказку»), соединив их с влиянием лидера венского «Сецессиона».

Заметим, что орнаментальные фоны работ Милиоти часто оживают. Так, ткани, драпировки, которыми художник заполняет их не только в живописных, но и графических произведениях, порой трансформируются в фантастические, inferнальные существа, что тоже почерпнуто у Климта. Вслед за австрийским мастером Милиоти этим приемом воплощает идею об изменчивости и неоднозначности сущего, о роли подсознательного и иррационального в человеческой жизни (обложка к журналу «Весы», 1906, № 9; заглавный лист к произведениям художников на тему «Дьявол» для журнала «Золотое руно», 1907, № 1).

В определенной мере Милиоти заимствует у Климта и тему «Эрос и Танатос», наглядно демонстрируя ее в гуаши «Дон Жуан и смерть» (1929).

Интересно отметить, что и в 1920-е, и в 1930-е годы, когда символизм и модерн отодвинулись в прошлое, Милиоти остался верен тому, что питало его творчество в начале века, в том числе и климтовской традиции. Будучи насильственно выключенным из официальной художественной жизни нашей страны, так как его искусство не вписывалось в нормативы соцреализма, вынужденный зарабатывать на жизнь

отнюдь не трудом художника, мастер тем не менее для себя продолжал создавать композиции символистского плана, где оттолки искусства Климта продолжали выступать достаточно отчетливо. Именно они позволили художнику убедительно передавать фантастические метаморфозы, превращения в произведениях на сказочные темы (гуашь «Мертвая царевна», 1929), строить свой утонченный романтический мир («В гроте», 1931; гуаши «Из „Тысячи и одной ночи“», 1930-е годы; «Медитация», 1933). Правда, в этих работах, как и у Головина, нет климтовской чувственной эротики, мир Милиоти более хрупок, более отстранен, но декоративная изощренность, соединенная с размышлениями о вечности красоты, погруженность в «золотую мечту эстетизма»¹² свидетельствуют, что наследие Климта, как и наследие русских мастеров эпохи символизма и модерна, давало возможность художнику противостоять трагическим коллизиям времени и сохранить себя.

В заключение хотелось бы сказать, что влияние Г. Климта на русское искусство не исчерпывается творчеством А. Я. Головина и В. Д. Милиоти, хотя в их произведениях оно проявляется с наибольшей очевидностью. Его можно усмотреть и в работах В. И. Денисова, Н. К. Калмакова, практически не изученных на родине мастеров начала XX в. Думается, что при внимательном рассмотрении наследия и некоторых других русских художников-символистов оно может быть выявлено. Однако это уже предмет специального исследования.

¹ Сарабянов Д. В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980. Илл. 125 – 126.

² Curtis J. M. Vrubel and Klimt, Moscow and Vienna // New perspectives on Russian and Soviet artistic culture / Ed. by J. O. Norman. N. Y., 1994. P. 54 – 61.

³ Суздалев П. К. Врубель. Личность. Мировоззрение. Метод. М., 1984. С. 138.

⁴ Пожарская М. Н. Александр Головин. М., 1990. С. 37.

⁵ Выражение взято из статьи М. Бизанц-Праккен «Густав Климт» в каталоге выставки «Вена на заре XX столетия». Вена, 1990. С. 22.

⁶ Сармани-Парсонс И. Густав Климт. М., 1995. С. 29.

⁷ См.: Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж конца XIX — начала XX века. М., 1974. С. 21 – 24.

⁸ Сармани-Парсонс И. Указ. соч. С. 65.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Цит. по: Сармани-Парсонс И. Указ. соч. С. 73.

¹² Там же. С. 98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айгнер Томас (Австрия) — доктор, научный сотрудник Венского Института по изучению творчества Иоганна Штрауса

Айрапетов Арутюн Гургенович (Россия) — к.и.н., зав. кафедрой новой истории Тамбовского Государственного Университета им. Г. Р. Державина

Белоусова Вера Михайловна (Россия) — к.ф.н., докторант Института мировой литературы РАН

Вагапова Наталия Михайловна (Россия) — к.ф.н., старш. научн. сотрудник отдела искусства стран Центральной Европы Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ

Величко Ольга Ивановна (Россия) — к.и.н., старш. научн. сотрудник Института сравнительной политологии РАН

Гусев Юрий Павлович (Россия) — д.ф.н., ведущ. научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН

Добржанский Александр Владимирович (Украина) — к.и.н., доцент кафедры истории Украины Черновицкого государственного университета им. Ю. А. Федьковича

Егорова Валерия Николаевна (Россия) — к. иск-вед., старш. научн. сотрудник отдела искусства стран Центральной Европы Государственного Института искусствознания Министерства культуры РФ

Зигль Вальтер (Австрия) — доктор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ

Ильина Галина Яковлевна (Россия) — д.ф.н., ведущ. научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН

Исламов Тофик Муслим оглы (Россия) — д.и.н., ведущ. научн. сотрудник, зав. научным центром по изучению истории Австрии и Венгрии Института славяноведения и балканистики РАН

Киселев Михаил Федорович (Россия) — д. иск-вед., проф., зав. кафедрой теории и истории искусства Московского Государственного Академического художественного института им. В. И. Сурикова;

Кузьмичева Людмила Васильевна (Россия) — к.и.н., доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Маринелли-Кениг Гертгауд (Австрия) — доктор, сотрудник Комиссии по литературоведению Австрийской Академии наук

Марьянович Петар (Югославия) — доктор иск-вед., проф. факультета драматического искусства Белградской Театральной Академии

Масленикова Елена Николаевна (Россия) — к.ф.н., старш. научн.

- сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Миллер Алексей Ильич (Россия) — к.и.н., старш. научн. сотрудник
Института славяноведения и балканистики РАН, проф. историческо-
го факультета Центрально-Европейского Университета (Будапешт)
Миронова Наталия Михайловна (Россия) — к. иск-вед., научн. со-
трудник отдела искусства стран Центральной Европы Государствен-
ного Института искусствознания Министерства культуры РФ
Ненашева Зоя Сергеевна (Россия) — к.и.н., старш. научн. сотруд-
ник кафедры истории южных и западных славян исторического фа-
культета Московского государственного университета им. М. В. Ло-
моносова
Павленко Ольга Вячеславовна (Россия) — к.и.н., преподаватель
историко-филологического факультета Российского Государственно-
го Гуманитарного Университета
Попова Ирина Владимировна (Россия) — к.и.н., зав. отделом ис-
кусства стран Центральной Европы Государственного Института Ис-
кусствознания Министерства культуры РФ
Романенко Сергей Александрович (Россия) — к.и.н., старш. научн.
сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Рупник Антон (Словения) — Полномочный Министр Посольства
Республики Словения в РФ
Стыкалин Александр Сергеевич (Россия) — к.и.н., старш. научн.
сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Фалькович Светлана Михайловна (Россия) — д.и.н., ведущ. на-
учн. сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Федотова Валерия Николаевна (Россия) — к. иск-вед., научн. со-
трудник отдела искусства стран Центральной Европы Государствен-
ного Института искусствознания Министерства культуры РФ
Фисанов Владимир Петрович (Украина) — к.и.н., доцент кафедры
новой и новейшей истории Черновицкого государственного универ-
ситета им. Ю. А. Федьковича
Фрейдзон Владимир Израилевич (Россия) — д.и.н., ведущ. научн.
сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Фридман Михаил Владимирович (Россия) — д.ф.н., ведущ. научн.
сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН
Хаванова Ольга Владимировна (Россия) — к.и.н., научн. сотруд-
ник Института славяноведения и балканистики РАН
Ханак Петер (Венгрия) — академик Венгерской Академии наук,
проф., председатель Национального комитета венгерских историков
Хершак Эмил (Хорватия) — доктор, научн. сотрудник Института по

изучению миграционных и национальных процессов, главный редактор журнала «Migracijske Teme»

Чепелевская Татьяна Ивановна (Россия) — к.ф.н., научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН

Шведова Наталия Васильевна (Россия) — к.ф.н., научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН

СОДЕРЖАНИЕ

В. Зигль

ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ 6

**«ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ» ИЛИ «ТЮРЬМА
НАРОДОВ»? 9**

В. И. Фрейдзон

НЕ УВЛЕКАТЬСЯ КРАЙНОСТЯМИ 9

С. А. Романенко

**ОТ ГОСУДАРСТВА-РЕГИОНА К РЕГИОНУ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ. АВСТРО-ВЕНГРИЯ И
СРЕДНЯЯ ЕВРОПА 14**

Э. Хершак

ЭТНИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ 22
**(ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ
ПРИМЕРЫ СТРАН СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ) 1 22**

З. С. Ненашева

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕШСКИХ
ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. 34**

И. В. Попова

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА АВСТРИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В
ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ. ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX В. 44**

О. В. Павленко

**КОНЦЕПЦИЯ «НРАВСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ» В
ЧЕШСКОМ ДВИЖЕНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. 53**

А. И. Миллер

**ВНЕШНИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГАЛИЦИЙСКИХ
РУСИНОВ 68**

А. В. Добржанский

**«БУКОВИНИЗМ» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В АВСТРО-
ВЕНГРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 75**

А. Рупник

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЛОВЕНЦЕВ В РАМКАХ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ . 84**

Л. В. Кузьмичева

**НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕРБОВ
ВОЕВОДИНЫ В АВСТРО-ВЕНГРИИ ПОСЛЕ 1867 Г. 88**

**КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ АВСТРО-
ВЕНГРИИ 97**

П. Ханак

**ПОЧЕМУ FIN DE SIÈCLE? СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 97**

В. П. Фисанов

**ФЕНОМЕН АВСТРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В XX ВЕКЕ:
«ЭФФЕКТ ОТРАЖЕННОГО СВЕТА» 111**

О. И. Величко

**ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АВСТРО-ВЕНГРИИ 118**

Ю. П. Гусев

**ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ 125**

В.М. Белоусова

**К ВОПРОСУ О ВЕНГЕРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ГАБСБУРГСКОГО МИФА 134**

О. В. Хаванова

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В СОЗНА-
НИИ ВЕНГЕРСКОГО ОБЩЕСТВА 90-Х ГОДОВ XIX В. 1 142**

Е. Н. Масленникова

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНО- НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	151

А. Г. Айрапетов

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЙ МИР БУДАПЕШТСКОГО РАБОЧЕГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.	157

С. М. Фалькович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ ПОЛЯКОВ В ТРЕХ ЧАСТЯХ РАЗДЕЛЕННОЙ ПОЛЬШИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)	169

Н. М. Миронова

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРНЕЙ В ИСКУССТВЕ ГАЛИЦИИ РУБЕЖА XIX – XX ВВ.	178

М.В. Фридман

КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУМЫН В ПРЕДЕЛАХ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ РУМЫНИИ	186

Г. Я. Ильина

ВЕНГЕРСКИЕ СЮЖЕТЫ В РОМАНЕ ХОРВАТСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИРОСЛАВА КРЕЖИ «ЗНАМЕНА»	196

Т. И. Чепелевская

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЛОВЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ. (ТВОРЧЕСТВО ИВАНА ЦАНКАРА)	203

Н. В. Шведова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ XIX — НАЧАЛА XX В.	212

"DER ZEIT IHRE KUNST."	221

Н. М. Ваганова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ И КУЛЬТУРА АВСТРО-ВЕН- ГЕРСКИХ СЛАВЯН НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.	221

Л. Н. Титова

**ЯН ВАЦЛАВ КАУТСКИЙ. К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ
ЧЕШСКО-АВСТРИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУР-
НОЙ ЖИЗНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 227**

П. Марьянович

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОГО СЕРБСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В АВСТРИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ МОНАРХИИ
(СЕРБСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР, НОВИ-САД,
1861 – 1914) 232**

В.Н. Егорова

**ЧЕШСКАЯ МУЗЫКА И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
АВСТРО-ВЕНГРИИ.
ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЯ 237**

В. Н. Федотова

**КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ БОЛГАРИИ С НАРОДАМИ
АВСТРО-ВЕНГРИИ 244**

Т.М. Исламов

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ:
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
(КОНЕЦ XVIII — XIX ВВ.) 250**

О. В. Павленко

**РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ВЕНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.
ОБЗОР 264**

Г. Маринелли-Кёниг

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В ПОСЛЕДНИХ ПУБЛИКАЦИЯХ
АВСТРИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК 277**

А. С. Стыкалин

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОЗНАНИИ ВЕНГЕРСКОЙ
ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКИ ЭПОХИ ДУАЛИЗМА 280**

Т. Айгнер

ИОГАНН ШТРАУС В РОССИИ 291

М. Ф. Киселев

ГУСТАВ КЛИМТ И РУССКИЙ МОДЕРН 303

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 311

Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: ИСБ РАН, 1997. 318 с.

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано к печати 20.05.97

В сборнике представлены статьи отечественных и зарубежных историков, культурологов, литературоведов и историков искусства по проблемам социально-политического и культурного развития Австро-Венгерской монархии. Преодолевая односторонний взгляд на государство Габсбургов как «тюрьму народов», авторы показывают, как в результате многовекового совместного проживания в едином полиэтничном государстве народы Дунайской монархии не только приобретали горький опыт межнациональной розни, но и вырабатывали механизмы мирного сосуществования различных этносов, обогащали свою национальную культуру лучшими достижениями культур других народов.

ISBN 5-7576-0059-4

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997

© Коллектив авторов, 1997

